

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ширшов С. Р. <i>Основные показатели и детерминанты пенитенциарной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств</i>	3
Емельянов С. Н. <i>О неотложных мерах по повышению эффективности и качества подготовки научно-педагогических кадров в образовательных (научно-исследовательских) учреждениях, подведомственных ФСИН России</i>	6
Веселов М. И. <i>Проблема кадрового обеспечения оперативных отделов как фактор, влияющий на организацию оперативно-розыскной деятельности в женских колониях</i>	8
Добрынина М. Л. <i>Уголовно-исполнительная система Российской Федерации и права осужденных к лишению свободы в условиях глобализации</i>	11
Емельянова Е. В. <i>Формирование принципов правового регулирования труда осужденных</i>	16
Казаринова Л. В. <i>Прикладные аспекты производства допроса при расследовании преступлений пенитенциарной направленности</i>	21
Кузьмин С. И., Селезнева И. В. <i>Некоторые проблемы реализации осужденными своих прав в современных условиях</i>	26
Лукьянова И. М. <i>Отраслевая принадлежность норм об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей</i>	29
Рябых С. Б. <i>Меры поощрения и взыскания как средства обеспечения режима в воспитательных колониях ФСИН России</i>	36
Фатхуллин Р. Р., Самитов Э. О. <i>Информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ</i>	40
Чернышёва Д. В. <i>Общественно полезный труд – основа исправления осужденных, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы</i>	43

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Морозов В. М. <i>Правовое обеспечение антитеррористической деятельности в современном мире (к трехлетию принятия закона «О противодействии терроризму»)</i>	47
Абакумова О. А. <i>Общекриминологическое предупреждение налоговой преступности</i>	52
Абдрахманов Р. М. <i>Некоторые аспекты использования криминалистических экспертиз в расследовании хищений у юридических лиц путем подлога</i>	57
Ашин А. А., Аникина А. А. <i>Соотношение общих начал и принципов назначения наказания</i>	63
Бачернихина М. В. <i>Техника установления фактических обстоятельств как элемент единой системы юридической техники</i>	69
Бибик Д. О. <i>Проблемы выполнения указаний</i>	71
Дементьев Е. А. <i>Общетеоретические проблемы государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта</i>	74
Демидов М. В. <i>Конституционно-правовые основы и организация деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации</i>	79
Замылин Е. И. <i>Социально-правовая природа безопасности в уголовном судопроизводстве</i>	86

Илиджев А. А.	
Правовое регулирование дифференциации наказания за соучастие в преступлении по УК РФ	95
Кивленок Т. В.	
Некоторые виды атипичных правовых актов	99
Киреева Е. А.	
Учет этногенных факторов при реализации института понятий в уголовном процессе России	103
Ковалев В. Н.	
Характеристика сбытчиков наркотических средств и ее учет при организации взаимодействия следователя и оперативных сотрудников	106
Куркина И. Н.	
Работорговец как антисоциальное явление, характеризующее международную преступность XXI века	109
Лазарева Л. В.	
Возможности судебной экспертизы в защите по уголовным делам	113
Мартыненко Э. В.	
Нормативно-правовая модель конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера	116
Рабчук В. Н.	
Тенденции современного терроризма как социального явления	124
Рузевич О. Р.	
Назначение наказания за преступления против собственности, совершаемые путем угрозы (судебная пенализация)	126
Свинарева Е. А.	
Прикосновенность к преступлению	137
Софронов В. Н., Павличенко Н. В.	
Проблемы выявления лиц, совершающих преступления против собственности	142
Стахова Т. С.	
Персональные данные сотрудника ОВД: проблемы правового регулирования	145
Ткачук Т. А.	
Роль оперативной обстановки в раскрытии преступлений по горячим следам	149
Шеметилло В. А.	
Повышение эффективности судебной системы, обеспечение открытости и доступности судебной системы гражданам Российской Федерации путем информатизации судов, внедрения Государственной автоматизированной системы «Правосудие»	154
Шеслер А. В.	
Влияние глобализации на организованную преступность	157
Юсупова З. Г.	
Некоторые аспекты реализации правосубъектности унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения	164

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Богданов М. А.	
Институт условно-досрочного освобождения по законодательству дореволюционной России: теоретический и историко-правовой аспекты	168
Маркина О. В.	
Эффективность системы подготовки юридических кадров в дореволюционной России	173
Пертли Л. Ф.	
Правовые основы медико-санитарного обеспечения заключенных в дореволюционной России (1831–1917 гг.)	177
Скаридова И. В.	
Формирование советского законодательства о пенсионном обеспечении по старости до перехода к массовой коллективизации	182
Федотова И. Н.	
Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь как политический изолятор (20–30-е гг. XX в.)	186
Шарапов А. Е.	
Стимулирование трудовой и учебной деятельности несовершеннолетних правонарушителей в первой половине 30-х гг. XX в.	197

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Богатырев В. В., Волкова Е. А.	
Региональная интеграция в современной Африке	200

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Р. Ширшов,
*начальник управления кадров
и профессионального образования
ФСИН России
кандидат юридических наук*

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Ключевые слова:
наркотические средства, пенитенциарная преступность,
наркорынок, наркоканал, лечебно-исправительные
учреждения

Осложнение общей криминогенной обстановки в стране оказывает непосредственное негативное влияние на наркоситуацию в пенитенциарных учреждениях. В последние годы в местах лишения свободы наблюдается стабильный рост количества наркозависимых осужденных. Кроме того, активизируется деятельность группировок осужденных отрицательной направленности, лидеров преступной среды, стремящихся не только обеспечить наркотиками участников группы, но и с помощью наркотических средств распространить свое влияние на других осужденных. В основном их деятельность направлена на установление и активное использование каналов поставки спецконтингенту наркотических средств и сильнодействующих веществ.

Проводимые в этой сфере исследования показывают, что основными факторами, способствующими увеличению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в пенитенциарных учреждениях, являются следующие: распространение наркомании в целом по России и увеличение объемов поставки и потребления наркотиков на территории страны; увеличение количества лиц, осужденных по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за незаконный оборот наркотиков;

дефицит квалифицированных кадров как в целом в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС), так и на конкретных должностях (оперативного состава, отделов безопасности, медицинского персонала и др.); нехватка необходимого количества специальных технических средств и приборов, специально обученных служебных собак.

Такая ситуация влияет на состояние преступности в исправительных учреждениях. В связи с указанными обстоятельствами противодействие незаконному обороту наркотиков должно стать одним из приоритетных направлений деятельности УИС. В ходе осуществления повседневной деятельности сотрудникам всех отделов и служб исправительных учреждений необходимо уделять внимание вопросам борьбы с незаконным распространением наркотических средств среди осужденных. При этом главная роль в решении данной задачи, безусловно, принадлежит оперативным подразделениям УИС. В местах лишения свободы ими проводится постоянная работа по предупреждению рассматриваемых преступлений, выявлению каналов доставки наркотических средств, принимаются необходимые меры по пресечению попыток доставки наркотиков осужденным и выявлению причастных к этому лиц.

По мнению ряда специалистов, устойчивая ремиссия более одного года достаточна для того, чтобы у наркомана полностью разрушилась физическая зависимость от наркотика. Следовательно, изоляция в местах лишения свободы является обстоятельством, благоприятно воздействующим на осужденного-наркомана, устраняя саму возможность употребления наркотических средств.

Таким образом, необходимость борьбы с незаконным оборотом наркотиков в местах лишения свободы обусловлена тем, что осужденные в результате немедицинского употребления наркотических средств нарушают режим отбывания наказания, сис-

тематически уклоняются от проводимых воспитательных мероприятий, нередко совершают различные преступления (нападения на представителей администрации мест лишения свободы, кражи из медицинских учреждений (подразделений), ссоры, драки, убийства, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести), что может привести к дестабилизации оперативной обстановки в местах лишения свободы.

Для содержания и проведения лечения осужденных и подследственных, больных наркоманией, во ФСИН России организованы 11 (10 мужских и 1 женское) специализированных лечебно-исправительных учреждений (ЛИУ), общий лимит наполнения которых составляет более 11 тыс. человек. Кроме того, специализированная помощь и лечение большинства осужденных-наркоманов осуществляются в локальных участках исправительных учреждений.

Заслуживает особого внимания накопленный в УИС опыт лечения осужденных-наркоманов, отрицающий пропагандируемую за рубежом и в России так называемую заместительную терапию (метадоновые программы и программы «снижения вреда»). Применяемая медицинской службой отечественной УИС схема лечения и психологической реабилитации больных наркоманией показывает несостоятельность заместительной терапии. В условиях закрытых исправительных учреждений, как полагают российские наркологи-пенитенциаристы, единственно эффективным является полный отказ от наркотиков с проведением комплекса терапевтических и социально-реабилитационных мероприятий в течение всего срока отбывания наказания.

Примером программ, основанных на полном отказе от наркотиков, могут служить, в частности, методики, которые используются в учреждениях УИС Кемеровской области. Цель данных методик заключается в том, чтобы наряду с полным исключением наркотиков восстановить способности организма больных наркоманией к выработке собственных эндорфинов естественным путем.

Следует также отметить, что в последнее время потребители наркотического зелья в УИС вместо наркотиков из группы каннабиоидов переходят на более концентриро-

ванные и сильнодействующие опиаты и синтетические наркотики. Подтверждением этого служит увеличение в несколько раз количества изымаемых на объектах УИС гашиша, опия и кокаина, в несколько десятков раз – амфетамина и героина.

Вызывает серьезное беспокойство растущая тенденция структурной перестройки наркорынка в сторону сильнодействующих психоактивных веществ, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфитаминного ряда, способствующие быстрому развитию физической зависимости, деградации личности, появлению серьезных соматических осложнений. Особо следует выделить появление такого сильнодействующего синтетического наркотика нового поколения, как 3-метилфентанил («белый китаец»), который по своим качествам и эффекту значительно превосходит героин. В качестве примеров можно привести следующие.

В сентябре 2007 г. в ФГУ ИК-1 УФСИН России по Тамбовской области была реализована оперативная информация и досмотрено почтовое отправление на имя осужденного К. 1980 г. р., в котором обнаружено и изъято наркотическое средство «3-метилфентанил» массой 1279,2 гр, что равно 6 млн разовых доз, на сумму более 5 млн руб. По данному факту УФСИН России по Тамбовской области было возбуждено уголовное дело по п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

В ходе совместных оперативно-розыскных мероприятий «международная контролируемая поставка» в августе 2007 г. сотрудниками УФСИН по Московской области при реализации оперативной информации, полученной из УФСИН России по Костромской области, на территории Московской области был задержан гр-н Ф., активный член ОПГ, у которого было обнаружено и изъято наркотическое средство «героин» массой 4171 гр. После задержания на обследуемой местности было обнаружено еще 41986 гр героина на общую сумму около 50 млн руб.

При попытке передачи наркотического средства, спрятанного ухищренным способом в продуктовой передаче в ФГУ СИ-47/4 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, гр-н К. был задержан сотрудниками отделения

взаимодействия с правоохранительными органами и борьбы с терроризмом оперативного управления ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области совместно с оперуполномоченными 61-го ОМ Калининского района г. Санкт-Петербурга.

В ходе проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий в апреле 2008 г. сотрудниками отделения оперативного управления ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области при содействии оперативных сотрудников 3-го отдела 5-й оперативной службы УФСКН по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, сотрудников 9-го отдела УУР КМ ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области у гр-на В. было изъято 104,8 гр наркотического средства «кокаин». По предварительным оценкам сумма от продажи такого количества наркотического средства могла составить около 250–300 тыс. руб.

На территории Московской области можно выделить следующие случаи.

В январе 2008 г. при реализации оперативной информации было обнаружено и изъято наркотическое средство «героин» массой 25297 гр. Изъятый героин поступал из Республики Таджикистан на территорию Российской Федерации по ранее организованному наркоканалу. В настоящее время задержано десять активных членов ОПС, возбужден ряд уголовных дел.

В октябре 2008 г. на территории г. Санкт-Петербурга был задержан один из участников северо-западного наркотрафика гр. Республики Таджикистан Пояндазода Пояндий Шермахмад, у которого изъято более 37 тыс. гр наркотического средства «героин». По данному факту следственной службой УФСКН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области 11 октября 2008 г. возбуждено уголовное дело № 780436 по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

В ноябре 2008 г. в результате реализации оперативно-розыскных мероприятий на территории Тверской области задержан гр. Г. за перевозку более 15 тыс. гр наркотического средства «героин». По данному факту СО УФСКН России по Тверской области возбуждено уголовное дело № 199586 по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

В декабре 2008 г. в г. Магнитогорске Челябинской области задержан гр. К. за перевозку 20 тыс. гр гашиша. По данному факту следственной службой Магнитогорского МРО УФСКН России по Челябинской области 26 декабря 2008 г. возбуждено уголовное дело № 561368 по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

По нашему мнению, в ближайшем будущем не произойдет резкого снижения общих объемов изымаемых в местах лишения свободы наркотиков, поскольку, по-видимому, нескоро сократится количество незаконно распространяемых наркотических средств по стране в целом или случится массовый добровольный отказ осужденных от потребления наркотиков. Это связано с тем, что каждый четвертый–пятый осужденный, состоящий на профилактическом учете в исправительном учреждении, значителен как склонный к употреблению наркотиков.

Таким образом, являясь неотъемлемой частью государства, УИС в той или иной степени отражает те проблемы, которые объективно существуют в любом обществе. Поэтому, несмотря на повышение эффективности деятельности оперативных подразделений и иных отделов и служб органов и учреждений УИС в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, в ближайшее время можно с большой степенью вероятности прогнозировать стабильно высокий объем поставляемых в места лишения свободы наркотиков, рост числа преступлений и правонарушений, связанных с их незаконным оборотом, увеличение количества осужденных-наркоманов.

Библиографический список

1. *Барабанов, Н. П.* Организация борьбы с наркоманией в исправительно-трудовых колониях : учеб. пособие / Н. П. Барабанов, В. И. Старков. – Рязань, 1995.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон РФ : [от 21 июля 1993 г. № 5473-1] // Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. – 1993. – № 33, ст. 1316.
3. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / под общ. ред. А. Н. Сергеева. – М., 2000.

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

**О НЕОТЛОЖНЫХ МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ
ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ (НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ) УЧРЕЖДЕНИЯХ,
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ФСИН РОССИИ**

Ключевые слова:

образовательная политика, научно-педагогические кадры,
профессиональное образование, повышение качества

В современном мире образование рассматривается не просто как важный фактор формирования нового качества экономики и общества, а в первую очередь – как важнейший элемент национальной безопасности страны. Это обусловлено тем, что от уровня подготовки специалистов зависит эффективность процесса реформирования многих государственных институтов, обеспечивающих построение правового демократического государства, конкурентоспособной рыночной экономики, современных боеспособных вооруженных сил, а также правоохранительных органов, деятельность которых направлена на защиту конституционного строя, обеспечение безопасности граждан, противодействие организованной преступности, экстремизму и терроризму. Именно поэтому в числе приоритетов образовательной политики Российского государства названо создание условий для повышения качества профессионального образования (О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 дек. 2001 г. № 1756-р // Бюл. Минобрзаования России. 2002. № 2). Кроме того, в Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы ее стратегические задачи определены следующим образом: совершенствование содержания и технологий образования; развитие системы обеспечения качества образовательных услуг; повышение эффективности управления в системе образования; совершенствование экономических механизмов в сфере образования (О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2005 г. № 803 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 2, ст. 186).

В настоящее время в рамках совершенствования отечественного образования обеспечивается переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования, поскольку принято решение перейти на реализацию федеральных государственных стандартов нового поколения. В свою очередь, это предполагает повышение требований к кадровому обеспечению учебно-воспитательного процесса.

На основании вышеизложенного становится очевидной высокая степень важности и актуальности практических мер, принимаемых на правительственном уровне в области совершенствования отечественного образования с целью повышения его качества.

Уровень подготовки специалистов для правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы также находится в центре внимания руководства страны. Это, в частности, стало предметом серьезного обсуждения на выездном заседании Президиума Государственного совета по вопросу «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» под председательством Президента Российской Федерации Д. А. Медведева, прошедшем 11 февраля 2009 г. в г. Вологде. В числе тем для обсуждения, подлежащих рассмотрению в комплексе, было отмечено «совершенствование системы оплаты труда, социальной защиты и профессиональной подготовки кадров уголовно-исполнительной системы» (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 3. С. 3).

Как известно, качество профессионального образования, совершенствование его содержания и технологий напрямую зависят от уровня профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава. Порядок подготовки и повышения квалификации научно-педагогических работников определен федеральным законодательством (О высшем послевузовском профессиональном образовании : федер. закон от 22 авг. 1996 г. № 125-ФЗ // Рос. газ. 1996. 29 авг.). Так, п. 1 ст. 21 указанного Федерального закона в числе основных форм подготовки научно-педагогических работников называет обучение в аспирантуре (адъюнктуре). С этой целью в ряде образовательных и научно-исследовательских учреждений, подведомственных ФСИН России, созданы и функционируют адъюнктуры и докторантуры, а при некоторых из них (в частности, Академии права и управления

ФСИН России и Владимирском юридическом институте ФСИН России) действуют диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Это позволяет образовательным учреждениям обеспечивать качественную подготовку собственных научно-педагогических кадров высшей квалификации, отвечающую современным требованиям, с учетом учебно-воспитательного процесса и преподаваемых учебных дисциплин, обусловленных ведомственной специализацией.

Таким образом, система подготовки кадров для учреждений и органов ФСИН России представляется достаточно эффективной и самодостаточной. Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция оттока высококвалифицированных научно-педагогических кадров, которые окончили адъюнктуру образовательных (научно-исследовательских) учреждений, подведомственных ФСИН России, и получили диплом кандидата наук, в организации и учреждения иных сфер деятельности, где работа с точки зрения материального вознаграждения представляется более привлекательной. Анализ причин развития данной ситуации показал, что часто для сотрудников уголовно-исполнительной системы, не достигших предела призывного возраста, сдерживающим фактором является возможность призыва на действительную военную службу на общих основаниях. При этом сотрудники, имеющие ученую степень кандидата наук, гарантированы от призыва на военную службу в соответствии с требованиями подп. «а» п. 2 ст. 23 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (Рос. газ. 1998. 2 апр.), согласно которым граждане, имеющие предусмотренную государственной аттестацией ученую степень, имеют право на освобождение от призыва на военную службу.

Если рассмотреть данную проблему с точки зрения эффективности расходования средств федерального бюджета на подготовку специалистов такого уровня, то выводы будут более чем неутешительные. Большинство кандидатов на поступление в адъюнктуру образовательных (научно-исследовательских) учреждений, подведомственных ФСИН России, составляют выпускники ведомственных образовательных учреждений, обучавшиеся в течение пяти лет за счет средств федерального бюджета. При этом один год обучения специалиста в ведомственном образо-

вательном учреждении обходится государству в сумму, превышающую 100 тыс. руб. Нормативный срок обучения в очной адъюнктуре составляет три года. Таким образом, за восемь лет обучения подготовка специалиста в ведомственном образовательном учреждении обходится государству в сумму около 1 млн руб. При этом выпускник адъюнктуры, получив диплом кандидата наук, не опасаясь никаких последствий и не неся никаких обязательств перед государством, беспрепятственно переходит в иные учреждения и организации, как правило, коммерческие.

Как показывает практика, основная доля сотрудников уголовно-исполнительной системы, имеющих ученую степень и увольняющихся со службы, — это сотрудники призывного возраста. Таким образом, с целью исключения оттока высококвалифицированных специалистов, проходящих службу в образовательных (научно-исследовательских) учреждениях и получивших установленную государственной системой аттестации ученую степень за счет средств федерального бюджета, в коммерческие структуры предлагается в установленном порядке подготовить и внести на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении дополнений в Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе”», которым внести следующее дополнение в подп. «а» п. 2 ст. 23 указанного Закона: «после слова “степень” добавить слова “и работающие по научно-педагогической (научной) специальности в государственных образовательных или научно-исследовательских учреждениях”». По нашему мнению, данное решение позволит сократить отток молодых перспективных научно-педагогических кадров из образовательных (научно-исследовательских) учреждений, подведомственных, в частности, ФСИН России, обеспечить сохранение и повышение их научного потенциала.

Библиографический список

1. О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 дек. 2005 г. № 803 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 2, ст. 186.
2. О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Рос. газ. – 1998. – 2 апр.

М. И. Веселов,
преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России

**ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОПЕРАТИВНЫХ ОТДЕЛОВ КАК ФАКТОР,
ВЛИЯЮЩИЙ НА ОРГАНИЗАЦИЮ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЖЕНСКИХ КОЛОНИЯХ**

Ключевые слова:
оперативный отдел, оперативный работник,
кадровое обеспечение, осужденная

Организация деятельности любого органа или подразделения состоит из системы элементов, которые в теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) неоднократно выступали предметом исследования специалистов. Их сущность и содержание рассмотрены достаточно подробно, в то же время трудности, возникавшие в разные периоды деятельности при обеспечении их функционирования, заметно ослабляли всю систему в целом.

В современных условиях не является исключением и уголовно-исполнительная система (УИС). В настоящее время одной из наиболее актуальных выступает проблема кадрового обеспечения УИС, в том числе оперативных подразделений женских исправительных колоний.

Очевидно, что лишь квалифицированные, хорошо вооруженные и оснащенные современными специальными средствами, профессионально подготовленные сотрудники оперативных подразделений могут противостоять криминалитету, находящемуся как в местах лишения свободы, так и за их пределами. От профессиональной грамотности и ответственности таких сотрудников во многом зависит уровень защищенности их коллег, осужденных и иных лиц, находящихся на территории исправительных колоний, а также их собственности от преступных посягательств.

Кадровое обеспечение оперативных подразделений нередко создает серьезные трудности в организации и осуществлении ОРД.

Оперативным подразделениям ФСИН России единственным предоставлено право

осуществления ОРД в местах лишения свободы. Закрытый характер исправительных учреждений позволяет им в определенной степени не испытывать волнение за свое будущее в УИС. Тем не менее материальная составляющая оперативного состава должна соответствовать выполняемым функциям¹ как в общей структуре УИС², так и в общей структуре правоохранительных органов. В частности, сотрудник в первоначальном звании лейтенанта в УИС получает денежное довольствие, равное 71 % довольствия, получаемого сотрудником МВД или МЧС (Концепция развития кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы на период до 2011 года : утв. директором ФСИН России Ю. И. Калининым 14 сент. 2007 г.). Материальные стимулы являются немаловажным условием для привлечения кадров, в полной мере это касается и УИС.

Анализ причин поступления на службу во ФСИН России показал, что желание работать с осужденными занимает далеко не первое место. Кроме того, данная служба часто рассматривается претендентами как последний вариант трудоустройства (Мартынова Т. В. Персонал пенитенциарных учреждений: его социальные проблемы // Проблемы и перспективы развития УИС как элемента правоохранительной системы России и зарубежных стран : материалы междунар. науч.-практ. конф. 17–18 апр. 2008 г. / под общ. ред. А. В. Горожанина. Самара, 2008. С. 56). Поступление на службу в исправительное учреждение, как правило, обусловлено стремлением получать стабильную заработную плату, а не желанием работать с осужденными. Это важный момент, указывающий на психологическое «ослаб-

¹ Если рассматривать материальную основу деятельности относительно отделов безопасности и воспитательных отделов, то оклады денежного содержания сотрудников оперативных отделов ниже окладов сотрудников обозначенных подразделений.

² При этом в отдельные периоды современного развития России звучали призывы так называемых «правозащитников» об упразднении оперативных подразделений в УИС, которые, по их мнению, грубо нарушают права осужденных, что в действительности не было реализовано.

ление» кадрового состава женских учреждений, являющийся первым звеном в цепи негативных тенденций, характерных для сферы исполнения наказаний (Волкова Т. Н. Особенности подготовки персонала женских исправительных учреждений в современных условиях // Ведомости УИС. 2007. № 6. С. 27).

Низкая заработная плата, несвоевременная реализация, нередко игнорирование продекларированных в законодательстве прав, предельные физические и психологические нагрузки, негативное отношение большинства граждан к правоохранительным ведомствам, подогреваемое средствами массовой информации, на фоне коррумпированности чиновников приводит все большее количество сотрудников ФСИН России, в том числе оперативный состав, к выводам о нецелесообразности продолжения государственной службы, что обуславливает большую текучесть кадров, неукомплектованность исправительных учреждений УИС сотрудниками.

По состоянию на июль 2008 г. комплект личного состава УИС составлял 2,6 % и тенденция на его увеличение продолжается; оперативных отделов – 4,6 % (Шамсунов С. Х. Добиваться стабильных результатов по всем направлениям кадровой работы // Ведомости УИС. 2008. № 9. С. 13–14). Следствием этого является снижение качества служебной деятельности, уменьшение объема выполняемых служебных задач. Одновременно наблюдается увеличение нагрузки на имеющихся сотрудников, часто без какой-либо компенсации, что еще в большей мере способствует оттоку кадров из УИС в целом и оперативных подразделений, в частности.

Вместе с тем следует отметить возрастное омоложение сотрудников УИС: фактически каждый второй из них – в возрасте до 30 лет, более трети имеют стаж работы до трех лет. С одной стороны, это имеет положительное значение, так как способствует установлению более тесных психологических контактов с осужденными, контингент которых также омолаживается, и персоналом, поскольку лица приблизительно одного возраста, как правило, понимают друг друга

лучше. С другой стороны, продолжается процесс интенсивного выбывания из уголовно-исполнительного процесса старых, опытных, кадров, обладающих практически освоенными навыками и умениями в профессиональной деятельности и не успевающих передать новым сотрудникам свои знания (сегодня более 11 % сотрудников достигли пенсионного возраста). Таким образом, наиболее подготовленный, имеющий достаточный опыт персонал (в возрасте 30–40 лет) составляет значительно меньшую долю в коллективе, чем это необходимо для решения задач УИС (Волкова Т. Н. Указ. соч. С. 27).

Аналогичная тенденция прослеживается в кадровом обеспечении оперативных отделов женских исправительных учреждений. Проведенные нами исследования показали, что на сегодняшний день значительная часть сотрудников из числа руководящего и оперативного состава названных подразделений не имеет достаточной профессиональной подготовки и опыта работы. Так, если в 2002 г. комплект личного состава в оперативных подразделениях женских исправительных колоний составлял около 6 %, то в 2008 г. в отдельных регионах он достигает до 15 %. Доля оперативных сотрудников, имеющих стаж работы до года и от 1 до 3 лет, в 2002 г. – 43 %; в 2008 г. этот показатель увеличился до 57 %, а в некоторых регионах он превышает 60 %. Данная тенденция вызывает сомнения в улучшении кадровой ситуации в дальнейшем.

Подобное положение является следствием ряда объективных причин:

1) с ростом преступности на сотрудников УИС значительно увеличились физические и психические нагрузки, которые превышают научно обоснованные нормы в 2–3 раза (Тюрин В. А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия похищений и незаконного лишения свободы человека : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 110);

2) происходит устойчивая тенденция снижения уровня жизни и степени социально-правовой защищенности основных категорий личного состава, что побуждает их искать дополнительные доходы вне системы ФСИН России;

3) развенчание в средствах массовой информации альтруизма, товарищеской взаимопомощи и навязывание потребительского образа жизни при одновременно негативном освещении деятельности УИС (Лойт Х. Х., Шамаров В. М. Основы воспитательной работы в органах внутренних дел. М., 1998. С. 55).

Обострение проблемы кадрового обеспечения оперативных подразделений женских исправительных учреждений порождает ряд вопросов о путях преодоления существующей кризисной ситуации.

По нашему мнению, существуют три пути решения данной проблемы.

Первый, *«идеальный»*, основывается на существующей десятилетия европейской практике конкурсного приема на службу в полицейские структуры (Железняк Н. С. Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 266).

Для этого государство проводит комплекс мероприятий (следует отметить их систематичность) по формированию соответствующего имиджа полицейского. Это установление заработной платы, адекватной сложности, напряженности и опасности полицейской деятельности; законодательное закрепление и безусловная реализация прав и льгот работников полиции; мощнейшая пропагандистская кампания, создающая у граждан представление о полицейских как ближайших помощниках и защитниках.

Соответственно десятки и сотни мужчин и женщин, изъявляя желание попасть на высокооплачиваемую работу в полицию, проходят жесточайший конкурсный отбор, и лишь единицы из них достигают заветной цели и заключают контракт. Престижность профессии и высокий конкурс являются лучшими стимулами для постоянного повышения профессионализма каждым действующим полицейским, что достигается обучением в специальных учебных заведениях, стажировками, наставничеством и т. п.

Для реализации в России соответствующих указанных мер следует:

- при формировании бюджета направить достаточные денежные средства на созда-

ние и функционирование системы кадрового обеспечения ФСИН России в целом и оперативных подразделений, в частности;

- пересмотреть и расширить законодательно закрепленные права сотрудников УИС, обеспечив их последующую неукоснительную реализацию;

- ориентировать средства массовой информации на пропаганду деятельности рассматриваемых структур.

Второй путь, *«реальный»*, требует более скромных затрат, в связи с чем необходимо:

- увеличить (как минимум в 2–3 раза) денежное содержание сотрудников УИС с последующей его ежеквартальной индексацией на значение реальной инфляции;

- обеспечить обязательное и своевременное соблюдение прав сотрудников ФСИН России;

- оптимизировать систему немедленного информирования прессы о позитивных действиях оперативных работников УИС.

Третий путь, *«формальный»*, заключается в периодическом рассмотрении вопросов, связанных с состоянием кадровой работы и мерами по ее улучшению, на заседаниях коллегий и оперативных совещаниях различных уровней. Такие действия оцениваются нами как кампании, по опыту последних десятилетий не приносящие сколько-нибудь значимых результатов делу повышения престижа службы в УИС.

В заключение следует отметить, что рассмотренная в рамках настоящей публикации проблема является одной из самых актуальных в УИС. Это связано с тем, что кадровый потенциал любой структуры, в частности оперативных отделов женских исправительных колоний, всегда выступал основой выполнения задач, возложенных на нее.

Библиографический список

1. Волкова, Т. Н. Особенности подготовки персонала женских исправительных учреждений в современных условиях // Ведомости УИС. 2007. № 6.

2. Тюрин, В. А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия похищений и незаконного лишения свободы человека : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.

М. Л. Добрынина,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук

**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ
СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Ключевые слова:
гуманизация наказания, ресоциализация осужденных,
Европейские пенитенциарные правила, индивидуализация
исправительного воздействия

*Должно, чтобы зло наказания
превосходило выгоду преступления*
Иеремия Бентам

Возросший интерес к социальным и нравственным проблемам, связанным с поддержанием порядка, общечеловеческими ценностями, интересами общества и отдельной личности, часто вступающими в противоречие, привел к переоценке роли, которую играет в обществе заключение в места лишения свободы, в частности, пересмотру концепции, в соответствии с которой лишение свободы считается эффективным средством социального сдерживания, а также традиционной точки зрения, что, претерпев определенные лишения и ограничения, осужденный исправится. Однако, как показывает статистика, рост преступности в обществе не только не уменьшается, но и имеет тенденцию к росту. Причины этого не только общесоциальные (экономические, политические и т. д.), но и специальные, связанные с ресоциализацией, реадaptацией осужденных.

С распадом Советского Союза изменились взаимоотношения между государством, обществом и отдельной личностью. Так, права и интересы личности размещаются на первом месте, далее – общество и государство. На наш взгляд, правильнее рассматривать эту триаду как подвижный состав, имеющий тенденцию (в зависимости от отношений) изменяться. Представляется, что в сфере уголовно-исполнительных отношений она должна иметь следующую структуру: общество – личность (потерпевший) – государство. Преступность – это социальное явление, поэтому ущерб причиняется всему обществу. В связи с

этим, говоря о восстановлении социальной справедливости, подразумеваются интересы всего социума, а не только отдельной личности (хотя не учитывать интересы последней также нельзя).

Весь уклад жизни осужденного определяется режимом соответствующего исправительного учреждения.

При этом основная задача исправительных учреждений состоит в создании условий формирования социально адаптированного поведения личности. Исправить осужденного – значит осуществить глубинную перестройку, изменить его личностную направленность, сформировать новый стиль его жизни. Пенитенциарное воздействие является прежде всего воздействием духовным. Личность может самоизменяться только изнутри, внешние же побуждения – лишь условие для принятия ею своих решений.

Международное сотрудничество в области уголовно-правовой политики и пенитенциарных проблем давно и успешно развивается. Данные вопросы рассматривают Европейский комитет по проблемам преступности и Комитет по сотрудничеству в области пенитенциарных проблем, которые предоставляют необходимые знания, опыт и средства для международного сотрудничества в Европе. В России контроль за обеспечением прав человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы осуществляется созданной в 2001 г. в Министерстве юстиции системой ведомственного контроля во главе с Управлением по контролю за соблюдением законности прав человека в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. На территориальном уровне УИС в этом же году были введены должности помощников начальников управления по правам человека.

Международное законодательство в области гуманизации отбывания наказания предоставляет больше прав осужденным, указывает на определенные требования не только к режимам исправительных учреждений, но и к его персоналу. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. (Документы ООН, касающиеся заключенных : сборник. М., 2000) и Европейские пенитенциарные правила (далее: ЕПП) (URL: <http://www.prison.org/law/>

ewr_pr.shtml) содержат основополагающие принципы гуманности, уважения человеческого достоинства, социальной ориентированности и эффективности управления, являющихся предопределяющими для четкого функционирования современных пенитенциарных систем. В указанных документах большое внимание уделяется ресоциализации осужденных и индивидуализации исправительного воздействия, дифференциации режимов, способствующих этому. Однако в целом их задача состоит в повышении существующих требований, предъявляемых к функционированию пенитенциарных учреждений, улучшении условий содержания осужденных. Данные требования сводятся к следующему: размещение осужденных по возможности в отдельных камерах на ночь (правило 14.1 ЕПП), определение требований к помещениям, в которых содержатся осужденные, – достаточно большие окна, искусственное освещение, соответствующая вентиляция; соблюдение личной гигиены – возможность пользоваться ванными и душевыми (правило 18 ЕПП), чистая одежда (правило 22.2 ЕПП); качественное медицинское обслуживание, оснащение стационаров необходимым оборудованием и фармацевтическими препаратами, позволяющими обеспечить должные заботу и лечение больным осужденным. И это далеко не полный перечень предоставляемых прав. Помимо указанных в него входят также обучение, ежедневные прогулки, возможность заниматься спортом, посещение библиотеки и т. д.

В соответствии с ЕПП уголовно-исполнительная система Российской Федерации должна проводить комплекс мероприятий по обеспечению прав осужденных в местах лишения свободы.

В настоящее время осуществляются последовательное реформирование уголовно-исполнительной системы, характеризующееся гуманизацией наказания и его исполнения, соблюдением прав человека в обращении с заключенными, а также повышение требований к подготовке персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Гуманизация исполнения и отбывания наказания является важным условием обеспечения правового положения осужденных в местах лишения свободы, предоставления им

широких возможностей для физического и духовного развития, формирования у них навыков правопослушного поведения.

Процесс гуманизации должен затрагивать также интересы сотрудников исправительных учреждений, на которых, по сути, и будет возложена обязанность реализовывать ЕПП, или, по крайней мере, они должны выступать такими же участниками в этом процессе, как и осужденные. Для того чтобы современные исправительные учреждения стали учреждениями ресоциализации, они сами должны быть ресоциализированы. Необходимы принципиальная их реорганизация, насыщение психолого-педагогическим грамотным персоналом, а также соответствующее материальное обеспечение (ч. 3 ЕПП).

Реализация международных стандартов, касающихся обращения с осужденными, в России осуществляется по трем основным направлениям: 1) посредством формирования соответствующей уголовно-исполнительной политики; 2) через национальное законодательство; 3) в практической деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

С позиции права возможны следующие способы реализации международных стандартов с помощью законодательства:

- прямое действие международных норм;
- приведение в соответствие с ними национального законодательства.

С учетом временного периода внедрения международных правил в практику уголовно-исполнительной системы их можно также разделить на две группы: 1) стандарты, для внедрения которых имеются все условия; 2) стандарты, которые внедряются не сразу, а при наличии необходимых социальных и экономических условий.

Необходимо отметить, что стандарты, входящие в первую группу, частично реализованы. Например, под влиянием международных стандартов в российском уголовно-исполнительном законодательстве впервые подробно определен статус осужденных (ст. 10 УИК РФ). Так, при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с некоторыми изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации, что отвечает требовани-

ям ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (Международные акты о правах человека : сб. док. М., 2002. С. 38–42), согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом. Ранее подобной нормы в законодательстве не было, так как государство не брало на себя обязанность защищать права, свободы и интересы осужденных. Кроме того, УИК РФ в отдельных статьях впервые определил конкретные важные права и обязанности осужденных, отвечающие требованиям международных стандартов, в частности: право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и условиях отбывания наказания; право на вежливое обращение со стороны персонала учреждений, исполняющих наказания; право на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами в различные инстанции; запрет на проведение с заключенными опытов, ставящих под угрозу их жизнь и здоровье; право на охрану здоровья, социальное обеспечение, личную безопасность, свободу совести и вероисповедания.

Уголовно-исполнительным кодексом РФ предусмотрены определенные виды контроля и надзора: за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, и прав осужденных; контроль органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 19), судебный контроль (ст. 20), ведомственный контроль (ст. 21), прокурорский надзор (ст. 22), контроль общественных объединений (ч. 2 ст. 23).

Помимо общих положений и принципов УИК РФ воспроизводит и более конкретные требования и рекомендации международных норм, касающихся, например, классификации осужденных, микросоциальных условий отбывания наказания, режима, труда, воспитательной работы, обучения, подготовки к освобождению и т. д.

В части классификации осужденных международные стандарты требуют раздельного содержания мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых, заключенных под стражу и осужденных; подчеркивают необходимость гибкости классификации, что способствует размещению каждой классификационной группы осужденных в отдельном учреждении или отдельной секции од-

ного учреждения. Классификация осужденных должна преследовать следующие цели: а) исключение отрицательного влияния одной категории осужденных на другую; б) создание условий для облегчения работы с осужденными по их исправлению.

Законодательные изменения, произошедшие в России, позволили приблизить условия отбывания наказания в виде лишения свободы к международным стандартам. Так, осужденным больным, инвалидам, беременным женщинам, кормящим матерям, несовершеннолетним установлены повышенные нормы питания; по желанию эти осужденные могут получать любую платную дополнительную лечебно-профилактическую помощь, кормящим матерям разрешено совместное проживание с детьми; для медицинского обслуживания осужденных организованы лечебно-профилактические учреждения, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом, наркоманией, ВИЧ-инфицированных осужденных – лечебно-исправительные учреждения; осужденным предоставлено право на телефонные разговоры, выезд за пределы учреждения, перевод в облегченные условия содержания, проведение длительных свиданий вне колонии; ограничены максимальные сроки пребывания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа и т. д.

В соответствии с международными стандартами обращения с заключенными обеспечение микросоциальных условий их содержания должно быть положено в основу деятельности национальных пенитенциарных систем.

Отмеченные нововведения российского уголовно-исполнительного законодательства – прямое отражение рекомендаций международных норм права, которые прочно входят в практику деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Однако, как уже было отмечено выше, имеются международные стандарты, практическое применение которых требует определенного времени и соответствующих материальных затрат.

Это относится к следующим вопросам:

– разработка научно обоснованной классификации осужденных и программ их исправления;

- размещение осужденных в отдельных камерах (комнатах);
- обеспечение права освобождаемых на эффективную социальную и материальную поддержку после освобождения;
- строительство новых и реконструкция старых мест содержания под стражей и учреждений, исполняющих наказания;
- обеспечение отбывания наказания по месту жительства.

Для практического решения проблемы применения международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной системе наиболее актуальны:

- 1) предотвращение запрещенных способов обращения с осужденными, унижающих их человеческое достоинство;
- 2) решение проблемы переполненности исправительных учреждений;
- 3) обеспечение защиты осужденных от негативного влияния лидеров уголовной среды;
- 4) реализация прав осужденными и гуманитарных возможностей законодательства;
- 5) обеспечение законности деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания;
- 6) оказание социально-реабилитационной помощи осужденным и освобожденным от отбывания наказания;
- 7) обеспечение осужденных оплачиваемым трудом.

В целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний на основе рекомендаций Комитета министров Совета Европы по вопросам, связанным с реализацией ЕПП, Президентом РФ принято решение о поэтапном реформировании уголовно-исполнительной системы (О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 8 окт. 1997 г. № 1100 // Рос. газ. 1997. 15 окт.). В 2006 г. постановлением Правительства РФ от 5 сентября 2006 г. № 540 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 39, ст. 4075) утверждена Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)». Одним из основных положений данной Программы является доведение норм жилой площади осужденных до европейских стандартов.

С нашей точки зрения, гарантии защиты прав и свобод осужденных целесообразно рассматривать в качестве единой двухуровневой системы: как средства национальной юрисдикции, включающие в себя государственные и общественные механизмы защиты, и как средства международно-правовой защиты прав и свобод осужденных в местах лишения свободы. Согласно правилу 5 ЕПП «защита личных прав осужденных обеспечивается посредством контроля, осуществляемого, в соответствии с национальным правом, представителями судебных и иных органов, уполномоченными посещать осужденных и не принадлежащими к пенитенциарной администрации». Мы полагаем, что наиболее действенную помощь по данному вопросу осужденным могут оказать адвокаты (в ч. 8 ст. 12 УИК РФ отмечается, что осужденные имеют право получать юридическую помощь прежде всего от адвокатов).

Условно можно выделить следующие виды юридической помощи, оказываемой осужденным адвокатами:

1. *Юридическое консультирование* – это предоставление осужденным консультаций и справок по юридическим вопросам в устной (посредством свиданий, телефонных разговоров) и письменной формах (в частности, путем переписки).

2. *Составление документов правового характера* – составление исковых заявлений, жалоб, ходатайств, претензий и т. п.

3. *Представительство интересов осужденного*, вытекающих из различных правоотношений. Основными видами представительства интересов осужденных являются представительства гражданское и судебное (процессуальное).

Как правило, юридическая помощь оказывается в форме устной консультации по различным вопросам. Однако большинство осужденных лишены и этой реальной возможности пользоваться услугами адвокатов.

Данное обстоятельство вызвано, прежде всего, общей для всех российских граждан проблемой доступности юридической помощи, оказываемой адвокатами, из-за отсутствия денежных средств на оплату услуг и малочисленности адвокатов, особенно в удаленных и малонаселенных районах.

У осужденных (в отличие от лиц, находящихся на свободе) определенные слож-

ности в получении юридической помощи от адвокатов вытекают, помимо прочего, из организационно-правовых моментов ее оказания, связанных, как правило, с порядком предоставления свиданий с адвокатами, особенностями Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений. Кроме того, большинство даже незнакомы с процедурой предоставления юридической помощи в исправительном учреждении.

Законодатель регламентирует предоставление свиданий осужденных с адвокатами в одной статье УИК РФ наряду со свиданиями осужденных с родственниками и иными лицами (ст. 89).

Свидания с адвокатами предоставляются по заявлению осужденных (правило 83 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений), а несовершеннолетним осужденным также по письменному заявлению его родственников либо представителей попечительского совета, родительского комитета (правило 132 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний). Каких-либо дополнительных, носящих ограничительный характер, условий предоставления осужденному свиданий с адвокатом закон не предусматривает, следовательно, для получения права на свидание с адвокатом достаточно простого волеизъявления осужденного. Данный вывод основан на позиции, выраженной в определении Конституционного Суда РФ от 1 апр. 2004 г. № 77-О (По ходатайству Министра юстиции Российской Федерации об официальном разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2003 г. «О проверке конституционности отдельных положений частей 1 и 2 статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 1 апр. 2004 г. № 77-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 17, ст. 1681).

Согласно ч. 1 ст. 89 УИК РФ, правилу 83 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений свидания между адвокатами и осужденными в связи с оказанием последним юридической помощи носят краткосрочный характер и не могут превышать четырех часов.

Двадцать восьмого февраля 1996 г. Россия вступила в Совет Европы. Тридцатого марта 1998 г. была ратифицирована Конвенция о

защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (Права человека : сб. универс. и регион. междунар. док. М., 1990) с некоторыми оговорками (в отношении военнослужащих и некоторых статей УПК РФ) и вступила в силу на всей территории России 5 мая того же года. Конвенция стала частью правовой системы нашего государства, открыв широкие возможности для российских граждан в обеспечении своей защиты в судах непосредственно на ее положениях и протоколах к ней и реализации права на принесение (подачу) жалобы в европейские органы на ущемляющие их права решения, действия (бездействие) государственных инстанций. Но с одной оговоркой: если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Осужденные также не лишены этого права, что подчеркивается ЕПП. Причем не всегда исчерпанность правовых средств внутри государства является препятствием для рассмотрения жалобы лица в Европейском Суде.

В международных стандартах большое внимание уделяется ресоциализации осужденных. Так, в комментариях к ЕПП отмечается: «цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы... способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в общество, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения». При этом главными условиями, способствующими ресоциализации осужденных, считаются труд, образовательное и социальное обучение и занятие физкультурой, некоторые требования предъявляются также к персоналу исправительных учреждений.

Уголовно-исполнительная система является государственной структурой, которая, реализуя комплекс мер трудового, воспитательного, психологического, педагогического воздействия на осужденных, обеспечивает им социальную помощь. Однако ресоциализация невозможна без взаимосвязи с общественными организациями, социальными институтами. Только совместными усилиями возможно достичь определенного результата.

Одним из частных путей ресоциализации отбывших наказание лиц является организация их бытового и культурного обустройства в сельской местности с привлечением к труду в сфере сельхозпроизводства. Сельское хозяйство сейчас испытывает недостаток «рабочих рук», наблюдается огромная текучесть кадров. При этом также имеется спрос на неквалифицированный труд, который значительно выше, чем на производстве (в 5 раз).

Воспитательная роль труда общеизвестна. Само лишение возможности трудиться для здорового человека уже может считаться наказанием, а лишение свободы, сопряженное с бездействием, является малоэффективной карой.

По нашему мнению, необходимо ориентировать существующую в исправительных учреждениях систему профессионального обучения осужденных с учетом потребностей сельского хозяйства. Кроме того, следует создавать школы подготовки осужденных к освобождению, предваряющие их трудоустройство в сельской местности.

Е. В. Емельянова,

докторант кафедры

теории и социологии управления ОВД

Академии управления МВД России

кандидат экономических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

Ключевые слова:

принципы правового регулирования труда осужденных, принципы уголовно-исполнительного права, принципы трудового права, труд осужденных, право на труд

Эффективность любого дела зависит от тех основополагающих начал, которые заложены в основу этой деятельности. Так, обеспечение реформы в области трудовой занятости осужденных невозможно без определения принципов правового регулирования труда осужденных.

В научной литературе имеются работы, посвященные исследованию принципов правового регулирования труда осужденных. Вместе с тем на современном этапе реформирования они нуждаются в научном осмыслении и дополнении с учетом прин-

Библиографический список

1. Горшкова, С. А. Обращения Европейского Суда по правам человека к нормам международных конвенций / С. А. Горшкова // Журн. рос. права. – 2004. – № 5.

2. Зотов, А. Т. Пенитенциарная система и соблюдение прав человека / А. Т. Зотов // Права человека в России и правозащитная деятельность государства. – М., 2003.

3. Селиверстов, В. И. Правовое положение лиц, отбывающих наказание: проблемы развития в свете решений Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ / В. И. Селиверстов // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности ОВД. – М., 1994.

4. Филимонов, О. В. Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными и их реализация в Российском законодательстве и правоприменительной практике / О. В. Филимонов // Реализация Минимальных стандартных правил ООН по обращению с заключенными в современных условиях : сб. ст. – М., 2006.

ципиально новых условий функционирования производственного сектора УИС (Зубков А. И. Теоретические вопросы правового регулирования труда осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях. Томск, 1974).

В юридической науке принципы – это руководящие начала, характеризующие основное в праве и его применении. Труд осужденных, являясь одним из основных средств их исправления, в настоящее время в большей степени регулируется нормами уголовно-исполнительного и трудового права.

Чтобы сформулировать принципы правового регулирования труда осужденных, проведем сравнительный анализ принципов уголовно-исполнительного и трудового права.

В соответствии со ст. 8 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их пра-

вопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

Принцип законности относится к общеправовым принципам и является конституционным. Норма, закрепленная в ст. 2 Конституции РФ, – общеправовая: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Во всех главах Конституции РФ предусмотрена обязанность государства – конкретизировать посредством законов права и свободы человека и гражданина и защищать их. Уголовно-исполнительное содержание принципа законности выражено в ч. 1 ст. 10 УИК РФ: «Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний».

Принцип гуманизма закреплен в ст. 21 Конституции РФ, а также в международных правовых документах (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Европейские тюремные правила 2006 г.), и является одним из основополагающих принципов законодательства об исполнении наказания и деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.

В настоящее время в УИК РФ содержится требование строгого соблюдения гарантий защиты от пыток, насилия или другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (ч. 3 ст. 3).

Принцип демократизма проявляется в том, что, несмотря на конституционное положение о федеральном построении УИС, Конституция РФ предоставляет широкие права ее субъектам в отношении расположенных на их территории учреждений и органов, исполняющих наказания. Прежде всего данный принцип реализуется в контроле органов власти и местного самоуправления, прокурорском надзоре, судебном, ведомственном и общественном контроле.

Далее рассмотрим принцип равенства осужденных перед законом. Данный принцип основан на конституционных положениях и положениях международных актов, согласно которым все равны перед зако-

ном. Международные акты акцентируют внимание на равенстве граждан перед законом (свободе совести, вероисповедания, свободе пользоваться родным языком и т. д.), что адресовано каждому человеку, в том числе осужденному.

Вместе с тем равенство осужденных перед законом не означает равенство условий отбывания наказаний. Эти условия дифференцируются в зависимости от возраста, пола, состояния здоровья, вида наказания, личности осужденного, его поведения. Иными словами, принцип равенства осужденных перед законом реализуется в специфических правовых условиях и напрямую связан с принципом дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания выражается в установлении для разных категорий осужденных различных условий отбывания наказания, отличающихся объемом и характером карательно-воспитательного воздействия.

Названный принцип реализуется в различных нормах уголовно-исполнительного законодательства. Например, согласно ч. 3 ст. 9 УИК РФ средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. Статья 5 УИК РФ определяет особенности действия уголовно-исполнительного законодательства России в отношении военнослужащих. В соответствии с ч. 4 ст. 10 УИК РФ права и обязанности осужденных определяются исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида наказания. В ст. 74 УИК РФ установлены виды исправительных учреждений, где должны содержаться различные категории осужденных и т. д.

Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения состоит в наиболее эффективном выборе мер принуждения и средств исправления в отношении осужденных при исполнении наказаний. Следует отметить, что среди ученых-пенитенциаристов нет единого мнения по поводу формулировки данного принципа. Так, А. И. Зубков объединяет принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушно-

го поведения с принципом дифференциации и индивидуализации наказания, который, по его мнению, включает рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения (Зубков А. И. Уголовно-исполнительное право РФ. М., 2008). Н. И. Ланкин полагает, что данный принцип сформулирован неудачно, а это приводит к неоднозначному восприятию его. С точки зрения ученого, «в данном случае мы имеем дело не с одним, а с двумя принципами: принципом рационального применения мер принуждения (принципом экономии принудительных средств) и принципом стимулирования правопослушного поведения осужденных» (Ланкин Н. И. О принципах уголовно-исполнительного права. Актуальные проблемы государства и права в современный период : сб. ст. Томск, 1998. Ч. 1). Мы придерживаемся позиции разделения указанного принципа на два самостоятельных.

В свою очередь, принцип соединения наказания с исправительным воздействием можно назвать определяющим для всего уголовно-исполнительного права, так как он связан с реализацией главной цели наказания – исправлением осужденных.

По нашему мнению, все указанные принципы так или иначе должны быть учтены при формулировке принципов правового регулирования труда осужденных.

Однако сформулировать названные принципы возможно только при условии анализа принципов правового регулирования трудовых отношений.

Принципы трудового права представляют собой закрепленные в Конституции РФ или Трудовом кодексе РФ руководящие начала, которые непосредственно регулируют ту или иную совокупность однородных трудовых или иных, непосредственно связанных с трудовыми, отношений. Конституционные принципы трудового права и общепризнанные принципы и нормы трудового права конкретизированы и закреплены в ст. 2 Трудового кодекса РФ.

В настоящее время существует несколько классификаций принципов трудового права; наиболее приемлемой, на наш взгляд, является классификация, разработанная К. Н. Гусовым и В. Н. Толкуновой, которые делят все принципы по признаку

целенаправленности на три группы (Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России. М., 2004. С. 65).

К первой группе относятся принципы реализации права на труд:

- свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности;
- запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда;
- защита от безработицы и содействие в трудоустройстве.

Вторая группа включает принципы обеспечения высокого уровня условий труда и охраны трудовых прав:

- обеспечение права каждого работника на справедливые условия труда, в том числе отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска;
- равенство прав и возможностей работников;
- обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей человеку и его семье достойное существование, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда;
- обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе с учетом производительности труда, квалификации и стажа работы по специальности, а также на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации;
- обеспечение права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, включая право работников создавать профессиональные союзы и вступать в них;
- обеспечение права работников на участие в управлении организацией в предусмотренных законом формах;
- сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений;

– социальное партнерство, включающее право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Третью группу составляют принципы защиты трудовых прав и исполнения трудовых обязанностей:

– обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей;

– установление государственных гарантий по обеспечению прав работников и работодателей, осуществление государственного надзора и контроля за их соблюдением;

– обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту;

– обеспечение права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров, а также права на забастовку;

– обязанность сторон трудового договора соблюдать условия заключенного договора, включая право работодателя требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя и право работников требовать от работодателя соблюдения его обязанностей по отношению к работникам, трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права;

– обеспечение права представителей профессиональных союзов осуществлять профсоюзный контроль за соблюдением трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права;

– обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности;

– обеспечение права на обязательное социальное страхование работников.

Проанализируем названные принципы применительно к труду осужденных.

Принципы реализации права на труд не могут в полной мере охватить все категории осужденных, лишенных свободы, так как на них распространяется обязанность трудиться (ч. 1 ст. 103 УИК РФ).

Обязанность трудиться не распространяется на осужденных мужчин старше 60 лет и осужденных женщин старше 55 лет, а также осужденных, являющихся инвалидами первой или второй группы, которые

привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде и законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов. Несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Так как в отношении перечисленных категорий следует руководствоваться нормами трудового права, то на них распространяются принципы первой группы, но с учетом ограничений, вызванных самим фактом лишения свободы.

Вторая и третья группы принципов в основном применяются при регулировании труда осужденных, за исключением тех, реализация которых в полной мере не представляется возможной по следующим причинам.

Например, не входит в рамки наказания лишением свободы создание профессиональных союзов, так как это противоречит целям и задачам этих организаций. Однако это не значит, что профсоюзы должны устраняться от участия в организации труда осужденных. Деятельность профсоюзов в отношении осужденных может проявляться при организации контрагентских работ, т. е. когда осужденные привлекаются к труду в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их.

Неприменим к осужденным принцип сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, а также принцип социального партнерства, включающий право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Это обусловлено тем, что трудовой договор между осужденным и администрацией исправительного учреждения не заключается.

Такой принцип, как обеспечение права работников на участие в управлении организацией, может применяться с некоторыми ограничениями, вызванными самой спецификой трудовой деятельности осужденных. Последние принимают участие в управлении, например производственного процесса, уже тем, что осуществляют рационализаторскую и изобретательскую ра-

боту, обеспечивают выпуск продукции соответствующего качества, участвуют в экономии сырья, материалов, электроэнергии и т. д. Особенность в области управления заключается в некотором правоограничении осужденных: они не могут быть использованы на ряде работ, особенно в управлении и производственном аппарате исправительного учреждения, на материально ответственных должностях и т. д. (Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 3 нояб. 2005 г. № 205. Прил. 9 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 47).

Неприменим в отношении трудовой деятельности осужденных принцип обеспечения права на разрешение индивидуальных и коллективных трудовых споров, а также права на забастовку, так как в соответствии с ч. 6 ст. 103 УИК РФ отказ от работы или прекращение работы являются злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность осужденных.

Остальные принципы трудового права при регулировании труда осужденных применяются практически в полном объеме.

Вместе с тем труд в местах лишения свободы регулируется и международными нормативными документами (Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН, Европейские пенитенциарные правила и др.).

На основании вышеизложенного можно сформулировать систему принципов правового регулирования труда осужденных, включающую следующие группы принципов: конституционные, международные, межотраслевые, пенитенциарные.

К конституционным относятся принципы:

- законности;
- равенства перед законом и судом;
- гуманизма.

Международные принципы предусматривают следующее:

- труд заключенных не должен приносить им страданий;
- все осужденные, заключенные обязаны трудиться в соответствии с их физическими и психическими способностями, удостоверенными врачом;

- создание необходимых условий для поддержания физического и психологического здоровья заключенных и предоставления им возможности для работы и самообразования.

Межотраслевые принципы включают:

- создание необходимых условий для обеспечения трудовой занятости осужденных – обеспечение права каждого работника-осужденного на справедливые условия труда, в том числе отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска;

- обеспечение для осужденных права на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы;

- обеспечение права на обязательное социальное страхование работающих осужденных;

- обязательность возмещения вреда, причиненного работнику-осужденному в связи с исполнением им трудовых обязанностей;

- обеспечение учета общего трудового стажа осужденных, привлекаемых к оплачиваемому труду.

Пенитенциарные принципы включают следующее:

- сочетание свободы труда и обязанности трудиться как гарантия трудовой деятельности осужденных, которая в наибольшей степени способствует их подготовке к жизни и работе после освобождения;

- сочетание труда и обучения путем совершенствования системы начального профессионального образования и профессионального обучения осужденных;

- техническая оснащенность производства исправительного учреждения должна соответствовать уровню оснащенности аналогичных производств предприятий страны;

- сочетание исправительных, воспитательных, экономических и социальных задач при организации труда осужденных;

- содействие институтов гражданского общества исправительного учреждения в организации труда осужденных;

- неукоснительное соблюдение осужденными трудовой дисциплины и иных требо-

ваний Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения.

В заключение следует отметить, что приведенная система принципов правового регулирования труда осужденных, сформулированная в новых исторических условиях функционирования УИС не является совершенной и может быть изменена, дополнена при дальнейшем исследовании вопросов правового регулирования труда осужденных.

Библиографический список

1. *Кашуба, Ю. А.* Реализация международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике : монография / Ю. А. Кашуба, В. И. Хижняк. – Рязань, 2005.

2. *Михлин, А. С.* Принцип гуманизма и его реальное воплощение в будущем уголовно-исполнительном законодательстве /

А. С. Михлин // Правовые и организационные основы исполнения уголовных наказаний. – М., 1991. – (Тр. Акад. МВД СССР).

3. *Наташев, А. Е.* Принципы советского исправительно-трудового права / А. Е. Наташев. – М., 1972.

4. *Утевский, Б. С.* Система принципов и общие положения Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик / Б. С. Утевский // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. – Саратов, 1961.

5. *Фефелов, В. А.* Социалистическая законность – конституционный принцип деятельности органов, исполняющих наказания / В. А. Фефелов. – Рязань, 1992.

6. *Чубраков, С. В.* К вопросу о принципах уголовно-исполнительного права. Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. – Томск, 2008. – Ч. 41.

Л. В. Казаринова,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ключевые слова:

неотложные следственные действия, дознание, допрос

Пенитенциарная преступность становится масштабной и представляет реальную угрозу безопасности общества и государства. В последние годы наметилась тенденция к увеличению совершения преступлений, в том числе пенитенциарной направленности.

Совершение пенитенциарных преступлений дестабилизирует в целом оперативную обстановку, вынуждая администрацию учреждений направлять свои силы и средства на обеспечение расследования конкретного преступного деяния.

Концентрация в пенитенциарных учреждениях лиц, совершивших преступления, значительная доля из которых тяжкие и особо тяжкие, а также ряд других причин влекут за собой реальную угрозу совершения осужденными в местах лишения свободы новых

преступлений, различных по своему характеру и степени общественной опасности.

Сотрудники оперативных подразделений первыми сталкиваются с фактом совершения пенитенциарных преступлений. В связи с этим именно на них возлагается осуществление процессуальных и следственных действий на первоначальном этапе расследования, а также осуществление неотложных следственных действий.

В соответствии со ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. На органы дознания возлагаются дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, а также выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Следует отметить, что отсутствие должного уголовно-процессуального, криминалистического обеспечения деятельности сотрудников оперативных подразделений по расследованию пенитенциарных преступлений применительно к проблеме производства процессуальных и следственных действий, в

том числе неотложных, на практике приводит к сугубо негативным последствиям: низкой результативности процессуальных и следственных действий; наличию существенных недостатков при их организации и производстве; утрате вещественных доказательств, приводящих впоследствии к отказу в возбуждении уголовного дела или прекращению уголовного преследования.

Таким образом, расследование преступлений, совершенных в учреждениях, исполняющих наказания, является одной из важных процессуальных функций органов дознания. Производство по уголовным делам данной категории ведется независимо от вида учреждения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством с учетом специфики условий, в которых реализуются уголовно-процессуальные нормы при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы.

В случае возбуждения уголовного дела, по которому предварительное следствие обязательно, планирование расследования осуществляется в направлении установления и закрепления следов преступления и задержания подозреваемых. Орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-процессуального закона, производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления. Перечень неотложных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. Институт неотложных следственных действий включен законодателем в общие условия предварительного расследования. В связи с этим любое следственное действие с учетом обстоятельств совершенного преступления может являться таковым и производиться органом дознания после возбуждения уголовного дела. При расследовании пенитенциарных преступлений необходимо планировать следственные действия, оперативно-розыскные и режимные мероприятия, а также всегда учитывать очередность их проведения, правильно определять их цель, вопросы, возникающие из выдвинутых версий, тактические приемы проведения и т. д.

Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производ-

ство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Производить неотложные следственные действия вправе начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих органов и учреждений, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами. После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа. После этого орган дознания может производить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по данному уголовному делу только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому лицо, совершившее преступление, не обнаружено, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры по установлению лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Полномочия органа дознания при осуществлении дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, возлагаются на дознавателя начальником органа дознания или его заместителем. Не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

В качестве неотложного следственного действия при расследовании пенитенциарных преступлений часто выступает допрос. Допрос – это следственное действие, состоящее в принятии и надлежащем процессуальном оформлении показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего; производится после возбуждения уголовного дела.

В настоящее время в деятельности сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих функцию дознания, широко распространена подмена допроса так называемой беседой. Более того, большинство специалистов полагают, что беседы с

подозреваемыми, в ходе которых они получают признание последних, являются правомерными. Нередки случаи, когда таким беседам предшествует необоснованное задержание лица по подозрению в совершении преступления. Необходимо учитывать, что подобные беседы производятся без соблюдения процессуальной формы, в отсутствие защитника подозреваемого и т. д. Подозреваемые в таких случаях не имеют возможности реализовать свое право на защиту. Получение органом дознания признания подозреваемого лица путем проведения бесед является нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Особенность в производстве допроса сотрудниками оперативных подразделений, осуществляющими дознание, состоит в том, что целью допросов является получение признания подозреваемого в совершении преступлений или информации о лице, совершившем преступление, о потерпевших и свидетелях.

На практике часто встречается нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее недопустимость доказательств – допрос фактически подозреваемого в качестве свидетеля. Что касается доказательственной ценности протоколов таких допросов, то протоколы, когда лицо допрашивалось в качестве свидетеля, и последующие протоколы допросов данного лица в качестве подозреваемого следует признавать недопустимыми. Существуют также другие уголовно-процессуальные ошибки, допускаемые при производстве допросов подозреваемых (обвиняемых) (Снегирева Н. И. Прокурорский надзор за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Процессуальные проблемы осуществления судебной власти, обеспечения законности и правовой защиты. Воронеж, 2000. С. 165–172).

В ходе допросов предпочтительно использование видеозаписи, так как посредством звукозаписи не фиксируются, например, жесты и мимика допрашиваемого, не отражается его психическое состояние.

Использование видеозаписи является важным средством объективизации показаний подозреваемого и обвиняемого. Применение видеозаписи в ряде случаев позволяет доказательно опровергнуть ложные оправдательные мотивировки подозреваемого и об-

виняемого о том, что признание в совершении преступления было сделано ими под воздействием незаконных методов ведения допроса. По нашему мнению, использование видеозаписи необходимо, когда допросы подозреваемого проводятся оперативными сотрудниками в ходе выполнения неотложных следственных действий.

Распространенной ошибкой оперативных сотрудников, производящих допрос с использованием видеозаписи, является несвоевременное составление протокола допроса, а иногда и несоответствие содержания протокола видеозаписи. Нарушения подобного рода вызывают в целом обоснованные замечания защитников, полагающих, что протоколы указанных действий необходимо исключить из доказательственной базы обвинения.

Общеизвестно, что показания, полученные в ходе допроса, с точки зрения их доказательственного значения не имеют преимущества перед другими доказательствами, выступая «обычным» доказательством. Вместе с тем неверно считать, что они не должны быть выделены из числа других доказательств.

Допрос относится к числу самых распространенных следственных действий, без которого не может обойтись ни одно предварительное расследование. Допрос – сложное и многогранное следственное действие. Производство данного действия требует от лица, его производящего, знания основ криминалистики, уголовного процесса, психологии и этики.

Необходимо отметить, что информация, которая становится известна из показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, не всегда имеет доказательственное значение, но в то же время она в любом случае помогает в расследовании преступлений, особенно в выборе тактики производства расследования.

Проведение допроса складывается из следующих этапов: подготовка к допросу, сам допрос, фиксация показаний.

Подготовительный этап допроса характеризуется определением предмета допроса, изучением обстоятельств дела лицом, производящим допрос, а также непосредственно изучением самого допрашиваемого лица. Второй этап допроса включает в себя свободный рассказ допрашиваемого, касающийся обстоятельств совершенного

преступления. После свободного рассказа допрашиваемого лица, производящее допрос, может задавать вопросы по обстоятельствам, которые требуют разъяснения или дополнения и т. д. При производстве допроса потерпевшим, свидетелям разъясняются ст. 307 и 308 УК РФ об ответственности за отказ дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. На заключительном этапе производится фиксация хода и результатов данного действия в протоколе, а также ознакомление с зафиксированными показаниями допрашиваемых лиц и удостоверение их показаний подписями.

Допрашивая осужденных, необходимо обдумывать форму и характер вопросов, так как неправильная формулировка может привести к выявлению источника осведомленности допрашивающего. В пенитенциарных учреждениях допрос свидетелей, потерпевших, подозреваемых, отказывающихся давать показания или дающих ложные показания, обычно представляет наибольшую сложность. Нередко такие допросы проходят в конфликтной ситуации. Психическое напряжение, которое присутствует всегда при допросах, проходящих в конфликтной ситуации, мешает нормальному ходу данного следственного действия. Напряженность прежде всего может быть связана с тем, что допрашиваемые лица – осужденные. У них отмечаются боязнь проговориться, взволнованность, огромное волнение при вызове на допрос и т. д. Поэтому в начале необходимо установить психологический контакт с допрашиваемым, попытаться выяснить причины боязни дачи им показаний и т. д.

Особенностями показаний осужденного, допрашиваемого в качестве подозреваемого, является оговор по мотивам мести, стремление препятствовать установлению истины, уйти от ответственности, а также самооговор, например, под влиянием угроз со стороны осужденных, из-за подкупа, чувства ложного товарищества, желания перевода в другое учреждение и т. д.

Следует отметить, что сотрудники оперативных подразделений часто видят свою процессуальную функцию в раскрытии преступления. Поэтому основное внимание в ходе проведения допроса они, как правило, уделяют закреплению самого факта признания подозреваемым своей вины. При

этом нередко упускается из виду необходимость получения конкретизированных показаний от подозреваемого. Данные показания впоследствии проходят проверку при помощи производства следственных действий в целом.

Изучение протоколов допросов подозреваемых, произведенных сотрудниками оперативных подразделений, проводимых в рамках неотложных следственных действий, показало, что в большинстве случаев в них не были записаны вопросы, задаваемые подозреваемым, и ответы на них. Из протоколов допроса следовало, что допрашиваемый самостоятельно в полном объеме сообщил всю необходимую для допрашивающего информацию.

По уголовно-процессуальному законодательству признание своей вины еще не будет означать доказательство. Действовавшее при Петре I собственное признание подсудимого, безусловно, признавалось доказательством, в связи с чем пытка была необходимым средством к вынуждению признания обвиняемого. В царствование Елизаветы Петровны собственное признание обвиняемого все еще признавалось за лучшее доказательство, но с некоторыми отступлениями. Во времена Екатерины II в уголовном судопроизводстве были два важных преобразования: смягчение строгости наказаний и стремление к уничтожению пытки. И только указом Александра I (1801 г.) пытки были окончательно упразднены (Титов И. В. Показания подозреваемого, обвиняемого как вид доказательств // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений : материалы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2005).

По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. собственное признание своей вины допускалось в качестве доказательств только в том случае, если это подтверждалось, согласовывалось с другими обстоятельствами дела.

В соответствии с правилами процесса доказывания все сведения о фактах, из какого бы источника они ни поступили, должны быть тщательно проверены. В дальнейшем в процессе расследования данные сведения могут быть признаны в качестве доказательств.

Следует отметить, что основанием для допроса лица в качестве потерпевшего является наличие сведений о причинении ему

физического, имущественного или морального вреда, поэтому сведения, которыми располагает данное лицо, имеют огромное значение для уголовного дела.

Фактическим основанием для допроса в качестве свидетеля может являться наличие сведений, позволяющих полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Не противоречит закону вызов (на основе оперативной информации) лица в качестве свидетеля на допрос.

В теории уголовного процесса часто возникает вопрос, кто вправе участвовать в допросе свидетеля и потерпевшего.

Так, например, К. Б. Калиновский отмечает, что «...подозреваемый и обвиняемый являются сторонами процесса и как стороны должны иметь возможность знать первоисточники доказательств» (Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004). Мы полностью разделяем мнение С. Ф. Шумилина в том, что приведенные положения не дают основания для выводов о том, что обвиняемый (подозреваемый) вправе допрашивать показывающих против него свидетелей на предварительном расследовании (Шумилин С. Ф. Полномочия следователя. М., 2006. С. 318). В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрена норма, с помощью которой данное право лица может реализоваться на судебном заседании.

Необходимо обратить внимание, что в связи с производством допроса осужденных в качестве свидетелей возникают трудности с участием в данном следственном действии защитника.

В уголовно-процессуальном законодательстве закреплены нормы, касающиеся присутствия защитника на допросе. На данном следственном действии он может давать в присутствии производящего допрос лица краткие консультации, задавать с его разрешения вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе. В теории уголовного процесса по поводу данного положения возникает много вопросов, например: вправе орган дознания предпринимать какие-

нибудь меры, если защитник в ходе допроса дает рекомендации допрашиваемому по поводу содержания показаний или советует ему воздержаться от дачи показаний? В настоящее время при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы, данный вопрос остается открытым.

По нашему мнению, допрос является одним из самых необходимых действий в рамках неотложных следственных действий при расследовании преступлений в местах лишения свободы. Данное следственное действие помогает установить не только вещественные доказательства, но и личные сведения, придавая им статус доказательств.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: необходимо оптимизировать процессуальный режим осуществления неотложных следственных действий сотрудниками оперативных подразделений пенитенциарных учреждений по факту совершенных преступлений, в том числе допроса как следственного действия. На наш взгляд, это позволит повысить эффективность борьбы с пенитенциарными преступлениями, а также будет способствовать более профессиональному производству первоначального расследования по факту совершенных преступлений в пенитенциарных учреждениях и процессуальной фиксации его результатов.

Библиографический список

1. *Смирнов, А. В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под ред. А. В. Смирнова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб., 2004.
2. *Снегирева, Н. И.* Прокурорский надзор за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых / Н. И. Снегирева // Процессуальные проблемы осуществления судебной власти, обеспечения законности и правовой защиты. – Воронеж, 2000.
3. *Титовец, И. В.* Показания подозреваемого, обвиняемого как вид доказательств / И. В. Титовец // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – М., 2005.
4. *Шумилин, С. Ф.* Полномочия следователя / С. Ф. Шумилин. – М., 2006.

С. И. Кузьмин,
*профессор кафедры юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России*

И. В. Селезнева,
*старший преподаватель кафедры
государственного и международного права
Московского государственного университета
приборостроения и информатики
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫМИ СВОИХ ПРАВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова:
осуждённый, право, обязанность, интерес, статус,
исправительное учреждение, гарантия, гуманизация

Современная российская правовая доктрина, как и большинство национальных правовых концепций, рассматривает личность как высшую ценность, а обеспечение ее прав и свобод во всех сферах жизнедеятельности – в качестве одной из важнейших государственных задач. Правовой основой реализации этой задачи являются в первую очередь Конституция РФ и конституционные законы. При этом в преамбуле Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., закреплено положение о необходимости приведения национального законодательства в соответствие с общепризнанными международными стандартами прав и свобод человека (О декларации прав и свобод человека и гражданина : постановление Верхов. Совета РФ от 22 нояб. 1991 г. № 1920-1 // Ведомости Совета нар. депутатов РСФСР и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865).

Радикальные перемены, произошедшие в российском обществе, последовательные усилия, направленные на построение демократического общества и правового государства, отказ от ранее принятой идеологии, переоценка ценностей, еще недавно казавшихся единственно значимыми, заставили по-новому рассматривать путь, пройденный страной, переосмыслить подходы к различным явлениям в нашей истории, в том числе к статусу личности и его правовому регулированию.

В Конституции РФ нашли закрепление так называемые естественные, неотчуждае-

мые права человека. Вместе с тем в ч. 3 ст. 55 Основного закона зафиксировано, что «...права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Таким образом, в Конституции РФ заложен механизм правоограничений.

Правовой статус осужденных предусматривает различные ограничения и изъятия из общего правового статуса, обусловленные содержанием наказания в виде лишения свободы. Вместе с тем права и законные интересы этой категории лиц находятся в прямой зависимости от степени их гарантированности.

В юридической литературе в качестве гарантий прав и законных интересов личности выделяют общие (экономические, социальные, политические) и специальные (юридические), которые в своей совокупности обеспечивают фактическую реализацию прав и законных интересов. Следует отметить, что общие гарантии не могут в полном объеме обеспечить правомерную реализацию прав и законных интересов осужденных. В связи с этим особую роль приобретают специальные (юридические) гарантии, включающие не только разного рода средства охраны, защиты и реализации, но и правовые нормы, деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также других уполномоченных органов. Это объясняется тем, что для обеспечения правового статуса личности, в частности, правового статуса осужденных, безусловно, огромное значение имеют условия политической, экономической и общественной жизни страны, закрепленные в законодательстве. Однако по отношению к правам и свободам человека они выступают только в качестве благоприятной среды их реализации.

Общие черты различных видов гарантий правового статуса обуславливают их взаимодействие. С одной стороны, юридические гарантии могут функционировать только на основе необходимых экономических, социальных, политических, организационных предпосылок, поскольку реализация правового статуса осужденных находится в зависимости от состояния экономики, социаль-

ных и политических условий в обществе. С другой стороны, юридические гарантии не только закрепляют, но и выражают в правовой форме экономические, политические и иные гарантии и таким образом, в свою очередь, как бы характеризуют их. В этом выражается их диалектическое взаимодействие.

Правовое положение осужденных закреплено в гл. 2 УИК РФ, где содержится перечень их прав и юридических обязанностей. Анализ положений данного Кодекса свидетельствует о том, что в России правовое положение лиц, лишенных свободы, заметно улучшилось под влиянием общих тенденций гуманизации уголовно-исполнительной политики государства. Это касается не только общегражданских, но и специальных прав осужденных. В частности, им предоставлено право приобретать без ограничений продукты питания через торговую сеть, разрешены свидания не только с родственниками, но и иными лицами, запрещено лишение свидания в качестве меры дисциплинарного взыскания, предусмотрена замена телефонного разговора краткосрочным свиданием. Кроме того, осужденным предоставлено право защищать свои нарушенные права в суде и международных правозащитных организациях.

Следует отметить, что в вопросе защиты своих прав осужденные активно используют возможность обращаться в аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ. Наибольшее количество жалоб у осужденных вызывают условия содержания в исправительных учреждениях, а именно в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа. Примерно четвертая часть жалоб поступает на действия администрации исправительных учреждений: необоснованное применение физической силы и спецсредств, наложение взысканий, несвоевременное отправление корреспонденции и др. Значительное место среди заявлений составляют просьбы о переводе в исправительное учреждение, расположенное вблизи места жительства родственников, либо в другое исправительное учреждение в целях обеспечения личной безопасности. Это позволяет сделать вывод о том, что сфера специальных, обусловленных режимом исполнения лишения свободы, прав осужденных существенно расширилась и соответственно существенно расширились возможности для них защитить свои права.

Рассматривая различные аспекты правового положения лиц, лишенных свободы, важно исследовать практические возможности реализации осужденными конкретных правовых норм в процессе отбывания наказания. В связи с этим обратимся к исследованию, проведенному Ю. В. Трофимовой в Кемеровской области в 2007 г. (Трофимова Ю. В. Правовое регулирование статуса осужденных к лишению свободы (1969–2006 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008).

Как известно, основа материального благополучия осужденных в период отбывания наказания находится в прямой зависимости от возможности выполнять оплачиваемую работу. Однако в современных экономических условиях развития государства занять всех осужденных производительным трудом не представляется возможным. Согласно материалам исследования, постоянно обеспечены трудом 45,8 % осужденных, и только 44,8 % из них имеют средства на лицевом счете, причем у 25,8 % сумма не превышает 200 руб.

Важное значение для осужденных имеют контакты с внешним миром, реализуемые посредством получения бандеролей, посылок, передач, свиданий. В полном объеме правом на получение бандеролей воспользовались 56,3 % осужденных. В то же время 31,5 % не имели такой возможности в силу тяжелого материального положения родственников или вследствие их отсутствия.

Что касается личных и общих свиданий, то, по материалам исследования, правом на длительное свидание воспользовались 51,7 % осужденных, а на краткосрочные – 58,4 %. Основной причиной такого положения выступает отсутствие средств на проезд к месту отбывания наказания. Впрочем, аналогичная ситуация сложилась и с получением посылок: не могли воспользоваться этим правом 38,4 % опрошенных. Негативными факторами в данном случае стали: отсутствие родственников, распад семейных связей, трудности материального порядка и др.

Право на телефонные переговоры не использовали 50 % осужденных по причинам отсутствия денежных средств, необеспеченности междугородней связью мест лишения свободы, отсутствия телефонов у адресатов, нежелания общаться по телефону.

Однако невозможность воспользоваться контактами с внешним миром почти для половины лиц, отбывающих наказание, несомненно, усиливает социально-психологическую напряженность в пенитенциарных учреждениях, порождает проблемы в сфере воспитательного воздействия на личность и ее социальной адаптации после отбытия наказания.

Таким образом, необеспеченность оплачиваемой работой при отсутствии родственников или при утрате социально полезных связей, отсутствие денежных средств на лицевых счетах и возможности их заработать не позволяют осужденным воспользоваться своими правами, закрепленными в уголовно-исполнительном законодательстве. Фактически данная категория лиц не может воспользоваться правом на трудовой отпуск или на отпуск в связи с личными обстоятельствами. Для них становятся недоступными телефонные переговоры. При затруднительном материальном положении родственников у таких осужденных нет возможности реализовать свои права на длительное или краткосрочное свидание, получение посылок и бандеролей. Более того, они не имеют возможности воспользоваться услугами магазина при исправительном учреждении для удовлетворения минимальных потребностей в продуктах питания и предметах первой необходимости.

Наибольшие трудности в деятельности администрации исправительных учреждений, особенно в современных условиях связаны с такими категориями осужденных, как: воспитывавшиеся в детских домах, утратившие социально полезные связи с родственниками, необеспеченные работой. В силу своего материального положения эти лица, как правило, не могут позволить себе приобрести сигареты, спички, какие-либо сладости и многое другое, что доступно остальным. Как известно, социальное неравенство людей, укоренившееся в современном российском обществе, находит прямое отражение в уголовно-исполнительной системе. Однако в силу обособления и замкнутости общности осужденных оно обостряется еще больше, в связи с чем материальные блага одних осужденных становятся объектом зависти со стороны других, и не только зависти. Неравенство порождает кражи, вымогательство, азартные игры, гомосексуализм и другие негативные последствия. Возникающие на этой почве межличностные конфликты между

осужденными заставляют администрацию исправительных учреждений часто применять норму ст. 13 УИК РФ о праве осужденного на личную безопасность посредством перевода в безопасное место. По оценке самих работников уголовно-исполнительной системы, правом на личную безопасность пользуются от 15 до 20 % осужденных. Помещение в безопасное место означает, что данная категория осужденных фактически «выпадает» из реализуемого процесса исправительного воздействия и лишается возможности пользоваться частью своих прав (участие в культурно-массовых и спортивно-массовых мероприятиях, посещение библиотеки, культовых сооружений, общеобразовательной школы и др.).

Таким образом, как показывает практика, отсутствие у осужденных возможности реализовать в полном объеме свои права порождает в конечном счете преступность в местах лишения свободы, а изоляция в целях обеспечения личной безопасности не позволяет осужденным повысить общеобразовательный уровень, приобрести профессию и т. п. Поэтому, на наш взгляд, следует сконцентрировать все средства, поступающие от благотворительных организаций, предприятий, учреждений, частных лиц, на уровне территориальных органов ФСИН России. Кроме того, в бюджете на содержание уголовно-исполнительной системы необходимо предусмотреть выделение средств на оказание материальной помощи остро нуждающимся осужденным в период отбывания наказания. В результате это, несомненно, поможет оздоровить обстановку в исправительных учреждениях, а осужденные убедятся в том, что они не безразличны государству и обществу. Без решения этой проблемы предоставленные права для многих осужденных так и останутся формальностью, которая не сможет быть реализована.

Библиографический список

1. Матузов, Н. И. Правовая система и личности / Н. И. Матузов. – Саратов, 1987.
2. Минаков, Г. М. Права и законные интересы лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, и гарантии их реализации / Г. М. Минаков. – М., 1993.
3. Трофимова, Ю. В. Правовое регулирование статуса осужденных к лишению свободы (1969–2006 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.

И. М. Лукьянова,
*аспирант кафедры уголовного права
Тюменского юридического института
МВД России*

**ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НОРМ
ОБ ОТСРОЧКЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ЖЕНЩИНАМ,
ИМЕЮЩИМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**

Ключевые слова:

преступление, наказание, уголовная политика, отсрочка отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, наказание без изоляции от общества, лишение свободы

В уголовно-правовой доктрине аксиоматичным является положение о том, что уголовная политика направлена на реализацию специальных мер борьбы с преступностью, применение которых основано на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве (Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 15–23 ; Полубинская С. В. Цели уголовного наказания. М., 1990. С. 82–83 ; Шеслер А. В., Мальков С. М. Уголовно-правовая политика и ее реализация. Красноярск, 2002. С. 12). Кроме того, уголовная политика связана в основном с реализацией уголовной ответственности, которая может найти выражение в нескольких формах: наказание, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания и т. д. (Горбцов В. И. О понятии и целевых установках уголовно-правового принуждения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 2001. С. 37 ; Козаченко И. Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск, 1987. С. 45 ; Ретюнских И. С. Уголовная ответственность и ее реализация. Воронеж, 1983. С. 25 ; Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 78–79). Названные отрасли права решают общие цели и задачи, применяя специальный набор средств, с учетом структуры регулируемых правоотношений, предмета и метода, присущих каждой отрасли отдельно.

С этих позиций теоретическое и практическое значение имеет четкое разграничение компетенций каждой отрасли права,

особенно если это касается регулирования комплексных межотраслевых институтов, к которым в полной мере относится институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, впервые закрепленный в отечественном уголовном праве в 1992 г. (ст. 46² УК РСФСР) и воспринятый УК РФ 1996 г. (ст. 82 УК РФ).

В настоящее время не определена отраслевая принадлежность норм, регламентирующих данный институт, что соответственно порождает ряд других проблем, связанных с конкретизацией правовой природы данного института, его целевых установок, места среди большого количества средств уголовно-правового воздействия на преступников, а также способствует возникновению препятствий в создании действенного механизма его реализации в целом. Представляется, что по этим причинам суды редко применяют к осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, отсрочку отбывания наказания. Так, согласно данным управления по руководству уголовно-исполнительными инспекциями ГУФСИН России по Красноярскому краю в 2008 г. осуждено с отсрочкой лишь 530 женщин (1,4 %) от числа всех осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества. В России в 2007 г. было осуждено всего 131 447 женщин (14,3 % от общего количества осужденных), из них менее 1 % от всех осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций с отсрочкой отбывания наказания, тогда как условное осуждение было применено практически к каждой второй осужденной (48 %) (Нечепуренко А. А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования. Омск, 2008. С. 231, 259).

В то же время по состоянию на 1 апреля 2008 г. в учреждениях УИС содержалось 65,8 тыс. осужденных женщин; при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживают 737 детей.

В УК РФ, УПК РФ, УИК РФ есть нормы, посвященные отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, однако их диспозиции часто дублируются, излагают-

ся непоследовательно, подменяют друг друга, вступают в открытое противоречие, а иногда регулируют круг общественных отношений, не входящих в предмет данной отрасли права.

С нашей точки зрения, уголовное законодательство должно регламентировать понятие, цели, основания, условия применения и отмены отсрочки отбывания наказания. В свою очередь, вопросы субъектов контроля за поведением женщин, их правового статуса, средств, применяемых при реализации отсрочки, правовое положение самих осужденных и их ответственности за уклонение от данной меры должны регулироваться нормами уголовно-исполнительного законодательства. Процедурные же вопросы назначения, изменения судом условий реализации и прекращения отсрочки отбывания наказания необходимо закрепить в УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 82 УК РФ осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Законодатель непоследователен относительно того, какие виды уголовных наказаний могут подлежать отсрочке, а также умалчивает о возможности отсрочки либо реального исполнения дополнительных наказаний. Исходя из буквального толкования ст. 82 УК РФ можно предположить, что отсрочка возможна лишь при назначении виновной наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Об этом, по мнению некоторых ученых-криминалистов, свидетельствуют слова о том, что отсрочка предоставляется женщинам «кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет...», а также о том, что суд может отменить отсрочку и «направить осужденную в место, назначенное в соответствии с приговором суда» (Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 454).

Р. А. Базаров и К. В. Михайлов, исследуя природу института отсрочки, утверждают, что отсрочка направлена на женщин, осуж-

денных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества (арест, лишение свободы на определенный срок и содержание в дисциплинарной воинской части), так как данная мера нацелена на предоставление матери возможности воспитывать своего ребенка. Осуждение к наказаниям без изоляции от общества (исправительные, обязательные работы и др.) не мешает матери воспитывать ребенка (Базаров Р. А., Михайлов К. В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие. Челябинск, 2001. С. 99). Существует также мнение, согласно которому институт отсрочки не связан с определенным видом назначенного наказания, «хотя применяется он при осуждении к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы и лишению свободы» (Уголовное право России / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1999. Т. 1. Общая часть. С. 500–502). С точки зрения В. В. Мальцева, отсрочку возможно применять при любом наказании и даже штрафе, поскольку «отсрочка исполнения штрафа нередко может оказаться благотворнее, нежели отсрочка отбывания других видов наказаний» (Мальцев В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве : монография. Волгоград, 2003. С. 196).

Исследование судебной практики показало, что суды предоставляют отсрочку в основном при назначении наказания в виде лишения свободы. В свою очередь, фактов отсрочки исполнения штрафа не было отмечено, тем более что использование законодателем термина «отсрочка отбывания» указывает на срочность отсрочиваемых наказаний (Петрова И. А. Пределы допустимости применения отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст. 82 УК РФ // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. М., 2005. С. 481).

Однако ч. 9 ст. 175 УИК РФ предусматривает, что в случае наступления беременности женщина, осужденная к обязательным работам, исправительным работам или ограничению свободы, вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам. Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 398, где

речь идет уже не об отсрочке отбывания наказания, а об отсрочке исполнения приговора, дополняет указанный перечень наказаний арестом.

Таким образом, первый вид отсрочки – при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции по существу при одновременном провозглашении приговора (ст. 82 УК РФ) – возможен при назначении уголовного наказания в виде лишения свободы, а второй вид отсрочки – при исполнении наказаний (ст. 175 УИК РФ) – распространяется как на лишение свободы, так и на обязательные, исправительные работы или ограничение свободы. Арест же выпадает из перечня назначенных судом наказаний, отбывание которых может быть отсрочено. Данный вывод подтверждается тем, что в соответствии с ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50 и ч. 5 ст. 53 УК РФ последние четыре вида наказания вообще не могут быть назначены беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех (обязательные и исправительные работы) и четырнадцати (ограничение свободы и арест) лет и соответственно быть отсрочены при назначении, а в период их исполнения логичнее вести речь о полном освобождении таких осужденных от наказаний, а не об их отсрочке.

Сложно определить круг общественных отношений, являющихся объектом преступного посягательства женщины, которой невозможно отсрочить уголовное наказание. Это преступления, предусмотренные разд. 7 УК РФ «Преступления против личности», т. е. личность должна выступать основным непосредственным объектом либо личность может быть и дополнительным (обязательным или факультативным) объектом. Ученые в решении данного вопроса не пришли к единому мнению. Большинство из них полагают, что круг преступлений, совершенных женщиной, не может ограничиваться разд. 7 УК РФ; при совершении таких преступлений, как разбой, захват заложника, террористический акт и другие об отсрочке не может идти речи. В связи с этим необходимо оговорить данные обстоятельства в законе. Кроме того, виновная может совершить несколько преступлений против личности средней тяжести и ей может быть назначено наказание по совокуп-

ности свыше пяти лет. Однако в этом случае применение отсрочки не исключается. Здесь, безусловно, нужен дифференцированный и индивидуальный подход суда.

Анализируемая льгота рассчитана только лишь на лиц женского пола, и даже если мужчина (отец) имеет малолетнего ребенка и воспитывает его по каким-то причинам один, он не может рассчитывать на отсрочку наказания, несмотря на то, что природа данного института заключается в гуманизме, заботе не только о будущем ребенке, который должен родиться, но и о малолетних детях, нормальное развитие которых может пострадать в связи с отбыванием реального наказания как матерью, так и отцом.

В ч. 2 ст. 82 УК РФ перечисляются следующие основания отмены отсрочки судом по представлению контролирующего органа и направления осужденной для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда:

- осужденная отказалась от ребенка;
- осужденная продолжает уклоняться от воспитания ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденной.

В данном случае наблюдается несогласованность норм анализируемых отраслей права. В ч. 3 ст. 178 УИК РФ содержится дополнение оснований отмены отсрочки, перечисленных выше в УК РФ, – указание на уклонение женщины от ухода за ребенком. При этом понятие такого уклонения, в отличие от уклонения от воспитания ребенка, не раскрывается.

Очевидна коллизия между основаниями отмены отсрочки, указанными в ст. 82 УК РФ и ст. 178 УИК РФ. Так, в соответствии с ч. 2 последней статьи, а также п. 145 Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 12 апреля 2005 г. № 38 (Рос. газ. 2005. 11 мая), в течение десяти дней после выявления факта нарушения общественного порядка или трудовой дисциплины, повлекшего применение мер административного или дисциплинарного взыскания либо если осужденная женщина уклонялась от воспитания ребенка и ухода за ним, уголовно-исполнительная инспекция вызы-

вает осужденную женщину или посещает ее по месту жительства, отбирает у нее объяснение о причинах допущенного нарушения, проводит профилактическую беседу, объявляет предупреждение о возможной отмене отсрочки¹. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 82 УК РФ и ч. 3 ст. 178 УИК РФ суд может отменить отсрочку отбывания наказания по представлению уголовно-исполнительной инспекции по месту ее жительства и направить осужденную для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда только в случае, если осужденная отказалась от ребенка или продолжает уклоняться от его воспитания после предупреждения данной инспекции.

Таким образом, выносимые уголовно-исполнительной инспекцией предупреждения о возможной отмене отсрочки за нарушения общественного порядка или трудовой дисциплины бессмысленны и бездейственны, что может вызвать легкомысленное отношение осужденной к назначенной ей отсрочке и к сотруднику, выносившему предупреждения и осуществляющему контроль за ее поведением.

По-нашему мнению, необходимо установить срок действия указанного предупреждения, поскольку, получив его в начале отсрочки (например, в состоянии беременности), женщина ставится в неравное положение с осужденной, получившей такое предупреждение в конце отсрочки (когда ребенку исполнилось 13 лет), что не соответствует принципам справедливости, рационального применения средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения.

Кроме того, эффективная практика отмены условного осуждения отражает необходимость выделения на уровне материального (уголовного) права помимо указанных оснований в качестве самостоятельного основания отмены отсрочки со-

крытие осужденной от контроля, исключив его из элементов уклонения от воспитания ребенка (ч. 4 ст. 178 УИК РФ).

В ч. 3 ст. 82 УК РФ оговаривается компетенция суда при достижении ребенком четырнадцатилетнего возраста:

- освобождение осужденной от отбывания наказания;
- освобождение осужденной от отбывания оставшейся части наказания;
- замена оставшейся части наказания более мягким видом наказания.

При этом следует оговориться, что в ч. 5 ст. 178 УИК РФ два последних варианта справедливо коррелируют не только с достижением ребенком четырнадцати лет, но и со смертью ребенка.

Исключение Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» (Рос. газ. 2001. 14 марта) возможности возвращения осужденной в соответствующее учреждение для отбывания наказания или оставшейся его части дискредитировало данный институт. Сама дефиниция «отсрочка» толкуется как перенос чего-либо на более поздний срок, а «отсрочка отбывания наказания» как неисполнение наказания, назначенного судом в течение того или иного срока (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1996. С. 470 ; Энциклопедический юридический словарь. М., 1998. С. 225). Отсутствие подобного правового последствия истечения срока отсрочки не согласуется с принципами справедливости и неотвратимости уголовной ответственности, не служит воспитательной, предупредительной и регулятивной функциям уголовного права (Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 4).

По нашему мнению, в анализируемую норму необходимо внести дополнения, касающиеся упоминания о том, что речь идет о младшем ребенке, так как у женщины на момент осуждения может быть несколько детей до четырнадцати лет либо родиться новый ребенок в период отсрочки.

¹ Вместе с тем в бланке предупреждения (прил. 40 к указанной Инструкции) сказано: «предупреждена о том, что в случае продолжения уклонения от воспитания ребенка и ухода за ним суд может отменить ей отсрочку отбывания наказания и направить для отбывания наказания, назначенного приговором суда», и умалчивается о нарушениях общественного порядка или трудовой дисциплины.

Законодатель не предусмотрел досрочной отмены отсрочки в случае положительного поведения женщины, и сроки нахождения под контролем уголовно-исполнительных инспекций достаточно велики (порой свыше 14 лет), часто превышают сроки давности обвинительного приговора суда. На наш взгляд, внесение данной коррективы позволит стимулировать положительное поведение осужденных и снизить лишнюю нагрузку на уголовно-исполнительные инспекции.

В то же время УИК РФ в ч. 1 ст. 100 предусматривает возможность нахождения детей в домах ребенка исправительных учреждений лишь до трех лет, после чего они передаются родственникам, иным лицам или направляются в соответствующие детские учреждения.

Буквальное доктринальное толкование норм об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, урегулированных тремя анализируемыми отраслями права, позволяет выделить три разновидности подобной отсрочки в зависимости от времени ее предоставления:

1) при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции по существу при одновременном провозглашении приговора;

2) после вынесения приговора, но до вступления его в законную силу;

3) в период отбывания уголовного наказания (Малков В. П., Павлычева О. Н. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: порядок и последствия ее применения // Рос. юрид. журн. 2005. № 2. С. 114).

Несмотря на то, что *de jure*, согласно ч. 1 и 2 ст. 82 УК РФ, предусмотрен лишь первый вид отсрочки, которую Т. С. Буякевич предлагает именовать отсрочкой исполнения приговора, в ч. 3 указанной статьи, где речь идет о последствиях достижения ребенком четырнадцати лет, законодатель указывает на освобождение от оставшейся части наказания, т. е. о третьем виде отсрочки – непосредственно отсрочки отбывания наказания (Буякевич Т. С. К вопросу о юридической природе отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Пробле-

мы обеспечения ОВД прав и ответственности граждан России в современных условиях. М., 1994. Вып. 5. С. 95–100). В УПК РФ (ст. 398 «Отсрочка исполнения приговора») предусмотрен только второй вид отсрочки. Нормы же УИК РФ (ст. 177 и 178) регламентируют лишь отсрочку отбывания наказания в виде лишения свободы. Таким образом, наблюдается двойственность правовой природы института отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Нормы о данной отсрочке, предусмотренные в УК РФ, А. А. Нечепуренко предлагает именовать «погасительной» отсрочкой, а в УПК РФ – «процессуальной» (Нечепуренко А. А. Указ соч. С. 231–232). По нашему мнению, необходимо исключить различие в терминологических формулировках в УК РФ и УПК РФ, в которых речь идет об одном и том же институте.

При этом следует заметить, что в ч. 1 ст. 177 УИК РФ законодатель, видимо, допустив ошибку и указав, что отсрочка может быть предоставлена осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, отбывающим наказание в исправительной колонии, резко сузил круг осужденных, отбывающих лишение свободы в других исправительных учреждениях (воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, следственные изоляторы).

При этом важно учесть, что инициатором подачи представления (ходатайства) в суд может быть не только администрация исправительного учреждения (ч. 3 ст. 177 УИК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ), но и сама осужденная, адвокат (По жалобе гражданина Сидорова Степана Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституцион. Суда Рос. Федерации от 4 нояб. 2004 г. № 342-О // Рос. газ. 2004. 17 дек.).

В ч. 4 ст. 82 УК РФ предусматриваются правила назначения наказания по совокупности приговоров в случае совершения женщиной в период отсрочки нового преступления.

По смыслу данной нормы не имеет значения, к какой категории будет относиться новое преступление, а также с какой формой вины оно совершено. В данном случае суд назначает наказание по совокупности приговоров, однако остается не решенным вопрос о возможности сохранения отсрочки при назначении окончательного наказания. Представляется, что такую возможность необходимо сохранить для осужденных, совершивших преступления по неосторожности либо преступление небольшой или средней тяжести, причем это необходимо оговорить в уголовном законе.

В заключение следует рассмотреть упущения, имеющиеся в законодательном регулировании контроля за поведением женщин, осужденных с применением ст. 82 УК РФ. Так, на законодательном уровне не определен субъект контроля за поведением таких женщин. В ст. 16 УИК РФ перечисляются учреждения и органы, исполняющие не только наказания, но и иные меры уголовно-правового характера. Согласно ч. 13 указанной статьи условно осужденные находятся под контролем уголовно-исполнительных инспекций. Далее субъект исполнения условного осуждения уточняется в ч. 1 ст. 187 УИК РФ. Относительно же отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, законодатель молчит. Лишь в ст. 177 и 178 УИК РФ, в которых речь идет о таком виде отсрочки, который применяется судом уже в процессе отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, оговаривается, что освобожденная обязана явиться в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства. Также уточнение об инспекции как учреждении, ответственном за контроль за указанной категорией освобожденных, имеется в Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

На законодательном уровне не предусмотрены сроки, после отбытия которых администрация мест лишения свободы направляет в суд ходатайство об отсрочке, что представляется неверным и позволяет администрации самостоятельно решать, когда направить представление – как только осужденная забеременела либо по дости-

жении ребенком определенного возраста. Из буквального толкования закона следует, что отсрочка может быть предоставлена также осужденной, у которой есть на свободе тринадцатилетние дети. По нашему мнению, так как данный вид освобождения от наказания является условным, исходя из категории совершенного преступления необходимо предусмотреть минимальный срок нахождения в изоляции, возможность возложения на осужденную определенных обязанностей, имеющих профилактическое значение, а также предоставление осужденной права самостоятельно обращаться в суд с ходатайством об отсрочке.

Сроки отсрочки не связаны со сроками и видами назначенного судом наказания, кроме того, в законе не предусмотрена возможность отсрочки дополнительных видов наказания. Отмечаются также случаи, когда осужденной к 8 годам лишения свободы по ч. 2 ст. 228.1 УК РФ наказание было отсрочено в связи с воспитанием двенадцатилетнего ребенка. Таким образом, под контролем уголовно-исполнительной инспекции она будет находиться всего два года, после чего суд освободит ее от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо заменит оставшуюся часть наказания более мягким. В настоящее время других последствий достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста не предусмотрено. Или другой пример, когда беременная осужденная по ч. 1 ст. 158 УК РФ к одному году лишения свободы должна находиться под контролем инспекции более четырнадцати лет, несмотря на то, что сроки давности обвинительного приговора за совершение такого преступления равняются двум годам и истекают в период отсрочки (Тепляшин П. В., Уметбаев Т. Ш., Ситдилов М. И. Институт отсрочки отбывания наказания нуждается в совершенствовании // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2007. Ч. 1. С. 115).

Уголовно-исполнительные инспекции практически не наделены функциями, ужесточающими либо, наоборот, смягчающими правовое положение освобожденной в зависимости от ее поведения.

Что касается компетенции УПК РФ, то его нормы относительно института отсрочки также требуют уточнения и дополнения.

В частности, по свидетельству В. П. Малкова, в судебной практике редко встречаются приговоры, в которых суд применил бы отсрочку отбывания наказания беременной женщине или женщине, имеющей малолетних детей при назначении наказания, и указал бы при этом в описательно-мотивировочной и резолютивной частях на возможность ее применения. Чаще отсрочка предоставляется по ходатайству осужденной после объявления приговора в порядке п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ (Малков В. П. Павлычева О. Н. Указ. соч. С. 118). Причиной этого служит отсутствие в ст. 299 УПК РФ «Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора» указаний на необходимость обсуждения такого вопроса. Отсутствует указание на возможность применения к подсудимой рассматриваемого института и необходимость указания на подобное решение в резолютивной части приговора и в ч. 1 ст. 308 УПК РФ. Даже в ч. 2 ст. 393 УПК РФ «Порядок обращения к исполнению приговора, определения, постановления суда» говорится об обязанности суда направить копию приговора в то учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания, и ничего не говорится об учреждениях, исполняющих меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием.

Наблюдается двойственность процессуальных основ применения данного вида отсрочки в зависимости от этапа уголовно-правовых и процессуальных правоотношений, на которых она применяется, что порождает серьезные нарушения прав осужденных. Показательно в этом отношении кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2006 г. № 66-о05-159 (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс»), в котором указано, что согласно п. 2 ч. 1 ст. 398 и п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ отсрочка исполнения приговора по мотиву наличия у осужденной малолетних детей решается в порядке исполнения вступившего в силу приговора и разрешение вопроса об от-

срочке исполнения приговора в компетенцию суда кассационной инстанции не входит. Мы разделяем мнение В. Лаврова в том, что такое решение небесспорно и в случае незаявления подсудимой или ее защитником ходатайства с подобной просьбой в ходе прения сторон при производстве в суде первой инстанции данный вопрос должен быть включен в компетенцию кассационной инстанции (Лавров В. Проблемы применения материальных и процессуальных норм при отсрочке исполнения приговора // Уголов. право. 2007. № 4. С. 124).

Кроме того, требует разрешения оставшееся упущение в ст. 396 УПК РФ о компетенции суда, который рассматривает вопрос об освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся части наказания более мягким видом наказания осужденной с отсрочкой указанием на суд по месту жительства осужденной.

Таким образом, нормы, регламентирующие реализацию института отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, требуют некоторой унификации в каждой из трех проанализированных отраслей права.

Библиографический список

1. Козаченко, И. Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения / И. Я. Козаченко. – Свердловск, 1987.
2. Малков, В. П. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: порядок и последствия ее применения / В. П. Малков, О. Н. Павлычева // Рос. юрид. журн. – 2005. – № 2.
3. Мальцев, В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве : монография / В. В. Мальцев. – Волгоград, 2003.
4. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов, 1978.
5. Шеслер, А. В. Уголовно-правовая политика и ее реализация / А. В. Шеслер, С. М. Мальков. – Красноярск, 2002.

С. Б. Рябых,
*адъюнкт Научно-исследовательского
института ФСИН России*

**МЕРЫ ПОощРЕНИЯ И ВзыСКАНИЯ
КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА
В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ
ФСИН России**

Ключевые слова:

поощрения и взыскания, средства исправления,
требования режима, рациональное применение мер
принуждения, дисциплинированное поведение,
мероприятия воспитательного характера

В целях поддержания надлежащего порядка формирования правомерного поведения несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы особое место занимают меры поощрения и взыскания, выступающие средством стимулирования несовершеннолетних правонарушителей к правопослушному поведению. Речь идет о том, что данные меры обеспечивают не только правомерное и дисциплинированное поведение подростков в воспитательных колониях, но и подготавливают их к жизни на свободе. В ходе применения указанных мер подростки должны осознать, что за время отбывания наказания им следует соблюдать требования режима, активно участвовать в получении общего образования, профессиональной подготовке и других мероприятиях воспитательного характера.

В основу применения к несовершеннолетним осужденным мер поощрения и взыскания уголовно-исполнительным законодательством положены принципы гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Важная роль этих принципов состоит в постепенном переходе от одних мер к другим внутри системы мер поощрения и взыскания.

Применяемые к несовершеннолетним осужденным меры поощрения являются стимулирующим средством в виде моральных или материальных юридических благ, выраженных в нормах законодательства. Система их применения представляет собой постепенный переход от предоставления минимальных мер поощрения (благо-

дарность) к более благоприятным мерам, например, предоставление права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, их заменяющих лиц или других близких родственников.

Вместе с тем уголовно-исполнительным законодательством предусмотрено большое количество мер, направленных на выработку у несовершеннолетних осужденных правомерного поведения во время отбывания наказания, а также стимулирующих их стремление к исправлению. Меры поощрения образуют в целом (вместе с положениями, предусмотренными ст. 132, 133, 172, 175 УИК РФ) систему изменения условий содержания несовершеннолетних осужденных, которая предполагает при позитивном поведении осужденного отдельные льготы либо существенные изменения условий его содержания к лучшему.

В зависимости от выполнения режимных требований и степени исправления несовершеннолетних осужденных меры поощрения можно подразделить на три группы: 1) хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и учебе, активное участие в работе самодеятельных организаций осужденных и в воспитательных мероприятиях (меры поощрения разового характера); 2) отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестное отношение к труду и учебе (применяются также меры поощрения, изменяющие условия содержания внутри воспитательной колонии); 3) положительно характеризующимся осужденным (например, такие меры поощрения, как замена наказания более мягким и помилование).

В соответствии со ст. 134 УИК РФ за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и учебе, активное участие в работе самодеятельных организаций осужденных и в воспитательных мероприятиях к несовершеннолетним осужденным наряду с предусмотренными ст. 113 УИК РФ могут применяться различные меры поощрения: от благодарности до предоставления права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников.

Из перечисленных в указанных статьях УИК РФ мер поощрения, применяемых к несовершеннолетним осужденным, необходимо рассмотреть такой вид поощрения, как досрочное снятие ранее наложенного взыскания.

Во-первых, к несовершеннолетнему осужденному, имеющему неснятое или непогашенное взыскание, может быть применено только поощрение в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания. Во-вторых, в зависимости от тяжести проступка законодатель устанавливает определенные сроки снятия наложенного за их совершение взыскания.

Досрочное снятие ранее наложенного взыскания допускается не ранее трех месяцев со дня наложения всех взысканий, применяемых к несовершеннолетним осужденным.

При этом необходимо обратить внимание на осужденных, достигших 18 лет, имеющих неснятые взыскания и по решению суда переведенных для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима.

С нашей точки зрения, ранее наложенное взыскание в воспитательной колонии в виде содержания в дисциплинарном изоляторе при переводе в исправительную колонию общего режима должно сниматься на общих основаниях, т. е. через шесть месяцев.

Важное значение имеют стимулирующие нормы, регулирующие изменение условий содержания несовершеннолетних осужденных. При отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду и учебе применяются меры поощрения, изменяющие условия содержания внутри воспитательной колонии:

- перевод несовершеннолетних осужденных из обычных в облегченные условия отбывания наказания (ч. 4 ст. 132 УИК РФ);

- перевод несовершеннолетних осужденных из облегченных в льготные условия для подготовки их к освобождению (ч. 5 ст. 132 УИК РФ).

Наличие разных условий отбывания наказания в воспитательных колониях является одной из основных форм реализации института дифференциации исполнения наказания. Более дифференцированная система условий отбывания наказания стимулирует процесс исправления осужденных и повышает эффективность воспитательного воздействия на них.

Для подготовки к освобождению осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, переводятся в льготные условия отбывания наказания, несмотря на то, что в ч. 5 ст. 132 УИК РФ основания для пе-

ревода специально не оговариваются. По нашему мнению, они должны соответствовать тем требованиям, которые определяют возможность перевода осужденных с обычных на облегченные условия отбывания наказания. Представляется целесообразным законодательно установить максимальный срок до истечения срока наказания для перевода на льготные условия отбывания наказания из облегченных, например за шесть месяцев, и условия такого перевода, т. е. отсутствие взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания, добросовестное отношение к труду и учебе.

На практике в некоторых воспитательных колониях на льготные условия переводятся осужденные, в отношении которых решается вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Далее рассмотрим третью группу, определяющую меры поощрения для тех несовершеннолетних осужденных, которые не нуждаются в полном отбытии назначенного судом наказания. К этой группе относится институт замены наказания более мягким видом, который согласно ст. 80 УК РФ применяется к лицу, отбывающему лишение свободы, с учетом его поведения в период отбывания наказания. Часть 3 ст. 175 УИК РФ уточняет, что такое поведение должно отвечать требованиям, предъявляемым к положительно характеризующимся осужденным. Однако на практике институт замены наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетних осужденных не применяется по ряду причин. Во-первых, ограничены свободные рабочие места у органов местного самоуправления для данной категории. Во-вторых, нормы УК РФ и УИК РФ не предусматривают возможности замены наказания в виде лишения свободы другим более мягким видом наказания в силу их возрастных особенностей и фактического отбытия несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы. Так, уголовным законодательством не предусмотрена замена несовершеннолетнему лишения свободы исправительными работами под надзором уголовно-исполнительных инспекций.

К мерам стимулирования стремления несовершеннолетних осужденных к исправлению относятся и другие формы поощрения: предоставление права передвижения без конвоя за пределами колонии

(ст. 96 УИК РФ), выезд за пределы мест лишения свободы в отпуск (ст. 97 УИК РФ).

Таким образом, когда речь идет о мерах поощрения, применяемых к несовершеннолетним осужденным, не следует ограничиваться перечислением только тех, которые указаны в ст. 113, 134 УИК РФ.

Прогрессивная система отбывания наказания предусматривает не только улучшение условий отбывания наказания, но и их ухудшение, в основе которого лежит постепенный переход от лучших условий содержания к худшим с помощью мер дисциплинарных взысканий, которые, как и меры поощрения, направлены на исправление несовершеннолетних правонарушителей.

В соответствии со ст. 136 УИК РФ за нарушение установленного порядка отбывания наказания к несовершеннолетним осужденным наряду с предусмотренными пп. «а» и «б» ч. 1 ст. 115 УИК РФ (выговор и дисциплинарный штраф в размере двухсот рублей) могут применяться следующие меры взыскания: лишение права просмотра кинофильмов в течение одного месяца; водворение в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток с выводом на учебу.

Перечисленные меры также должны применяться постепенно от более мягких к более жестким, поскольку, если меры поощрения ослабляют карательные воздействия режима и приближают несовершеннолетних осужденных к выходу на свободу, то меры взыскания постепенно ухудшают условия жизни и быта и в случае их неэффективности являются основанием для перевода несовершеннолетнего осужденного в воспитательную колонию с более строгим режимом, вид которой в действующем УИК РФ не предусмотрен (Кондусов А. П. Нужны колонии трех видов // К новой жизни. 1965. № 7–12).

Основанием применения к несовершеннолетним мер дисциплинарных взысканий выступает степень тяжести нарушения. Применяемые меры дисциплинарного взыскания целесообразно распределить на три группы:

1) меры взыскания, носящие предупредительный характер, которые применяются к несовершеннолетним осужденным за совершение малозначительных проступков (например выговор);

2) связанные с лишением определенных материальных благ либо запрещающие не-

совершеннолетнему осужденному использование какого-либо права (дисциплинарный штраф, лишение права просмотра кинофильмов в течение одного месяца, отмена права проживания вне общежития);

3) существенно ограничивающие свободу осужденного в пределах воспитательной колонии (водворение в дисциплинарный изолятор).

Так, согласно ч. 3 ст. 117 УИК РФ дисциплинарный штраф налагается только за нарушения установленного порядка отбывания наказания, перечисленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ.

Несовершеннолетний осужденный, совершивший нарушения, указанные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания при условии назначения ему взыскания, предусмотренного п. «б» ст. 136 УИК РФ. Признание лица злостным нарушителем осуществляется постановлением начальника воспитательной колонии одновременно с наложением дисциплинарного взыскания в виде водворения в дисциплинарный изолятор.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, дисциплинарное взыскание в виде штрафа в размере 200 руб. не дает возможности правильного его применения, так как происходит несогласованность между п. 3 ст. 117 и ч. 3 ст. 116 УИК РФ. Во-вторых, дисциплинарный штраф может быть применен только к тем осужденным, которые трудятся на производстве, имеют на лицевых счетах денежные средства, заработанные в период отбывания наказания. В-третьих, взысканная сумма перечисляется в федеральный бюджет, а не на развитие воспитательной колонии.

Учитывая вышесказанное, мы полагаем, что дисциплинарное взыскание в виде штрафа в размере 200 руб. целесообразно исключить из перечня дисциплинарных взысканий, применяемых к несовершеннолетним осужденным.

Оценивая дисциплинарные взыскания, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве с позиций международно-правовых стандартов по обращению с заключенными, следует признать, что они в целом соответствуют требованиям Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, а также Европейских рекомендаций в отношении несовершеннолетних, приговоренных к различным видам наказания.

В то же время необходимо внести дополнения в УИК РФ для решения вопроса о наложении взыскания в виде водворения в дисциплинарный изолятор. На наш взгляд, применение этого взыскания должно осуществляться коллегиальным органом (Дисциплинарным советом), в состав которого могут войти как сотрудники, так и осужденные из числа актива воспитательной колонии.

Эффективность дисциплинарной практики напрямую зависит от наличия четкой системы проступков, которая, по нашему мнению, должна быть закреплена в законе.

Критерием построения этой системы могут стать следующие объекты посягательства:

1. Нарушения учебной дисциплины (систематическая неуспеваемость по всем или отдельным предметам, пропуски занятий, включая симуляцию болезни, конфликты с одноклассниками и учителями).

2. Дисциплинарные проступки, посягающие на общественный порядок в воспитательной колонии (мелкое хулиганство, употребление алкогольных напитков, наркотических средств, других одурманивающих веществ; изготовление, хранение, приобретение предметов, предназначенных для совершения преступления; организация либо участие в азартных играх; подстрекательство к совершению нарушения режима; воспрепятствование участию осужденных в работе самодеятельных организаций).

3. Нарушения трудовой дисциплины (отказ от работы; ненадлежащее выполнение своих трудовых обязанностей; невыполнение по вине несовершеннолетнего нормы выработки или установленного задания).

4. Нарушения, посягающие на порядок взаимоотношений осужденных с представителями администрации (неповиновение представителю администрации; неисполнение указаний; оскорбления, а также действие или бездействие, не подпадающие под признаки уголовно наказуемого деяния).

5. Проступки, направленные против личности и личной собственности осужденных (оскорбления, ссоры, драки, мелкие кражи, порча личного имущества).

6. Нарушения, посягающие на порядок изоляции осужденных (установление незаконных связей с персоналом и иными лицами; приобретение и хранение предметов и вещей, запрещенных к использованию в местах ли-

шения свободы; нелегальная отправка корреспонденции; передача осужденным, содержащимся в карантинном отделении, дисциплинарном изоляторе и в строгих условиях отбывания наказания, предметов и продуктов питания; нарушение правил проведения длительного свидания за охраняемой территорией исправительного учреждения).

7. Проступки, посягающие на внутренний распорядок (нарушения распорядка дня, самовольное оставление рабочего места; самовольное оставление общежития отряда, локального участка; нарушение порядка передвижения по территории колонии; нарушение правил пожарной безопасности; курение в не отведенных для этого местах; нарушение санитарно-гигиенических правил, включая плохую заправку постели).

По нашему мнению, мера дисциплинарного взыскания должна соответствовать характеру совершаемого дисциплинарного проступка. Если несовершеннолетний осужденный нарушает режим и постоянно опаздывает на проводимые мероприятия, то применяемые к нему меры воздействия должны быть одни, а если нарушение режима выражается в передаче через запретное ограждение запрещенных предметов, незаконной переписке, нарушении правил проживания в общежитии, общения между собой и с администрацией учреждения, то это должно влечь за собой более строгие меры дисциплинарного взыскания, в том числе водворение в дисциплинарный изолятор.

В связи с этим необходимо закрепить в законе перечень нарушений порядка отбывания наказания и дисциплины в воспитательных колониях, которые влекут водворение в дисциплинарный изолятор.

Библиографический список

1. *Беляева, Л. И.* Несовершеннолетний в ВТК: что полезно знать младшему инспектору / Л. И. Беляева. – М., 1996.

2. *Каишуба, Ю. А.* Реализация правового статуса несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы : монография / Ю. А. Каишуба. – Ростов н/Д, 1999.

3. Уголовно-исполнительное право : учебник. В 2 т. Т. 2 : Особенная часть / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Рязань, 2006.

4. *Чапурко, Т. М.* Преступность несовершеннолетних / Т. М. Чапурко, Е. А. Стабровская. – Краснодар, 2006.

Р. Р. Фатхуллин,
*начальник кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*
Э. О. Самитов,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России*

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Ключевые слова:
оперативно-розыскная деятельность, незаконный
оборот наркотических средств и психотропных веществ

Важную роль в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в исправительных учреждениях (далее: ИУ) играет своевременное получение оперативно-розыскной информации.

В ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация определяется как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (Рос. газ. 2006. 29 июля). При этом следует отметить, что специфика (вид) социальной информации зависит в первую очередь от того, какая область человеческой деятельности рассматривается (Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. О сущности, видах, свойствах и функциях социальной информации // Научное управление обществом. 1977. Вып. 11. С. 155).

Разработкой вопросов, связанных с содержанием оперативно-розыскной информации, занимались многие видные специалисты в области оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) (Гребельский Д. В. Теоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности органов милиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 33 ; Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. М., 2000. С. 20–21 и др.).

Как показал анализ различных точек зрения, ряд авторов используют широкий подход к определению оперативно-розыскной информации, другие стремятся ограни-

чить ее содержание сведениями или данными, получаемыми с применением возможностей оперативных подразделений.

Наиболее точное определение оперативно-розыскной информации, на наш взгляд, дано В. М. Аتماжитовым, который рассматривает ее как получаемые субъектом ОРД с помощью оперативно-розыскных мер фактические данные, содержащие в себе знания, необходимые и пригодные для использования в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства (Аتماжитов В. М. Реализация оперативно-розыскной информации : лекция. М., 1984. С. 11). В данном определении автор делает акцент на специальных признаках этого понятия, связанных с субъектами получения сведений, а также соответствующими оперативно-розыскными мерами, используемыми для их получения.

Отсюда существенными признаками оперативно-розыскной информации, имеющими значение для обеспечения борьбы с незаконным оборотом наркотиков, следует считать:

- принадлежность ИУ к государственным органам, решающим специфические задачи;
- целевое назначение – предупреждение проникновения наркотиков в ИУ незаконным путем;
- наличие данных гласного и негласного характера;
- сведения о причинах и условиях, способствующих проникновению наркотических средств и психотропных веществ, об осужденных, склонных к их приобретению, а также протекающих профилактических процессах;
- урегулированность ведомственными нормативными правовыми актами процесса сбора информации, ее фиксации, накопления, хранения, поиска, распространения и потребления;
- специфичность субъекта – оперативные подразделения ИУ с присущей только им компетенцией в использовании негласных возможностей для сбора и реализации полученных данных;
- возможность участия в реализации информации сотрудников иных отделов и служб ИУ при условии соблюдения требований конспирации.

Организационные основы информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений ИУ по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в данных учреждениях тесно связаны с системой оперативно-розыскной информации, включающей сведения о состоянии оперативной обстановки на обслуживаемой территории, сложившихся причинах и условиях совершения преступлений, признаках подготавливаемых и совершенных преступлений и т. д.

Таким образом, система оперативно-розыскной информации – это категория, характеризующая сложившееся в результате принятия необходимого комплекса специальных мер состояние количественных и качественных показателей информационного обеспечения ОРД в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС), достигаемых в результате осуществления оперативно-розыскного информационного процесса (Атмажитов В. М., Яковец Е. Н. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. С. 11–12). Последний, в свою очередь, рассматривается как совокупность следующих элементов: оперативно-розыскная регистрация, формирование оперативно-розыскного учета и использование имеющейся информации в целях решения задач ОРД.

При этом следует отметить, что оперативно-розыскная регистрация может основываться как на гласных, так и негласных способах получения информации, в связи с чем она может носить открытый или конфиденциальный характер.

Наиболее полную и достоверную информацию, связанную с деятельностью по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, оперативные сотрудники ИУ получают: от негласных сотрудников, в результате оперативного контакта, личного сыска, применения оперативной техники, от сотрудников других отделов и служб, из других ИУ, ОВД, ФСИН России и других источников.

Однако вне зависимости от того, каким образом была получена информация, необходимая для деятельности оперативных отделов ИУ по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, она должна быть зафиксирована для последующего использования. В ИУ в качестве

носителей регистрационной информации, являющихся средством ее хранения, передачи и восприятия, можно рассматривать следующие документы и материалы: рапорты сотрудников ИУ; информация, полученная из негласных источников; заявления и объяснения осужденных; материалы оперативных учетов и т. д. Кроме того, оперативная информация, циркулирующая в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков в ИУ, может передаваться и в устной форме, однако наличие оформленных документов позволяет продолжительное время оперировать ею, доводить при необходимости до заинтересованных отделов и служб учреждения, оперативных аппаратов вышестоящих органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, принимать наиболее целесообразные решения.

Принципиально важно, чтобы все субъекты информационного обеспечения ОРД в УИС, особенно те, которые непосредственно занимаются оперативно-розыскной работой, обладали соответствующими навыками и умениями, связанными с осуществлением оперативно-розыскной регистрации. Как правило, после сбора и фиксации соответствующая регистрационная информация поступает для обработки (или индексирования) специализированным субъектам информационного обеспечения ОРД, занимающимся формированием соответствующих информационных систем.

Таким образом, проецируя тезис В. М. Атмажитова и Е. Н. Яковца на ФСИН России, можно сказать, что целью оперативно-розыскной регистрации является создание субъектами информационного обеспечения ОРД в УИС с использованием соответствующих методов и способов различного рода оперативно-розыскных документов, обладающих необходимым и достаточным набором регистрационных признаков, позволяющих обеспечить систематизацию последних в информационных системах. Исходя из этого субъектам ОРД в УИС необходим собственный специализированный оперативно-розыскной учет, формирование которого, как мы отметили выше, является неотъемлемой частью оперативно-розыскной информационной технологии, представляющей собой совокупность информационных процессов, связанных с накопле-

нием, хранением, поиском и распространением информации (Атмажитов В. М., Яковец Е. Н. Указ. соч. С. 17–18).

В настоящее время во всех структурах правоохранительных органов Российской Федерации созданы или создаются единые информационные массивы оперативной информации как по конкретному региону, так и по отдельным физическим и юридическим лицам.

В частности, для эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотиков разработано и принято постановление Правительства РФ от 23 января 2006 г. № 31 «О создании, ведении и использовании единого банка данных по вопросам, касающимся оборота наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 5, ст. 552).

Единый банк данных был создан в целях реализации государственной политики в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия их незаконному обороту, а также повышения эффективности взаимодействия в этой сфере федеральных органов исполнительной власти, Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Этот банк данных представляет собой специализированную межведомственную автоматизированную информационную систему, которая содержит сформированную в виде информационных ресурсов информацию, касающуюся незаконного оборота наркотиков, а также противодействия ему. Единый банк данных является Федеральным информационным ресурсом и находится в ведении ФСКН России.

Наряду со специализированными субъектами, в компетенцию которых входит создание и пополнение централизованных учетов, формированием последних, подпадающих под категорию оперативно-розыскных, могут заниматься и другие субъекты, в частности, практические работники оперативных управлений (отделов) территориальных ГУФСИН (УФСИН) и оперативных отделов ИУ. Такие (местные) учеты создаются для решения узковедомственных задач в рамках компетенции оперативных подразделений. В настоящее

время дела оперативного учета являются основными формами систематизации, накопления и хранения оперативно-розыскной информации, хотя нельзя игнорировать и другие формы – картотеки, журналы, электронные базы.

При этом повышение эффективности информационного обеспечения ОРД в УИС должно осуществляться на основе последних достижений науки и техники. Поэтому на повестке дня стоит задача по созданию системы для накопления сведений оперативно-розыскного характера на базе применения соответствующих информационных технологий. И если на федеральном уровне, как было отмечено выше, это требует создания централизованных автоматизированных систем информационного обеспечения, что является сегодня достаточно сложной проблемой в методологическом и организационном отношении, то на уровне территориальных ГУФСИН (УФСИН) и ИУ уже сейчас можно и нужно формировать локальные информационно-поисковые системы.

Как показывает практика, такие системы уже созданы и действуют в оперативных подразделениях некоторых регионов РФ. Например, УФСИН России по Приморскому краю была разработана информационно-поисковая система «Розыск», позволяющая хранить в электронном виде информацию о лицах, отбывавших или отбывающих наказания в местах лишения свободы, их адреса по прописке и по месту проживания, приметы и татуировки, информацию о родственниках и соучастниках, включая их адреса, иную статистическую и оперативную информацию; выводить ее в файл или на принтер в установленной форме (например, ориентировку на бежавшего осужденного) и др. В настоящее время эта система функционирует в отделе организации розыска указанного территориального органа УИС, однако ввиду невозможности ее пополнения по мере поступления информации непосредственно из ИУ она используется недостаточно эффективно.

Выводы о необходимости создания автоматизированного учета оперативно-розыскной информации непосредственно связаны с таким элементом информационного обеспечения ОРД в УИС, как использование (потребление) получаемой информации для решения задач ОРД.

Оперативным работникам следует иметь в виду, что в потоке поступающих данных могут содержаться и не представляющие интереса для организации деятельности по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в ИУ. Следовательно, прежде чем использовать полученные сведения, их надо обработать, т. е. перед тем, как принять соответствующее решение по их реализации, информация должна быть проанализирована, обобщена и оценена.

Таким образом, существующие в настоящее время проблемы информационного обеспечения деятельности оперативных отделов ИУ, а именно: несвоевременность и отсутствие систематичности поступления

Д. В. Чернышёва,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний

**ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД –
ОСНОВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ,
НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**

Ключевые слова:
общественно полезный труд, исправительные работы,
обязательные работы, осужденный без изоляции
от общества

Одним из средств исправительного воздействия на лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, является привлечение их к общественно полезному труду. Главенствующая роль в этом отведена уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН России, основная задача которых – исправление осужденных, т. е. формирование у них уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям общежития, в процессе исполнения таких видов наказаний, как исправительные и обязательные работы.

Показательно, что на протяжении всей истории существования наказаний в виде исправительных и обязательных работ их суть составляет общественно полезный труд, ориентированный на исправление правонарушителей. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение общей природы назначения труда.

информации, неиспользование в полной мере картотек, журналов, электронных баз данных – пронизывают все организационные уровни УИС и требуют целого комплекса радикальных управленческих решений.

Библиографический список

1. *Атмажитов, В. М.* Реализация оперативно-розыскной информации : лекция / В. М. Атмажитов. – М., 1984.
2. *Гребельский, Д. В.* Теоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности органов милиции : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1968.
3. *Овчинский, С. С.* Оперативно-розыскная информация / С. С. Овчинский. – М., 2000.

Во все времена труд был, есть и остается естественной необходимостью: без него немислима сама жизнь. «Вся так называемая всемирная история, – писал К. Маркс, – есть не что иное, как порождение человека человеческого трудом» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1950. С. 598).

В жизни общества труд является величайшим общественным фактором всестороннего непрерывного развития человека, его личностных способностей, навыков и умений их удовлетворения.

Характеризуя процесс труда, К. Маркс отмечал, что «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу собственные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти... Кроме напряжения всех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля» (Маркс К. Капитал. М., 1955. Т. 1. С. 184).

Подчеркивая всеобъемлющее значение труда в жизни общества, Ф. Энгельс указывал: «Труд – источник всякого богатства... Он – первое основное условие всей человеческой жизни, и при этом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 486).

Таким образом, «сделав» человека, труд стал неотъемлемым средством развития человеческого социума и источником его благосостояния. Как справедливо говорил К. Маркс, труд – «независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» (Там же. Т. 23. С. 51).

Кроме того, труд, будучи «вечной естественной необходимостью» существования человеческого общества, выступает и как общественное явление. Так, помимо отношений с природой, человек вступает в отношения с другими людьми, поскольку «они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью» (Там же. Т. 6. С. 441).

Чтобы производить, писал К. Маркс, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство (Там же). Другими словами, будучи общественным явлением, труд всегда осуществляется в рамках определенных производственных отношений, способа производства, а также при наличии определенных форм поведения и соблюдения трудовой дисциплины участников трудовых процессов.

Таким образом, общая природа труда характеризуется тем, что он является:

- 1) всеобщим условием жизни отдельного человека и общества в целом;
- 2) средством развития человека и формирования его потребностей;
- 3) основой решения всех экономических задач, без которых невозможно развитие человеческого общества.

В то же время и прежде всего в силу вышеуказанных свойств труд выступает как могучий воспитательный фактор осуж-

денных, в том числе тех, кто приговорен к отбыванию обязательных и исправительных работ.

Говоря о воспитательных целях труда осужденных, мы исходим из того, что «основной целью уголовного наказания являются исправление лиц, совершивших преступление, и возвращение их к честной трудовой жизни» (Шамсунов С. Х. Правовые и организационные основы привлечения к труду осужденных к лишению свободы (по материалам Республики Татарстан) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 17).

Еще в «Критике Готской Программы» К. Маркс высказывал мысль о производительном труде как единственном средстве исправления осужденных (Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 19. С. 31). Позднее А. Л. Ременсон отмечал, что труд и воспитание неотделимы, это две стороны единого процесса. «В полном сочетании с этим положением исправительно-трудовое законодательство определяет, что исправление и перевоспитание заключенных основываются на привлечении их к общественно полезному труду» (Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 35). Другие исследователи считают, что «главной характерной чертой... наказания являются перевоспитание и исправление осужденного с помощью общественно полезного труда – важного фактора, влияющего на формирование личности человека... В условиях советского общества сознательный, творческий, коллективный труд выступает в качестве средства обеспечения всего народа материальными благами. Как важный фактор воспитания труд может быть использован обществом в необходимых случаях и для перевоспитания его членов.

В процессе исправительно-трудового воздействия на преступников, в том числе и на осужденных к исправительным работам, используется это влияние коллективного общественно полезного труда» (Эффективность исправительных работ как меры наказания / А. С. Михлин [и др.] // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. С. 93).

Авторы, безусловно, правы, делая вывод, что коллективный характер труда вос-

питывает и перевоспитывает людей, вырабатывает лучшие качества личности – дисциплинированность, исполнительность, аккуратность, чувства товарищества, личной ответственности перед коллективом и ответственность за коллектив. Еще выдающийся советский педагог А. С. Макаренко утверждал, что «только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям – родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда» (Макаренко А. С. Сочинения. М., 1957. Т. 4. С. 397).

Таким образом, в юридической литературе воспитательным свойствам общественно полезного труда уделялось достаточно много внимания, показательно, что их никто не подвергает сомнению и в настоящее время.

Важно указать еще одно обстоятельство. Наряду с трудом как одним из основных средств воспитания осужденных необходимо осуществлять идеологическое, нравственное, правовое воспитание, поскольку выработка профессиональных трудовых умений и навыков еще не означает, что осужденный исправился, порвал со своим преступным прошлым. Трудовые умения и навыки не влияют непосредственно на формирование нравственных свойств личности, тем не менее при определенных условиях, и мы убеждены в этом, они могут являться базой для организации нравственного воспитания осужденных. Главное в трудовом воспитании – воспитание убеждений, формирование мотивационных начал, которые входят в качестве основного элемента в понятие нравственного воспитания осужденных (Зубков А. И. Социально-правовые и организационные проблемы труда осужденных к лишению свободы : учеб. пособие. Рязань, 1980. С. 8).

Следует отметить, что роль труда для осужденных, отбывающих наказание, не связанные с лишением свободы, не исчерпывается воспитательной целью. Труд преследует также определенные экономические и оздоровительные цели (Крахмальник Л. Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963).

Нередко в научной литературе высказывается мнение, что воспитательные и экономические цели труда осужденных несовместимы, что одна из них может быть достигнута в ущерб другой. Возникает вопрос: в чем же заключаются особенности труда, удовлетворяющего воспитательным целям. Анализ научных трудов, написанных специалистами в данной области (например, А. Л. Ременсон, А. И. Зубков и др. (Ременсон А. Л. Указ. соч. ; Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997) дает основание полагать, что именно экономически эффективный труд оказывает позитивное воспитательное воздействие на осужденных. В свою очередь, Ю. А. Алферов отмечал, что «воспитательное значение труда снижается из-за серьезных недостатков в его организации и экономическом стимулировании, низкого технологического оснащения» (Алферов Ю. А. Общий кризис уголовно-исполнительной системы России и основные пути его преодоления в современных условиях // Выживаемость ИТУ в условиях рынка: Новые структуры и механизмы деятельности. Рязань, 1993. С. 14).

Таким образом, наиболее приемлемой представляется позиция авторов, основанная на том, что «воспитательная и экономические цели, стоящие перед трудом осужденных, не противоречат друг другу, а наоборот, объективно объединены единством конечных результатов в виде исправления и перевоспитания осужденных» (Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особой части. М., 1985. С. 119).

Оздоровительные же цели труда авторы видели в том, что, участвуя в посильной общественно полезной деятельности, осужденные развиваются физически (Советское исправительно-трудовое право : учебник / под ред. Н. А. Стручкова, Ю. М. Ткачевского. М., 1983. С. 166). На наш взгляд, если указанную цель сводить лишь к физическому развитию, то альтернативой труду может выступать организация спортивных и оздоровительных мероприятий. Особо отмечаем, что оздоровительные цели труда направлены и на сохранение психического равновесия осужденных в период отбывания наказания. Следовательно, трудовая

деятельность осужденных, предотвращая пагубное влияние безделья, способствует сохранению не только физического, но и психического их здоровья.

И. М. Рагимов также выделяет социальную цель труда осужденных, которую видит в том, «чтобы при помощи труда и приобретения трудовой квалификации осужденный получил необходимую подготовку к самостоятельной общественно полезной жизни по освобождению» (Цит. по: Стручков Н. А. Указ. соч. С. 118). Вместе с тем такое толкование социальной цели труда осужденных представляется С. Х. Шамсунову слишком узким, поскольку «...постановка задач, связанных с необходимостью предоставления осужденным возможности решать своим трудом собственные материальные проблемы, оказывать помощь близким, приобретать трудовой стаж, возмещать причиненный их преступлениями ущерб, т. е. с реализацией определенных субъективных прав и законных интересов, обусловлена именно социальными, а не экономическими целями труда» (Шамсунов С. Х. Указ. соч. С. 29).

В заключение отметим, что в настоящее время социальные цели труда осужденных наряду с воспитательными выдвигаются на первый план, что обусловлено необходимостью снижения и впоследствии ликвидации рецидивной преступности. Экономические же цели постепенно утрачивают

свое прежнее значение, поскольку в процессе их реализации уголовно-исполнительная система сталкивается с большими трудностями (Шамсунов С. Х. Труд и социализация личности осужденных к лишению свободы в России : монография. Самара, 2005. С. 21).

Таким образом, в современных условиях общественно полезный труд осужденных, в том числе приговоренных к исправительным и обязательным работам, преследует воспитательные, социальные, оздоровительные и экономические цели, достижение которых в конечном итоге способствует исправлению осужденных и предупреждению совершения с их стороны новых преступлений.

Библиографический список

1. *Михлин, А. С.* Эффективность исправительных работ как меры наказания / А. С. Михлин [и др.] // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. – М., 1968.
2. *Стручков, Н. А.* Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части / Н. А. Стручков. – М., 1985.
3. *Шамсунов, С. Х.* Труд и социализация личности осужденных к лишению свободы в России : монография / С. Х. Шамсунов. – Самара, 2005.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В. М. Морозов,

декан факультета внебюджетного

образования ВЮИ ФСИН России

доктор социологических наук, профессор

советник ФСИН России

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (К ТРЕХЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ»)

Ключевые слова:

международный терроризм, международно-правовое регулирование, уголовно-правовая защита, национальный антитеррористический комитет

С каждым годом расширяется круг деяний, представляющих серьезную опасность для мирового сообщества. К их числу, несомненно, относятся террористические акции, которые приобрели сегодня международный характер. Этим обусловлена заинтересованность многих государств в совместном поиске наиболее действенных путей и средств борьбы с терроризмом. Эффективную борьбу с подобными преступлениями можно вести только при рациональном сочетании внутригосударственных и международных усилий, поэтому совершенствование уголовного законодательства по предупреждению и пресечению актов терроризма должно проводиться с учетом международно-правовых усилий государств. Терроризм в современном мире, как никакое другое преступление, связан с глобальными социальными, политическими, экономическими противоречиями развития общества, а значит, в основе борьбы с терроризмом должна быть единая комплексная стратегически ориентированная государственная концепция, учитывающая международно-правовые акты и реалии государственного и общественного устройства страны.

Терроризм – явление не новое в истории человечества. Еще на рубеже XIX–XX вв. размах террористической активности анар-

хистов нисколько не уступал активности современных террористов. Только в 1892 г. в Европе было осуществлено около 1000 взрывов, а в США – около 500, большая часть которых приходилась на организации анархистов. Наибольший размах анархистский терроризм приобрел в таких странах, как Италия, Франция, Испания, Россия. Поэтому правоохранные органы и правительства многих государств Европы и США посчитали необходимым объединить усилия в борьбе с крайними формами этого политического насилия.

На более высоком уровне международное сотрудничество в борьбе с терроризмом начало складываться в 30-е гг. XX в. С тех пор международное уголовное законодательство в этой области постоянно развивается; оно пополнилось значительным количеством нормативно-правовых актов, посредством которых осуществляется международно-правовое регулирование терроризма.

В первую очередь среди этих документов следует выделить Всеобщую декларацию прав человека (принятую 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) (Рос. газ. 1995. 5 апр.), в соответствии с которой никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, а также разработанную и принятую Советом Лиги Наций Конвенцию по борьбе с терроризмом (Страсбург, 27 января 1977 г.).

Основополагающей для решения процессуальных вопросов антитеррористической деятельности явилась Конвенция о создании международного уголовного трибунала для привлечения террористов к ответственности (принята Советом Лиги Наций в 1937 г.).

Позднее уголовно-правовые и уголовно-процессуальные вопросы получили свое развитие в двусторонних и многосторонних международных соглашениях. Ряд документов касается отдельных видов терроризма (против дипломатических агентов, в воздухе, на море, сопряженный с захватом заложников и т. п.).

В связи с широким распространением терроризма, связанного с угоном воздушных судов и захватом при этом заложников, принято несколько международных конвенций и соглашений. Общественная опасность преступлений данного вида заключена в нанесении большого ущерба государству, возможной гибели людей не только на борту самолета, но и находящихся на земле в зоне аварии. Захват, угон и другие преступления, совершаемые на борту воздушного судна и в международных аэропортах, в международном праве регулируются целым рядом документов, в частности:

- Токийской конвенцией о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 г.) (СССР присоединился к ней в 1987 г.);

- Гаагской конвенцией о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.). В ней раскрывается понятие «захват воздушного судна», согласно которому любое лицо на борту воздушного судна и его соучастник, незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия или любой формы запугивания захватывающее воздушное судно или осуществляющее над ним контроль или совершающее попытку такого действия, является преступником;

- Монреальской конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.), с дополнительным Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 г.). СССР являлся участником последних двух конвенций, он подписал и ратифицировал их;

- Меморандумом о взаимопонимании между правительствами СССР и США о сотрудничестве в области гражданской авиации, предусматривающем модель российско-американского оперативного взаимодействия в кризисных ситуациях, вызванных актами террористов на гражданских авиалиниях этих стран (1991 г.);

- Руководством ИКАО по безопасности для защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства (1992 г.) и др.

В российском уголовном законодательстве угон судна воздушного транспорта, а равно захват такого судна в целях угона

регламентируется ст. 211 УК РФ. Следует отметить, что нормы международного уголовного права, направленные на предупреждение и пресечение терроризма на воздушном транспорте, постоянно реализуются путем трансформации в национальное российское законодательство в соответствии со ст. 15 Конституции РФ и ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1997 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (Рос. газ. 1995. 21 июля).

Примером общей универсальной конвенции является Конвенция о предупреждении и наказании за совершение актов терроризма, принимающих форму преступлений против лиц, и связанного с этим вымогательства, когда эти акты носят международный характер, подписанная в Вашингтоне в 1971 г. В 1977 г. в Страсбурге была принята Европейская конвенция о пресечении терроризма, в которой перечислены правонарушения, не относящиеся к политическим, а именно: правонарушения, направленные против безопасности полетов, захваты летательных аппаратов, заложников, правонарушения с использованием бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия и другие преступления, представляющие опасность для людей (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 3, ст. 202).

К другим документам, регулирующим международно-правовые отношения в борьбе с терроризмом, можно отнести Резолюцию ООН о недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах (1984 г.); Меры по борьбе с международным терроризмом (решение VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 1990 г.).

Спектр существующих и потенциальных опасностей, которые угрожают жизненно важным интересам многих стран, проявляется и на море. Принятию эффективных мер в области борьбы с терроризмом на море способствуют: Конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.); Римская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности мор-

ского судоходства (1988 г.); Римский протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), а также ряд универсальных, региональных и двусторонних международных договоров России, регулирующих как общие, так и частные вопросы в этой области.

Среди преступлений, угрожающих стабильности международных отношений, наибольшую опасность представляет хищение ядерного материала, которое как преступление международного характера определено Конвенцией о физической защите ядерного материала от 26 октября 1979 г. (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1987. № 18, ст. 239). В этом документе подчеркивается, что развитие ядерной техники и ядерного производства представляет потенциальную опасность его незаконного захвата и использования в ущерб многим государствам, а также окружающей среде. Данное преступление является экстрадиционным, и государства могут рассматривать Конвенцию о физической защите ядерного материала в качестве юридической основы для выдачи преступников. Государства-участники взяли на себя обязательства установить в национальном законодательстве меры наказания для расхитителей ядерного материала. В частности, ст. 221 УК РФ предусматривает ответственность за хищение либо вымогательство радиоактивных материалов. Здесь под уголовно-правовой защитой находится любой ядерный материал независимо от его ведомственной принадлежности, в том числе принадлежности другим странам.

Однако необходимо признать, что какими бы детальными и тщательно продуманными ни были международно-правовые стандарты, если за ними не последуют действия государств на национальном уровне, то они останутся всего лишь рекомендациями.

Поэтому в развитие международных актов по борьбе с терроризмом зарубежные страны стали принимать собственные нормативные документы и вносить в уголовные и уголовно-процессуальные кодексы изменения и дополнения, направленные на правовое регулирование противодействия терроризму.

В российском уголовном законодательстве ответственность за терроризм предусмотрена ст. 205 УК РФ. Но проблемы совершенствования правового регулирования данного международного преступления этим не ограничиваются. Мы постоянно наблюдаем переход международных уголовно-правовых норм в положения УК РФ. Так, например, законодатель усилил диспозиции ч. 3 ст. 205 УК РФ, введя ответственность за действия, которые «... сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения». Статья 360 УК РФ предусматривает ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений. Данная норма полностью вытекает из Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г., в преамбуле которой говорится, что преступления против дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой, угрожают безопасности этих лиц, создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, необходимых для сотрудничества между государствами, а их совершение вызывает серьезное беспокойство у международного сообщества (Действующее международное право. М., 1997. Т. 3. С. 18–23).

Многие нормативные документы зарубежных стран в целях предупреждения актов терроризма и минимизации его последствий предусмотрели снижение наказания или освобождение от ответственности в связи с так называемым положительным постпреступным поведением, которое заключается в предупреждении властей со стороны участников террористического объединения о готовящемся преступлении, помощи в его предотвращении и задержании остальных соучастников.

Российское уголовное законодательство содержит аналогичные нормы об освобождении

дении от уголовной ответственности в примечаниях к ст. 205, 205.1, 206 и 208 УК РФ.

Правовые антитеррористические меры коснулись и уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран. В некоторых государствах судебные, следственные и прокурорские органы, занимающиеся борьбой с терроризмом, обладают специальными полномочиями. Для этих дел предусмотрена и особая процедура расследования, где возможности правоохранительных органов расширены, а права виновных несколько сужены. Кроме того, существует защита прав потерпевших от террористических акций. В некоторых странах гарантом возмещения убытков выступает государство (например, во Франции).

Серьезное внимание уделяется защите свидетелей. Так, в ряде стран действуют специальные программы, в соответствии с которыми свидетелю предоставляется возможность переехать на новое место жительства, изменить фамилию, получить документы, закрепляющие его новое общественное положение, временное жилище, оказывается помощь в перевозке имущества на новое место жительства, в трудоустройстве на новом месте, включая обучение новой профессии и т. п.

На территории России действует Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Рос. газ. 2004. 25 авг.). Вместе с тем до настоящего времени не создана материальная база и не разработан эффективный механизм для обеспечения мер защиты, указанных в этом Законе.

В целях повышения эффективности борьбы с терроризмом в России 6 марта 2006 г. был принят Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (Там же. 2006. 10 марта), который установил основные принципы противодействия терроризму, определил правовые и организационные основы профилактики терроризма, борьбы с ним, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации,

общественных объединений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц и отдельных граждан, а также права, обязанности и гарантии граждан в связи с осуществлением борьбы с терроризмом. Одновременно с этим Федеральным законом 10 марта 2006 г. вступил в силу Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (Рос. газ. 2006. 17 февр.). В соответствии с данным Указом для координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму был образован Национальный антитеррористический комитет (далее: НАК). В субъектах Российской Федерации созданы антитеррористические комиссии, возглавляемые высшими должностными лицами органов исполнительной власти, а также оперативные штабы.

По данным НАК, в 2008 г. основные террористические угрозы на территории России по-прежнему были связаны с деятельностью бандформирований и законспирированных религиозно-экстремистских структур в Северо-Кавказском регионе, а также активизацией неонацистских молодежных группировок, использующих тактику насильственных экстремистских действий.

С целью противодействия террористическим вызовам силовыми структурами и оперативными штабами в субъектах Российской Федерации только в Южном федеральном округе в 2008 г. проведено 29 контртеррористических операций. При оказании вооруженного сопротивления получили ранения, несовместимые с жизнью, 243 боевика, в том числе 23 бандглаваря, 106 лиц склонены к отказу от противоправной деятельности, выявлено 640 баз боевиков и схронов с оружием, из которых изъято 1407 единиц стрелкового оружия, 2401 кг взрывчатых веществ и 454 самодельных взрывных устройства.

Всего в 2008 г. на территории Российской Федерации выявлено и пресечено 104 преступления террористического характера, половину из которых бандглавари планировали

совершить в местах массового пребывания людей. В частности, в июле–августе пресечена попытка главаря террористов Д. Умарова и эмиссара «Аль-Каиды» Моганнеда организовать теракты на пляжах городов Сочи и Анапа с применением мощных самодельных взрывных устройств.

При координирующей роли НАК подготовлены материалы, на основании которых в 2008 г. решением Верховного Суда РФ международная организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» признана террористической. Всего на территории Российской Федерации запрещена деятельность 25 организаций, 18 из которых признаны террористическими, а 7 – экстремистскими.

В 2008 г. продолжалась текущая работа НАК, направленная на повышение уровня антитеррористической защищенности критически важных и потенциально опасных объектов промышленности, энергетики, объектов железнодорожного транспорта.

Получила дальнейшее развитие общегосударственная система противодействия терроризму, основными структурными звеньями которой являются антитеррористические комиссии и оперативные штабы в субъектах Российской Федерации.

Кроме того, НАК разработаны меры, предусматривающие: обеспечение противодействия распространению идей терроризма, экстремизма и национализма в молодежной среде; укрепление взаимодействия в сфере профилактики террористических угроз на каналах миграции; совершенствование антитеррористической безопасности санаторно-курортного и туристско-восстановительного комплексов и т. д.

Наряду с организационной деятельностью совершенствовалась нормативная правовая база в сфере противодействия терроризму. При НАК создан Экспертно-консультативный совет, начато формирование экспертно-консультативных групп, посредством которых будет осуществляться координация деятельности с институтами гражданского общества по всем направлениям работы НАК, в том числе по информационному противодействию терроризму. Устанавливаются контакты с государственными и общественными организа-

циями, в уставах которых содержатся задачи по патриотическому воспитанию молодежи (URL: <http://www.udmurt.ru/ru/president/komissii/info4.php>).

Таким образом, правовое обеспечение антитеррористической деятельности является обязательной предпосылкой успешного противодействия преступности внутри стран, а также взаимодействия их в борьбе с международным терроризмом.

В то же время, несмотря на то, что указанные выше документы играют определяющую роль в борьбе с терроризмом, эффективность их реализации требует значительного совершенствования. Это объясняется в первую очередь тем, что в большинстве этих правовых актов не предусмотрена ответственность государств-участников за ненадлежащее их исполнение. Кроме того, политические и законодательные шаги в целом ряде государств, в том числе России, носят фрагментарный и «осторожный» характер по сравнению с мерами, предлагаемыми специалистами в области борьбы с преступностью. Как правило, меры по пресечению террористических акций реализуются быстро, а вот по их предупреждению – значительно менее полно.

К сожалению, можно с уверенностью сказать, что перечень преступлений террористического характера будет расширяться, и главным образом за счет норм о преступлениях международного характера. Прежде всего это касается норм о международном терроризме, отмывании денег, наркобизнесе, угонах воздушных судов, захвате заложников, организованной преступности в целом, затрагивающей интересы многих государств.

Библиографический список

1. *Антонян, Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М., 1998.
2. *Карбузов, К. Ж.* Нормативное регулирование борьбы с преступлениями террористического характера / К. Ж. Карбузов // Юрист. – 2003. – № 11(29).
3. *Петрищев, В. Е.* Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом / В. Е. Петрищев // Государство и право. – 1998. – № 3.

О. А. Абакумова,
соискатель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права

ОБЩЕКРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Ключевые слова:
налоговая политика, налоговая преступность,
общекриминалогическое предупреждение,
детерминанты налоговой преступности

В криминологической литературе выделяются два вида предупреждения преступности: общекриминалогический и специально-криминологический (Шеслер А. В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности : учеб. пособие. Тюмень, 2005. С. 54–55). Считаем целесообразным выделить эти виды применительно к налоговой преступности.

Общекриминалогическое предупреждение опосредованно воздействует на налоговую преступность через ту часть социальной среды, которая является носителем детерминант этой разновидности преступности. Назначение данного вида предупреждения состоит в том, чтобы устранить или нейтрализовать детерминанты налоговой преступности и возможности социальной среды по их воспроизводству. Общекриминалогическое предупреждение осуществляется в основном теми субъектами, которые решают общесоциальные задачи, не связанные с обеспечением правопорядка в обществе, и теми мерами, которые, как правило, не связаны с принуждением (Там же).

Специально-криминологическое предупреждение непосредственно воздействует на налоговую преступность, так как его объектом является социальная среда, содержащая лиц, совершивших налоговые преступления. Данный вид предупреждения осуществляется субъектами, обеспечивающими законность и правопорядок в обществе, и мерами, многие из которых связаны с принуждением (Там же.). К основным субъектам специально-криминологического предупреждения налоговых преступлений относятся Федеральная налоговая служба Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации. Представляется, что эффективное сочетание деятельности этих органов обеспечива-

ет наиболее успешное предупреждение и пресечение налоговых преступлений.

Общекриминалогическое предупреждение налоговой преступности целесообразно осуществлять на общесоциальном, социально-психологическом и психологическом уровнях. Это позволит точнее обозначить те «срезы» социальной среды, на которые оказывается профилактическое воздействие, согласовать общегосударственную профилактику с мерами, применяемыми к конкретным лицам.

Общесоциальное предупреждение преступности базируется на том положении, что нельзя ликвидировать второстепенные явления, не устранив главные негативные факторы, с которыми они неразрывно связаны. К числу таких факторов криминологи относят все социально-экономические, культурно-воспитательные, организационно-управленческие и другие социальные меры, если они объективно способствуют устранению причин и условий преступности (Сапаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений // Сов. государство и право. 1972. № 9. С. 66), создают для этого благоприятную обстановку и условия (Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 399), а также предпосылки для «нравственного формирования нового человека, формирование у людей общественно полезных, духовно богатых потребностей и интересов, значительное расширение легальных возможностей удовлетворения всех разумных потребностей» (Саркисов Г. С. Социальная система предупреждения преступности. Ереван, 1975. С. 45).

Определяя на общесоциальном уровне специфику детерминант налоговой преступности, к ним можно отнести следующие: правовой и нравственный нигилизм граждан; дефекты проводимой налоговой политики; отсутствие нормальных рыночных отношений; все еще значительное количество убыточных и низкорентабельных предприятий и др.

В связи с этим к числу общесоциальных мер, направленных на предупреждение налоговой преступности, можно отнести: формирование культуры и нравственности, цивилизованных рыночных отношений, укрепление законности и социальной защиты населения, развитие экономики, стабилизацию курса национальной валюты, повышение уровня доходов населения. Однако все это возможно лишь в долгосрочной

перспективе, поскольку в силу объективных причин государство не в состоянии кардинально изменить в лучшую сторону положение дел по всем направлениям.

Уровень налоговой преступности зависит от политических процессов, происходящих в государстве. Однако в настоящее время наметилась определенная стабильность в политической жизни страны. В связи с этим представляется справедливой точка зрения И. И. Кучерова о том, что «они в меньшей степени отражают специфику данной предупредительной деятельности, поскольку стабильность власти в той или иной степени положительно сказывается на всех сторонах жизни общества» (Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 667–668).

По нашему мнению, для России особое значение имеет политическая воля, т. е. неуклонное выполнение руководителями страны принятых на себя обязательств и данных обществу обещаний. Наиболее четко позицию по данной проблеме сформулировал В. Н. Кудрявцев: «необходима не жестокость, а рациональность мер борьбы с преступностью. Но эта позиция отнюдь не безразлична к таким фактам, как, например, обоснованное обвинение крупных финансовых дельцов в правонарушениях и тут же – беспрепятственный отпуск их за границу; обличение в прессе большого числа чиновников-взяточников – и ни одного крупного судебного процесса; преступное прошлое кандидатов в представительные органы или на губернаторские посты – и равнодушие к этому избирательных комиссий. Нельзя продолжать смотреть сквозь пальцы на эти факты, дискредитируя собственную власть и Российское государство, которое, согласно Конституции, является социальным, правовым и демократическим, а законность провозглашена важнейшим принципом всей нашей жизни» (Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2005. С. 303).

На общесоциальном уровне укрепление государства и его правовой системы – одно из важнейших звеньев стратегии социальной профилактики правонарушений в целом и налоговой преступности, в частности.

Объектом общекриминологического воздействия на социально-психологическом уровне является социальная среда предпринимательства как потенциальная кри-

миногенная зона рассматриваемого вида преступности.

Полагаем, что на этом уровне особое значение имеет проводимая налоговая политика, которая в юридической литературе определяется как осуществляемые государством мероприятия по использованию налоговых рычагов, нацеленные на стимулирование приоритетных направлений развития экономики и формирование централизованных финансовых ресурсов (Поролло Е. В. Налоговый контроль: принципы и методы проведения. М., 1996. С. 254).

Налоговая политика является составной частью экономической политики государства и во многом определяется уровнем его экономического развития. С помощью налоговых рычагов государство осуществляет регулирование рыночной экономики и ее социальную ориентацию.

Поскольку рыночная экономика обладает достаточной степенью гибкости, варианты развития общественных отношений в налоговой сфере находятся в полной зависимости от частой смены экономического курса государства. В целях регламентации указанных отношений федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления осуществляют ряд скоординированных действий, направленных на создание нормативной основы налогового регулирования и реализацию на практике положений законов и подзаконных актов через элементы механизма налогообложения, – планирование, регулирование, контроль. Эти меры составляют правовое содержание налоговой политики (Платонова Л. В. Налоговая преступность: Социально-психологическая и криминологическая характеристики. М., 2005. С. 6).

Налоговая политика должна проводиться в соответствии с принципами всеобщности, равенства, справедливости, соразмерности, удобства и подвижности налогообложения. Она имеет важное значение в распределении ресурсов, осуществляемом в ходе реализации основных принципов российского налогового федерализма и должна базироваться на сочетании долевого участия всех уровней в основных налоговых поступлениях (Куксин И. Н. Налоговая политика России (теоретический и историко-правовой анализ). СПб., 1998. С. 9). К числу таких мер относится осуществленное в Налоговом кодексе РФ разграничение полномочий представительных органов власти

Российской Федерации, субъектов и местного самоуправления в части установления и введения налогов и сборов. Четкое определение пределов их компетенции в этих вопросах практически полностью исключает налоговый произвол, т. е. возможность обременения физических лиц и организаций налоговыми обязанностями, не предусмотренными законодательством (Сатаров Б. В. Профилактические меры и пути совершенствования применения уголовного закона о налоговых преступлениях // Следователь. 2007. № 5. С. 4).

В настоящее время право государства взимать налоги часто трактуется как право абсолютное, которому противопоставляется безусловная обязанность плательщиков удовлетворять фискальные потребности государства. Такая налоговая политика является прямым следствием господства идеи абсолютного фискального суверенитета государства, когда любое, даже незаконное, обеспечение бюджета финансовыми ресурсами, как правило, воспринимается как положительный фактор для государства и общества. Безусловно, что такой подход не способствует повышению законности в налоговой сфере (Орлов М. Ю. Налог и фискальный суверенитет государства // Ежегодник Центра публично-правовых исследований. М., 2006. Т. 1. С. 393).

Выступая разновидностью юридической обязанности налогоплательщика, обязанность по уплате налогов и сборов представляет собой меру должного поведения обязанного лица, имеющую свои пределы. С одной стороны, обязанность уплачивать налог гарантирует государству необходимые финансовые поступления, с другой – налогоплательщику защиту его интересов, не допуская взимания в пользу публичного субъекта финансовых средств больше того, что установлено законом.

Как известно, любая юридическая обязанность реализуется в рамках правоотношений, в которых участвуют как минимум два участника, обладающих субъективными правами и юридическими обязанностями. Обязанность по уплате налога и сбора реализуется в рамках налоговых отношений, участниками которых являются, с одной стороны, налогоплательщик, с другой – государство в лице своих органов. Обязанность платить налоги соответствует праву государства требовать уплаты налога, но требовать только в той мере, которая определена в нормативных правовых ак-

тах, принимаемых представительными органами власти и выражающих альтернативную волю представляемых ими социальных слоев общества. Мера должного поведения, определенная рамками закона, оставляет за участником правоотношений некоторый выбор, но только в установленных границах. Любые стремления выйти из заданных законодателем рамок являются так же неправомерными для налогоплательщика, как и попытки государственных органов взять с него больше того, что установлено по закону, или возложить на налогоплательщиков дополнительные, не предусмотренные законом, обязанности (Орлов М. Ю. Указ. соч. С. 394).

По нашему мнению, налог должен восприниматься не только как обязанность налогоплательщика, но и как форма разумного ограничения фискального суверенитета публичных субъектов, основанная на принципах уважения права частной собственности и права каждого на свободное распоряжение своим имуществом (Там же. С. 393). Обязанность уплачивать законно установленные налоги и сборы необходимо рассматривать в комплексе с обязанностями представляющих государство государственных органов, такими как взимать только строго установленный размер налога, а также обеспечить надлежащие условия для его уплаты.

На психологическом уровне, на наш взгляд, важнейшим направлением воздействия должно стать нравственно-психологическое состояние налогоплательщиков. В данном случае бесспорно существование острой необходимости изменения их негативного отношения к действиям правительства в стране по использованию средств, налоговой системе и налоговым органам (Кучеров И. И. Налоги и криминал: историко-правовой анализ. М., 2000. С. 267). Одним из оправдательных мотивов уклонения от уплаты налогов является сохранение у себя средств, которые государство, по мнению налогоплательщика, может нерационально использовать.

Для решения этой проблемы прежде всего необходимо обеспечить доверие к действиям правительства по использованию полученных в виде налогов средств. Как отмечают Л. В. Перекрестова и Г. Я. Чухнина, «эффект доверия так или иначе побуждает агентов рынка более корректно и дисциплинированно вести себя по отношению к запросам государ-

ства (прежде всего по линии платежей налогов). Публикуя планы всех расходов, правительство тем самым как бы сообщает своим гражданам, что в реализации своих замыслов государство надеется на них, на то, что каждый предприниматель и вообще налогоплательщик сумеет осознать свою долю ответственности и необходимость обеспечения законности и святости и нерушимости закона» (Перекрестова Л. В. Реформирование системы налогового контроля в Российской Федерации. Волгоград, 2001. С. 114).

Вместе с тем мы не разделяем мнение К. К. Саркисова в том, что «приоритетным направлением в налоговой политике России следует признать воспитание у российских налогоплательщиков правовой и налоговой культуры» (Саркисов К. К. Налоговые преступления: Уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13, 25), а также точку зрения других авторов, полагающих, что одним из важнейших направлений профилактики налоговой преступности являются индивидуально-профилактические меры (Чернеева А. М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (по материалам Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 24). К ним ученые относят повышение налоговой культуры путем налогового просвещения (разъяснительной работы с населением в налоговых органах, налоговую пропаганду в средствах массовой информации, преподавание налогового права или основ налогообложения начиная со школы), введения вневедомственного налогового консультирования. Кроме того, мы не согласны с А. Х. Бен-Акил, по мнению которого, «главным направлением деятельности по предупреждению налоговой преступности следует признать повышение уровня налоговой культуры населения, что, прежде всего, предполагает широкое информирование населения о налоговом законодательстве и его применении» (Бен-Акил А. Х. Роль мер воспитательного характера в системе предупреждения налоговых преступлений // Федерация. 2006. № 17. С. 20–25).

В своей позиции мы придерживаемся следующего:

1. Все налоговые преступления совершаются умышленно, т. е. лицо знает, что уклоняется от уплаты налога, установлен-

ного законом, и желает этого. Кроме того, как отмечалось ранее, налоговые преступники, как правило, обладают хорошими знаниями налогового законодательства либо хорошо ориентируются в нем. Об этом, в частности, свидетельствует проявляемая ими изобретательность в разработке различных схем уклонения от налогов.

2. Знание налогового законодательства является необходимым, но недостаточным условием для обеспечения правомерного поведения. Известно, что содержание человеческого поступка определяется сложной системой факторов. Правовая информация, адресованная гражданину, влияет на поведение в тесной взаимосвязи с иной разнообразной социальной информацией, проходящей через призму его мировоззрения и культуры, через его потребности и интересы, индивидуальные черты психики и т. п. Кроме того, «элементы поведения личности определяются не самими правовыми нормами и содержащимися в них предписаниями, а скорее представлениями об этих нормах и предписаниях, сложившимися в правосознании личности, равно как и в ее нравственном сознании» (Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 300).

По нашему мнению, не совсем корректно говорить и о мерах воспитательного характера по отношению к налогоплательщику (Сатаров Б. В. Указ. соч. С. 44), поскольку невозможно воспитать взрослого человека, и тем более сформировавшуюся личность, каковым является налогоплательщик. На наш взгляд, правильнее говорить о коррекции его поведения, а именно о формировании у него убеждения в необходимости платить налоги. Полагаем, что такое убеждение должно осуществляться по следующим направлениям:

1) налогоплательщик должен знать значение и роль налогов для государства и экономики;

2) понимать общественную опасность уклонения от уплаты налогов для общества и государства;

3) налогоплательщик должен быть убежден, что риск, связанный с неуплатой налога очень велик, а экономическая выгода может быть нивелирована угрозой штрафных санкций;

4) налогоплательщиком должна осознаваться неотвратимость наказания за налоговые преступления.

Представляется, что в идеале убеждение должно быть направлено на формирование социально ответственного налогоплательщика, а в ближайшей перспективе – законопослушного.

С нашей точки зрения, с этой целью необходимо проводить следующие мероприятия:

- разработку и осуществление образовательно-просветительских программ и компаний с целью преодоления пассивности общества в восприятии налоговой преступности как угрозы национальной безопасности и демократии;
- разъяснение значения норм корпоративной этики как основы предпринимательской деятельности;
- выпуск справочников административных процедур, применяемых в налоговых органах для населения, задача которых – в доступной форме изложить правила осуществления различных административных процедур, применяемых в данном регионе или населенном пункте;
- распространение кодексов делового поведения и создание ассоциаций по продвижению этики предпринимательства;
- формирование этики взаимоотношений предпринимателей с представителями налоговых и правоохранительных органов;
- привлечение средств массовой информации к формированию законопослушного мировоззрения и популяризации честной предпринимательской деятельности.

В свою очередь, воспитательное воздействие может и должно применяться на этапе формирования мировоззрения личности, т. е. к школьникам и студентам, поскольку данная категория лиц значительно более восприимчива к воспитательному воздействию, чем взрослые.

Воспитание может определяться как формирование личности, включающее выработку мировоззрения, нравственных качеств, эстетических идеалов, физическое развитие и подготовку к общественно полезному труду (Комаровский Б. Б. Русская педагогическая терминология. М., 1969. С. 257). В настоящее время воспитание в самом широком смысле понимается как целенаправленный процесс перевода накопленной человечеством культуры в индивидуальную форму существования, когда внешнее (объективное) становится содержанием внутреннего (субъективного), т. е. переводится в область

знания конкретных людей, чтобы потом соответственно отразиться в их мыслях, поведении, чувствах (Матюнин Б. Г. Воспитание // Современный философский словарь. М., 1998. С. 153).

Анализ приведенных определений показал, что основой воспитания является процесс переноса, трансформации культурных ценностей, правил поведения, знаний и навыков в различных сферах деятельности во внутреннее содержание личности. Воспитание, таким образом, может рассматриваться как изменения во внутреннем «строении» еще не до конца сформировавшейся личности, в ее сознании, чувствах и воле.

В связи с этим заслуживает поддержки введение в школьный образовательный курс основ налоговых знаний об истории налогообложения, налоговом законодательстве, основных правах и обязанностях налогоплательщиков, полномочиях налоговых органов и органов внутренних дел и даже о налоговых преступлениях (Елисеев А. Н. Криминологическая характеристика налоговой преступности // Налоговый вестн. 2002. № 7. С. 56). Следует отметить, что подобное широко практикуется в развитых зарубежных странах. Так, например, в Японии ведущим и обязательным предметом для всех школ страны является курс морального воспитания, который включает блок налоговой дисциплины (Перекрестова Л. В. Указ. соч. С. 116).

На наш взгляд, еще больший эффект может дать введение подобных программ в вузах, в первую очередь экономической направленности, где готовятся кадры, в большей степени ориентированные на частное предпринимательство.

Представляется, что ознакомление школьников и студентов с элементами налогообложения даст больший эффект в формировании законопослушного мировоззрения и позволит в будущем существенно изменить в лучшую сторону уровень налоговой культуры населения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Предупреждение налоговой преступности на общесоциальном уровне неразрывно связано с проведением комплекса мер, направленных на развитие нормальных экономических рыночных отношений. Важнейшей задачей в этом направлении является сбалансированное развитие экономики, укрепление

государственных институтов власти, поворот к решению назревших социальных проблем, постоянное внимание к воспитанию подрастающего поколения, формирование государственной идеологии. Данные задачи являются основными направлениями общекриминологического предупреждения преступности в сфере налогообложения.

2. В числе мер общекриминологического предупреждения налоговой преступности на общесоциальном уровне в первую очередь необходимы:

- стабилизация политической ситуации в России, укрепление и повышение авторитета политической власти, выработка стратегии и тактики налоговой и уголовной политики, а также политики идеологического воздействия на общество в целом;

- стабилизация экономической ситуации, равенство и добросовестность всех субъектов экономических отношений, обеспечение их экономической свободы, которая способствует осуществлению предпринимательской деятельности на законных основаниях, добросовестной конкуренции; эффективность деятельности правоохранительных органов; устойчивость российской валюты, укрепление кредитно-денежной системы государства как важнейшего института экономики;

- формирование системы налогообложения, которая бы создавала баланс публичных и частных интересов, а именно удовлетворяла бы потребности государства

и в то же время минимизировала вызванные уплатой налогов негативные последствия для их плательщиков.

3. Для ликвидации социальной основы такого оправдательного мотива уклонения от уплаты налогов, каким является сохранение у себя средств, которые государство может нерационально использовать, необходимо обеспечить доверие к действиям правительства по использованию полученных в виде налогов средств. Для решения этой проблемы необходима прозрачность расходов государства (налогоплательщик должен знать, на что идут уплаченные им налоги), а также открытая публикация о размерах собранных налогов и расходовании их бюджетами всех уровней.

Библиографический список

1. Куксин, И. Н. Налоговая политика России (теоретический и историко-правовой анализ) / И. Н. Куксин. – СПб., 1998.

2. Перекрестова, Л. В. Реформирование системы налогового контроля в Российской Федерации / Л. В. Перекрестова. – Волгоград, 2001.

3. Платонова, Л. В. Налоговая преступность: Социально-психологическая и криминологическая характеристики / Л. В. Платонова. – М., 2005.

4. Шеслер, А. В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности : учеб. пособие / А. В. Шеслер. – Тюмень, 2005.

Р. М. Абдрахманов,

старший следователь

по особо важным делам

Главного следственного управления при МВД

по Республике Татарстан

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ У ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПУТЕМ ПОДЛОГА

Ключевые слова:

экспертиза, криминалистическая экспертиза, расследование хищений, подлог, юридические лица

Анализ динамики и направленности криминальных процессов в сфере экономики свидетельствует о значительном росте преступлений в ней. Прежде всего они имеют своей целью хищение имущества различных

юридических лиц, что приводит не только к их экономическому ослаблению, но и влияет на состояние и перспективы развития всей экономики страны в целом. Наиболее распространенными преступлениями в отношении юридических лиц являются мошенничество и присвоение или растрата. Почти в половине случаев совершения мошенничеств и более чем в 90 % случаев совершения хищений путем присвоения или растраты потерпевшими являлись юридические лица. Большая часть этих преступлений была совершена с использованием документов с признаками материального или интеллектуального подлогов. Современные технические средства значительно облегчили преступникам возможность подделывать различные документы для совершения хищений и их дальнейшего сокрытия.

В этих условиях при расследовании преступлений данной категории все большее значение приобретают судебные экспертизы.

Термин «экспертиза» происходит от латинского «*expertus*» – «опытный», «сведущий». В ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2291) дается следующее понятие: «судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу». Согласно п. 49 ст. 5 УПК РФ «судебная экспертиза – это экспертиза, производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом». В целом порядок производства судебной экспертизы регламентирован гл. 27 УПК РФ.

Сущность судебной экспертизы состоит в анализе по заданию следователя (суда) сведущим лицом – экспертом предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы, а также различных документов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела (Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996. С. 5).

Учитывая, что интеллектуальный подлог выражается в составлении документа, правильного с формальной стороны, но содержащего заведомо ложные сведения, то данный вид подлога, как правило, устанавливается лицом, производящим расследование путем производства различных следственных действий: допросов, осмотров документов и т. д. Как верно еще в начале XX в. отметил Е. Ф. Буринский: «Никакая экспертиза не в состоянии удостоверить подлинность документа. Самое большое, что может сказать эксперт, это засвидетельствовать, что при современном состоянии искусства распознавания подделок; при его, эксперта, знании и опытности, находчивости и сообразительности;

при тех технических средствах, какие были в его распоряжении и т. п., ему, эксперту, не удалось усмотреть признаки подделки... Есть подлоги, не оставляющие никакого внешнего следа, например, пользование чужим бланком...» (Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002. С. 16). При материальном подлоге без производства экспертизы установить фактические обстоятельства дела затруднительно, а часто просто невозможно.

Изучение нами с использованием специально разработанной анкеты 267 уголовных дел по фактам хищений, совершенных у юридических лиц путем подлога, рассмотренных судами в период с 2002 по 2008 г. включительно, показало, что в 93 % случаях при установлении обстоятельств уголовного дела были использованы результаты проведенных экспертиз. В среднем на каждое из таких дел приходится по три экспертизы. При этом по некоторым из уголовных дел проводилось более 10 различных экспертиз. Так, по уголовному делу в отношении Ш. было проведено 11 экспертиз: 5 почерковедческих, 2 технико-криминалистических, 2 судебно-бухгалтерских, 1 судебно-технологическая, 1 компьютерно-техническая (Архив Высокогор. район. суда Республики Татарстан за 2006 г., уголов. дело № 1-159).

В то же время изучение материалов уголовных дел показало, что в ряде случаев по делу не проводились необходимые экспертизы (в 19 % изученных дел) либо они назначались несвоевременно (в 27 % дел) – по прошествии продолжительного периода времени после изъятия объектов, подлежащих исследованию, при отсутствии препятствий для назначения экспертизы. Это объясняется прежде всего незнанием следователями современных возможностей судебно-экспертных исследований. Кроме того, в 64 % изученных нами дел неназначение экспертных исследований можно объяснить фактом признания обвиняемым своей вины, что, по мнению следователей, освобождает их от дальнейшего доказывания обстоятельств дела. Данное заблуждение очень опасно и при отказе обвиняемого от своих признательных показаний в дальнейшем может привести к его оправданию.

К числу экспертиз, наиболее часто назначаемых по уголовным делам о хищениях, со-

вершенных у юридических лиц путем подлога, относятся экспертизы, направленные на исследование документов, использованных при совершении и сокрытии хищения, а также средств изготовления таких документов. Чаще всего проводятся такие экспертизы, как почерковедческая, судебно-экономическая, компьютерно-техническая, технико-криминалистическая экспертиза документов. Также применяются фоноскопическая, дактилоскопическая, автороведческая, строительно-техническая, судебно-психиатрическая, судебно-медицинская, судебно-психологическая и иные экспертизы.

Самой распространенной экспертизой по уголовным делам данной направленности является почерковедческая – вид криминалистической экспертизы, предметом которой служат факты, связанные с исполнением рукописных текстов, подписей, цифровых записей (Белкин Р. С. Криминалистика : краткая энцикл. М., 1993. С. 59). Почерковедческая экспертиза производилась по 69 % уголовных дел. С помощью указанной экспертизы в настоящее время возможно установить: кем из числа проверяемых лиц выполнен рукописный текст, запись или подпись в исследуемом документе; одним или разными лицами выполнены рукописные тексты, записи, подписи; лицом какого пола выполнен рукописный текст; к какой возрастной группе относится исполнитель рукописного текста; уровень его образования, профессию, знание языка; не выполнена ли рукопись в каком-то необычном психофизическом состоянии либо в необычных условиях; не выполнен ли рукописный текст или подпись с подражанием почерку или подписи конкретного лица; не выполнен ли рукописный текст, запись, подпись намеренно измененным почерком и т. д.

Судебное почерковедение – один из видов криминалистической идентификации личности. Идентификационные задачи почерковедения состоят в установлении факта выполнения конкретным лицом данного текста либо исполнителя подписи. Целями диагностических исследований рукописей являются: установление факта письма в необычных условиях либо при необычном состоянии писавшего, а также определение пола, возраста и других сведений об исполнителе текста (Экспертизы на предварительном следствии : краткий справ. / под

общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 39). По изученным нами уголовным делам следователи назначали почерковедческую экспертизу в основном для решения идентификационных задач, не в полной мере используя ее диагностические возможности.

Технико-криминалистическая экспертиза документов проводилась по 52 % изученных нами уголовных дел. С ее помощью можно установить способ изготовления документа, определить использованные при этом технические средства и материалы; установить факт внесения в документ каких-либо изменений; восстановить содержание измененных и поврежденных документов (Экспертизы на предварительном следствии. С. 55). Данная экспертиза позволяет определить способ изготовления документа и его частей; установить факт и способ внесения изменений в документ либо его части; установить первоначальное содержание документа; определить последовательность выполнения реквизитов документа; установить тождество сравниваемых объектов; составить целый документ по его частям и т. д. Кроме того, возможности технико-криминалистической экспертизы документов в современных условиях позволяют определить давность изготовления документа и выполнения штрихов паст шариковых ручек на нем; восстановить содержание сожженных документов; установить групповую принадлежность электрографического аппарата, на котором изготовлен документ, а также идентифицировать конкретный аппарат, на котором был распечатан документ и тонер, использованный при распечатывании представленного на исследование документа.

Так, некоторые модели таких марок принтера, как «Хerox», «Canon», «Epson», «HP», «Lexmark», при распечатывании наносят на бумагу отпечаток кодированных данных, заметных только под микроскопом, позволяющих идентифицировать конкретный принтер, использованный при изготовлении документа.

Объектами технико-криминалистической экспертизы прежде всего являются: сами документы, в основном с признаками подлога, использованные при совершении и сокрытии хищения; материалы, вещества и технические средства, предназначенные для изготовления документа, исполнения его реквизитов

и изменения содержания (бумага, пасты шариковых ручек, печати, штампы, множительная техника и т. д.).

Экономическая экспертиза — класс экспертиз, исследующих соответствие отраженных в документах процессов производства, распределения и обмена фактическому состоянию дела, а также соблюдение при этом требований закона и иных нормативных актов (Белкин Р. С. Указ. соч. С. 95). Данные экспертизы проводились по 21 % изученных нами уголовных дел. При этом среди ученых в настоящее время отсутствует единая точка зрения на содержание класса экономических экспертиз. Разделяя мнение С. А. Звягина (Звягин С. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза и экономический класс судебных экспертиз // Рос. следователь. 2006. № 6. С. 8–12), следует отметить, что с учетом анализа судебно-следственной практики экономический класс судебных экспертиз можно дифференцировать: на финансово-экономическую, бухгалтерскую, финансово-кредитную и налоговую. В ходе изучения уголовных дел рассматриваемой категории установлено, что наиболее распространены такие экономические экспертизы, как судебно-бухгалтерская (12 %) и финансово-экономическая (5 %).

Основная цель судебно-экономических экспертиз состоит в выявлении признаков искажения экономических показателей в случаях, когда имеются данные о том, что подготовка, совершение либо сокрытие преступления связаны с экономической дезинформацией (Жадан В. Н., Мамай А. В., Горячева Е. Е. Судебные экспертизы: досудебное производство : учеб.-справ. пособие. Елабуга, 2003. С. 186). С помощью данной экспертизы можно выявить факты искажения учетных данных и определить их характер, а также степень влияния на интересующие следствие финансово-экономические показатели деятельности организации, определить недостатки в системе бухгалтерского учета и отчетности и т. д. Так, например, при расследовании хищений в сфере банковских операций, маскируемых подлогом в банковских выписках, путем изучения регистров аналитического учета и сопоставления банковских выписок, документов по учету выдачи чековых книжек в банке, самих чеков и чековых книжек, возможно установить факт фиктивного перечис-

ления денежных средств, документы, использованные при совершении хищения и записи в бухгалтерском учете, сделанные на основе этих подложных документов.

В ходе проведения экономической экспертизы можно выявить следующие признаки интеллектуального подлога в бухгалтерских документах: а) несоответствие данных в документах о движении товарно-материальных ценностей и товарно-транспортных накладных; б) несоответствие показателей в разных экземплярах одного документа у поставщика и покупателя; в) отсутствие документов о перевозке товарно-материальных ценностей и их оприходовании по складскому учету юридического лица и т. д.

Объектами исследования экономических экспертиз выступают первичные бухгалтерские документы, регистры бухгалтерского учета, различные формы отчетности, выписки по движению денежных средств юридических лиц в банках, иные материалы дела, относящиеся к предмету экспертизы.

Достаточно дискуссионным является вопрос о необходимости проведения судебно-бухгалтерской экспертизы при наличии акта ревизии. В данном случае, по нашему мнению, если результаты ревизии не оспариваются лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении хищения, а выводы ревизора обоснованы и подтверждены бухгалтерскими документами, то в проведении судебно-бухгалтерской экспертизы нет необходимости. В случае же имеющих сомнений в обоснованности выводов ревизии проведение экспертизы обязательно.

Компьютерно-техническая экспертиза относится к классу инженерно-технических экспертиз и производится в целях определения статуса объекта как компьютерного средства, выявления и изучения его роли в расследуемом преступлении, а также получения доступа к информации на носителях данных (с последующим всесторонним ее исследованием) (Экспертизы на предварительном следствии. С. 24). Данная экспертиза проводилась по 14 % изученных нами уголовных дел и, на наш взгляд, с учетом развития компьютерной техники в ближайшее время производство таких экспертиз будет только расти. Основные объекты компьютерно-технической экспертизы —

системные блоки компьютеров, жесткие диски, флоппи-диски, системные и прикладные программные средства, серверы и т. д. С помощью указанной экспертизы можно найти и распечатать информацию определенного содержания на различных носителях данных; восстановить удаленную информацию и установить сведения, касающиеся даты ее удаления и изменения; установить дату создания и изменения интересующего следствие документа; найти программы, заведомо приводящие к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, а также нарушению работы ЭВМ; преодолеть систему защиты от несанкционированного доступа; установить авторство, место и способ изготовления отдельных документов и т. д.

Строительно-техническая экспертиза назначается с целью установления завышения объемов и стоимости выполненных работ в сфере строительного производства. В качестве объектов данной экспертизы выступают: строительные объекты, отдельные виды работы, проектно-сметная документация, акты выполненных работ, другие документы, содержащие сведения о выполненных работах. В ходе расследования хищений, совершенных у юридических лиц путем подлога, строительно-техническая экспертиза проводится с целью установления факта завышения объемов и стоимости работ в проектно-сметных документах, документах по учету выполненных работ и определения фактического размера этих завышений.

Фоноскопическая экспертиза проводится в целях установления личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме; выявления признаков монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи; определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов по фонограмме, имеющей доказательственное значение при расследовании уголовных дел (Экспертизы на предварительном следствии. С. 67). При назначении данного вида экспертизы особое внимание необходимо уделить изъятию экспериментальных образцов голоса и речи, направляемых на экспертизу. Они должны быть хорошего качества, продолжительны по

времени, сопоставимы со спорной фонограммой и т. д. Материалами фоноскопических экспертиз являются, например: фонограммы с информацией, имеющей значение для установления обстоятельств уголовного дела, записанные представителями потерпевшего юридического лица; результаты прослушивания сотрудниками правоохранительных органов телефонных и иных переговоров лиц, совершивших хищение; фонограммы, полученные в ходе проведения оперативных мероприятий при задержании лиц, причастных к совершению хищения.

Судебно-психиатрические, судебно-наркологические и судебно-медицинские экспертизы назначались по уголовным делам рассматриваемой категории сравнительно редко. Данные экспертизы проводились в случаях, когда у лица, производящего расследование, возникало обоснованное предположение о наличии у подозреваемых и обвиняемых наркотической, алкогольной зависимости, психических расстройств или иных заболеваний, имеющих существенное значение. Учитывая специфику рассматриваемой категории преступлений и личность обвиняемых по таким делам, основания для проведения вышеуказанных экспертиз возникали в единичных случаях и были в основном связаны с поведением подозреваемых и обвиняемых, направленным на противодействие расследованию. Так, обвиняемый З. в течение продолжительного периода времени уклонялся от участия в следственных действиях под предлогом своего плохого самочувствия, вызванного имеющимися у него заболеваниями. Проведенной судебно-медицинской экспертизой было установлено, что имеющиеся у З. заболевания не препятствуют его участию в следственных действиях (Архив Ново-Савин. район. суда г. Казани за 2007 г., уголов. дело № 1-896). По уголовному делу в отношении С., который с целью уклонения от участия в судебных заседаниях лег на обследование в психиатрический стационар, симулируя якобы имеющиеся у него заболевания, проведенной судебно-психиатрической экспертизой была установлена его вменяемость, в том числе на момент совершения им преступлений (Архив Вахит. район. суда г. Казани за 2006 г., уголов. дело № 1-236).

Кроме того, в ряде случаев с целью преодоления противодействия расследованию целесообразно проведение судебно-психологической экспертизы. Так, в случаях отказа участника уголовного процесса от ранее данных им показаний под предлогом якобы оказанного на него давления и фиксации ранее данных показаний на аудио- или видеоноситель судебно-психологической экспертизы позволяет установить, оказывалось ли на допрашиваемого какое-либо давление, а также выявить особенности личности допрашиваемого, повлиявшие на изменение им своих показаний.

Необходимо отметить, что изучение судебно-следственной практики по рассматриваемой категории дел выявило, что ни по одному из изученных уголовных дел не применялась судебная психофизиологическая экспертиза. При этом по 63 % дел имелась необходимость в ее проведении. По мнению практических работников, основными причинами неприменения данной экспертизы являются: отсутствие информации о данном виде экспертиз; отсутствие специалистов для их проведения; отсутствие законодательной регламентации проведения экспертиз. В то же время назначение и производство судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа не противоречит российскому законодательству. По данным ряда исследований, достоверность сведений, получаемых опытным специалистом, превышает 90 %. При применении методики выявления скрываемой информации в случае непричастности опрашиваемого субъекта к инкриминируемому деянию достоверность приближается к 100 % (Кокорев Д. А. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа // Адвокат. 2005. № 5. С. 8).

В связи с этим, с нашей точки зрения, одним из эффективных средств использования специальных знаний на предварительном следствии является проведение психофизиологических экспертиз.

После проведения экспертизы и получения заключения эксперта важнейший этап правоприменительной деятельности состоит в исследовании и оценке заключения эксперта. Оценка заключения эксперта производится с учетом следующих обстоятельств: а) связь заключения с иными дока-

зательствами по уголовному делу, предполагающая оценку заключения эксперта с точки зрения наличия или отсутствия противоречий между заключением и другими собранными по уголовному делу доказательствами; б) субъективные качества эксперта, куда входят его опыт работы по специальности, теоретическая подготовка и иные обстоятельства; в) процессуальные факторы, к которым относятся соблюдение процессуальных норм при производстве экспертизы, достоверность доказательств, положенных в основу заключения; г) факторы научно-методического характера: соответствие заключения поставленным вопросам; обоснованность заключения документами; отсутствие пробелов, противоречий, ошибок; логичность построения (Дубоносов Е. С. Судебная бухгалтерия : учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 326).

При необходимости могут быть назначены: повторные экспертизы, которые проводятся в случае имеющихся сомнений в обоснованности заключения эксперта либо наличия противоречий, имеющихся в экспертных выводах по одним и тем же вопросам; дополнительные, которые проводятся при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела; комплексные, в производстве которых участвуют эксперты разных специальностей; комиссионные, проводимые не менее чем двумя экспертами одной специальности.

Материалы изученной нами судебно-следственной практики свидетельствуют о небольшом количестве проведенных по уголовному делу дополнительных экспертных исследований (около 7 %). Еще меньше проведенных по делу комплексных и комиссионных экспертиз (около 4 %). Случаев проведения повторных экспертиз нами не выявлено, что может свидетельствовать как о высокой степени доверия субъектов расследования к заключениям экспертиз, так и о ненадлежащей оценке ими этих заключений. Так, изучение материалов уголовных дел показало, что даже в случае назначения субъектом расследования комплексной экспертизы с направлением на исследование одного объекта эксперты самостоятельно производили деление экспер-

тизы на две самостоятельных, давая по одному объекту два заключения, что прежде всего связано с показателями в работе экспертов, зависящими от количества проведенных ими экспертиз. Кроме того, в ряде случаев эксперты отвечали не на все поставленные в постановлении о назначении экспертизы вопросы либо исследовали не все направляемые объекты, а только часть из них. Так, по уголовному делу в отношении Х., обвиняемой в хищении денежных средств Казанской государственной архитектурно-строительной академии, в соответствии с постановлением о назначении экспертизы на нее направляется пять документов, подлежащих исследованию, а согласно заключению выводы эксперт дал только по одному из представленных документов (Архив Вахит. район. суда г. Казани за 2003 г., уголов. дело № 1-412).

В заключение необходимо отметить, что с развитием техники и технологий будут формироваться как способы подлога документов, так и способы их выявления. В

А. А. Ашин,
*заведующий кафедрой уголовного права
и процесса факультета права
и психологии Владимирского
государственного университета
кандидат юридических наук*

А. А. Аникина,
*аспирантка Владимирского
государственного университета*

СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ НАЧАЛ И ПРИНЦИПОВ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Ключевые слова:

общие начала назначения наказания, принципы уголовного права, принципы назначения наказания, индивидуализация, дифференциация наказания

В системе назначения наказания особую роль играют общие начала и принципы его назначения. Теоретические подходы к определению их соотношения выработались исходя из понимания указанных принципов. Однако и в настоящее время в науке уголовного права по данному вопросу нет единой точки зрения. Как отмечает Л. Л. Кругликов: «отсутствует ясность по многим вопросам, в том числе: а) о круге принципов (численности и видах);

этих условиях успешность расследования преступлений будет прежде всего зависеть от знаний лица, производящего расследование, и его умений применить современные достижения науки и техники.

Библиографический список

1. Баширов, Р. А. Судебная бухгалтерия : учеб. пособие для студентов вузов / Р. А. Баширов, Н. В. Баширова. – Ростов н/Д ; Краснодар, 2004.
2. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – 2-е изд., доп. – М., 2000.
3. Криминалистика : учеб. для экспертов-криминалистов / под ред. А. Г. Филиппова. – М., 2005.
4. Селина, Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе / Е. В. Селина. – М., 2002.
5. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Е. Р. Россинской, Н. Д. Эриашвили. – М., 2006.

б) о понятии отдельных видов; в) о соотношении, субординации принципов; г) о характере связи их с общими началами назначения наказания и отраслевыми (уголовно-правовыми) принципами; д) о средствах реализации принципов и т. п.» (Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999). Ярославль, 1999. С. 95).

В этой связи необходимо определить сущность принципов назначения наказания.

В уголовном законе не содержится их понятия, в ст. 3–7 УК РФ говорится о принципах уголовного законодательства вообще. А в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 (в ред. от 3 апреля 2008 г. № 5) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 4) принципы назначения наказания даже не упоминаются.

В советском уголовном праве данные принципы также не были закреплены. Однако при этом, как отмечает М. А. Скрябин, «в ст. 2 Основ есть указание на то, что уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик определяет принципы и общие положения уголовного законода-

тельства» (Скрябин М. А. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним. Казань, 1988. С. 12). Таким образом, в советском уголовном законодательстве «принципы» и «общие положения» не отождествлялись.

Отсутствие текстуального закрепления в законе принципов назначения наказания — одна из причин существования в уголовно-правовой науке весьма разноречивых суждений о том, какие конкретно идеи образуют систему этих принципов.

Между тем правильное их понимание и учет в законотворческой деятельности позволяют избежать ошибок в регламентации конкретных вопросов, несоответствий между отдельными нормами, учесть перспективу в развитии уголовного законодательства, в том числе тех его положений, которые регулируют назначение наказания. Также важны они для судебной деятельности: избирая в каждом отдельном случае ту или иную меру воздействия, суд наряду с положениями уголовного закона должен исходить из принципов назначения наказания.

Под принципами права принято понимать основополагающие идеи, начала, на которых базируется та или иная правовая система. Выделяются отраслевые, межотраслевые и общеправовые принципы права (Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2000. С. 196).

Принципы уголовного законодательства напрямую связаны с институтом назначения наказания, составляют методологическую, идейную основу применения общих начал, определяют деятельность суда по индивидуализации наказания.

По мнению А. С. Бугрименко, принципы уголовного права:

1) это общие начала, в соответствии с которыми формируется, реализуется и развивается уголовное законодательство, они определяют его социальную роль и юридическую природу;

2) выражают социально-правовую и криминологическую обоснованность уголовного законодательства;

3) объединяют наиболее важные общественные отношения, интересы и блага, подлежащие уголовно-правовой охране;

4) обеспечивают единство уголовного законодательства посредством установле-

ния единых требований для всех его институтов и норм;

5) обуславливают единообразие правотворческой и правоприменительной деятельности (Бугрименко А. С. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 12).

Применительно к институту назначения наказания действуют отраслевые принципы. Они должны быть специфичными и функционировать локально.

Характерные признаки принципов назначения наказания выделяет Л. А. Прохоров, который принцип вообще воспринимает как «идеологическую категорию», «руководящую идею», являющуюся «всеобщей» (Прохоров Л. А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980. С. 9).

По справедливому замечанию Р. Н. Хамитова, «наличие принципов назначения наказания отнюдь не излишняя правовая категория; они-то как раз и служат цементирующим и системообразующим принципом данного института» (Хамитов Р. Н. Назначение наказания как институт российского уголовного права. Набережные Челны, 2000. С. 14).

Первые попытки изучения принципов назначения наказания были предприняты учеными в отечественной теории уголовного права довольно давно. Так, Л. С. Белогриц-Котляревский писал о таких принципах, как об экономии карательных средств, «культурности наказания», индивидуализации уголовной репрессии в связи с общей предупредительной деятельностью. Принцип индивидуализации уголовного наказания выделяли И. Я. Фойницкий, А. А. Жижиленко и др. (Об этом подробно: Непомнящая Т. В. О принципах назначения наказания // Журн. рос. права. 2003. № 9. С. 48).

П. П. Осипов отмечал, что «без преувеличения можно сказать, что вопрос о системе принципов назначения наказания — одно из белых пятен в советской уголовно-правовой науке, о чем свидетельствует и отсутствие глубоких фундаментальных исследований в разделах монографий и учебной литературы, ему посвященных» (Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 98).

Следует отметить, что большинство ученых определяют понятие «принципы назначения наказания» через категорию «идеи». Так, А. П. Чугаев считает таковыми «основополагающие идеи, вытекающие из правовой природы наказания и воплощенные в уголовно-правовых нормах, регламентирующих их значение» (Чугаев А. П. Назначение наказания. Краснодар, 2003. С. 43).

По мнению Л. А. Прохорова, принцип назначения наказания – это руководящая идея, воплощающая в себе ту или иную характерную черту всех норм УК РФ, регламентирующих порядок назначения наказания (Прохоров Л. А. Указ. соч. С. 13–14).

А. А. Мамедов понимает под ними «руководящие идеи, общие положения, предопределяющие направленность, пределы использования этих правил, критериев соответствия общественным интересам, сложившимся идеалам, представлениям о справедливости, гуманности и, наконец, уголовной политике, осуществляемой демократическим, правовым государством» (Мамедов А. А. Справедливость назначения наказания. СПб., 2003. С. 67).

В свою очередь, И. Г. Набиев относит к ним исходные нормативно-руководящие идеи, пронизывающие всю совокупность норм, регламентирующих назначение наказания, определяющих основания, условия, порядок, характер и объем применения судом наказания в соответствии с целями и задачами уголовного законодательства (Набиев И. Г. Принципы назначения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 15).

Р. С. Бурганов принципами назначения наказания признает только «нормативно закрепленные основополагающие идеи, отражающие сущность назначения наказания» (Бурганов Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 106).

Некоторые ученые в принципах назначения наказания видят исходные начала. Так, указывается: «Принципы назначения наказания как принципы права представляют собой исходные нормативно-руководящие начала» (Кругликов Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. Ярославль, 1980. С. 13–14); это «закономерно обусловленные основополагающие, руководящие начала, получившие юридическое

выражение в Уголовном кодексе Российской Федерации, определяющие правовую основу системы наказания, являющиеся обязательными для суда при назначении наказания по конкретному уголовному делу» (Бугрименко А. С. Указ. соч. С. 17–18).

Очевидно, что изложенные выше понятия принципов назначения наказания, по сути, похожи между собой.

Т. В. Непомнящая полагает, что ошибкой многих авторов является то, что к принципам они относят либо отдельные требования, либо отдельные правила назначения наказания. Самими же принципами назначения наказания она предлагает считать принцип индивидуализации и принцип дифференциации наказания (Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика и перспективы. СПб., 2006. С. 27). Данное мнение разделяет также С. И. Курганов (Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М., 2008. С. 39).

По УК РСФСР 1926 г. А. Д. Соловьев определял принципы назначения наказания как «закрепленные в нормах уголовного и уголовно-процессуального права положения, устанавливающие основания, условия и порядок определения уголовного наказания» (Соловьев А. Д. Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 7).

Данное определение справедливо подверг критике Р. С. Бурганов: «...институт назначения наказания является уголовно-правовым так же, как и принципы назначения наказания входят в систему принципов уголовного права» (Бурганов Р. С. Указ. соч. С. 106).

Теоретическая позиция С. А. Велиева также отличается от традиционных формулировок рассматриваемого понятия. По его мнению, «принципы назначения наказания – это не что иное, как принципы уголовного права. Они находятся в тесной взаимосвязи с такими категориями, как цели, социальное назначение и сущность наказания, и логически дополняют их. Принципы назначения наказания призваны служить эффективному осуществлению целей наказания, надежной охране социальных ценностей, находящихся под уголовно-правовой защитой» (Велиев С. А. Принципы назначения наказания. СПб., 2004. С. 113).

Указанная позиция, состоящая в полном отождествлении принципов уголовного

права и принципов назначения наказания, неточна. Очевидно, что принципы назначения наказания должны отражать не только принципы уголовного права, но и специфические идеи, характерные лишь для этапа назначения наказания.

На наш взгляд, в определении рассматриваемого понятия нужно исходить из сущности двух взаимосвязанных определений – «принципы» и «назначение наказания».

Назначение наказания – важнейший этап реализации уголовной ответственности и основная стадия применения наказания. Сущность назначения наказания состоит в том, что суд, принимая во внимание все обстоятельства, характеризующие преступление и личность виновного, исходя из задач уголовного законодательства и целей наказания определяет лицу, признанному виновным в совершении преступления, вид, срок или размер наказания.

Таким образом, принципы назначения наказания – это нормативно закрепленные основополагающие идеи, присущие исключительно юридическому этапу назначения наказания виновному в совершении преступления. Понятие «принципы уголовного права» и «принципы назначения наказания» соотносятся между собой как целое и часть.

У многих авторов отсутствует взгляд на эти принципы как на определенное внутреннее единство, синтезирующееся в объединяющем их общем понятии. В результате они предстают в виде конгломерата идей, а не в виде единого целого, несводимого к сущности составляющих его элементов.

Так, М. А. Скрыбин предлагает включить в систему принципов назначения наказания принципы: законности, справедливости, индивидуализации наказания, назначения наказания отдельно за каждое преступление и окончательно единого наказания (Скрыбин М. А. Указ. соч. С. 16–20).

А. П. Чугаев расширяет указанный выше перечень, добавляя в него принципы равенства граждан перед законом, вины, гуманизма, дифференциации и индивидуализации наказания (Чугаев А. П. Указ. соч. С. 44–47). Эти же принципы включает в рассматриваемую систему С. А. Велиев (Велиев С. А. Указ. соч. С. 124).

Р. С. Бурганов дополняет данную систему принципами стимулирования отказа от про-

должения преступной деятельности и позитивного посткриминального поведения, неотвратимости уголовной ответственности, целесообразности уголовной ответственности и личной ответственности (Бурганов Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 10).

По мнению А. С. Бугрименко, целесообразно ограничиться одним принципом индивидуализации наказания. Именно он носит локальный характер и обладает особенностями, достаточными для его признания принципом назначения наказания (Бугрименко А. С. Указ. соч. С. 17).

Мы придерживаемся варианта системы, предложенного И. Г. Набиевым. Автор выделяет:

«1. Принципы, специально закрепленные в отдельных нормах УК РФ: а) законности; б) равенства граждан перед законом; в) вины; г) справедливости; д) гуманизма.

2. Принципы, выводимые на основе анализа совокупности соответствующих норм УК РФ: а) неотвратимости уголовной ответственности; б) дифференциации уголовной ответственности; в) индивидуализации уголовной ответственности; г) экономии уголовно-правового воздействия; д) стимулирования отказа от продолжения преступной деятельности и позитивного посткриминального поведения» (Набиев И. Г. Указ. соч. С. 7).

С нашей точки зрения, принципы назначения наказания – это:

1) принципы уголовного законодательства, закрепленные в ст. 3–7 УК РФ: законности, равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма;

2) принципы, присущие юридическому этапу назначения наказания: дифференциации и индивидуализации наказания.

В этой системе особое место занимают принципы дифференциации и индивидуализации наказания. Именно они, несмотря на отсутствие закрепления в уголовном законе, в большей мере отражают специфику назначения наказания.

Суть дифференциации состоит в том, что разным категориям обвиняемых, выделенным по сущностным признакам, назначаются (или, напротив, не могут быть назначены) определенные виды и меры наказания. Так, несовершеннолетним лишение свободы на-

значается на срок не свыше десяти лет (даже в случае совокупности преступлений и приговоров); беременным женщинам не может быть назначено наказание в виде обязательных работ, исправительных работ и т. д.

Более полное определение индивидуализации наказания было предложено И. И. Карпецом. По его мнению, «индивидуализация наказания в советском уголовном праве – это принцип, заключающийся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, который позволяет посредством наказания, сочетающего в себе кару и воспитание, добиться, в конечном счете, исправления и перевоспитания преступника, а также предупредить совершение лицами новых преступлений, как осужденными, так и другими лицами» (Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 10).

Индивидуализация наказания, в отличие от дифференциации, предполагает переход от общих положений и критериев, установленных законом, к частной ситуации. Таким образом, дифференциация и индивидуализация наказания имеют существенные различия, что позволяет говорить о наличии двух самостоятельных принципов.

В. И. Ткаченко, говоря о принципе индивидуализации наказания, обращал внимание на то, что он закреплен в ст. 37 УК РСФСР 1960 г., содержащей правила и требования, именуемые общими началами назначения наказания, которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания (Ткаченко В. И. Общие начала назначения наказания. М., 1984. С. 8).

Следует отметить, что в уголовно-правовой науке нет единства мнений не только относительно идей, которые должны быть отнесены к рассматриваемым принципам (законности, справедливости, гуманизма, экономии репрессии, индивидуализации, неотвратимости и т. д.), но и по поводу их отличия от общих начал назначения наказания (Напр.: Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1999. С. 361).

По данному вопросу можно выделить две основные теоретические позиции. Первая исходит из того, что общие начала и есть общие принципы назначения наказания, в ко-

торых законодательно зафиксированы соответствующие критерии (Напр.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 2000. С. 421).

Так, В. В. Мальцев говорит о том, что «содержание... статьи 60 УК РФ (общие начала назначения наказания) раскрывается преимущественно через призму разъяснения содержания принципов законности, справедливости, целесообразности, эффективности, экономии репрессии, индивидуализации наказания» (Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007. С. 123). Недостаток законодательной формулировки ст. 60 УК РФ автор находит в отсутствии закрепления иных (кроме справедливости) принципов назначения наказания.

Д. С. Дядькин также полагает, что «дополнительно формулировать вместе с общими началами назначения наказания еще и принципы нет никакой необходимости» (Дядькин Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб., 2006. С. 188). При этом он замечает, что содержание принципов значительно шире, чем их одноинституциональное регулирование (Там же).

Данную точку зрения разделяет Е. В. Благов, который подвергает критике специальное выделение принципа справедливости назначения наказания и полагает, что в таком случае идет дублирование принципов и общих начал (Благов Е. В. Назначение наказания (теория и практика). Ярославль, 2002. С. 11).

Согласно второй позиции принципы и общие начала назначения наказания, несмотря на то, что взаимосвязаны, являются самостоятельными категориями уголовного права, находятся в определенном соотношении между собой и требуют отдельного рассмотрения. Например, Л. А. Прохоров указывает, что «принцип и общее начало назначения наказания соотносятся как философские категории общего и отдельного, принцип существует в тех либо иных сторонах общих начал» (Прохоров Л. А. Указ. соч. С. 14). У них одна роль – обеспечивать правильное назначение наказания.

С данной позицией с определенным уточнением соглашается Л. Л. Кругликов, полагая, что «принципы назначения наказания воплощены не только в общих началах назначения наказания», поэтому «не име-

ется оснований ни для отождествления, ни для противопоставления принципов и общих начал назначения наказания» (Кругликов Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. С. 97, 98).

Следует признать, что в действующем уголовном законодательстве руководящие идеи применения санкций закреплены не в полной мере и, к сожалению, далеко не все.

И. Г. Набиев, солидаризуясь с Л. Л. Кругликовым, отмечает, что «нельзя сводить принципы назначения наказания к общим началам его назначения потому, что принципы проявляются не только в них, но и в других правилах, регулируемых... в главе 10 УК РФ... и в ряде других его глав» (Набиев И. Г. Понятие и природа назначения наказания по российскому уголовному праву. Казань, 2004. Вып. 5, ч. 2. С. 10). В этой связи автор предлагает дополнить ч. 1 ст. 60 УК РФ, указав на назначение судом законного, обоснованного, справедливого наказания (Там же).

М. А. Скрыбин не соглашается с мнением Л. А. Прохорова о соотношении рассматриваемых понятий как общего, единичного и особенного, так как в таком соотношении находится любая норма уголовного права. «Общие начала взаимосвязаны с другими положениями закона, в точном соответствии с которыми суд должен назначать наказание, поэтому общие начала назначения наказания скорее относятся к общим положениям, а не к принципам назначения наказания» (Скрыбин М. А. Указ. соч. С. 13).

С точки зрения Т. В. Непомнящей, принципы назначения наказания шире, чем общие начала, «принципы определяют всю деятельность судов при назначении наказания, а общими началами суд руководствуется при назначении определенной меры наказания виновному лицу за конкретное уголовное дело» (Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика и перспективы. С. 32). Автор исходит из того, что принципы имеют большое значение в деятельности судов, поэтому важным является решение вопроса об определении круга таких принципов и их формулировок¹.

¹ Данную позицию также разделяют В. И. Зубкова и А. С. Бугрименко (Бугрименко А. С. Указ. соч. С. 18 ; Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. С. 214).

А. С. Бугрименко отмечает, что «соотношение принципов уголовного права и общих начал назначения наказания проявляется в том, что общие начала назначения наказания основываются на отраслевых правовых принципах уголовного права – принципах законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма» (Бугрименко А. С. Указ. соч. С. 19).

По сути, данную позицию разделяет и Н. Н. Дударь, отмечающая: «общие начала назначения наказания, содержащие обязательные для суда правила назначения наказания, базируются на принципах, то есть основных идеях, положениях уголовного законодательства» (Дударь Н. Н. Общие начала назначения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12, 13).

В свою очередь, А. А. Мамедов указывает, что «происходит проецирование принципов на общие начала назначения наказания» (Мамедов А. А. Указ. соч. С. 67).

Р. С. Бурганов не соглашается с такой интерпретацией соотношения рассматриваемых понятий. «Принципы назначения наказания, – пишет он, – являются самостоятельной категорией, отличной от общих начал и специальных правил назначения наказания»; «общие начала назначения наказания применяются судом при назначении наказания конкретному лицу, а принципы назначения наказания направляют всю деятельность суда по назначению наказания» (Бурганов Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. С. 134).

По мнению Р. Н. Хамитова, основное назначение общих начал назначения наказания заключается в том, чтобы общенормативные положения УК РФ переложить в конкретные и доступные для восприятия правила назначения наказания с учетом конкретной ситуации и личности виновного в преступлении, чтобы перевести принципы его назначения в реальную практику (Хамитов Р. Н. Специальные правила назначения наказания. Казань, 2001. С. 32).

Связь между общими началами и принципами назначения наказания И. Л. Друкarov видит в том, что общие начала назначения наказания основываются на соблюдении принципов уголовного закона, и хотя они, за исключением принципа справедли-

ности, не упоминаются в ст. 60 УК РФ, тем не менее суд при назначении наказания неизбежно должен их придерживаться; эти принципы относятся ко всем вопросам, разрешаемым в процессе применения уголовного закона, а именно законности, равенства всех граждан перед законом, вины и гуманизма (Друкаров И. Л. Назначение наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации. Барнаул, 2006. С. 20).

М. Н. Становский пишет: «Как видно из содержания ст. 60 УК РФ, общие начала назначения наказания сформулированы в соответствии с основными принципами уголовного права» (Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 140).

В заключение следует отметить, что, по нашему мнению, общие начала назначения

наказания и принципы его назначения являются самостоятельными, хотя и тесно связанными между собой, категориями уголовного права.

Библиографический список

1. Бугрименко, А. С. Общие начала назначения наказания и их применение к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007.

2. Дядькин, Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход / Д. С. Дядькин. – СПб., 2006.

3. Курганов, С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / С. И. Курганов. – М., 2008.

М. В. Бачернихина,

адъюнкт кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

ТЕХНИКА УСТАНОВЛЕНИЯ

ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Ключевые слова:

юридическая техника, правоприменительный акт, установление фактических обстоятельств дела

Роль и значение юридической техники в создании качественной, эффективно функционирующей системы права переоценить крайне сложно. В то же время в научном мире осознается необходимость расширения пространства юридической техники, границ ее применения. Кроме правотворчества в сферу «ответственности» юридической техники попадают и правоприменительная, и правоинтерпретационная деятельность. При этом если правотворческая, законодательная техника исследована досконально, то другие разновидности юридической техники изучены явно недостаточно.

Многообразие явлений, охватываемых понятием «юридическая техника», позволяет рассматривать последнюю в качестве сложноорганизованной системы. Многоаспектность подчеркивается в существующих определениях понятия. Приведем некоторые из них.

Профессор Л. Д. Воеводин определяет юридическую технику как научно разработанную методику создания, познания и эффективного применения права в целях урегулирования поведения людей (Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 3. С. 6).

В. И. Крусс понимает юридическую технику «в широком смысле слова (включая технику конструирования и применения норм позитивного права) как сумму (систему) технологий осмысления конституционно выраженных идеалов и принципов и объектирования на этой основе отраслевых принципов, нормативных установлений и правил правоприменительной практики» (Крусс В. И. Юридическая техника : обзор материалов науч.-метод. семинара // Государство и право. 2000. № 11. С. 118).

По мнению А. Б. Лисюткина, «юридическая техника – обусловленная закономерностями развития правовой системы общества совокупность определенных правил, приемов, навыков, методов, используемых в профессиональной юридической деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов» (Лисюткин А. Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11. С. 24–25).

И. Н. Бокова определяет юридическую технику в качестве «определенной формы правовых идей, системы знаний об опреде-

ленных приемах, выработанных теорией и практикой в правотворческой, интерпретационной и правореализационной деятельности, с помощью которых достигаются цели правовой регламентации нормативных установлений» (Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 35).

Следует констатировать, что большинство авторов под юридической техникой, как правило, понимают совокупность (систему) соответствующих средств, приемов, методов и правил подготовки и изложения правовых актов (Напр.: Власенко Н. А. Основы законодательной техники : практ. руководство. Иркутск, 1995 ; Законодательная техника / под ред. Д. А. Керимова. Л., 1965 ; Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991 ; Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972 ; Черданцев А. Ф. Теория государства и права : курс лекций. Екатеринбург, 1997).

Таким образом, юридическая техника рассматривается либо как то, что обеспечивает правильность, качество правовых актов, либо что способствует достижению правовых целей. В первом случае фактически речь идет о средствах, правилах подготовки и оформления нормативных правовых и индивидуально-правовых актов. Во втором случае юридическая техника интерпретируется несколько шире. В нее по сути включается определенная исследовательская деятельность, которая является подготовительной, обеспечивающей и носит не только сугубо юридический, но и общесоциальный характер. Иными словами, в сфере правотворчества юридическая техника способствует успешному изучению общественных отношений, выявлению наиболее значимых проблем общественного развития, потребности законодательного регулирования и определения оптимальных правовых средств их решения, в сфере правоприменения – установление фактической основы юридического дела.

Тенденция расширения области применения юридической техники выступает одной из особенностей научных исследований данной проблемы. Как отмечает В. М. Баранов, юридическая техника присутствует практически во всех видах правовой практики, она не

менее важна в правоприменении, толковании норм права. В связи с этим следует более точно охарактеризовать пространство юридической техники (Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники : сб. ст. Н. Новгород, 2000. С. 10).

Четкое представление о пространстве юридической техники необходимо для понимания пределов ее использования с целью обеспечения эффективности действия права. К сожалению, не всегда в научных работах акцентируется внимание на решении данной задачи. Так, правоприменительная техника часто рассматривается только как техника подготовки и оформления правоприменительных актов. Вместе с тем юридическая техника дополняет весь процесс правоприменительной деятельности, обеспечивает рациональность, правильность, а соответственно качество и эффективность действий и решений на всех его стадиях.

Принятие правоприменительного акта является завершающей стадией правоприменения. В то же время законность, справедливость, обоснованность решения в правоприменительном акте зависит не только от соблюдения требований, касающихся его оформления, но и в значительной степени от того, насколько полно, всесторонне, достоверно была установлена фактическая основа юридического дела. В связи с этим огромное значение имеют те средства, приемы и правила, которые обеспечивают рациональность действий соответствующих субъектов по установлению фактических обстоятельств дела.

Выделение техники установления фактической основы дела необходимо также по той причине, что правоприменительный акт по своей сути есть не только документ определенной формы, но и *решение* определенного дела – акт, имеющий интеллектуально-волевою природу. Правила подготовки и принятия того или иного решения должны включать в себя и правила установления фактических обстоятельств дела.

Таким образом, технико-юридические средства, приемы и правила установления фактической основы дела являются частью правоприменительной техники и нужны для правильного разрешения дела по существу.

Технику установления фактических обстоятельств следует рассматривать в качестве элемента единой системы юридической техники. Единство последней проявляется на

уровне языка права, в потребности соблюдать основные правила использования юридической терминологии. В не меньшей степени на единство техники указывает необходимость оперирования законами логики. Логические правила оперирования понятиями, выведения суждений носят универсальный характер и должны применяться как в правотворчестве, так и правоприменении. Помимо этого о единстве юридической техники может свидетельствовать также общая цель ее применения, состоящая в повышении эффективности правового регулирования.

Сложный, многоуровневый характер механизма действия права обуславливает специфические структурные отношения элементов правоприменительной техники.

Например, техника установления фактических обстоятельств дела способствует принятию правильного, законного и обоснованного правоприменительного решения – акта-документа. Так, принятие судом решения о виновности лица в совершении того или иного преступления предполагает установление всех элементов состава преступления, а также обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В другом случае принятие конкретного правоприменительного акта выступает условием, средством установления фактической основы дела. В рамках уголовного процесса одним из средств установления

обстоятельств являются процессуальные действия и решения. Например, постановление следователя о проведении того или иного следственного действия: осмотра места происшествия, допроса, очной ставки и т. д., – непосредственно направлено на обнаружение, закрепление доказательств, а следовательно, подчинено цели установления фактических обстоятельств дела.

В заключение необходимо отметить, что в правоприменении технические элементы юридической техники нельзя жестко противопоставлять друг другу. В отдельных случаях они могут существовать относительно обособленно, а в других – техника установления фактической основы дела, техника оформления правоприменительных актов оказываются настолько взаимосвязаны, что обособленное их рассмотрение возможно только в результате идеализации.

Библиографический список

1. *Воеводин, Л. Д.* Юридическая техника в конституционном праве / Л. Д. Воеводин // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. – 1997. – № 3.
2. *Баранов, В. М.* Предисловие / В. М. Баранов // Проблемы юридической техники : сб. ст. – Н.Новгород, 2000.
3. *Лисюткин, А. Б.* Юридическая техника и правовые ошибки / А. Б. Лисюткин // Государство и право. – 2001. – № 11.

Д. О. Бибик,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Владимирского государственного
гуманитарного университета*

ПРОБЛЕМЫ ВЫПОЛНЕНИЯ УКАЗАНИЙ

Ключевые слова:
указание, подзаконный акт, служебная дисциплина,
акт государственного управления

Указание – это правовой акт, издаваемый органом государственного управления преимущественно по вопросам информационно-методического характера, а также по вопросам, связанным с организацией исполнения приказов, инструкций и других актов данного органа и вышестоящих органов управления.

Поскольку указание – это акт государственного управления, оно является официальным предписанием, которое основано на законе, принято специальным субъектом управления в пределах его компетенции с соблюдением установленной процедуры и формы и влечет за собой определенные юридические последствия (Керимов Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие. М., 1998. С. 178).

Требования, предъявляемые к указаниям, можно разделить на три группы: социально-политические, организационно-правовые и организационно-технические (Ноздрачев А. Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР // Учен. зап. ВНИИСЗ. 1968. Вып. 12. С. 74).

К требованиям социально-политического характера относятся, прежде всего, ясность

цели принятия правового акта управления, допустимость ее социально-политической сущностью государства, отраженной и закрепленной в нормах Конституции РФ, а также в национальных доктринах, концепциях, федеральных целевых программах, например, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, Военной доктрине Российской Федерации, Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы, федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» и т. д.

Соблюдение заключенных в указанных документах требований организационно-правового характера деятельности органов и должностных лиц исполнительной власти призваны обеспечивать высшие государственные органы всех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной).

Общим и единым требованием ко всем без исключения правовым актам управления является требование законности, т. е. полного соответствия действующему законодательству РФ. В сфере реализации государственной власти установлены следующие требования к принятию правовых актов управления:

- они должны приниматься уполномоченными на то органами и должностными лицами;
- по вопросам и в пределах компетенции данных органов и лиц;
- в установленном порядке;
- без какого-либо нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Организационно-технические требования, предъявляемые к правовым актам управления, включают следующие моменты:

- установленная форма и требуемые реквизиты (наименование органа, издавшего акт, и вида акта, его название);
- дата подписания или утверждения акта и его номер;
- наименование должности и фамилия лица, подписавшего акт;
- четкость структуры нормативного правового акта, обеспечивающая логическое развитие темы правового регулирования;
- надлежащие формат, шрифт, расположение текста, официально-деловой стиль, грамотность изложения и т. д.

Последствиями нарушения требований, предъявляемых к правовым актам управления, являются приостановление их действия либо их частичная или полная отмена. Так, на основании ст. 12 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (в редакции от 30 декабря 2008 г. № 8-ФКЗ) «О Правительстве Российской Федерации» (Рос. газ. 1997. 23 дек. ; 2008. 31 дек.) последнее вправе отменять акты федеральных органов исполнительной власти или приостанавливать действие этих актов. Отменять частично или полностью, а также приостанавливать действие правовых актов управления могут также сами принявшие их органы и должностные лица по своему усмотрению, требованию вышестоящего органа, протесту или представлению прокурора.

Таким образом, основное правило реализации актов управления заключается в том, что служащие обязаны своевременно и точно исполнять как письменные, так и устные указания, т. е. безусловно придерживаться служебной дисциплины, под которой понимается обязательное для служащих соблюдение служебного распорядка государственного органа и должностного регламента, установленных в соответствии с законами, иными нормативными правовыми актами, нормативными актами государственного органа и служебным контрактом служащего (Ковалевский С. Научные основы административного управления. М., 1967. С. 149). Только официальная отмена указания органом, должностным лицом, который его издал, либо вышестоящим органом, должностным лицом в установленном законом порядке освобождает служащего от исполнения данного указания.

В предусмотренных законодательством случаях наличие государственно-властных полномочий в пределах предоставленной компетенции дает право руководителю требовать от других лиц исполнения возложенных на них служебных обязанностей и адресуемых им указаний.

Таким образом, на основании вышеизложенного сформулируем правила выполнения указаний.

1. Указание дается непосредственно начальником подчиненному (прямая подчиненность). Оно может быть передано и

вышестоящим начальником, но как исключение из правил в случае крайней необходимости.

2. Указание дается в пределах компетенции начальника и сопоставимо с компетенцией подчиненного. Носит исключительно служебный характер.

3. По своему содержанию указание должно быть законным, содействующим государственным и общественным интересам. Государство наделяет определенный круг лиц (например, Центробанк РФ) правотворческой компетенцией, т. е. правом готовить и принимать указания. Именно государственным характером нормативно-правовые документы отличаются от нормативных актов негосударственных организаций (уставов партий, общественно-политических движений). Государственная воля воплощается в нормативных правовых актах при помощи специальных средств их оформления. «Поэтому воля государства не только должна быть изложена в языковой и логической форме и найти соответствующее словесно-документальное построение, но и обязана получить специфически правовое выражение (в виде логических норм и норм предписаний, в правовых конструкциях и др.). Это особое правовое выражение и образует специальное юридическое содержание нормативного акта как формы права» (Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 211).

4. Указание дается в определенной форме и установленном порядке. Вопросы издания актов государственного управления регламентируются постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (в редакции от 17 марта 2009 г. № 242) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (Рос. газ. 1997. 21 авг. ; 2009. 27 марта) (далее: Правила). Правила ограничивают наименования актов государственного управления исчерпывающим перечнем, включающим постановления, приказы, правила, инструкции, положения, распоряжения. При этом такого нормативного акта, как указание, данные Правила не содержат. Однако в ст. 7 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2008 г. № 317-ФЗ)

«О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» (Там же. 2002. 13 июля ; 2008. 28 окт.) закреплено, что Банк России по вопросам, отнесенным к его компетенции, издает в форме указаний, положений и инструкций нормативные акты, обязательные для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, всех юридических и физических лиц. Данная коллизия до настоящего времени не урегулирована. По нашему мнению, назрела необходимость внести изменения в ст. 2 Правил и установить, что нормативные правовые акты органов государственного управления издаются в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций, указаний и положений.

5. Указание обязательно к исполнению. Юридическое значение указаний зависит от цели и содержания данных актов. Они играют важную роль в практическом осуществлении мероприятий информационно-методического характера, разрабатываемых органами управления, поскольку содержат обязанности выполнять предписания последних. Выполнение указаний гарантируется авторитетом исполнительной власти, а в случае необходимости обеспечивается принудительной силой государства.

Библиографический список

1. *Карташов, В. Н.* Теория государства и права. Начальный курс / В. Н. Карташов. – Кострома, 2000.
2. *Керимов, Д. А.* Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М., 1998.
3. Конституция, закон, подзаконный акт. – М., 1994.
4. *Николаева, М. Н.* Нормативные акты министерств и ведомств СССР / М. Н. Николаева. – М., 1975.
5. *Ноздрачев, А. Ф.* Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР / А. Ф. Ноздрачев // Учен. зап. ВНИИСЗ. – 1968. – Вып 12.
6. *Тихомиров, Ю. А.* Механизм реализации законов / Ю. А. Тихомиров // Законы области как субъекта Российской Федерации. – Воронеж, 1996.

Е. А. Дементьев,
*адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Нижегородской академии МВД России*

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОТНОШЕНИЯ
В СФЕРЕ СПОРТА**

Ключевые слова:

спорт, правовое воздействие, спортивное право, методология общетеоретического исследования

Важное место в социальной жизни большинства современных государств занимает спорт. «Являясь неотъемлемой частью общественной жизни, — пишет С. В. Алексеев, — спорт зачастую (и совершенно справедливо) называют социально-экономическим феноменом XX и начала XXI в., одним из важнейших элементов созданной человечеством системы ценностей современной нам культуры» (Алексеев С. В. Международное спортивное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2008. С. 18). Еще более полно значение данного явления в жизни современного общества раскрывает А. М. Леонтьук: «Стало уже традицией характеризовать определенные периоды в истории человечества в связи с наиболее значительными явлениями в социальном развитии общества и культуры. Например, выделяют “каменный век”, “век пара”, “век электричества” и другие. С полным основанием современную эпоху можно назвать “веком спорта”, поскольку в настоящее время он занял такое место в жизни общества, которое он не занимал прежде в истории человечества. Его зачастую называют феноменом XX века» (Леонтьук А. М. Спорт как социокультурный феномен : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. С. 9).

Как и большинство иных социальных явлений, спорт подвергается многоплановому государственно-правовому воздействию. В этой связи вполне обоснованным выглядит тот факт, что в последнее время он привлекает внимание все большего числа ученых-правоведов. К настоящему моменту проведено достаточно большое число диссертационных исследований, предметом которых является правовое регулирование отношений, складывающихся в сфере спорта, нормами отдельных отраслей

права (конституционного, административного, гражданского, трудового, уголовного) (Напр.: Васильев С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Васкевич В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006 ; Егоричев А. Н. Конституционно-правовые основы физкультурной деятельности: российский и зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Лукин М. В. Правовая организация управления физической культурой и спортом в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006 ; Скворцов А. А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005 и др.).

Также по проблемам правового регулирования отношений в области профессионального спорта написан ряд монографий (Напр.: Васкевич В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : монография. Казань, 2006 ; Овчинникова Н. А. Актуальные проблемы правового регулирования профессионального спорта в Российской Федерации : монография. Владимир, 2008).

Развитие правового регулирования отношений в области спорта и настоятельная необходимость подготовки специалистов, обладающих знаниями в данной сфере, привели к появлению новой области юриспруденции — спортивному праву, что, в свою очередь, потребовало написания соответствующей учебной литературы. Огромная заслуга в этом принадлежит С. В. Алексееву, подготовившему первые фундаментальные учебники по спортивному праву (Алексеев С. В. Указ. соч. ; Его же. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта : учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2005).

Однако говорить о том, что данная область подверглась полному и всестороннему исследованию, еще рано. И одна из причин этого заключается в отсутствии обобщающего, синтезирующего учения о государственно-правовом воздействии на отношения в сфере спорта.

В области общей теории государства и права проблема спорта исследовалась явно недостаточно, имеются лишь отдельные попытки привлечь внимание юридической общественности к необходимости общетеоретического анализа тех или иных фрагментов спортивной деятельности. Так, Н. А. Овчинникова в своем диссертационном исследовании подвергает анализу отношения исключительно в области профессионального спорта (Овчинникова Н. А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации (общетеоретический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008). Диссертационное исследование М. А. Маргулиса ограничивается общетеоретическим анализом нормотворческой деятельности корпоративных объединений в области спорта (Маргулис М. А. Нормотворчество корпоративных объединений в области спорта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005). С. А. Медведев, подвергая теоретико-правовому анализу функционирование физической культуры и спорта в Российском государстве, рассматривает эти явления в единстве их целей и задач, что не позволяет изучить в спорте все грани данного специфического социального института и общекультурного феномена (Медведев С. А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006).

Очевидно, что сегодня необходимо общетеоретическое исследование, которое позволило бы на основе анализа динамики государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта с учетом уже полученных знаний и их обобщения выявить закономерности такого воздействия и на их базе предложить более эффективные средства правовой регламентации данных отношений.

Приступая к научному исследованию того или иного явления, в том числе правового, следует тщательно разработать его методологию, поскольку из-за методологической непродуманности и вызванных этим методологических ошибок автор не сможет в полной мере достичь поставленных целей и провести глубокое и всеобъемлющее научное исследование.

В связи с этим обратимся к методологии, традиционно используемой в правоведении. В юридической литературе методоло-

гия правоведения чаще всего трактуется как обусловленная диалектико-материалистическим методом совокупность определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов (способов) исследования государственно-правовых явлений (Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 116). Данная совокупность характеризуется многообразием методов познания юридической действительности, используемых при проведении научных исследований и составляющих методологию юридической науки. Среди этого многообразия В. М. Сырых указывает на существование следующих четырех видов методов, выделяемых по сфере их применения: метод материалистической диалектики, общие приемы (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, сравнение, системно-структурный подход, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и др.), специальные методы (статистический, математический, кибернетический, социально-психологические приемы и др.) и частно-правовые (формально-логические методы толкования права, сравнительно-правовой метод) (Сырых В. М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). М., 1980. С. 13).

Научное исследование конкретного правового явления опирается на специфический методологический аппарат, структура которого зависит в первую очередь от объекта исследования. Поэтому применительно к тому или иному правовому явлению следует говорить о наличии специфической методологии исследования. Кроме того, одно и то же явление может исследоваться с различных сторон, что, в свою очередь, также сказывается на методологии исследования. Чем глубже и всесторонне исследование, тем более сложного методологического аппарата оно требует.

Однако какой бы методологический аппарат ни использовался при проведении конкретного научного исследования, в любом случае он должен базироваться на общих для всех гуманитарных наук принципах. Традиционно в качестве таковых называют следующие три исследовательских принципа.

Принцип всесторонности. Согласно данному принципу государственно-правовые явления должны исследоваться не сами по себе, а в их взаимосвязи и взаимодействии с другими, соотносящимися с ними явлениями. Поскольку предметом нашего исследования является государственно-правовое воздействие на отношения в сфере спорта, особое внимание мы уделим связи спорта с государством и правом. Кроме того, спорт как объект правового регулирования нельзя рассматривать без учета его взаимосвязи с такими явлениями, как экономика, политика, идеология, культура, военное дело, наука, техника, образование и др.

Принцип историзма. В исследовании государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта данный принцип означает рассмотрение такого воздействия не только под углом зрения настоящего, но и с позиций прошлого и предполагаемого будущего. Не зная истории, выявить основные закономерности очень сложно, а иногда – невозможно. Выявленные закономерности, в свою очередь, дают возможность прогнозировать будущее.

Принцип комплексности. Руководствуясь этим принципом, научное исследование заявленной темы следует проводить, рассматривая интересующее нас явление не только в сугубо юридическом аспекте, но и подвергая его анализу с позиций других общественных наук, и в первую очередь философии, социологии, психологии. Именно эти науки уже на протяжении более столетия исследуют феномен спорта и накопили огромный научный опыт.

Одновременно с проработкой методологической основы исследования необходимо уделять внимание его теоретической базе. Новое научное исследование не начинается «с нуля», оно должно опираться на результаты ранее проведенных исследований.

Общетеоретическое исследование государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта целесообразно начать с рассмотрения спорта как явления социального. Это позволит увидеть в нем институционализированное социальное образование с присущими ему относительно устойчивыми социальными связями и отношениями.

Однако прежде всего необходимо выявить дефиниции исходного понятия «спорт» и уяс-

нить его взаимоотношения с понятием «физическая культура». Особую актуальность указанной задаче придает тот факт, что до сих пор ни в философии, ни социологии, ни юриспруденции не достигнуто единого понимания этих явлений. Так, только определений категории «спорт» можно насчитать более двухсот (Паначев В. Д. Спорт как социальный институт в развитии личности : дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2000. С. 41–42). Более того, не отличается устойчивостью и позиция законодателя. Так, согласно ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18, ст. 2206), который в настоящее время утратил силу, спорт – это составная часть физической культуры, исторически сложившаяся в форме соревновательной деятельности и специальной практики подготовки человека к соревнованиям. Со всем по-иному формулируется понятие спорта в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 50, ст. 6242). В соответствии с п. 12 ст. 2 нового Закона спорт рассматривается как одна из сфер социально-культурной деятельности.

С целью более глубокого изучения особенностей спорта как социального явления следует осуществить их классификацию. Как известно, она может проводиться по различным признакам и различными способами. Так, с помощью способа дихотомии спорт классифицируется по целям, на которые направлено занятие им (массовый спорт и спорт высших достижений), и получению дохода от занятий спортом (любительский и профессиональный). Спорт также делится на виды. Отдельные виды спорта могут образовывать группы, например, зимние и летние, олимпийские, национальные, военно-прикладные и служебно-прикладные виды спорта. Специфическим явлением в сфере спорта выступает олимпийское движение. В последнее время появились паралимпийское и сурдлимпийское движение, а также специальная олимпиада.

Сегодня спорт все чаще рассматривается философами и социологами в более широком, социокультурном, аспекте, что позволяет наряду с институциональностью данного социального явления выявить его основные социаль-

ные функции и через это понять его социальную ценность, место в культуре общества, а также установить отношение государства к данному социальному феномену, осознать необходимость государственно-правового воздействия на него и цели такого воздействия.

Как отмечено в одном из учебных пособий по проблемам теории государства и права: «Цели играют важную роль в процессе правового регулирования: отражая злободневные общественные потребности и стремления, они показывают значение и смысл самого существования юридических средств, ориентируют на те ценности, которые лежат в основе правовой политики конкретного государства» (Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. М., 2001. С. 367).

Целью государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта, безусловно, следует считать его поддержку и развитие как феномена, представляющего высокую социальную ценность.

За определением цели государственно-правового воздействия логически следует выбор его основных направлений.

Проблема развития спорта как функции государства нашла свое отражение в работах ряда отечественных ученых. Так, П. А. Рожков рассматривал данное направление как элемент социальной функции государства (Рожков П. А. Развитие физической культуры и спорта – приоритетное направление социальной политики государства // Теория и практика физической культуры. 2002. № 1), А. А. Барканов – как элемент культурно-воспитательной функции государства (Барканов А. А. Культурно-воспитательная функция современного государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 23–24).

Однако, как отмечается в работах большинства зарубежных и отечественных авторов, спорт выполняет множество разнообразных социальных функций. В частности, Н. И. Пономарев пишет: «Спорту как явлению общественной жизни свойственны как специфически культурные, так и общекультурные функции. Они тесно взаимосвязаны, переплетаются друг с другом, их разделение носит условный, поисковый характер» (Пономарев Н. И. Спорт – феномен культуры : лекция. Л., 1987. С. 13). Исходя из этого изучение направлений государственного воз-

действия на сферу спорта следует осуществлять не в рамках рассмотрения отдельной (социальной, культурно-воспитательной или иной функции государства), а в качестве самостоятельной проблемы.

Направления государственного воздействия на спортивную сферу уже подвергались специальному исследованию со стороны отдельных ученых-правоведов. Так, И. И. Иванов указал на следующие направления:

- развитие физической культуры и спорта в образовательных учреждениях (модернизация материально-технической базы и инфраструктуры, установление стандартов спортивных сооружений, контроль органов здравоохранения за здоровьем обучающейся молодежи и развитием игровых видов спорта);

- развитие физической культуры и спорта по месту жительства (строительство спортивных центров, сертификация и учет всех видов физкультурно-спортивных организаций, центров и т. п.);

- организация пропаганды физической культуры и занятий спортом как составляющей части здорового образа жизни; развитие спорта высших достижений, в том числе создание и модернизация инфраструктуры, разработка и создание системы антидопингового контроля (Иванов И. И. Развитие физической культуры и спорта как функции Российского государства // Право и государство: теория и практика. 2008. № 7. С. 15).

С. А. Медведев к основным направлениям государственной политики в данной сфере отнес: формирование здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта; развитие спорта высших достижений и подготовка спортивного резерва; совершенствование и оптимизация системы государственного регулирования в сфере физической культуры и спорта; создание эффективного спортивного законодательства, укрепление материально-технической базы, улучшение финансирования и проведение активной инвестиционной политики в сфере физической культуры и спорта; совершенствование системы подготовки специалистов, улучшение образовательного и научно-методического обеспечения (Медведев С. А. Теоретико-правовые аспекты функционирования физической культуры и спорта в Российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 15–16).

На наш взгляд, направления государственного воздействия на отношения в сфере спорта требуют более глубокого анализа с учетом последних изменений законодательства и того факта, что спорт – образование институализированное. Он обладает таким качеством, как наличие устойчивых социальных связей и отношений, что обусловлено существованием внутренних социальных норм, их регулирующих. Данные нормы по своей природе относятся к нормам корпоративным.

В этой связи при осуществлении правового воздействия на отношения в сфере спорта необходимо найти оптимальное сочетание государственного и негосударственного регулирования (саморегулирования). Как справедливо отметил Ю. А. Тихомиров: «Начало XXI века характеризуется рядом противоречивых тенденций в правовой сфере общества. С одной стороны, усиливается необходимость правовой регламентации многих сторон внутренней и внешней жизни ввиду усложнения социально-экономических и технологических процессов и общественных связей. С другой стороны, поддержание заинтересованного участия социальных общностей и граждан требует более полного учета их интересов и стимулирования активности» (Тихомиров Ю. А. Право и саморегулирование // Журн. рос. права. 2005. № 9. С. 86).

С выбором направления правового воздействия тесно связана еще одна проблема – определение предмета правового регулирования, под которым в юридической науке традиционно понимают общественные отношения. Однако законодатель нередко не точно определяет предмет правового регулирования, смешивая его с другими категориями, в частности, с направлением правового воздействия. Так, в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ ст. 1 называется «Предмет правового регулирования настоящего Федерального закона». Однако в ней, по сути, указаны основные направления правового воздействия. Примечательным в этой связи является тот факт, что в ранее действовавшем законе 1999 г. данное положение формулировалось в преамбуле, а в ст. 1 были названы задачи и цели закона. Такое решение, на наш взгляд, более логично и юридически грамотно: вначале определить направления

правового воздействия, затем установить его цель и задачи. В то же время отсутствие положения, в котором бы в обобщенном виде обозначался предмет правового регулирования, можно считать недостатком.

Отсутствие четкого определения предмета правового регулирования в законодательстве о спорте нередко приводит к путанице и неточностям в юридической научной литературе. Так, А. Д. Прусаков пишет: «Рамками юридически значимого поведения не охватываются так называемые “юридически индифферентные”, то есть безразличные для права, акты человеческой деятельности, которые не регламентируются правом и объективно не поддаются такого рода регламентации. Таковыми являются, например, *увлечения спортом* (курсив наш – Е. Д.), музыкой, отношения дружбы, любви и т. п.» (Прусаков А. Д. Понятие и виды юридически значимого поведения // Актуальные проблемы государственно-правовой науки. Теория и практика административной деятельности органов внутренних дел : материалы всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2006. С. 68).

Постановка целей и выбор направлений государственно-правового воздействия создают почву для глубокого научного исследования используемых при этом правовых средств. С. С. Алексеев отмечает по этому поводу: «Для права характерно не простое фиксирование “должного” – в нем заложена заданность на то, чтобы это должное утверждалось в качестве реального. А отсюда проистекает само существо категории правового регулирования и его своеобразие, которое заключается в том, что оно:

- во-первых, по своей природе является специфической разновидностью социального регулирования, нацеленной на достижение определенных результатов в жизни общества;
- во-вторых, осуществляется при помощи целостной системы средств, реально выражающих саму материю позитивного права как нормативного институционального образования – регулятора» (Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 348).

Анализ средств государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта целесообразно проводить, не бессистемно обращаясь по отдельности к тому или иному средству, а на основе ранее выявленных на-

правлений такого воздействия. Как справедливо утверждает С. С. Алексеев: «В развитых правовых системах на общественную жизнь воздействуют не отдельно взятые, изолированно существующие правовые нормы, иные правовые средства, хотя бы и возведенные в устойчивые, институализированные правовые формы, а их системы, комплексы, порой довольно сложные. Именно через системы правовых средств оказывается возможным обеспечить многостороннее правовое воздействие на общественные отношения, учесть интересы различных субъектов, в полной мере реализовать в юридическом и социальном бытии глубокие правовые начала, надежно юридически гарантировать правовые позиции субъектов» (Там же. С. 260).

Изучению отдельных направлений государственно-правового воздействия и используемых при этом правовых средств также будет способствовать сравнительно-правовой анализ, поскольку в ряде государств накоплен значительный опыт правового регулирования отношений в сфере спорта. Кроме того, гармонизация законодательства позволяет избежать коллизий, которые возникают в случае осложнения отношений с иностранным элементом.

Наконец, ввиду того, что соединить правовые средства во взаимосвязанные комплексы и целостные системы можно при помощи нормативной формы, точнее, нормативных документов, логически и методологически верно

завершить анализ государственно-правового воздействия изучением проблем, связанных с системой законодательства в сфере спорта. В качестве одной из таких проблем выступает проблема кодификации законодательства о спорте. К сожалению, в последнее время законодатель отошел от практики использования такой формы кодификации, как Основы законодательства, ведь именно эта форма, на наш взгляд, более всего подходит для кодификации законодательства в исследуемой сфере.

Безусловно, в рамках одной статьи представляется сложным охватить все общетеоретические проблемы государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта. Однако надеемся, что высказанные нами предложения помогут ученым глубоко и всесторонне исследовать данную проблему.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. В.* Международное спортивное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям 030500 «Юриспруденция» и 032101 «Физическая культура и спорт» / С. В. Алексеев ; под ред. П. В. Крашенинникова. – М., 2008.
2. *Леонтьев, А. М.* Спорт как социокультурный феномен : дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 1996.
3. *Овчинникова, Н. А.* Актуальные проблемы правового регулирования профессионального спорта в Российской Федерации : монография / Н. А. Овчинникова. – Владимир, 2008.

М. В. Демидов,
*заместитель председателя Контрольно-
счетной палаты Государственного Совета
Чувашской Республики*
кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова:

контрольно-счетные органы, правовой статус,
финансовый контроль, бюджетная система

Одной из актуальных задач в современных условиях развития Российского государства является необходимость рационального, эффективного и целевого использования бюд-

жетных средств на всех уровнях его бюджетной системы, а также рачительное отношение к материальным ресурсам страны. Особую остроту данная задача приобрела в период мирового финансово-экономического кризиса, который напрямую коснулся и России. В сложившейся ситуации еще в большей степени возникает необходимость в координации деятельности всех контролирующих в этой области органов, с тем чтобы устранить множественность и несогласованность финансового контроля, выработать и утвердить целостную концепцию государственного финансового контроля, обеспечить единую стратегию работы в бюджетной сфере.

В демократических правовых государствах высшим органом государственного финансового контроля является парламент.

Он осуществляет предварительный, текущий и последующий финансовый контроль. Однако наиболее полный, эффективный на профессиональном уровне внешний государственный финансовый контроль осуществляется через создаваемые им специальные контрольные органы, в частности, контрольно-счетные, которые входят в систему органов государственного финансового контроля и осуществляют внешний контроль за деятельностью исполнительных органов власти по использованию государственных финансов и распоряжению государственной собственностью исходя из общегосударственных интересов от имени всего общества. Эти задачи контрольно-счетные органы в состоянии эффективно осуществлять только при соответствующем конституционно-правовом закреплении их полномочий.

Законодательная база деятельности контрольно-счетных органов в экономически развитых государствах, где организация контроля является обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами, основывается на положениях Лимской декларации о руководящих принципах финансового контроля, принятой IX Конгрессом Международной организации высших контрольных органов в 1977 г. (Лимская декларация о руководящих принципах финансового контроля // Единая концепция государственного финансового контроля в Российской Федерации : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Б. Г. Преображенский (отв. ред.) [и др.]. М., 2002. С. 81–87). В этом документе, который образно называют «Великой хартией» высших органов аудита (Степашин С. В. Конституционный аудит. М., 2006. С. 61), в качестве основной задачи контрольно-счетных органов назван контроль, направленный на проверку того, насколько законно, правильно, эффективно и экономно расходуются государственные средства (ст. 4).

Важное место в Лимской декларации отведено правовому статусу контрольного органа. Особо подчеркивается, что контрольные органы могут выполнять возложенные на них задачи объективно и эффективно только в том случае, если они независимы от проверяемых ими организаций и защищены от постороннего влияния. Таким образом, несмотря на то, что государствен-

ные органы не могут быть абсолютно независимыми, поскольку являются частью государственного механизма, они должны иметь функциональную и организационную независимость, необходимую для выполнения поставленных перед ними целей.

Правовой основой образования и функционирования контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации являются: Конституция РФ, Бюджетный кодекс РФ (Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 45-ФЗ : в ред. от 9 апр. 2009 г. № 17-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823 ; 2009. № 15, ст. 1780), конституции республик и уставы других субъектов Российской Федерации, бюджетное законодательство и законы о контрольно-счетных органах субъектов Федерации, другие федеральные законы и законодательные акты субъектов Российской Федерации. Конституционное закрепление основ деятельности контрольно-счетных органов имеет важное значение и придает им особый статус в системе органов государственного финансового контроля.

Конституция РФ наделила палаты Федерального Собрания правом образования специального органа для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета – Счетную палату Российской Федерации (ст. 101). Согласно п. «и» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ к ведению Совета Федерации отнесено назначение на должность и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов, а к ведению Государственной Думы – назначение на должность и освобождение от должности Председателя Счетной палаты и другой половины ее состава (ст. 103 Конституции РФ).

Деятельность контрольно-счетных органов прежде всего направлена на обеспечение функций финансового контроля законодательных (представительных) органов власти. Для этого они наделены соответствующими полномочиями участников бюджетного процесса. Так, Бюджетный кодекс РФ, который является одним из основополагающих нормативных правовых актов, определяющих основы деятельности контрольно-счетных органов, в число участников бюджетного процесса наряду с Президентом РФ, органами законодательной (представительной) вла-

сти, исполнительными органами власти и органами денежно-кредитного регулирования включил и органы государственного (муниципального) финансового контроля (ст. 152), имеющие собственные задачи и действующие в пределах закрепленных за ними полномочий. Таким образом, контрольно-счетные органы являются полноправными участниками бюджетного процесса.

Бюджетный кодекс РФ устанавливает, что органы государственного, муниципального финансового контроля, созданные Федеральным Собранием Российской Федерации, законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации, представительными органами местного самоуправления, осуществляют контроль за исполнением соответствующих бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов, проводят экспертизы проектов указанных бюджетов, федеральных и региональных целевых программ и иных нормативных правовых актов бюджетного законодательства Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также выносят оценку деятельности органов, исполняющих бюджеты. Создаваемые ими контрольные органы осуществляют финансовый контроль за операциями с бюджетными средствами главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств соответствующих бюджетов, а также за соблюдением получателями бюджетных кредитов, бюджетных инвестиций и государственных и муниципальных гарантий условий выделения, получения, целевого использования и возврата бюджетных средств.

Определяя общие начала правового статуса контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, Бюджетный кодекс РФ устанавливает, что конкретные их полномочия наряду с самим Кодексом определяются законами субъектов Российской Федерации о контрольных органах.

Согласно ст. 73 и 76 Конституции РФ вне пределов ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов регионы обладают всей полнотой государственной власти и осуществляют собственное правовое регулирование,

включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. Такое регулирование должно основываться не только на нормах Конституции РФ, но и на общих принципах организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленных федеральным законом. Исходя из этого законы и другие нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы, регулирующие финансовые отношения, в том числе полномочия законодательных органов субъектов в сфере финансового контроля, базируются на нормах не только Бюджетного кодекса РФ, но и Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в редакции от 9 февраля 2009 г. № 4-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005 ; 2009. № 14, ст. 1576).

Согласно ст. 2 этого Закона систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации составляют не только законодательный (представительный) и высший исполнительный орган государственной власти, но и иные органы государственной власти субъекта, образуемые в соответствии с его конституцией (уставом). Закон также предусматривает, что законодательные органы регионов наряду с другими уполномоченными на то органами осуществляют контроль за исполнением бюджета и распоряжением собственностью субъекта Российской Федерации.

В настоящее время в абсолютном большинстве конституций (уставов) субъектов Российской Федерации закреплены нормы, предусматривающие создание специальных контрольных органов парламентов регионов. В частности, такие положения содержатся в конституциях 18 республик из 21 и уставах 57 других субъектов из 62. Правовой статус региональных контрольно-счетных органов определен в законах субъектов Российской Федерации.

К настоящему моменту во всех 83 субъектах сформированы и функционируют контрольно-счетные органы. Однако до сих пор из-за отсутствия законодательно закрепленной единой системы государственного фи-

нансового контроля не принятым остается Федеральный закон «Об общих принципах организации контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации». В связи с этим отсутствуют четкие единообразные формы и методы финансового контроля, взаимоотношений контрольно-счетных органов субъектов Федерации с территориальными контрольно-ревизионными органами федеральных органов государственной власти.

Также существенной проблемой является проведение в регионах законотворчества о финансовом контроле без учета правового единства бюджетной системы России, поскольку сейчас в субъектах совершенствование законодательной базы деятельности контрольно-счетных органов происходит без установленных федеральным законом общих принципов и подходов. Кроме того, контрольно-счетные органы в регионах имеют разный правовой статус.

По состоянию на 1 января 2009 г. в Российской Федерации действовали 84 контрольно-счетных органа (не сформирован контрольно-счетный орган Забайкальского края, отдельно функционируют контрольно-счетные органы Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа). К сожалению, не все они имеют организационную и функциональную самостоятельность. Из них статусом юридического лица обладают 62 контрольных органа, или 73,8 % от их общего числа.

Значительно отличаются названия контрольно-счетных органов в разных регионах. Так, в большинстве субъектах Российской Федерации они называются Контрольно-счетной палатой (53) или Счетной палатой (22) субъекта или законодательного органа региона. В ряде регионов законами определены и другие наименования: Контрольно-бюджетный комитет (Республика Карелия); Государственная счетная палата (Республика Марий Эл); Контрольный комитет (Республика Саха (Якутия); Государственный контрольный комитет (Удмуртская Республика); Контрольно-бюджетная палата (Астраханская область); Контрольно-счетная комиссия (Липецкая область); Контрольная палата (Томская область) и Контрольная комиссия (Тульская область).

В законах о контрольно-счетных органах субъектов по-разному закреплён и порядок

формирования контрольных органов. Как правило, в их состав не могут входить депутаты законодательных органов. Однако есть и исключение: по Закону Республики Саха (Якутия) от 16 марта 2003 г. (в редакции от 11 июня 2003 г.) «О Контрольном комитете Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» председатель и заместитель Контрольного комитета избираются Государственным Собранием из числа народных депутатов республики.

Анализ правовой основы деятельности контрольно-счетных органов регионов показывает, что до принятия Федерального закона от 1 декабря 2004 г. № 145-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О счетной палате Российской Федерации”» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 49, ст. 4844) руководители контрольно-счетных органов назначались на должности законодательными органами по представлению их руководителей, комитетами и группами депутатов, за исключением отдельных случаев, когда они назначались непосредственно руководителем парламента (Смоленская область). Данный Закон конкретизировал порядок назначения Председателя Счетной палаты Российской Федерации и его заместителя. В соответствии с внесенными изменениями теперь они назначаются также палатами Федерального Собрания, но уже по представлению Президента РФ.

Установленный порядок назначения Председателя Счетной палаты и его заместителя вполне согласуется с нормами Конституции РФ и не противоречит принципам разделения властей, поскольку Президент РФ по Конституции РФ непосредственно не входит в систему исполнительной власти и активно взаимодействует со всеми тремя ветвями государственной власти.

В то же время в ряде субъектов Российской Федерации посчитали, что подобные изменения в федеральном законодательстве вполне можно применить и на уровне регионов. В связи с этим, как нам кажется, в настоящее время стала складываться прогрессирующая и настораживающая тенденция непосредственного участия руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации в назначении руководителей контрольно-счетных органов, т. е. органов, образуемых парламентами и им подотчетных.

В большей степени такая практика получила свое распространение в республиках. Только по представлению президента или главы республики назначаются руководители контрольно-счетных органов в республиках: Башкортостан, Кабардино-Балкарской, Калмыкия, Карачаево-Черкесской, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан и Удмуртской. В Республике Ингушетия руководитель данных органов назначается Народным Собранием по согласованию с президентом республики.

Например, в соответствии с Законом Республики Башкортостан от 7 марта 2003 г. (в редакции от 28 декабря 2008 г.) «О Контрольно-счетной палате Республики Башкортостан» председатель Контрольно-счетной палаты назначается на должность Государственным Собранием – Курултаем – Республики Башкортостан. При этом кандидатуру на эту должность представляет Президент Республики Башкортостан. Заместители председателя Контрольно-счетной палаты назначаются на должность ее председателем также по предложению президента республики.

В Республике Татарстан согласно закону от 7 июня 2004 г. (в редакции от 5 июля 2007 г.) «О Счетной палате Республики Татарстан» председатель Счетной палаты назначается Государственным Советом Республики Татарстан. При этом правом предложения законодательному органу кандидатуры председателя обладает только Президент Республики Татарстан.

Аналогичный порядок назначения председателя Счетной палаты предусмотрен в Республике Мордовия. В соответствии с законом от 4 июня 2003 г. (в редакции от 3 мая 2007 г.) «О Счетной палате Республики Мордовия» он назначается на должность Государственным Собранием Республики Мордовия по представлению главы республики.

Подобная система назначения руководителей контрольно-счетных органов начинает складываться и в других субъектах Российской Федерации. Только по представлению губернаторов они назначаются законодательными органами в Брянской, Владимирской, Кировской, Магаданской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Ульяновской, Ярославской областях и в Еврейской автономной области.

Согласно ст. 77 Конституции РФ система органов государственной власти регионов устанавливается ими самостоятельно, но в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и, как мы уже отмечали, общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, определенными федеральным законом. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» подчеркивает, что деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется в соответствии с принципами разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица (ст. 1).

Также согласно указанному Закону высшее должностное лицо региона обладает статусом руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Таким образом, в названных выше регионах назначение конкретных руководителей контрольно-счетных органов напрямую зависит от главы исполнительной власти этих субъектов, т. е. в формировании органа внешнего государственного финансового контроля, подотчетного парламенту, непосредственное участие принимает не только законодательная, но и исполнительная власть, причем оказывающая решающее влияние. В этой ситуации, по нашему мнению, нарушаются конституционные принципы построения системы органов государственной власти, основанной на разделении властей, и не в полной мере обеспечивается принцип сбалансированности полномочий между законодательной и исполнительной властями в субъектах Российской Федерации.

Существенно отличаются контрольно-счетные органы и по числу сотрудников. Диапазон количественного состава контрольно-счетных органов колеблется от 4 (контрольно-счетные органы Калининградской и Курганской областных дум) до 199

человек (Контрольно-счетная палата Москвы). Во многих регионах (39, или 46,4 %) эти органы в своем составе имеют до 20 человек.

Вместе с тем практика организации деятельности контрольно-счетных органов в субъектах Федерации показывает, что наиболее оптимальный вариант для среднестатистического субъекта – это не менее 20–25 человек в составе контрольного органа. При таком условии они могли бы более полно и достаточно эффективно реализовывать свои функции по осуществлению внешнего государственного финансового контроля.

В настоящее время ведется достаточно активная работа по совершенствованию регионального законодательства, регламентирующего функционирование контрольно-счетных органов в субъектах Федерации. Исходя из действующего бюджетного законодательства с учетом современных тенденций в развитии внешнего государственного финансового контроля контрольно-счетные органы в регионах решают следующие задачи:

- организация и осуществление контроля за своевременным исполнением доходных и расходных статей бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов;

- организация и осуществление контроля за соблюдением установленного порядка распоряжения государственной и муниципальной собственностью;

- определение эффективности, законности и целесообразности расходов государственных и муниципальных средств – финансовой экспертизы проектов законов, а также других нормативно-правовых актов органов государственной власти и органов местного самоуправления, предусматривающих расходы, покрываемые за счет средств бюджетов;

- анализ выявленных отклонений от установленных показателей бюджетов и подготовки предложений, направленных на совершенствование бюджетного процесса;

- контроль за своевременностью и законностью движения бюджетных средств и средств внебюджетных фондов в уполномоченных банках, коммерческих банках и иных финансово-кредитных учреждениях и др.

В законах субъектов о контрольно-счетных органах предусматривается образование коллегиальных органов. Как правило, они называются коллегиями. Например, в соот-

ветствии с Законом Чувашской Республики от 20 ноября 2006 г. № 3 (в редакции от 8 ноября 2007 г.) «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики» (Ведомости Гос. Совета Чуваш. Респ. 2006. № 72) Коллегия Контрольно-счетной палаты образуется для рассмотрения вопросов планирования и организации работы Контрольно-счетной палаты, итогов контрольных мероприятий, методологии контрольной деятельности, отчетов и другой информации, представляемых Государственному Совету Чувашской Республики, других вопросов работы Контрольно-счетной палаты. Ее компетенция и порядок работы определены также Регламентом Контрольно-счетной палаты и положением о Коллегии.

Кроме того, в данном законе также регламентирована область действия контрольных полномочий Контрольно-счетной палаты. В частности, они распространяются на государственные органы и учреждения Чувашской Республики, финансируемые за счет средств республиканского бюджета, и на территориальные государственные внебюджетные фонды Чувашской Республики. Контрольные полномочия Контрольно-счетной палаты распространяются также на органы местного самоуправления, организации, банки, страховые компании и другие финансово-кредитные учреждения, их союзы, ассоциации и иные объединения вне зависимости от видов и форм собственности, если они получают, перечисляют, используют средства из республиканского бюджета, используют государственную собственность Чувашской Республики либо управляют ею, а также имеют предоставленные законами Чувашской Республики льготы по налогам в республиканский бюджет. На деятельность общественных объединений, негосударственных фондов и иных негосударственных некоммерческих организаций такие полномочия Контрольно-счетной палаты распространяются в части, связанной с получением, перечислением или использованием ими средств республиканского бюджета, эксплуатацией государственной собственности Чувашской Республики, а также в части предоставленных им законами Чувашской Республики льгот по налогам.

Кроме того, в указанном законе подробно прописан порядок проведения комплексных и тематических проверок. Они проводятся

Контрольно-счетной палатой по месту расположения проверяемых объектов. Сроки, объемы и способы их проведения устанавливаются самой Контрольно-счетной палатой.

Современный этап развития российской государственности предусматривает последовательное повышение эффективности внешнего государственного финансового контроля за управлением общественными ресурсами, в частности, дальнейшее совершенствование законодательной базы и укрепление статуса контрольно-счетных органов как на федеральном, так и региональном уровнях. В связи с этим Счетной палатой РФ и образованной под ее эгидой 9 декабря 2000 г. на Всероссийском совещании руководителей контрольно-счетных органов Российской Федерации Ассоциацией контрольно-счетных органов Российской Федерации с целью унификации законодательства о контрольно-счетных органах в субъектах Российской Федерации был разработан и рекомендован к использованию при осуществлении регионального законодательства модельный закон «О Контрольно-счетной палате субъекта Российской Федерации» (Шестая конференция Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации. М., 2004. С. 145–158).

Модельный закон устанавливает оптимальную структуру контрольно-счетного органа субъекта Федерации. К основным принципам его деятельности закон относит их независимость от проверяемых ими организаций и защищенность от постороннего влияния. Контрольно-счетный орган должен создаваться на основании закона субъекта Федерации с правом юридического лица, обладающего функциональной, организационной и финансовой независимостью. Также закон определяет единые подходы к определению задач контрольно-счетного органа, его состава и порядка образования, организации деятельности, компетенции, гарантии правового статуса, материального обеспечения сотрудников. При принятии новых законов о контрольно-счетных органах, внесении изменений в действующее законодательство в ряде регионов в основу был положен именно модельный закон, рекомендованный Счетной палатой и Ассоциацией контрольно-счетных органов Российской Федерации.

Другая не менее важная правовая проблема – это отсутствие федерального законода-

тельства, налагающего меру ответственности за неисполнение представлений и предписаний контрольно-счетных органов, непредоставление информации по вопросам контрольно-счетных органов, предоставление неполной или недостоверной информации, а также за отказ от допуска на проверяемый объект без должного на то основания.

Кроме того, контрольно-счетные органы в регионах не наделены полномочиями в области применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства. Такое положение усугубляется еще и тем, что законодательные органы субъектов Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом РФ не могут осуществлять правотворчество в сфере установления мер бюджетной ответственности должностных лиц за нарушения бюджетного законодательства. К тому же не только Бюджетным кодексом РФ, но и Кодексом РФ об административных правонарушениях контрольные органы субъектов Федерации не предусмотрены в системе органов, уполномоченных рассматривать административные правонарушения, связанные с использованием бюджетных средств.

В целом правовые основы деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации требуют серьезного совершенствования и оптимизации. Законодательное регулирование здесь необходимо осуществлять исходя из общих для всех субъектов принципов и правового единства бюджетной системы России.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 31 июля 1998 г. № 45-ФЗ : в ред. от 9 апр. 2009 г. № 17-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3823 ; 2009. – № 15, ст. 1780.
2. Конституция Российской Федерации. – М., 2008.
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон : [от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ : в ред. от 9 февр. 2009 г. № 4-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 42, ст. 5005 ; 2009. – № 14, ст. 1576.
4. Степашин, С. В. Конституционный аудит / С. В. Степашин. – М., 2006.

Е. И. Замылин,
*начальник факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент*

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ключевые слова:

государство, безопасность, личная неприкосновенность, уголовное судопроизводство, посткриминальное воздействие, участники уголовного процесса

Безопасность является важнейшим фактором межличностного общения, одним из главных условий развития личности, ее творческого потенциала. Как биосоциальное существо человек испытывает потребность в обществе, в общении с себе подобными. Однако для того, чтобы быть активным участником общественных отношений, он должен иметь возможность беспрепятственно пользоваться жизнью, здоровьем, физической свободой.

Вместе с тем не все намерены признавать и разделять эту ценность. Отдельные категории граждан полагают, что для достижения определенных результатов иногда желательно, чтобы люди боялись; манипуляция посредством угроз, насилия вызывает у последних оборонительную реакцию, требующую дополнительных затрат энергии, чтобы совладать со страхом и опасениями. Люди, с которыми обращаются подобным образом, теряют способность к творчеству, самостоятельность, ответственность за свои поступки. Как правило, они беспокоятся не о том, чтобы как-то улучшить или усовершенствовать то, чем занимаются, а о том, чтобы не оказаться в еще более угрожающем положении.

Посредством запугивания, угроз, насилия происходит явное нарушение конституционных прав и свобод граждан. Воспринимая подобные явления действительности, законопослушные граждане начинают проявлять недоверие к деятельности правоохранительных органов, испытывая страх, не желают сотрудничать с ними.

Несовершенство законодательства, явные недостатки и упущения в разработке и апробации на практике организационно-тактических и психологических приемов и методов обеспечения безопасности личности, механизм ее реализации как на момент вовлече-

ния в уголовный процесс, так и в ходе расследования, на фоне продолжающейся криминализации общества порождают целый ряд негативных социально-психологических и правовых явлений. К ним относятся: сомнение в целесообразности содействия уголовному судопроизводству, необходимость самозащиты от преступных посягательств как следствие правомерного поведения, деформация жизнедеятельности личности в силу того, что государство не может обеспечить достойные условия его существования.

Личная безопасность предполагает принадлежность жизни, здоровья, физической свободы и распоряжение жизненными благами по усмотрению индивида. Гарантом безопасности человека и гражданина являются конституционные права, закрепленные в Конституции РФ, среди которых выделены право на жизнь (ст. 20) и личную неприкосновенность (ст. 22), а соответственно обязательство по государственной защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 45), в том числе тех, кто вовлечены в уголовный процесс.

Право на жизнь предусматривает защиту личности от любых незаконных посягательств как со стороны государства в лице его властных структур, так и со стороны частных лиц. Таким образом, человек имеет возможность осуществлять жизнедеятельность в обществе, не опасаясь противоправных действий, которые могут повлечь за собой нарушение принципа личной неприкосновенности, имущественных благ или угрозу наступления иных неблагоприятных последствий. Как правило, подобные посягательства образуют тот или иной состав преступления.

Личная неприкосновенность – это общеправовой институт, к которому относят телесную, духовную, нравственную и психическую неприкосновенность личности, в частности ее индивидуальную свободу и личную безопасность (Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 7), т. е. по сути это основа взаимоотношений между личностью и обществом, гражданином и государством. Проблема личной неприкосновенности в правовом государстве является составной частью вопросов взаимной ответственности государственной власти и человека на основе права. Это, с одной стороны, правовая защита от произвола власти, а также права на

юридическую помощь; с другой — обязанность государства перед членами общества по обеспечению им защиты от противоправных проявлений отдельных граждан, членов общества (Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 71, 75). В обеспечении безопасности участников уголовного процесса важное значение имеет комплекс правовых норм, закрепленных в действующем законодательстве. Однако этого явно недостаточно: неотъемлемым правом человека является возможность беспрепятственно пользоваться указанными благами.

Провозглашение права на жизнь и здоровье не гарантирует участникам процесса личной безопасности; для этого необходим предусмотренный законом механизм ее обеспечения и реализации, который состоит не только в обязанности государства перед личностью признавать ее интересы, но и отстаивать и защищать их. «Право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества» (Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1971. С. 201).

Однако практическая реализация закрепленных в Основном законе прав и свобод человека и гражданина, их защита претерпевают значительные трудности. Исполнение функциональных обязанностей правоохранительными органами, деятельность которых регламентирована законодательной базой, значительно усложняется в условиях правового нигилизма. Наделяя участников процесса правом личной неприкосновенности, государство возлагает обязанность на государственные органы и частных лиц данное право не нарушать; основное бремя по защите прав и свобод личности возложено на правоохранительные органы.

Выступая субъективным правом любого члена общества, право на безопасность предстает как возможность обеспечения надежной защиты жизненно важных элементов: жизни, здоровья гражданина и его близких, их имущества. Поэтому в Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (Ведомости Съезда народных депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 15, ст. 769) в качестве одного из основных объектов обережения выделена личность (ее права и свободы). Сле-

дует признать, что вопросы безопасности личности занимают в нормативном акте не менее важное место в сравнении с интересами безопасности общества и государства.

Несомненно, объекты безопасности взаимоподчиненные: комплексное понятие «безопасность» адекватно понятию «безопасная личность», а безопасность общества и государства являются элементами, обеспечивающими безопасность личности. Соответственно основными составляющими понятия «безопасность» выступают: безопасность личности, безопасность общества, безопасность государства. В то же время поддержание общественной и государственной безопасности служит одной общей цели: охране прав и законных интересов личности (Степашин С. В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности в РФ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994. С. 46–48).

Однако традиционным в обеспечении внутренней безопасности в России является примат безопасности государства перед безопасностью личности и общества, что объясняется особенностями ее исторических и социальных условий. Власть крайне редко отдает приоритет интересам личности перед интересами государства. Так, Российская империя, поставив общество и личность на второй план, в основном обеспечивала потребности государства; игнорируя нередко даже право личности на жизнь и здоровье, государство исходило из приоритетов защиты интересов государства, а не личности. В последующем это стало одной из главных причин распада данной государственности (Гущин С. В. Система внутренней безопасности: сущность, структура, функции : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 1996. С. 26–27).

Подобная ситуация наблюдалась и в период построения социализма: в теории советского уголовного процесса доминировало возведенное в принцип мнение, что хотя следует стремиться к одновременному удовлетворению личных и общественных интересов, при необходимости выбора между ними предпочтение должно безусловно отдаваться последним. Политический режим времен советской власти не очень жаловал личность, что не могло не отразиться на направленности и содержании уголовного процесса (Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 10). Это была официальная позиция государства,

которая нашла свое выражение в Конституции СССР (1977 г.): в абсолют был возведен приоритет защиты интересов государства и общества перед правами гражданина и конкретной личности. Последствия этого, проявившиеся в конце XX в., общеизвестны.

В современных условиях нельзя не учитывать все возрастающие требования к безопасности личности, а следовательно, необходимо адекватное сочетание интересов личности, общества и государства. Представляется, что личная безопасность каждого отдельно взятого гражданина составляет безопасность общественную, и наоборот, общественная безопасность всегда опосредована, она не существует номинально, без личной безопасности. Общественная безопасность как одна из форм существования общества является обязательным условием безопасности личности (Бондаревский И. И. Управление ОВД по обеспечению общественной безопасности в чрезвычайной обстановке. Волгоград, 1999. С. 25 ; Чорный В. Н. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996. С. 13).

Проблема безопасности человека для современной России – ключевая. Только на основе его безопасности можно проектировать и осуществлять меры по обеспечению безопасности общества и государства. Вся деятельность государства, в том числе его юридических органов, должна быть обращена к человеку, его интересам, правам и свободам (Правовое обеспечение безопасности человека // Государство и право. 1999. № 7. С. 108). Если жизнь, здоровье, материальное благополучие человека находятся под угрозой, то какие-либо иные права, которыми наделен человек, вряд ли будут иметь смысл. Важное место здесь отводится действующему законодательству.

Правовые основы обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве регулируются посредством международных норм права, Конституции РФ, норм материального и процессуального права, указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, межведомственных и ведомственных нормативных актов, решений местных органов власти.

Соответственно источники норм, регулирующие обеспечение безопасности участников уголовного процесса, содействующих правосудию, следует классифицировать по следующим уровням:

- 1) система норм международного права;
- 2) система федеральных нормативных правовых актов;
- 3) система нормативных актов отдельных субъектов Федерации.

На уровне межгосударственной политики в сфере борьбы с преступностью система действенной защиты свидетелей и жертв преступлений от насилия и запугивания приобретает все более важное значение. Международным сообществом разработан и законодательно закреплён целый ряд основных принципов защиты добросовестных участников уголовного процесса на государственном уровне (в основном подобная практика свойственна наиболее развитым странам).

Получение Россией официального статуса члена Совета Европы обусловило необходимость приведения национального законодательства в соответствие с европейским; это касается и решения проблемы эффективного обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Положения международного права, передовой опыт следует адаптировать для наших социальных условий.

Первые шаги в этом направлении сделаны в начале 90-х гг. XX в. Так, в июне 1990 г. в Основы уголовного судопроизводства была включена ст. 27 прим., предписывающая правоохранительным органам и суду принимать меры к обережению жизненно важных интересов участников уголовного процесса при наличии данных, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями, а также предпринимать меры к установлению виновных и привлечению их к ответственности. Однако данная норма носила лишь декларативный характер: определяя круг лиц, подлежащих защите, процессуальный механизм ее реализации разработан не был.

Несмотря на это, не совсем корректным представляется заявление о том, что впервые обязанность судебно-следственных органов принимать меры безопасности в отношении участников судопроизводства, которым угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями, сформулирована в ч. 3 ст. 11 УПК РФ (Караев Д. Б. Актуальные проблемы обеспечения прав и законных интересов свидетеля

в уголовном судопроизводстве // История государства и права. 2008. № 21. С. 14 ; Левченко О. В. Уголовно-процессуальные меры безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, содействующих правосудию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4–5).

Важным этапом становления правовой государственности и гражданского общества в России стало принятие Концепции национальной безопасности: одной из приоритетных задач в области борьбы с преступностью было признано усиление роли государства как гаранта безопасности личности. В качестве универсальных законов, имеющих решающее значение в регулировании обеспечения безопасности личности, необходимо выделить: законы РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции», «О безопасности», а также федеральные законы от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» и др.

В 1994 г. Комитетом Госдумы по безопасности был подготовлен Проект Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству». Основная его идея – обеспечение безопасности и социальная защита лиц, содействующих уголовному судопроизводству, создание необходимых условий для борьбы с преступностью и надлежащего отправления правосудия. Однако вето, дважды наложенное Президентом РФ, поставило под угрозу систему судопроизводства в стране, принцип неотвратимости наказания, лишив опоры усилия государства, направленные на борьбу с преступностью. Без института обеспечения безопасности, функционирующего на основе нормативно закрепленных организационно-правовых норм, эффективность деятельности правоохранительных органов минимальна; это наглядно подтверждает опыт борьбы с преступностью на рубеже веков.

Отсутствие закона побудило отдельные субъекты Федерации на региональном уровне решать указанную проблему.

В системе правовых норм, призванных обеспечить безопасность, важная роль отводится уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Апеллируя к невозможности достижения целей уголовного судопроизводства без должного обеспечения

безопасности личности, являющейся предпосылкой надлежащего исполнения ею процессуальных обязанностей, законодатель предусмотрел ряд норм, которые нашли закрепление в УК РФ и УПК РФ. Однако их анализ позволяет говорить о недоработке в сфере обеспечения безопасности отдельных участников уголовного процесса, непоследовательности в определении объекта защиты.

Вызывает недоумение тот факт, что законодатель предусмотрел в качестве оснований для применения мер процессуальной безопасности лишь оказание воздействия в виде угрозы убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иными опасными противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Таким образом, формы воздействия на лиц, содействующих судопроизводству, довольно различны, отчасти находящиеся за пределами уголовно наказуемых норм. Следовательно, необходимо обязать суд и правоохранительные органы применять меры безопасности не только в результате угрозы «опасными противоправными деяниями», но и в результате проявления «иных форм воздействия» (Гуськова А. П., Неретин Н. Н. Спорные моменты вопроса обеспечения личной безопасности обвиняемого, содействующего предварительному следствию по уголовному делу // Рос. судья. 2008. № 7. С. 31–32 ; Левченко О. В. Обеспечение личной безопасности обвиняемого, содействующего уголовному судопроизводству // Рос. следователь. 2007. № 15. С. 6–8 ; Янин С. А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 38 и др.). Определяющими здесь должны стать «...не форма и степень воздействия, а цели: заставить отказаться от намерения содействовать правосудию, прекратить содействие или месть за оказанное содействие» (Брусницын Л. В. Меры безопасности в отношении лиц, содействующих уголовному правосудию // Информ. бюл. СК при МВД России. 1999. № 3 (100). С. 25).

Действительно, на практике широко распространены иные формы: угрозы, просьбы, анонимные звонки по месту жительства или работы, навязчивые знаки внимания и пр. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно расширить диспо-

зицию ч. 3 ст. 11 УПК РФ: словосочетание «иными опасными противоправными деяниями» заменить на «...иными противоправными деяниями, в том числе не подпадающими под признаки уголовно наказуемых норм, преследующими своей целью противодействие раскрытию и расследованию преступлений».

Если в перечне лиц, которые подпадают под требование ч. 3 ст. 11 УПК РФ, фигурируют все участники уголовного судопроизводства без исключения и близкие им люди, то требование об изъятии сведений из протоколов следственных действий в целях безопасности ограничивается лишь потерпевшим, его представителем, свидетелем и их близкими (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Иные участники процесса не подпадают под комплекс означенных мер безопасности. Перечень же участников процесса, изложенный в УПК РФ (ст. 37–60), довольно обширен, любой из них в той или иной степени может стать объектом неправомерного воздействия.

В связи с этим ряд авторов предлагают применять все установленные законом процессуальные меры защиты в отношении любого участника со ссылкой на ст. 11 УПК РФ как норму-принцип общего характера (Азарова Е. С. Проблемы борьбы с организованным противодействием раскрытию и расследованию преступлений. Волгоград, 2008. С. 89–90 ; Епихин А. Правовое регулирование норм безопасности // Законность. 2003. № 5. С. 48 ; Костина О. Н. Роль общественных организаций в обеспечении прав свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // Обеспечение защиты свидетелей, участвующих в противодействии организованной преступности и терроризму. М., 2008. С. 23 и др.).

С нашей точки зрения, в целях устранения противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ) следует расширить перечень лиц, в отношении которых могут быть изъятые сведения из протоколов следственных действий, изложив положения ч. 9 ст. 166 УПК РФ в следующей редакции: «При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников...».

Сомнения в действенности указанной нормы встречаются и в других источниках.

Нарекания вызывает неурегулированность проблемы обеспечения процессуальной безопасности потерпевших и свидетелей в случае, если они заявляют о противоправном воздействии после того, как их показания зафиксированы в установленном законом порядке и приобщены к материалам уголовного дела. В подобной ситуации законодателю предлагается предоставить возможность следователю изымать из дела протоколы допросов потерпевших (свидетелей) и проводить повторные следственные действия с их участием уже без указания анкетных данных (Корнелюк О. В. Уголовно-процессуальные способы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2007. № 1. С. 245 ; Степанов А. А. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных ОПГ // Вестн. криминалистики. 2004. № 3 (11). С. 61–62 и др.).

Вместе с тем возникает вопрос о количестве лиц, которые должны быть подвергнуты повторному допросу. Не все допрашиваемые в случае необходимости их показаний могут находиться по месту ведения следствия (длительные служебные командировки, вахтовый метод работы, болезнь и т. д.). Следует также обратить внимание на продолжительность следственного действия, объем зафиксированной информации (на практике у автора был случай, когда допрос одного из свидетелей по делу о хищении продолжался в течение 5 рабочих дней, объем протокола составил 120 страниц убористого рукописного текста). Однако речь идет не только о временных затратах следователя, что, естественно, имеет немаловажное значение, но и о нарушении привычного жизненного ритма потерпевших и свидетелей.

На наш взгляд, в действительности необходимо не проведение повторных допросов, а принятие мер к предотвращению визуального восприятия заинтересованными лицами текста с анкетными данными фигуранта. Это может быть наложение дополнительного листа бумаги на «шапку» протокола с наклеиванием его и установкой реквизитов следователя или ксерокопия протокола без титульного листа с соответствующими разъяснениями следователя, например «имеются в деле».

В связи с этим, по нашему мнению, в целях оптимизации процессуального порядка обеспечения безопасности участников уголовного процесса целесообразно дополнить ч. 9 ст. 166 УПК РФ следующим содержанием: *«При получении информации о противоправном воздействии следователь принимает меры к предотвращению визуального восприятия заинтересованной стороной текста с анкетными данными вышеуказанных лиц, зафиксированными в процессуальных документах».*

Регламентируя анонимное участие в уголовном судопроизводстве, законодатель определил исчерпывающий перечень субъектов, которые в пределах своих полномочий принимают соответствующее решение. Однако должностное положение данной категории лиц дает возможность защитить лишь свидетелей со стороны обвинения, но на практике случается противоправное воздействие в отношении свидетелей обеих сторон процесса. В литературе предложен компромисс, где обе стороны должны пользоваться равными процессуальными правами на защиту посредством наделения «адвоката правом заявлять ходатайства об анонимном участии в судопроизводстве указанного им частного лица при безусловной обязанности компетентного должностного лица удовлетворить такое ходатайство» (Шапакидзе В. Я. Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 90–91).

Трудно не согласиться с данной новеллой, вызывает сомнение лишь безальтернативное требование «безусловной обязанности». По нашему мнению, необходимо обязать адвоката мотивировать свою позицию, изложив ее в ходатайстве; в случае его отклонения (безусловно, такое право должно быть предусмотрено) следователь должен выносить мотивированное постановление.

Принимая во внимание изложенное, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 53 УПК РФ пунктом следующего содержания: *«...защитник вправе: в целях обеспечения безопасности заявлять ходатайство об анонимном участии в уголовном судопроизводстве указанного им частного лица, которое рассматривается в общем порядке».*

Крайне отрицательно на расследовании сказывается разглашение данных по делу, что в принципе позволяет принять различные ме-

ры противодействия со стороны заинтересованных лиц. Соответственно в законе предусмотрена правовая норма, согласно которой данные предварительного следствия могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя в том объеме, в каком он признает это возможным (ст. 161 УПК РФ).

Анализ указанной нормы показал, что компетенция следователя в сфере обеспечения процессуальной безопасности участников процесса явно заужена. Несмотря на то, что при производстве следственных действий и иных мероприятий по делу присутствуют лица, не являющиеся участниками процесса, они могут стать «обладателями» конфиденциальной информации вследствие исполнения функциональных обязанностей (например, конвоиры, секретари, медицинские работники, представители средств массовой информации, вспомогательный персонал и т. д.), законодатель ограничил перечень субъектов, в отношении которых следователь может вынести предупреждение, лишь участниками уголовного судопроизводства.

В целях устранения подобного в законе целесообразно расширить диспозицию ч. 2 ст. 161 УПК РФ, дополнив ее после слов «участников уголовного судопроизводства» словосочетанием *«а также иных лиц, ставших в силу сложившихся обстоятельств обладателями конфиденциальной информации о расследуемом событии».*

Рассматривая требования к оформлению такого процессуального документа, как обвинительное заключение, следует заметить, что здесь кратко изложены все доказательства по делу, а в приложении среди прочих сведений указан перечень лиц, вызываемых в судебное заседание, с указанием их места жительства и/или места нахождения (ч. 1 и 4 ст. 220 УПК РФ). В результате заинтересованным лицам облегчается не только задача в определении путей неправомерного воздействия на потерпевших и свидетелей, но и (в случае отказа прислушаться к «советам») реализация угроз в их адрес еще до выступления в суде.

За время действия УПК РСФСР известны случаи, когда следователь в приложении к обвинительному заключению, экземпляр которого вручался подсудимому, не указывал перечень и установочные данные лиц, свидетельствующих в отношении по-

следнего. Данные действия, хотя и имели место из самых благих побуждений, все же шли вразрез с требованиями закона, что в принципе недопустимо.

Для того, чтобы деятельность следователя в данной сфере носила правомерный характер, ряд ученых предлагали внести изменения в ст. 206 УПК РСФСР (Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 306 ; Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. С. 19 ; Зуев С. Защита свидетелей на стадии предварительного расследования // Уголов. право. 2007. № 6. С. 85–86 ; Комиссаров В. Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 1994. № 8. С. 50 ; Томин В. Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989. С. 63 и др.). Однако до настоящего времени данные изменения не приняты на законодательном уровне.

Критически рассматривая положения ч. 4 ст. 220 УПК РФ, предлагаем внести следующее дополнение: *«В целях обеспечения безопасности отдельных участников уголовного процесса следователь может по своему усмотрению изымать их установочные данные из перечня лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, доведя информацию до сведения суда иным способом».*

Анализ правоприменительной практики позволил констатировать в последние годы падение социального престижа свидетельствования, увеличение случаев уклонения граждан от участия в уголовном процессе как следствие неправомерного воздействия заинтересованных лиц. Данной проблеме посвящен ряд работ.

Так, в частности, считается безнравственно заставлять пострадавшего от преступления человека давать показания под угрозой привлечения к уголовной ответственности, если он в то же время подвергся противоправному воздействию в связи с расследуемым событием (Лакаева О. А. Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 69 ; Юнусов А. А. Обеспечение прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. Н. Новгород, 1997. С. 99).

Рассматривая изложенное с позиции более широкого толкования понятие «противоправное воздействие», следует признать, что это не только насилие или угроза наступления неблагоприятных последствий, но также подкуп, предложения покровительства, оказание различных услуг и пр. А если принимать во внимание последнее, то вряд ли можно согласиться с точкой зрения, когда в отношении лица, возможно получившего материальное вознаграждение за введение следствия в заблуждение, будет распространяться «иммунитет» от уголовной ответственности за содеянное.

По мнению О. И. Роговой, следует исключить уголовную ответственность в условиях, когда свидетелю не гарантируется безопасность в связи с его содействием расследованию, тот должен быть наделен правом альтернативы – давать показания или отказаться от их дачи (Рогова О. И. Некоторые аспекты проявления диспозитивности в деятельности свидетелей // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. Домодедово, 1994. С. 74–75). Интересными с данной точки зрения являются и другие работы (Напр.: Булатов В. А. Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей. Волгоград, 2001. С. 75 ; Минеева Г. П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 19).

С нашей точки зрения, данные предложения не решают указанной проблемы. При этом возникает ряд вопросов:

- кем оценивается гарантия безопасности;
- кто должен определять реальность угрозы и возможность ее реализации;
- каковы основания непринятия правоохранительными органами мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса?

Следует заметить, что последним иногда свойственна субъективная оценка действительности, восприятия происходящего или пессимистическое прогнозирование последствий своего участия в уголовном процессе.

В качестве дополнительного объекта принуждения, охватываемого диспозицией ст. 309 УК РФ, выступают законные интересы свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста и переводчика. Однако следует признать, что в качестве жертв принуждения выступают и иные участники процесса, в том числе подследственные, вставшие на путь исправления

и активно содействующие в деле раскрытия и расследования преступлений. По нашим данным, каждый 11–12-й случай неправомерного воздействия на стадии предварительного расследования реализуется в отношении обвиняемого и подозреваемого.

В данном случае можно говорить о пробеле в законодательстве: подследственным не гарантирована уголовно-правовая защита от принуждения к даче ложных показаний, вместе с тем опасность такого рода действий не является мнимой, особенно по делам о групповых преступлениях. В юридической литературе предлагается укрепить уголовно-правовые гарантии процессуальных прав данной категории участников уголовного процесса (Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 225 ; Трухачев В. В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 20). По нашему мнению, необходимо расширить перечень жертв принуждения, изложенных в диспозиции ст. 309 УК РФ, дополнив ч. 2 следующим содержанием: *«Принуждение свидетелей, потерпевших, а также обвиняемых (подозреваемых), активно содействующих расследованию по делу, к даче ложных показаний...»*.

В работах, посвященных общественно опасным посягательствам против правосудия, отмечается, что в ст. 309 УК РФ, кроме прочего должна быть предусмотрена ответственность за понуждение к отказу давать показания (Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 226). Это не вызвано практической необходимостью: в следственно-судебной практике случаи отказа от дачи показаний со стороны свидетелей (потерпевших) крайне редки. При ознакомлении с уголовными делами не было выявлено ни одного факта отказа от дачи показаний как следствие неправомерного воздействия. На наш взгляд, это вызвано следующим:

– во-первых, субъекты посткриминального воздействия осознают, что немотивированный отказ от дачи показаний будет являться основанием для выдвижения следователем наиболее вероятной версии о неправомерном воздействии в отношении участников процесса;

– во-вторых, лица, осуществляющие посткриминальное воздействие, не настолько

заинтересованы в «удалении» свидетелей (потерпевших) из уголовного процесса (посредством отказа от дачи показаний), сколько в том, чтобы те давали показания, выгодные заинтересованной стороне.

Диспозиция ч. 2 ст. 309 УК РФ предусматривает фактически два альтернативных способа принуждения – шантаж и угрозу (убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества). При этом следует заметить, что отраслевое законодательство не изобилует действенными упреждающими мерами безопасности, те из них, что предусмотрены в законе, не учитывают всех форм (способов) воздействия на участников уголовного процесса и иных лиц: воздействие нередко осуществляется в форме неопределенной угрозы, преднамеренно причиняя беспокойство лицу (например, «подумай о своих детях», «о своем здоровье» и пр.). По нашим данным, более половины фактов посткриминального воздействия (как правило, это первоначальный этап расследования) выражаются в поступках, которые не подпадают под признаки уголовно наказуемого деяния.

В связи с этим мы разделяем мнение, согласно которому в ч. 2 ст. 309 УК РФ следует расширить рамки способов воздействия путем введения унифицирующего признака: *«воздействие в какой бы то ни было форме...»* (Епихин А. Ю. Правовые средства защиты участников уголовного процесса // Пять лет действия УК РФ. М., 2003. С. 453 ; Тепляшин П. В. Преступления против правосудия. Красноярск, 2004. С. 138).

Анализ судебно-следственной практики позволил сделать вывод, что не является исключением посткриминальное воздействие в отношении отдельных лиц до возбуждения уголовного дела, а также в процессе расследования на момент, когда источник доказательственной информации еще не получил процессуального статуса (потерпевший, свидетель). Воздействие осуществляется превентивно до момента процессуального закрепления доказательственной информации. В качестве объекта воздействия могут выступать как жертва преступного деяния, так и процессуальная фигура под собирательным понятием «заявитель» (лицо, сообщившее в правоохранительные органы о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении); оно может объединять и жертву, и очевидца происшедшего.

По нашим данным, постпреступное воздействие присуще в отношении 14 % жертв преступной деятельности и 8 % случайных очевидцев происшедшего с момента совершения преступления до предоставления лицу возможности дать показания по существу дела. Однако на законодательном уровне субъектом данного деяния признано лишь лицо, которое осуществляет противоправные действия в отношении таких процессуальных фигур, как потерпевший и свидетель. Соответственно воздействие на потенциальный источник доказательственной информации, за которым не закреплён процессуальный статус, не охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ.

В связи с этим было внесено предложение о дополнении ст. 309 УК РФ положением, устанавливающим уголовную ответственность за подкуп или принуждение к даче ложных показаний лиц, которые обладают доказательственной информацией, независимо от того, придан ли им процессуальный статус или нет (Трухачев В. В. Указ. соч. С. 20 ; Тямкин А. В. Теоретические основы, организационно-правовые и тактические проблемы государственной защиты прав личности в ОРД ОВД России : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 195).

Однако мы не разделяем мнение В. В. Трухачева, предлагающего установить обязанность обвиняемого (подозреваемого) под угрозой соответствующей уголовной ответственности не препятствовать установлению истины в судопроизводстве путем подкупа либо принуждения к даче показаний лиц, обладающих доказательственной информацией по делу, либо их близких (Трухачев В. В. Указ. соч. С. 21).

С нашей точки зрения, нет необходимости введения в закон предлагаемой нормы. Комплекс противоправных действий со стороны обвиняемого (подозреваемого) выступает в качестве объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, а в перечень субъектов, совершающих данное деяние, включены обвиняемые и подозреваемые. Более корректным со стороны законодателя было бы введение в УПК РФ нормы, обязывающей следователя разъяснять последним последствия противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Существует мнение, согласно которому усиление уголовно-правовой защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству,

самым непосредственным образом зависит от предусмотренной в законе санкции за посягательство на их благополучие (Лозовицкая Г. П. Проблемы обеспечения уголовно-правовой охраны участников правосудия от посягательств ОПГ // Сб. науч. тр. по проблемам борьбы с транснациональной преступностью. М., 2008. Вып. 2. С. 20 ; Тямкин А. В. Указ. соч. С. 79 ; Янин С. А. Указ. соч. С. 31–33 и др.). Трудно отрицать тот факт, что отдельные санкции за совершение целого ряда преступных проявлений, нашедших отражение в уголовном законодательстве, явно несоразмерны последствиям совершенного. Однако ретроспективный анализ показал, что ужесточение законодательства никогда не приводило к снижению уровня преступности.

Практика свидетельствует, что различные проявления посткриминального воздействия нашли довольно широкое распространение в связи с призрачностью перспективы реализации принципа неотвратимости наказания. Данному противоправному деянию свойствен один из наиболее высоких уровней латентности по сравнению с иными преступными проявлениями.

В целях создания необходимых условий для борьбы с преступностью и надлежащего отправления правосудия по уголовным делам с 1 января 2005 г. вступил в действие Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Законодателю потребовалось более 10 лет, чтобы был принят нормативный правовой акт, который не имеет аналогов в истории Российского государства.

В данном Законе предусмотрен широкий спектр защиты; основная его задача – противодействие неправомерному воздействию в отношении добросовестных участников уголовного процесса и их близких. Несмотря на наличие отдельных недоработок¹, нельзя отрицать, что до указанного временного пе-

¹ Несмотря на то, что предлагаемый механизм применения мер безопасности содержит гарантии законности, прав и свобод граждан, нами был высказан ряд замечаний и предложений (Замылин Е. И. Сравнительный анализ Проекта федеральных законов «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» (1994 г.) и «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (2004 г.) // Вектор. 2006. № 1 (3). С. 65–68).

риода механизм реализации безопасности в уголовном судопроизводстве не был урегулирован, в связи с чем компетентные органы, руководствуясь в своей деятельности правовыми нормами, которые лишь провозглашали затронутую проблему, не могли гарантировать действенной защиты лицам, способствующим отправлению правосудия.

Безусловно, проведение подобных мероприятий и их обеспечение требует значительных материальных затрат, но опыт борьбы с преступностью во всем мире (в России, в частности) на протяжении веков убедительно доказал, что дешевое правосудие дорого обходится.

А. А. Илиджев,
*доцент кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАКАЗАНИЯ ЗА СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО УК РФ

Ключевые слова:
пределы наказания, дифференциация наказания,
пределы уголовной ответственности,
соучастие в преступлении, формы соучастия

Пределы уголовной ответственности и наказания определяются объективными и субъективными признаками преступления, обстоятельствами его совершения и признаками личности виновного. Это относится: к преступлениям, совершенным как единолично, так и в соучастии; оконченному и не оконченному преступлению; особо тяжкому преступлению и преступлению небольшой тяжести и др. В то же время, с учетом особенностей различных форм преступных проявлений, законодатель закрепляет не только общие, но и специальные правила регулирования пределов уголовной ответственности и наказания.

Существенной спецификой характеризуется правовое регулирование пределов ответственности и наказания за преступление, совершенное в соучастии, поскольку в этом случае законодатель определяет их не только в зависимости от признаков, отражающих преступление, обстоятельства его совершения и личности виновного, но и в

Библиографический список

1. Брусницын, Л. В. Меры безопасности в отношении лиц, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын // Информ. бюл. СК при МВД России. – 1999. – № 3 (100).
2. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А. Ю. Епихин. – СПб., 2004.
3. Степанов, А. А. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами / А. А. Степанов // Вестн. криминалистики. – 2004. – № 3 (11).

зависимости от формы, вида соучастия, индивидуального вклада каждого соучастника в общий преступный результат.

Прежде чем проследить эту специфику, на наш взгляд, необходимо выявить соотношение пределов уголовной ответственности, с одной стороны, и наказания за соучастие в преступлении, с другой. Во-первых, наказание является формой реализации уголовной ответственности и одновременно выступает элементом ее содержания. Уголовная ответственность может реализовываться также путем применения к лицу, совершившему преступление, иных, помимо наказания, мер уголовно-правового характера. Изучение судебной практики показывает, что эта форма реализации уголовной ответственности в последние годы стала преобладающей. Так, судами в Республике Татарстан в 2008 г. от всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности, условно осуждены к лишению свободы 47,52 % лиц, признанных виновными в совершении преступления; к иным видам наказания – 5,61 %; назначены принудительные меры воспитательного воздействия – 0,08 %; освобождены с применением амнистии – 2,1 %. Вместе с тем в указанном году судами в Республике Татарстан осуждено 32,5 % участников преступных групп от общего числа привлеченных к уголовной ответственности, в том числе 0,56 % лиц, совершивших преступления в составе организованных групп.

В юридической литературе неоднозначно определяется круг иных мер уголовно-правового характера (Дуюнов В. К. Про-

блемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. С. 43–54 ; Кондалов А. Н. Условное осуждение и механизмы его обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 8–10 и др.).

Мы исходим из того, что одна группа мер уголовно-правового характера выступает в качестве формы или средства реализации уголовной ответственности: условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания. Другая группа названных мер не связана с реализацией уголовной ответственности: принудительные меры медицинского характера, применяемые к невменяемым, и судимость.

Пределы уголовной ответственности, если не назначается наказание, могут определяться осуждением лица и содеянного им от имени государства. Следует также учитывать, что как при назначении наказания, так и без него пределы уголовной ответственности в известной мере устанавливаются характером и степенью строгости кары. Более тяжкое преступление влечет по общему правилу назначение более строгого наказания и, естественно, более высокую степень и глубокое по своему содержанию порицание от имени государства преступного деяния и лица, его учинившего. И, наоборот, менее строгое наказание, а тем более условное осуждение или освобождение от наказания при вынесении обвинительного приговора свидетельствуют о меньшей степени государственного осуждения, а следовательно, об иных пределах уголовной ответственности.

Таким образом, пределы уголовной ответственности определяются не только наказанием, иными мерами уголовно-правового характера, но и характером и степенью осуждения, порицания от имени государства преступления и лица, его совершившего.

Регламентируя институт соучастия в преступлении, законодатель обозначает пределы уголовной ответственности и наказания как в общенормативном плане, т. е. в Общей части УК РФ, так и в санкциях статей Особенной части УК РФ, а иногда и в примечаниях к ним. Разумеется, все общие нормы и институты, регулирующие основание и пределы уголовной

ответственности и наказания, если в УК РФ не предусмотрены из них изъятия, в равной мере распространяются на преступления, совершенные единолично и в соучастии (например, нормы, предусматривающие возраст уголовной ответственности, формы вины, неоконченное преступление, цели наказания, общие начала его назначения, а также специальные правила назначения наказания (ст. 62, 64, 65, 66, 69, 70 УК РФ). Если в статьях Особенной части УК РФ не выделяется в качестве конструктивного (при необходимом соучастии) или квалифицирующего признака та или иная форма либо тот или иной вид соучастия, то санкции в них также не дифференцируются в зависимости от того, совершено преступление в соучастии или единолично. В этих случаях пределы уголовной ответственности и наказания индивидуально определяются при рассмотрении конкретного уголовного дела с учетом регламентированных в законе общих начал, специальных правил, общих и дополнительных критериев его назначения (ст. 67 УК РФ).

В статьях Особенной части УК РФ предусматривается ответственность за конкретные преступные деяния, совершаемые в соучастии. Причем в 6 статьях урегулирована ответственность за необходимое соучастие, т. е. за те преступления, в составах которых совершение преступления в соучастии является конструктивным признаком (ст. 208, 209, 210, 212, 239, 279). В 20 статьях или частях статьи Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего признака предусмотрено совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, 33 – организованной группой, одновременно в 12 – группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, 20 – группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В одной статье отдельно от других групповых форм соучастия указано в качестве самостоятельного квалифицирующего обстоятельства на совершение преступления группой лиц, т. е. без предварительного сговора (ч. 2 ст. 260 УК РФ). Чаще других групповых форм соучастия законодатель указывает в статьях Особенной части УК РФ на организованную груп-

пу (65 составов преступления), причем в 41 из них совершение преступного деяния данным преступным формированием закреплено в качестве квалифицирующего признака, а в 24 – особо квалифицирующего.

В то же время в 12 составах преступления законодатель не дифференцирует ответственность и наказание соучастников в зависимости от формы соучастия. Если в одних случаях такое решение не может подлежать сомнению, то в некоторых оно, как нам представляется, не бесспорно. Так, несмотря на то, что в прежней редакции ст. 178 УК РФ имелось три части, только в ч. 2 в качестве квалифицирующего признака указывалось на совершение монополистических действий группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. С нашей точки зрения, специфика данного преступления состоит в том, что оно чаще совершается организованными структурами. В настоящее время совершение данного преступления организованной группой рассматривается как особо квалифицирующий признак (ч. 3 ст. 178 УК РФ).

Следует отметить, что специфика некоторых видов преступной деятельности обуславливает необходимость введения совершения преступного деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой в качестве квалифицирующего признака в ряд составов преступлений (ст. 120, 133, 167, 241, 242, 243, 273, 280, 286, 288, 296, 318, 327, 346, 354 и 360 УК РФ).

Санкции статей Особенной части УК РФ главным образом определяют пределы наказания за любое преступление, в том числе совершенное в соучастии, поскольку в них заключена законодательная оценка характера и типовой степени общественной опасности предусмотренных в ней преступлений (Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. С. 176–213). В связи с этим неслучайно в качестве одного из основных начал в ч. 1 ст. 60 УК РФ указано на необходимость назначения справедливого наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В то же время санкции статей Особенной части УК РФ полностью не исчерпывают пределов уголовной ответственности и назначения наказания. Как обоснованно

подчеркивает Л. Л. Кругликов, «санкция статьи Особенной части УК содержит лишь указание на те меры воздействия, которые наиболее характерны для описанного в диспозиции этой статьи вида преступления. Полное же представление о предоставленных суду возможностях (и его обязанностях), о законодательных пределах назначения наказания сможет дать лишь санкция уголовно-правовой нормы. Сердцевиной ее, бесспорно, является санкция статьи Особенной части УК, и ряд элементов, которые могут серьезно корректировать предписания последней либо конкретизировать эти предписания, дополняется указаниями в Общей части уголовного законодательства» (Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1999. С. 403). Поэтому ч. 1 ст. 60 УК РФ предписывает при назначении наказания учитывать положения Общей части УК РФ, поскольку в них не только детализируются или самостоятельно регламентируются те или иные элементы составов преступления, но и регулируются правила назначения наказания в отношении определенных категорий лиц, а также с учетом специфики совершенных преступных деяний.

В литературе требование закона о назначении наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ подчас трактуется без учета при его назначении положений Общей части УК РФ (Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 324). Р. Н. Хамитов отмечает: «если понимать эти общие начала в системе, то по существу все, как говорится, встает на свои места. Действительно, суд в первую очередь назначает справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но он должен делать это с учетом положений Общей части Кодекса» (Хамитов Р. Н. Назначение наказания с учетом специальных правил Уголовного кодекса РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 81–82).

В связи с этим, по нашему мнению, положение, закрепленное в ч. 2 ст. 60 УК РФ, в котором делаются ссылки на ст. 64, 69 и 70, т. е. Общую часть УК РФ, является излишним.

Особенно важной при определении пределов наказания представляется роль специальных правил его назначения, круг которых

в действующем УК РФ значительно расширен. Как подчеркивается в литературе, специальные правила назначения наказания, регламентированные в ст. 62, 64–70 УК РФ, направлены на корректировку санкции статьи Особенной части, т. е. уточнение, изъятие либо дополнение общих начал. В одних нормах, регламентирующих эти правила, четко формализованы пределы возможного наказания (ст. 62, ч. 1 ст. 65, ч. 2, 3, 4 ст. 66, ч. 2 ст. 68 УК РФ), в других – обозначены лишь основания и условия отступления от пределов наказания, закрепленных в санкции статьи Особенной части УК РФ (ст. 64, ч. 2 ст. 65 УК РФ), в третьих (ст. 67 УК РФ) – детализируются и насыщаются дополнительным содержанием те или иные общие начала назначения наказания (Благов Е. В. Содержание санкции уголовно-правовой нормы // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. Ярославль, 1999. С. 24 ; Горшков О. П. Законодательные пределы назначения уголовного наказания // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Ярославль, 1990. С. 106–108).

Законодатель не формализует и не изменяет минимальный и максимальный пределы санкции статьи Особенной части УК РФ в отношении соучастников преступления. Он лишь указывает дополнительные критерии, которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии: 1) характер и степень фактического участия лица в его совершении; 2) значение этого участия для достижения цели преступления; 3) его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Принципиальное значение для определения пределов наказания при его назначении, на наш взгляд, имеет указание ч. 2 ст. 67 УК РФ, согласно которому смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику.

Законодательные пределы назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, обуславливаются и другими специальными правилами, регулирующими, в частности, назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ),

назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ), назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ст. 65 УК РФ), за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ), при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ), по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) и по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ).

В более широком плане пределы ответственности и наказания (а не только его назначения) сформулированы в ст. 34, 35 и 36 УК РФ. Регламентированные в данных нормах правила квалификации действий соучастников в известной мере направлены и на определение пределов назначения наказания конкретным лицам.

Следует также отметить, что в ч. 3 ст. 34 УК РФ предписывается делать ссылку на ст. 33 УК РФ. По нашему мнению, суд должен делать ссылку и на соответствующую часть данной статьи. Целесообразно внести такую коррективу в ч. 3 ст. 34 УК РФ.

В ч. 5 ст. 34 УК РФ определены пределы ответственности и соответственно наказания остальных соучастников в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Пределы назначения наказания виновным должны определяться с учетом правил, изложенных в ст. 66 УК РФ.

В аналогичном порядке наступает уголовная ответственность и назначается наказание за создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части УК РФ (ч. 6 ст. 35).

Библиографический список

1. *Галиакбаров, Р. Р.* Уголовное право. Общая часть / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар, 1999.
2. *Дуюнов, В. К.* Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике / В. К. Дуюнов. – Курск, 2000.
3. *Кондалов, А. Н.* Условное осуждение и механизмы его обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000.
4. *Костарева, Т. А.* Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве / Т. А. Костарева. – Ярославль, 1993.
5. Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л. Л. Кругликова. – М., 1999.

Т. В. Кивленок,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Владимирского государственного
гуманитарного университета
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ АТИПИЧНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Ключевые слова:

атипичный правовой акт, смешанный правовой акт,
смешанный договор, комплексный правовой акт,
комплексный договор

В словарях слово «атипичный» трактуется как нехарактерный для какого-либо явления (Напр.: Бородулин В. И. Медицинский энциклопедический словарь. М., 2002. С. 112 ; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. С. 63). Следовательно, атипичные правовые акты – это правовые акты с нехарактерными признаками, чертами, свойствами или функциями либо с нетрадиционными логическими, грамматическими и иными способами изложения правового материала.

Однако следует отметить, что деление правовых актов на типичные и атипичные весьма условно. Введение категории «атипичность» обусловлено тем, что отход от концепции и ее категориального аппарата без предложенных новых теоретических рамок влечет терминологическую путаницу. В связи с этим, оперируя сложившимся в юридической науке категориальным аппаратом, мы гипотетически причисляем к категории атипичности те явления, которые не вписываются в рамки правовой природы юридических актов.

В условиях противоречивого, нестабильного законодательства исследование юридической природы, критериев классификации, типов, видов атипичных правовых актов с целью совершенствования правотворческой, правоприменительной, интерпретационной и правореализующей деятельности государственных органов, организаций, граждан и их коллективов приобретает особую актуальность и является не только формой проявления правовой жизни общества, но и средством правовой политики государства.

Вместе с тем анализ научных трудов отечественных и зарубежных авторов показывает, что в юридической науке проблемы

атипичных нормативных правовых актов лишь обозначены.

Как мы отметили выше, к атипичным актам относятся правовые акты с нехарактерными чертами, признаками, функциями или свойствами. Отсюда одним из их видов логично признать смешанные правовые акты.

Смешанный определяется как «разнородный, представляющий собой смешение чего-нибудь, составленный посредством соединения элементов чего-нибудь разного» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1996. Т. 4. С. 301).

В свою очередь, смешанные правовые акты объединяют разнородные элементы, т. е. состоят из сочетания нормативно-правовых и правореализующих, нормативно-правовых и интерпретационных и других элементов.

По нашему мнению, смешанные юридические акты, как разновидность атипичных актов, являются самостоятельным видом правовых актов, поскольку представляют собой отдельный элемент системы правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Иными словами, смешанные акты – это тот юридический инструмент (способ), посредством которого удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных целей. Взятые в систему, эти акты выступают важными «работающими частями» действия права, правовых режимов, правового регулирования в целом; имеют юридическую силу и поддерживаются государством.

Рассматривая разновидности смешанных правовых актов, необходимо отметить, что они достаточно разнообразны. Можно выделить нормативно-правовые акты с элементами толкования, правореализации или правоприменения, смешанные правовые акты с интерпретационными и правоприменительными элементами, а также смешанные договоры.

Смешанные правовые акты с нормативными и правоприменительными элементами – это акты-документы, которые содержат как нормативные предписания, так и персонально-адресованные и индивидуально-определенные обязательные юридические предписания. Такие акты принимаются достаточно часто. Например, законодательными органами ежегодно утверждается закон о бюджете на предстоящий год, в ко-

тором одновременно закрепляются нормативные и индивидуальные предписания. Вместе с тем правовая природа данных правовых актов в юридической литературе до конца не исследована.

Существует несколько точек зрения по поводу того, к какому виду правовых актов отнести документ, включающий нормативные и индивидуально-определенные предписания. Сторонники универсального значения традиционной концепции правовой нормы как общего правила, построенного по схеме «если – то», утверждают: если то или иное предписание законодателя не представляет собой общего правила, рассчитанного на применение в неопределенном числе типичных случаев, каждый раз, когда будут налицо условия, указанные в гипотезе нормы, то это не правовая норма, а индивидуальный акт применения права. А. В. Мицкевич предлагает считать акты с нормативными и индивидуально-конкретными предписаниями нормативными только в той их части, в какой они имеют правотворческий характер и в соответствии с этим являются носителями юридических предписаний (Мицкевич А. В. Акты высших органов Советской власти. М., 1963. С. 29). А. Ф. Шебанов утверждает, что «в практике государственных органов имеют место акты, которые содержат как правовые нормы, так и конкретные предписания по применению норм права в конкретно определенных отношениях. Такие акты по праву считаются нормативными актами» (Шебанов А. Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства // Сов. государство и право. 1960. № 7. С. 147). Автор предложил называть их нормативно-хозяйственными. С. А. Голунский замечает по данному поводу: «Применение первого из этих доводов означает, что мы ставим знак равенства между, например, основными положениями такой важнейшей части законодательства, как законы о народнохозяйственных планах, и такими индивидуальными актами, как выдача ордера на жилую площадь или решение о назначении пенсии гр. Х. Вряд ли это было бы правильно не только ввиду несоизмеримости общественного значения того и другого, но и потому, что акты применения права, как правило, исчерпываются однократным действием (или строго ограниченным числом действий) оп-

ределенного лица или лиц, заранее известных. Реализация же таких актов, как, например, решения о постройке Братской электростанции, требует сложной и длительной, но в то же время строго согласованной деятельности очень большого числа лиц и организаций, не всегда заранее известных. В этом смысле и нормы такого типа имеют общий, а не индивидуальный характер» (Голунский С. А. К вопросу о понятии правовой нормы в социалистическом праве // Там же. 1961. № 4. С. 25).

На наш взгляд, законы о бюджетах и иные «нормативно-хозяйственные» акты являются нормативно-правовыми актами со специфически выраженными нормами и включают в свое содержание правоприменительные элементы. В силу традиционно сложившихся правил изложения содержания в совокупности с четкими конкретными требованиями данный документ – это лучший способ оформления устоявшихся норм применительно к индивидуальной ситуации.

К смешанным правовым актам с нормативными и правореализующими элементами принято относить нормативный договор. С одной стороны, он создает общеобязательную основу и воздействует на большой круг субъектов (нормативно-правовой элемент), с другой стороны, позволяет субъектам осуществлять обособленные согласованные волеизъявления, приходиться к взаимовыгодным совместным решениям (правореализующий элемент). С. С. Алексеев определяет нормативные договоры как «совместные акты-документы, выражающие в своем нормативном содержании взаимное изъявление воли правотворческих органов, встречное принятие на себя каждым из них юридических обязанностей» (Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 236). По мнению А. В. Демина, нормативный договор – это «договорный акт, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для многочисленного и формально неопределенного круга лиц, рассчитанный на неоднократное применение, действующий независимо от того, возникли или прекратились предусмотренные им конкретные правоотношения» (Демин А. В. Общие вопросы теории административного договора. Красноярск, 1998. С. 84). Данное определение также соответствует содержанию понятия смешанного правового акта.

Следует отметить, что раньше нормативные договоры широко использовались в международном праве, где они являлись основным источником права, однако в настоящее время принимается значительное количество нормативных договоров и во внутригосударственных отношениях: «можно вести речь: о межрегиональных соглашениях, об учредительных договорах, об управленческих договорах, об общих договорах в экономической и социальной сферах, о межгосударственных соглашениях и т. д.» (Тихомиров Ю. А. Конституция, закон, подзаконный акт. М., 1994. С. 136).

Другим смешанным правовым актом называют смешанный договор. На наш взгляд, необходимо установить, насколько оправдано отнесение таких договоров к смешанному типу.

Из всех видов смешанных правовых актов законодатель выделяет лишь один – смешанный договор. В частности, в соответствии с п. 3 ст. 421 ГК РФ «стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора».

В юридической литературе нет единого мнения относительно природы смешанных договоров. Так, Б. Д. Завидов считает, что соглашение, в котором содержатся элементы различных обязательств, предусмотренных законом или иными правовыми актами, правильнее назвать договором «смешанного типа» (Завидов Б. Д. Договорное право России. М., 1998. С. 52). Более обоснованной, по нашему мнению, является точка зрения А. Н. Танаги, согласно которой в свете сложившихся представлений о типах договора название «договор смешанного типа» логически неверно, так как возможно существование «смешанного договора, содержащего элементы, представляющие один тип» (Танага А. Н. Свобода выбора вида заключаемого договора // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда. 2002. № 7. С. 27).

В условиях современной действительности институт смешанных договоров имеет

большое практическое значение, так как позволяет сторонам адекватно рыночным условиям закрепить свои обязательства по отношению друг к другу. Сегодня заключается большое количество контрактов, в которых сочетаются элементы договоров разных типов или групп по принятой их классификации (например, в едином договоре встречаются элементы договора подряда, поставки, перевозки и комиссии). Смешанные договоры стали неотъемлемой частью предпринимательских отношений. Однако, по нашему мнению, при составлении и заключении смешанного договора необходимо применять основное правило: содержащиеся в нем условия, присущие различным типам договоров, не должны противоречить друг другу. Условия смешанного договора не могут являться выдержками из договоров разных видов, а должны быть приведены в соответствие друг с другом и представлять собой новый договор.

Таким образом, анализ понятия, сущности, заключения и расторжения смешанного договора позволяет сделать вывод, что в нем предполагается сочетание только однородных – правореализующих – элементов. Следовательно, юридически корректнее такой договор назвать комплексным, и соответственно в ч. 3 ст. 421 ГК РФ речь должна идти не о смешанных, а о комплексных договорах.

Комплексным юридическим актом чаще всего называют документ, содержащий нормы различных отраслей права (Толстой Ю. К. Правовое регулирование хозяйственных отношений // Правоведение. 1984. № 3. С. 13).

Как известно, комплекс (от лат. *complexus* – связь, сочетание) – это «совокупность однородных предметов, составляющих одно целое» (Малый энциклопедический словарь. М., 1997. Т. 3. С. 103).

В комплексных правовых актах сочетание элементов не выходит за рамки правового акта данного вида, т. е. взаимодействие различных элементов происходит «внутри» или нормативно-правового, или интерпретационного, или правоприменительного, или правореализующего акта.

Более подробному анализу в юридической литературе подвергся комплексный договор, понятие которого законодательно не закреплено. Вместе с тем в среде ученых

сложилось мнение, что «комплексный договор – это сложный, многокомпонентный договор, прямо предусмотренный в нормах гражданского права и урегулированный ими (например, договор финансовой аренды)» (Огородов Д. В., Чельшев М. Ю. Смешанный договор в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. 2005. № 10). Различие комплексного и смешанного договоров заключается в субъектном признаке:

- комплексный договор – это самостоятельный сложный договор, элементы которого конструирует законодатель. Закрепление в нормах права комплексного договора есть проявление правового регулирования;

- смешанный договор имеет место только тогда, когда участники гражданских правоотношений сами, своей согласованной волей смешивают (конструируют) условия договора, используя при этом элементы нормативно-установленных договоров, включая комплексные» (Там же).

Аналогичной точки зрения придерживался О. Н. Садиков. По его мнению, комплексные правовые явления (в том числе договоры) есть сочетание разноотраслевых элементов, а смешанные договоры содержат элементы разных договоров одноотраслевой принадлежности (Садиков О. Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // Сов. гражд. право. 1979. № 2. С. 33–37).

Подобным образом рассуждал и А. А. Собчак. Он предлагал называть комплексными договоры, которые порождают два и более различных обязательств, имеющих единую хозяйственную цель, и группируются вокруг основного из них (Собчак А. А. Смешанные и комплексные договоры в гражданском праве // Сов. государство и право. 1989. № 11. С. 66).

С приведенной выше позицией авторов трудно согласиться. Поскольку смешения (объединения в одно целое элементов различных видов) не происходит: и договоры, указанные в ст. 421 ГК РФ как смешанные, и комплексные договоры – это гражданско-правовые договоры (правореализующие правовые акты) различной конструкции. Следовательно, по нашему мнению, все указанные договоры являются комплексными.

О том, что в гражданском праве целесообразно использовать понятия смешанного

и комплексного договора как синонимы, писала еще О. Е. Щербинина: договор об участии в торгово-промышленной выставке она характеризует то как комплексный, то как смешанный (Щербинина О. Е. Правовое регулирование международных торгово-промышленных выставок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1984. С. 6–10).

В. А. Белов в одном из своих последних учебников по гражданскому праву также использует оба термина, называя, например, договор фрахтования на время комплексным, а договор фрахтования (чартер) – смешанным (Белов В. А. Гражданское право : учебник. М., 2005. С. 225, 228). Е. А. Суханов отождествляет эти понятия, указывая, что договорные обязательства могут быть не только сложными, но и смешанными (комплексными), состоящими из нескольких различных договорных обязательств (Гражданское право / под ред. Е. А. Суханова. М., 2000. С. 219).

В. А. Писчиков отмечает: «Законодательное признание смешанных договоров способствует, на наш взгляд, единству терминологии в данной области и ставит определенную преграду произвольному использованию терминов (конгломерированные, интегрированные, трансформированные) для обозначения явлений, более точно выраженных понятием смешанного договора. Кроме того, отпадает и необходимость в использовании термина “комплексный договор”. В целях стабильности научного оборота предлагаем использовать во всех случаях термин “смешанный договор”» (Писчиков В. А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 187). Мы, в свою очередь, полагаем, что использование термина «смешанный» для гражданско-правовых договоров (правовых актов с однородными правореализующими элементами) юридически неоправданно. По нашему мнению, это комплексные договоры. Следовательно, необходимо внести изменения в п. 3 ст. 421 ГК РФ и принять его в такой редакции: «3. Стороны могут заключать договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (комплексный договор). К отношениям сторон по комплексному дого-

вору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в комплексном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа комплексного договора».

Таким образом, всесторонний и обстоятельный анализ природы атипичных нормативных правовых актов, несомненно, позволит внести ясность и четкость в механизм воздействия права на общественные отношения, что, безусловно, будет способствовать обеспечению прав и свобод граждан, повышению качества юридической практики и укреплению законности и правопорядка в стране.

Е. А. Киреева,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

УЧЕТ ЭТНОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Ключевые слова:
этнический фактор, следственные действия,
институт понятых

В настоящее время в России, несмотря на споры ученых-процессуалистов и представителей практических органов, институт понятых продолжает действовать. Введение в 2001 г. в действие УПК РФ не изменило ситуации, хотя многие на это надеялись. Почему же институт понятых, существующий в России, вызывает такую полемику?

Согласно УПК РФ понятые привлекаются к участию в некоторых следственных действиях для удостоверения факта, содержания и результатов этих действий, производящихся в их присутствии. Перечень следственных действий, проводимых с участием понятых, строго определен в ст. 170 УПК РФ: это осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, эксгумация трупа, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, предъявление для опознания, т. е. следственные действия с получением наглядной информации. При этом понятых должно быть не менее двух, а в некоторых случаях – много больше.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. С.* Общая теория права / С. С. Алексеев. – М., 1982. – Т. 2.
2. *Богатов, И.* «Нехороший» правовой акт / И. Богатов // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 38.
3. *Голунский, С. А.* К вопросу о понятии правовой нормы в социалистическом праве / С. А. Голунский // Сов. государство и право. – 1961. – № 4.
4. *Горшенев, В. М.* Нетипичные нормативные предписания / В. М. Горшенев // Сов. государство и право. – 1978. – № 3.
5. *Карташов, В. Н.* Теория правовой системы общества / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2005. – Т. 1.

Согласно указанной выше статье УПК РФ с участием понятых проводится большинство следственных действий. В связи с этим основная масса противников наличия данного института в уголовном судопроизводстве России – это практические работники: следователи, дознаватели, которым приходится тратить значительную часть своего времени на поиски понятых, что часто связано с определенными трудностями. Например, в некоторых случаях необходимо срочно провести осмотр места происшествия и обыск, причем это бывает и ночью, и рано утром, и в холод, и в жару. В таких условиях мало кто согласится участвовать в качестве понятых.

Конечно, в соответствии законодательством (ч. 1, 2 ст. 170 и ч. 4 ст. 21 УПК РФ) у следователя имеются полномочия привлечь любого гражданина, не имеющего отводов, к участию в следственном действии в качестве понятого. Подобное требование следователя для гражданина является обязательным, и в случае его неисполнения к гражданину может быть применена такая мера принуждения, как наложение денежного взыскания в размере до двадцати пяти минимальных размеров оплаты труда. Однако, во-первых, наложить денежное взыскание согласно УПК РФ может только суд, и сама процедура подготовки следователем документов для этого займет еще больше времени, чем поиск «сговорчивых» понятых, а во-вторых, трудно работать с гражданами, которых заставили участвовать в процессе в качестве понятых, и нет уверенности в том, что они не откажутся удостоверить проведение следственного дей-

ствия, несмотря на то, что оно выполнено в их присутствии. Кроме того, следует учитывать, что иногда понятые вызываются в суд для дачи показаний в качестве свидетелей.

Следующая причина, по которой практические работники противятся введению института понятых, заключается в недоверии общества к органам уголовного преследования. Дело в том, что понятые призваны удостоверить правильность проведения следственного действия, подтвердить соблюдение следователем или иным участником следственно-оперативной группы требований законодательства, хотя сами понятые (если не имеют юридического образования) слабо представляют тактику следственного действия.

Отметим, что институт понятых в подобном виде существует только в России, что вызывает непонимание у представителей правоохранительных органов других государств: если у государства и общества есть причины не доверять следователю или сомневаться в его компетентности, то, значит, надо ставить вопрос о соответствии служащего занимаемой должности, если же государство доверяет и не сомневается в компетенции сотрудника, то какова необходимость привлечения постороннего гражданина, не имеющего юридического образования и компетенции для удостоверения «факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов» (ч. 1 ст. 60 УПК РФ).

Кроме того, следователь приглашает понятого к участию в следственном действии, не проверяя данные о его личности (наличие судимости, состоит ли на учете в психоневрологических учреждениях и т. д.). Также в УПК РФ нет ссылок на то, что следователь должен спрашивать гражданина-понятого о наличии паспорта. Это означает, что отсутствие этого документа не делает недопустимым участие гражданина в следственном действии в качестве понятого. Более того, при отсутствии и другого документа, удостоверяющего личность, гражданин может назвать данные несуществующего человека или данные другого лица. В таком случае ставится вопрос об участии этого понятого в качестве свидетеля в дальнейшем производстве по делу. Особенно эта проблема актуальна при расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, по ко-

торым, как правило, понятые, присутствующие при изъятии наркотиков во время обыска, личного обыска, в дальнейшем участвуют в деле в качестве свидетелей.

Еще один важный момент заключается в том, что понятым разъясняются только их права и обязанности, но они не знают о правилах проведения следственного действия, поэтому часто при обыске, например, в квартире находятся не рядом с лицом, проводящим обыск, а на расстоянии либо за его спиной. Поэтому при допросе их в качестве свидетелей грамотный адвокат сможет доказать, что понятые физически не могли видеть сам момент нахождения лицом, проводящим обыск, какого-либо предмета, поскольку были далеко или обзор им был закрыт спиной человека и понятые видели только то, что сотрудник предъявил им предмет из-за спины.

Кроме того, противники института понятых приводят и другие доводы:

- стремительное развитие научно-технических средств, позволяющих запечатлеть следственное действие;
- невозможность обеспечения участия понятых в исключительных ситуациях;
- сложность в обеспечении безопасности понятых, которые в дальнейшем выступают в суде в качестве свидетелей (Михайлов А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4 ; Цоколова О. И. Институт понятых должен стать факультативным // Проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Иркутск, 1995. С. 127 и др.).

На данные аргументы можно ответить следующее.

Сегодня обеспеченность материально-технической базы органов предварительного расследования все еще находится на низком уровне, полностью не решен вопрос о возможности применения для фиксации следственного действия цифровых видеокамер, поскольку у правоохранительных органов отсутствуют средства на такое количество носителей информации, чтобы прилагать их к материалам уголовного дела, тем более по каждому следственному действию, проводимому с участием понятых. Кроме того, в следственном действии должны участвовать не менее двух понятых, а два человека могут обратить внимание на большее количество «мелочей», чем одна видеокамера.

Что касается исключительных случаев, то закон предусмотрел возможность проведения следственного действия в отсутствие понятых, когда это связано с опасностью для жизни и здоровья граждан, а также если следственное действие проводится в труднодоступной местности при отсутствии надлежащих средств сообщения. Однако закон не уточняет, что считается труднодоступной местностью и надлежащим средством сообщения. Ведь каким-то образом сама следственно-оперативная группа попала в это труднодоступное место. Если преступление совершено в горах, то следственно-оперативную группу на место происшествия доставят на вертолете. А можно ли считать труднодоступной местностью территорию садового товарищества, куда можно пройти только пешком, преодолев большое расстояние по местности с большим снежным покровом. Сотрудники правоохранительных органов обязаны это сделать, а как убедить понятых идти с ними по колено в снегу?

Что касается обеспечения безопасности понятых, выступающих в дальнейшем в качестве свидетелей, то в этом случае должен срабатывать механизм защиты участников уголовного судопроизводства, который предусмотрен современным законодательством РФ.

Далее целесообразно рассмотреть положительные стороны участия понятых в следственных действиях.

Во-первых, участие понятых обеспечивает гарантии прав личности, в отношении которой проводится следственное действие, поскольку у сотрудников правоохранительных органов становится существенно меньше возможностей каким-либо образом нарушить право гражданина, когда за этим наблюдают посторонние незаинтересованные граждане.

Во-вторых, сотрудники правоохранительных органов не смогут сфальсифицировать доказательства и нарушить законодательство, так как в последнее время граждане стали более юридически грамотными. Если же по каким-то причинам следственное действие было проведено неправильно, то оно признается незаконным, а доказательства, добытые в ходе него, недопустимыми.

Безусловно, следователь или иное должностное лицо лично не заинтересованы в результате следственного действия (если они

будут лично заинтересованы, то это является основанием для отвода или поводом для проведения служебного расследования), но в условиях количественного подсчета результатов расследования, когда следователю необходимо направить определенное число уголовных дел в суд, а у оперативных подразделений существует процент раскрываемости, сотрудники правоохранительных органов вынуждены любым способом раскрыть дело или любым путем доказать виновность подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, нагрузка сотрудников следственного аппарата такова, что проводить следственное действие в соответствии с УПК РФ затруднительно, поскольку должно быть затрачено большое количество времени на подготовку следственного действия и на процессуально правильное его проведение. Ввиду данного обстоятельства следователи и иные сотрудники из числа следственно-оперативной группы часто идут на нарушения, связанные с поиском понятых, когда в качестве таковых в лучшем случае назначают лиц, задержанных за административные правонарушения, а в худшем – записывают своих знакомых или просто имена из телефонного справочника. Также практикуется (особенно по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств) следующий вид процессуального нарушения поиска понятых. Сотрудники сначала проводят личный обыск гражданина, находят у него наркотики, после чего назначают понятых из числа курсантов ведомственных вузов МВД или ФСИН России (обычно из числа курсантов младших курсов, которые еще не изучали предмет «Уголовно-процессуальное право»), убеждают их засвидетельствовать факт обнаружения у гражданина наркотиков, не разъясняя им, что в дальнейшем они могут быть вызваны в качестве свидетелей и будут вынуждены давать заведомо ложные показания.

При процессуально правильном и законном проведении личного обыска, в ходе которого были изъяты наркотические средства, выступление понятых в дальнейшем производстве по уголовному делу в качестве свидетелей значительно расширяет доказательственную базу по уголовному делу. Это еще один довод в пользу сохранения института понятых в России.

В настоящее время в науке обсуждается вопрос об учете этногенного фактора в производстве по уголовному делу, в том числе при поиске понятых, участвующих в следственных действиях в процессе расследования преступления, совершенного лицами разных национальностей и вероисповеданий. В частности, указывается, что цыгане отказываются участвовать в качестве понятых при производстве следственного действия в отношении своих соплеменников (Пономаренков В. А. Этносоциальная детерминация уголовно-процессуального доказывания : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2008. С. 171). В данном случае, действительно, существует проблема поиска понятых, поскольку не срабатывает допустимость производства следственного действия в труднодоступной местности, так как обычно цыгане селятся компактно, на окраинах населенных пунктов.

Кроме того, В. А. Пономаренков обозначает проблему поиска понятых при производстве следственных действий в местах проживания чечен, ингушей и других национальностей. Автор предлагает наделить следователя правом не приглашать в данном случае понятых из числа жителей этих населенных пунктов, поскольку из традиционного чувства этнической солидарности и конформизма они будут сочувствовать своим соплеменникам и, следовательно, не смогут быть незаинтересованными субъектами. Таким образом, следователь может без проблем пригласить понятых только в случае проведения следственного действия в местах проживания русских, поскольку в их менталитете отсутствует этническая со-

лидарность. Однако следует учитывать, что и в русских общинах долгое время существовал обычай круговой поруки, и сейчас еще многие русские граждане считают, что такой обычай сохранился (Киреева Е. А. Суд присяжных как особый социальной институт российской государственной власти (Историко-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 168).

Мы согласны с тем, что проблема поиска понятых существует, но существует она вне зависимости от того, какой национальности граждане, участвующие в уголовном деле, и от того, в какой местности проводится следственное действие.

Кроме того, если для участия в одном уголовном деле привлекать к участию понятых, а в другом (связанном с расследованием в местности, где проживают граждане национальных меньшинств) не привлекать, то нарушается конституционный принцип равенства граждан перед законом, в том числе вне зависимости от их национальности, что вносит дисбаланс в уголовный процесс России в целом.

Библиографический список

1. Зюков, А. М. Генезис уголовной этнополитики Российского государства в период X–XXI вв. / А. М. Зюков. – Владимир, 2008.
2. Зюков, А. М. Учет этногенного фактора в современных научных исследованиях / А. М. Зюков // Рос. следователь. – 2008. – № 16.
3. Пономаренков, В. А. Этносоциальная детерминация уголовно-процессуального доказывания : дис. ... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2008.

В. Н. Ковалев,

соискатель Омской академии МВД России

ХАРАКТЕРИСТИКА СБЫТЧИКОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЕЕ УЧЕТ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ

Ключевые слова:

наркотические средства, сбытчик,
организованная преступность

В настоящее время в России особую актуальность приобрела проблема сбыта наркотических средств. Совершающие преступле-

ния в сфере незаконного оборота наркотиков лица чаще всего подразделяются: 1) на организаторов преступной деятельности; 2) изготовителей; 3) перевозчиков; 4) сбытчиков; 5) держателей притонов; 6) потребителей (Напр.: Безруких Е. С., Мешков В. М. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков : науч.-практ. пособие. Калининград, 2003. С. 38). Применительно к предмету настоящей публикации наибольший интерес представляет рассмотрение цепочки «организатор незаконного сбыта – сбытчик наркотических средств и психотропных веществ».

По данным Европейского союза, в мире ежегодно сумма реализации наркотических средств составляет от 400 до 500 млрд долл. (примерно 1/10 часть от объема мировой торговли). При этом непосредственные производители получают лишь 2–5 % от прибыли наркорынка. Значительная же часть доходов от распространения наркотиков находится в руках посредников и крупных сбытчиков (Верещагин В. А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации : монография. М., 2005. С. 103).

В настоящее время в России сложилось сообщество наркодельцов, которое, по мнению американского сенатора Д. Керри, составляет основу новой глобальной преступной организации, созданной пятеркой самых могущественных преступных синдикатов мира (Приводится по: Панова Е. В. Актуальные вопросы наркоситуации в России // Рос. следовател. 2004. № 8. С. 41). Изучение архивных уголовных дел позволило прийти к выводу о том, что лицами-членами организованных преступных групп совершается 19,4 % преступлений в сфере незаконного сбыта наркотиков.

Обслуживание операций, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ, требует от сбытчиков устойчивой организации, распределения ролей и иных элементов, присущих организованным преступным группам. Типичной структурой организованных преступных групп является классическая схема мафиозной пирамиды (Верещагин В. А. Указ. соч. С. 103–104). Высшие посты в организации занимают так называемые наркобароны. Как правило, это 4–6 человек, не имеющих непосредственного контакта со сбываемым наркотиком. Их задача состоит в организации незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, отмывании полученных от него денежных средств.

Промежуточным звеном организованной преступной группы является категория лиц, призванных решать текущие вопросы: сбор выручки от реализованного «товара», выполнение разовых поручений лиц, занимающих в группе высшие посты, рекрутирование новых членов и др.

По функциональному признаку основным звеном группы выступают «местные» (региональные) оптовики, организующие и кон-

тролирующие незаконный сбыт наркотиков на локальной территории. Результаты изучения архивных уголовных дел показали, что среди указанной категории лиц женщины отсутствуют, большая часть мужчин имеют высшее или неоконченное высшее образование (57 %), причем половина – высшее юридическое образование. Практически все члены организованных преступных групп проживали в региональном центре (87,5 %). В брачных отношениях состояли 62,5 % членов групп, 75 % имели на иждивении несовершеннолетних детей. Ранее судимы лишь 12,5 % лиц рассматриваемой категории. Почти никто из членов преступных групп не работал (доля официально работающих составляет лишь 12,5 %, как правило, это рядовые члены организованной преступной группы). Интересно, что ни один из организаторов преступных групп не занимал бесконфликтную позицию по отношению к следствию. Противодействие осуществлялось вплоть до вынесения приговора.

Структуру данных организованных групп можно проследить на следующем примере из практики расследования незаконного сбыта наркотиков.

В начале 2003 г. М. и П. создали устойчивую организованную преступную группу для систематического совершения преступлений в сфере незаконного сбыта наркотиков и получения стабильного дохода от этой деятельности. В целях обеспечения безопасности преступной группы М. и П. установили внутри группы жесткую дисциплину, сформировали специальные меры защиты и конспирации. М. и П. осуществляли общее руководство и координацию преступной деятельности группы, незаконно приобретали наркотическое средство – героин – в особо крупных размерах, хранили его, расфасовывали на более мелкие партии. М. передавал наркотическое средство Б., который незаконно сбывал героин сам либо организовывал его незаконный сбыт Г. и Т. Кроме того, М. вел учет доходов от незаконной преступной деятельности, осуществлял хранение и распределение полученных в результате преступной деятельности денежных средств.

За период с 2003 по 2004 г. данной группой было подготовлено и осуществлено 7 фактов незаконного сбыта наркотиче-

ского средства (Архив Куйбышев. район. суда г. Омска, уголов. дело № 1-16/06).

Розничные торговцы, входящие в структуру группировки, а также лица, находящиеся за ее пределами (рядовые наркоманы, незаконно сбывающие наркотики с целью получения денежных средств и последующего приобретения очередной дозы) составляют самый низший слой организованной преступной группы. Лица из числа данной подгруппы, как правило, задерживаются сотрудниками органов внутренних дел.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанная группа сбытчиков наркотических средств и психотропных веществ характеризуется преобладанием лиц, имеющих, как правило, высшее (иногда юридическое) образование. Данная категория лиц знакома с условиями жизнедеятельности регионального центра, внешне законопослушна, однако имеет четкую направленность на оказание противодействия следователю.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о необходимости качественной оперативной разработки, в которую входят: взаимодействие следователя и оперативных подразделений органов внутренних дел с использованием письменных поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий, а также обмен информацией о планах, намерениях и действиях фигурантов. Кроме того, следует задействовать сотрудников оперативных подразделений в рамках оперативно-тактических комбинаций, что обусловит дачу следователем поручений о производстве отдельных следственных действий (одновременных обысков и др.).

Изучение архивных уголовных дел показало, что основными сбытчиками наркотических средств и психотропных веществ являются мужчины (83,3 % дел). Однако, несмотря на относительно низкий уровень женщин в общем количестве сбытчиков наркотических средств (16,7 % дел), исследователи проблемы незаконного распространения наркотиков в России справедливо отмечают тенденцию к повышению доли женщин-потребителей наркотиков (Наркомания и незаконный оборот наркотиков: вопросы теории и практики противодействия : учеб. пособие / Ю. М. Ермак [и др.]. М., 2005. С. 7). Как следствие, можно прогнозировать увеличение количества жен-

щин-сбытчиков наркотических средств и психотропных веществ.

Основная группа сбытчиков состоит из лиц в возрасте 26–35 лет (61,2 %), доля лиц в возрасте от 36 до 40 лет и от 21 до 25 лет составляет 16,5 и 16,7 % соответственно. Следует заметить, что в ходе изучения архивных уголовных дел нами не установлено ни одного сбытчика в возрасте после 46 лет. Доля несовершеннолетних и лиц до 20 лет составляет 2,8 %. Настораживает тот факт, что в круг сбытчиков стали входить сотрудники правоохранительных органов.

Следует отметить, что полученные нами данные несколько расходятся с результатами других ученых. Так, по мнению С. А. Роганова, доля несовершеннолетних составляет 0,72 % (Роганов С. А. Личность преступника и потерпевшего по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств // Закон и право. 2003. № 4. С. 8). Мы получили другой результат – 2,8 %. С нашей точки зрения, существующая разница может свидетельствовать о тенденции омоложения личности сбытчика, поскольку сбыт наркотиков все чаще перемещается в места проведения досуга молодежи: дискотеки, парки и т. п. Использование несовершеннолетних в данной ситуации позволяет крупному сбытчику решить ряд вопросов, связанных с установлением доверительных отношений с потребителем одной возрастной группы, привлечением к уголовной ответственности.

Таким образом, взаимодействие следователя и оперативных подразделений осуществляется в процессе расследования уголовного дела в отношении незаконного сбыта наркотиков, совершаемого, как правило, лицами от 26 до 37 лет, реже – в возрасте от 21 до 25 лет либо от 36 до 40 лет. С учетом данного обстоятельства могут быть конкретизированы следственные либо оперативно-розыскные версии в рамках согласованного планирования, определяться задачи (в том числе по установлению лица, совершившего незаконный сбыт наркотиков), решение которых возможно посредством дачи поручения о производстве оперативно-розыскного мероприятия.

В заключение следует отметить, что взаимодействие следователя и оперативных под-

разделений органов внутренних дел при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ осуществляется с учетом ряда обстоятельств, среди которых ведущее место принадлежит личности сбытчика наркотиков.

Библиографический список

1. *Безруких, Е. С.* Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков : науч.-практ. пособие / Е. С. Безруких, В. М. Мешков. – Калининград, 2003.

И. Н. Куркина,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

ВЮИ ФСИН России

кандидат педагогических наук

РАБОТОРГОВЛЯ КАК АНТИСОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ XXI ВЕКА

Ключевые слова:

Африканская Ассоциация, Брюссельская конференция, невольники, похищение людей, рабство

В настоящее время работорговля определяется как продажа или покупка людей в рабство. Данное явление получило свое распространение в Африке – массовый вывоз рабов, что и обусловило появление образа чернокожего невольника. Сегодня торговля людьми не связана непосредственно с расовыми признаками. Смена юридических, этических и моральных норм в обществе превратила работорговлю в опасное преступление, которое, хоть и утратило массовый характер, все же продолжает существовать, приобретая транснациональный статус. Так, по данным ГИЦ УФСИН России, на 1 января 2009 г. в учреждениях УИС отбывали наказание 887,6 тыс. чел., из них 8,3 тыс. были осуждены за торговлю людьми либо незаконное использование, эксплуатацию труда.

Первые упоминания о работорговле относятся к дописьменной истории. Торговля людьми, как свидетельствуют древнейшие источники Египта и Междуречья, играла важнейшую роль в экономике ближневосточных государств.

С запретом работорговли в Египте, утверждением немцев в Восточной Африке это явление приостановилось.

2. *Верещагин, В. А.* Наркотизация населения на территории Российской Федерации : монография / В. А. Верещагин. – М., 2005.

3. Наркомания и незаконный оборот наркотиков: вопросы теории и практики противодействия : учеб. пособие / Ю. М. Ермак [и др.]. – М., 2005.

4. *Роганов, С. А.* Личность преступника и потерпевшего по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств / С. А. Роганов // Закон и право. – 2003. – № 4.

В средневековый период работорговля продолжала быть составной частью экономики некоторых государств Азии, например, Золотая Орда, Крымское ханство и ранняя Османская Турция. Монголо-татарское иго поставляло на невольничий рынок огромные массы покоренного населения, которое пользовалось спросом у мусульманских купцов и итальянских торговцев.

Активно использовало рабский труд и Крымское ханство, основав в г. Кефе известный в истории рынок невольников. В плену у крымских отрядов находились также представители Московской Руси, Северного Кавказа, которые продавались в качестве рабов в азиатские страны. Например, в результате таких крупных набегов на Русь, как в 1521 или в 1571 гг., в рабство попали около 100 тыс. пленников, наиболее сильные и физически выносливые из них пополняли янычарскую гвардию (Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 28).

На протяжении XVI–XVII вв. право осуществления торговли людьми принадлежало королевскому двору, а также частным лицам, которых обязывали поставлять в колонии определенное количество рабов. Период расцвета работорговли пришелся на 1621–1631 гг., именно тогда были основаны крупнейшие торговые компании в Англии, Голландии и Франции, осуществлявшие торговый обмен рабов на сахар, ром, сырьевые товары, производимые в североамериканских колониях.

С 1798 г. прогрессивно настроенная часть общества стала выражать протесты против бесправия, юридической незащищенности рабов, которые фактически ничем не отличались от вещи: их можно было продать, купить, обменять, наказать и даже

убить. В Англии возникло первое общество, выступавшее за отмену рабства, – «Африканская Ассоциация». Итогом деятельности данного общества стал документ, который несколько облегчил положение негров. В 1808 г. произошло официальное запрещение работорговли, а 1834 г. ознаменовал полное освобождение невольников. Однако еще долгое время продолжалась пиратская деятельность торговцев людьми.

Во французских колониях некоторые меры к облегчению положения рабов были приняты в так называемом «Code noir» 1685 и 1724 гг. В 1794 г. последовало общее освобождение, но осуществилось оно фактически лишь на Гаити (Каргалов В. В. Указ. соч. С. 25–27).

Страны Европы с 1840-х гг. на законодательном уровне закрепили уголовное наказание за работорговлю и приравнивали ее к морскому разбою. В России данная тенденция нашла свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., согласно ст. 1411 которого работорговцы отправлялись на каторгу сроком до восьми лет.

Следующим этапом борьбы с работорговлей стала выработка международной системы мер противодействия данному виду преступления. В 1890 г. состоялась Брюссельская конференция, провозгласившая ряд положений, способствующих ликвидации этого явления:

- устройство укрепленных станций, прокладка железных и других дорог;
- устройство пароходных рейсов и телеграфных линий;
- ограничение ввоза оружия;
- охрана караванов, побережья и высот;
- снаряжение летучих отрядов для защиты туземцев;
- содействие миссиям и научным экспедициям;
- принятие всех беглых рабов на суда и станции договаривающихся держав и дарование им свободы (Kelling G. L., Moor M. N. *The Evolving Strategy of Policing*. Washington, 1988. P. 45).

Требования Брюссельской конференции в России нашли свое отражение в законе 1893 г., согласно которому русское правительство должно было карать за работорговлю не только своих подданных, но и иностранных граждан.

На сегодняшний день работорговля наиболее популярна в таких странах, как Азия, Африка, Восточная Европа и Латинская Америка. По данным нигерской правозащитной организации «Timidria», в 2003 г. в Нигере в рабстве находилось 870 тыс. чел. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Работорговля>). Помимо усилий, предпринимаемых правоохранительными органами различных государств, в борьбе с современной работорговлей участвуют также неправительственные организации, например, «Association for Community Development» (Бангладеш), «Bonded Liberation Front» (Индия), «Anti-Slavery International» (США).

Вопрос о выработке единых подходов, противодействующих торговле людьми, в мировом сообществе стоит достаточно жестко: не исключается даже применение экономических санкций против тех стран, где нет минимальных стандартов.

В России проблема работорговли приобрела особую актуальность. Согласно международной классификации наша страна принадлежит к третьей, самой неблагополучной, группе наряду с Афганистаном и Ираком. Уголовный кодекс РФ предусматривает наказание за похищение людей и торговлю несовершеннолетними, однако на сегодняшний день в данном вопросе отсутствует соответствие международным стандартам и не разработан единый подход к указанной проблеме. Так, например, за данный вид преступления в большинстве стран Европы предусмотрены большие сроки лишения свободы (от 20 до 40 лет), в отдельных случаях – пожизненное заключение.

Многие мероприятия международного уровня, направленные на борьбу с работорговлей, ориентированы на работу сильных полицейских формирований, способных при получении информации от зарубежных коллег на территории своей страны противодействовать рабовладельцам и защитить иностранных граждан, что не всегда получается на практике. Так, многие граждане Российской Федерации, оказавшиеся за границей в поисках работы (гастарбайтеры), попали в полную власть новых хозяев, правоохранительные органы при этом не оказывали им никакого содействия по защите прав. Сегодня между государствами заключен ряд соответствующих соглашений, направленных на борьбу с подобными проявлениями.

На территории Российского государства одним из самых проблематичных регионов (в рамках названной проблемы) выступает Северный Кавказ. По данным ГИЦ УФСИН России, более 57 % похищенных людей поселяются на его территории, где осуществляется их эксплуатация в качестве рабочей силы либо практикуется сексуальное рабство.

В России проблема «кавказских пленников», а по сути рабов, обсуждалась еще классиками русской литературы XIX в. Использование рабского труда существовало на Кавказе издавна, в том числе в период развитого социализма. Подавляющее большинство людей, попавших в ситуацию бесправной рабочей силы, сегодня составляют не военнослужащие (как это было в прошлом веке), а всевозможные бродяги, отправляющиеся на поиски легких заработков на «теплых югах». Примером тому может служить судьба жителя Ярославля В. Епишина и костромича В. Калинкина, которые провели в рабстве девять лет. В апреле 2008 г. оперативная группа ФСБ освободила их в Урус-Мартановском районе (Состояние преступности в РФ за 2008 год – статистика // Рос. юстиция. 2008. № 4. С. 44). Из представленных материалов следует, что именно бродяжий образ жизни во многом определил их плачевную участь. Но уголовное дело по факту незаконного лишения свободы граждан В. Епишина и В. Калинкина (соответствующая статья есть в действующем УК РФ) так и не было возбуждено. Сотрудники Костромского УВД, обратившись к своим северокавказским коллегам с запросом (написали или нет потерпевшие заявление о возбуждении уголовного дела), так и не получили ответа.

Из дальнейших следственных действий стало известно, что старик, купивший В. Калинкина у похитителей, умер в 2000 г., передав «собственность» по наследству своему сыну. А тот для подстраховки от уголовного преследования заставлял В. Калинкина писать под диктовку письма на родину с одинаковым текстом: «У меня все хорошо». Даже было отправлено несколько фотографий с изображением «счастливого» В. Калинкина его сестрам в Костромскую область. Более того, рабовладелец очень обиделся, когда оперативники Северо-Кавказского УФСБ ворвались к нему в дом и увезли в неизвестном направлении раба В. Калинкина. Как известно, нападение – лучшая защита, и быв-

ший владелец уже в конце июня написал заявление в Урус-Мартановскую прокуратуру о незаконных действиях правоохранительных органов (Там же. С. 45–46).

Нередко подобные случаи не имеют дальнейшего продолжения, а сформированные уголовные дела не доходят до суда. Подозреваемые действуют по намеченной схеме, подавая встречный иск, где обвиняют сотрудников правоохранительных органов в неправомочных действиях либо превышении полномочий. Люди, возвращенные из рабства, часто страдают нервными или психическими заболеваниями, и любое воспоминание о прошлом травмирует их. Поэтому и пострадавшие, и их родственники стараются быстрее забыть печальное прошлое и меньше всего стремятся попасть назад в Чечню для очных ставок со своими хозяевами-мучителями. Поэтому, как правило, заявления о возбуждении уголовных дел они не пишут.

К сожалению, подобное может случиться с любым, даже самым благополучным человеком, ведь в России ежегодно пропадают без вести десятки тысяч людей.

По нашему мнению, рабство на Кавказе, так же как и в иных регионах России, будет продолжать благополучное существование, пока не выйдет в свет закон, по всей строгости карающий тех, кто использует рабский труд, пока не изменится мораль в обществе, не исчезнет терпимость по отношению к торговцам и покупателям «живого товара».

Военное, географическое и стратегическое положение Российского государства изначально во многом определяло его политику на Кавказе. С конца XV в. южные и юго-восточные границы Руси состояли из обширных степных пространств, где кочевали многочисленные народности, которые были воинственно настроены, а также несли смерть и разруху русским селам и городам. В сложившейся ситуации Россия вынуждена была создавать надежные, стабильные границы, на защиту которых направлялись лучшие войска.

Вместе с тем на юге обширные территории (вплоть до Кавказских гор, Черного и Каспийского морей) оказались незащищенными. Таким образом, район Кавказа первоначально рассматривался правительством Российского государства исключительно с точки зрения пограничной, «буферной» зоны, от обстановки в которой зависела стабильность и безопасность самой России.

Однако, если вспомнить историю Северо-Кавказского региона, то можно четко проследить, что на протяжении нескольких веков обстановка там служила источником постоянной угрозы не только для России, но и для коренного населения самого Кавказа. Набеги на соседей, вооруженные разбои, захват заложников и работорговля стали фактически национальной традицией для определенной части населения региона. Для подавляющего большинства народов, населяющих Кавказ, это явление стало настоящим бедствием, которое не позволяло мирно жить и трудиться.

В конце XV в. (во времена правления Ивана Грозного) в Москву направлялись делегации, состоящие из представителей северокавказских, в том числе чеченских, народов, которые просили принять их в российское подданство. Русское государство, руководствуясь собственными интересами на Кавказе, не отказало в помощи, направив вооруженные силы для урегулирования конфликтов и обеспечения стабильной обстановки в данном регионе.

Приведенные исторические факты свидетельствуют о том, что Россия не являлась страной-захватчицей, которая более 400 лет покоряла народы Кавказа, вела колониальные войны и подавляла национально-освободительное движение. Она защищала кавказские народы от Персии и Турции, насаждавших свою власть в регионе. Русская армия защищала на Кавказе мирно настроенное население от «набеговой системы»; это направление стало основным в военной политике России.

Разбой и грабежи, торговля людьми являлись и, к сожалению, продолжают оставаться подлинным бедствием как для самой России, так и для народов Кавказа. Северный Кавказ остается сегодня одним из немногих регионов мира, где работорговля не только сохранилась, но и успешно развивается. Подавляющее большинство людей, продаваемых в рабство, составляют жители граничащих с Россией и Украиной районов, а также представители ряда народов Кавказа.

В XXI в. был выдвинут лозунг гуманизации всех сфер деятельности человека, провозгласивший его жизнь и свободу важнейшей ценностью. Однако работорговля оказалась достаточно живучей и прибыльной традицией для некоторой части населения, поэтому сохранилась и в настоящее время. Например, в период так на-

зываемой независимой Ичкерии на ее территории была развернута настоящая индустрия работорговли, функционирование которой обеспечивали 157 бандформирований. Основной их задачей (своего рода специализацией) был разбой, похищение и торговля людьми. По некоторым данным, в распоряжении бандитов постоянно находились от 3,5 до 10 тыс. рабов-заложников как из самой Чечни, так и из соседних кавказских республик (Дагестана, Осетии, Кабардино-Балкарии) и даже близкой чеченцам по этнографическим признакам Ингушетии, а также и других регионов России.

В подобного рода деятельности участвовали около 25 тыс. жителей Чечни. С учетом того, что к началу контртеррористической операции в Чечне там проживали около 300 тыс. человек, можно сделать вывод, что фактически каждый десятый житель прямо или косвенно был причастен к работорговле в ее современной интерпретации (Лунев В. В. Тенденции преступности: мировые, региональные. СПб., 2007. С. 53).

В заключение следует отметить, что на современном этапе исторического развития во многих странах независимо от их экономического положения, политической и социально-экономической системы наблюдается рост торговли людьми. Данное явление приобрело масштабный транснациональный характер и требует пристального внимания международных правоохранительных структур.

По оценкам российских криминологов, до 2020 г. в преступности будут сохраняться тенденции, негативно влияющие на обстановку в стране. Прогнозируется развитие межрегиональных и транснациональных преступных организаций и преступных сообществ, особенно в сферах наркотрафика, торговли людьми, оружием и т. д. В связи с этим необходимо ужесточить меры уголовной ответственности за совершение данных преступлений, а также усилить влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения по названной проблеме.

Библиографический список

1. Каргалов, В. В. На степной границе / В. В. Каргалов. – М., 1974.
2. Лунев, В. В. Тенденции преступности: мировые, региональные / В. В. Лунев. – СПб., 2007.
3. Проблемы борьбы с работорговлей на современном этапе. – СПб., 1996.

Л. В. Лазарева,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЗАЩИТЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Ключевые слова:
специальные знания, специалист, защитник,
заклучение специалиста, адвокатская деятельность,
судебная экспертиза

Несмотря на многовековую практику применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, их возможности далеко не исчерпаны. Это объясняется не только развитием методов исследования, но и недостаточным использованием сторонами всех возможностей, предоставляемых им законодательством.

Вместе с тем правильное понимание особенностей использования специальных знаний защитником в уголовном судопроизводстве может сыграть решающую роль в отечественном уголовном процессе в условиях состязательности.

Современную законодательную базу, регулирующую использование адвокатами специальных знаний, составляют Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее: Закон об адвокатуре) (Рос. газ. 2002. 5 июня), который в ст. 6 закрепил право адвоката на обращение к специалисту на договорной основе для оказания квалифицированной юридической помощи, и УПК РФ (ст. 53), предоставивший адвокату право на привлечение специалиста в уголовное судопроизводство.

Следует отметить, что на практике специалисты не всегда охотно идут на контакт с адвокатом: сказывается сложившееся представление о нем как о традиционном оппоненте эксперта в судебных процессах. По-видимому, это связано с тем, что достаточно часто защитник в ходе судебного заседания, отстаивая интересы обвиняемого, строит свое выступление на критике (нередко необоснованной) заключения эксперта, что не может не сказаться отрицательно на отношении сведущего лица к адвокату.

По нашему мнению, специалист и эксперт должны быть одинаково открыты для всех

участников процесса, поскольку их консультационная деятельность направлена прежде всего на совершенствование уголовного судопроизводства, притом что интересы сторон могут быть диаметрально противоположными.

Однако сегодня, несмотря на то, что в числе полномочий защитника предусмотрено привлечение специалиста в порядке ст. 58 УПК РФ, механизм такого привлечения отсутствует, за исключением случаев, когда к участию в судебном разбирательстве и для дачи письменных консультационных заключений в течение всего процесса привлекается консультант.

В связи с этим одна из проблем, с которыми защитник сталкивается на практике, заключается в выборе им процедуры «вовлечения» специалиста в уголовное судопроизводство. Статья 168 УПК РФ устанавливает, что привлечь специалиста к участию в деле на стадии предварительного расследования может лишь следователь, удостоверившись в его компетентности и разъяснив ему права и ответственность. Это означает, что допуск специалиста к делу всецело зависит от усмотрения следователя. Тем не менее данная норма конкурирует с положением п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, согласно которому защитник также с момента его допуска к делу вправе «привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 настоящего Кодекса». Разрешить данную коллизию можно, руководствуясь принципом состязательности сторон, провозглашенным ст. 15 УПК РФ.

Установленными УПК РФ процессуальными действиями сторона обвинения формирует свои доказательства, а сторона защиты — свои, в том числе используя помощь привлеченного специалиста. Процессуальные действия, которые вправе производить защитник, перечислены в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а именно: получать предметы, документы и иные сведения; опрашивать лиц с их согласия.

Следующая трудность, с которой сталкивается адвокат, связана с формой участия в уголовном процессе специалиста, привлекаемого стороной защиты. Данная проблема обусловлена непоследовательностью замысла законодателя, выраженного в конкурирующих нормах уголовно-процессуального закона.

Так, до внесения изменений и дополнений в действующий УПК РФ Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ (Рос. газ.

2003. 9 июля) было принято считать, что стороной защиты специальные знания могут использоваться только в справочно-консультационной форме. В настоящее время ст. 74 УПК РФ в числе доказательств прямо называет заключение специалиста, которое согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ означает представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Из этого можно заключить, что у стороны защиты появилась еще одна форма использования специальных знаний в виде заключения специалиста.

Таким образом, использование специальных знаний стороной защиты должно осуществляться в двух формах: получение заключения специалиста и справочно-консультационная деятельность.

Наибольший интерес представляют консультации специалиста по вопросам назначения и производства судебной экспертизы.

Действующий закон ограничивает круг субъектов назначения экспертизы органом расследования и судом. Как видим, несмотря на продекларированный в УПК РФ принцип состязательности и равноправия сторон, законодатель не дал защитнику право самостоятельно назначать экспертизу. В то же время возможности защиты значительно расширены действующим уголовно-процессуальным законодательством. В частности, как мы отметили выше, ст. 58 УПК РФ предоставила защитнику право привлекать к участию в следственных действиях специалиста. Однако, как показывает следственная и судебная практика, часто адвокат не может грамотно воспользоваться предоставленным ему правом обращаться к специалисту как носителю специальных знаний.

Очевидно, что опровергнуть либо поставить под сомнение выводы эксперта может только лицо, также обладающее специальными знаниями. Адвокат, в свою очередь, ими не обладает. Вместе с тем вопросы организации, порядка проведения судебной экспертизы непосредственно касаются защитников обвиняемых и подозреваемых, а также представителей потерпевших – адвокатов, знание и использование которыми указанного источника доказательств имеет важное значение для правильного и своевременного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Необходимые специальные знания могут быть приобретены адвокатом в ходе соответствующих консультаций у специалистов: как мы отметили выше, на основании п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре он вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

В результате реформирования всех сторон общественной жизни, в том числе в области экспертной деятельности, в России наряду с государственными появилось много независимых экспертных учреждений. С одной стороны, это способствует развитию принципа состязательности в поисках научной истины, но с другой стороны, с учетом устоявшегося менталитета наших «специалистов» и материальной стороны вопроса приводит к результатам, обратно пропорциональным тем целям, которые заложены в законе.

В этой связи высказываются предложения изменить УПК РФ и разрешить в качестве самостоятельного средства доказывания несудебную экспертизу для тех случаев, когда судебная экспертиза не обязательна, не требуется процессуального принуждения, представления подлинных материалов дела и вещественных доказательств. Соглашаясь с сутью этого предложения, уточним, что несудебные экспертизы, указанные в законе как средства доказывания, становятся процессуальными, т. е. следственными (судебными) действиями и в качестве таковых сливаются по значению с судебными экспертизами. Поэтому для обеспечения одновременно и состязательности, и надлежащего контроля за сохранением определенными объектами свойств, обеспечивающих достоверность доказательств, необходимо разрешить сторонам назначение экспертиз и ограничить их случаями, когда не требуется процессуального принуждения, представления подлинных материалов дела и вещественных доказательств. Полагаем, что достичь этого позволят консультации специалиста.

Исходя из этого целесообразно предоставить защитнику право самостоятельно решать вопрос о необходимости проведения судебной экспертизы и дать возможность реализовать это право независимо от усмотрения следователя или суда. Решение вопроса путем заявления ходатайства стороной защиты о назначении экспертизы,

представляемого следователю в общем порядке, на наш взгляд, является не вполне эффективным, поскольку ставит обвиняемого и его защитника в полную зависимость от намерений и желаний последнего.

Необходимо отметить, что иногда на практике возникают ситуации, когда следователь, имея в материалах уголовного дела заключение специалиста, не удовлетворяет ходатайство защитника о назначении и проведении судебной экспертизы, поскольку существует большая вероятность того, что выводы эксперта могут обоснованно поставить под сомнение позицию, занятую стороной обвинения. В то же время нередки случаи, когда именно защитник добивается назначения и проведения судебной экспертизы.

По нашему мнению, предоставление защите права назначения несудебной экспертизы могло бы быть обеспечено через производство таких экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях или частными экспертами.

В целях реализации данного права мы предлагаем следующий механизм действий. Защитник в частном порядке на договорной основе обращается в негосударственное экспертное учреждение или иное учреждение либо к частному эксперту для производства экспертизы. Полученное заключение представляет следователю для приобщения в качестве доказательства к уголовному делу. Следователь вызывает лицо, проводившее экспертизу, на допрос, в ходе которого устанавливает его компетентность, научную обоснованность примененной методики и выводов. Следователь предупреждает эксперта об уголовной ответственности и задает ему вопрос о том, подтверждает ли он свое заключение. Если эксперт отвечает положительно, то заключение подвергается оценке по существу. После этого данное заключение приобретает статус доказательства.

Однако реализация указанного механизма действий возможна только в случае внесения соответствующих дополнений и изменений в законодательство.

Так, в Законе об адвокатуре необходимо закрепить право защитника обращаться в государственные и негосударственные экспертные учреждения или к частному эксперту для производства экспертизы.

В ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (Рос. газ. 2001. 5 июня) предоставить право государственному судебно-эксперту принимать поручения о производстве экспертизы на договорной основе при обращении частных лиц или каких-либо органов.

Естественно, право защитника на производство экспертизы не должно распространяться на случаи обязательного назначения экспертизы, не может быть связано с применением принуждения и не должно требовать представления вещественных доказательств и материалов уголовного дела.

Полноценными действия защитника будут только в том случае, если закон придаст им то же доказательственное значение, что и результатам привлечения специалиста следователем, поскольку идея состязательности, провозглашенная в УПК РФ, предполагает равные полномочия сторон в доказывании и, значит, использовании специальных знаний.

Что касается предоставления защитнику права назначать судебную экспертизу, то, на наш взгляд, в рамках действующего УПК РФ сегодня это преждевременно. Такая постановка проблемы недопустима и с позиции теории уголовного процесса, и уголовно-процессуального доказывания.

Библиографический список

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон : [от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ] // Рос. газ. – 2001. – 5 июня.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон : [от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ] // Рос. газ. – 2002. – 5 июня.
3. *Петрухин, И. Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И. Л. Петрухин. – М., 2004. – Ч. 1.
4. *Россинская, Е. Р.* Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) / Е. Р. Россинская // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург, 2002.

Э. В. Мартыненко,
*аспирант Института
государства и права
Российской академии наук*

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ
КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА
КАК ИНОЙ МЕРЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

Ключевые слова:

конфискация имущества, уголовная политика,
иная мера уголовно-правового характера

Отношение законодателя к конфискации имущества на разных этапах развития Российского государства было неоднозначным. Конфискация имущества как вид наказания была предусмотрена еще в Русской правде. Однако если сначала она являлась достаточно «выгодным» видом наказания, так как способствовала пополнению бюджета потерпевшего, а потом и государства, то с течением времени роль конфискации становится второстепенной, и она выполняет функции дополнительного наказания.

Изменения, коснувшиеся конфискации имущества, позволяют проследить уголовную политику Советского и Российского государства по отношению к конфискации имущества. Так, УК СССР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. давали возможность присоединять конфискацию имущества к любому наказанию за любое преступление. Она применялась как дополнительное наказание не только к лишению свободы, но и к наказаниям, с ним не связанным.

На момент принятия УК РСФСР 1960 г. конфискация упоминалась в санкциях 27 статей. В 1996 г. конфискация содержалась уже в санкциях 45 статей. Вступивший в силу УК РФ установил общую конфискацию имущества в санкциях 24 статей. Доля этого вида наказания в составе всех остальных наказаний упала с 9 % в УК РСФСР, по состоянию на 1 марта 1996 г., до 4 % в УК РФ.

Законодатель четырежды исключал конфискацию имущества из числа видов наказаний, обосновывая это тем, что существование данного наказания идет вразрез с основными началами права собственности.

Конфискация имущества как вид наказания была исключена из УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г.

№ 169-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу законодательных актов РСФСР», что вызвало неоднозначную реакцию и поделило общество на два непримиримых лагеря – сторонников и противников отмены конфискации имущества.

Непродуманность в вопросе отмены конфискации имущества привела к тому, что Российская Федерация нарушила ряд международных соглашений, по которым она обязуется применять конфискацию имущества к лицам, совершившим преступления. Так, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. предусматривает приостановление операций (замораживание), арест и конфискацию (ст. 31) и обязывает каждое государство-участника принимать такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации. Римский Статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) также предусматривает право на конфискацию имущества. В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 декабря 2000 г. сказано, что государства-участники принимают в максимальной степени возможные в рамках их внутренних правовых систем такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации.

Тем не менее на протяжении более двух лет уголовно-правовой конфискации имущества не существовало.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» внес существенные изменения и дополнения в уголовное законодательство. В частности, в УК РФ была возвращена конфискация имущества, но не как вид наказания, а как иная мера уголовно-правового характера. Положения о конфискации закреплены в гл. 15.1 «Конфискация имущества» УК РФ.

В настоящее время ведутся споры о конфискации имущества и ее месте в действующем уголовном законодательстве,

как и ранее есть ее сторонники и противники. Конфискация вновь подверглась изменениям и дополнениям, что свидетельствует о недостаточной проработанности положений о конфискации и проблем, которые возникли из-за этого в правоприменительной практике.

Двадцать пятого декабря 2008 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"» № 280-ФЗ (Рос. газ. 2008. 30 дек.).

Основные нововведения конфискации имущества коснулись следующего.

В первоначальной редакции конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ определялась как принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства имущества или доходов от него.

Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ изменил редакцию статьи, установив, что конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, перечисленного в п. «а» ст. 104.1 УК РФ.

Первоначальная редакция ч. 1 ст. 104.1 УК РФ представлялась не совсем удачной. Прежде чем безвозмездно обратить конфискованное имущество в собственность государства, его необходимо изъять у собственника.

Изъятие имущества имеет несколько форм. Так, ГК РФ устанавливает, что принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производятся: обращение взыскания на имущество по обязательствам; отчуждение имущества, выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, домашних животных; реквизиция; конфискация.

Следовательно, конфискация – это одна из форм изъятия. От других форм изъятия,

например от реквизиции¹, конфискация отличается тем, что собственнику выплачивается стоимость изымаемого имущества, а при конфискации изъятие происходит безвозмездно; при отчуждении имущества активной стороной выступает собственник отчуждаемого имущества, а при конфискации инициатором этого процесса является государство.

Таким образом, конфискация – это прежде всего принудительное безвозмездное изъятие определенного имущества. Поэтому изменение редакции ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, внесенное Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ, представляется вполне оправданным.

Следующее изменение касается процессуального основания, а именно в какой процессуальной форме должно выражаться решение суда о конфискации. В первоначальной редакции ею являлось решение суда, без уточнения какое именно. Данное положение вызвало возникновение целого ряда неразрешимых вопросов. Например, что понимается под решением суда – только приговор или также постановление (определение). Ответ на указанный вопрос позволит решить проблему применения конфискации:

- к лицам, совершившим в состоянии невменяемости деяние, запрещенное уголовным законом;
- к лицу, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного дела с применением принудительной меры воспитательного воздействия;
- в связи с прекращением уголовного дела вследствие истечения срока давности;
- в связи с прекращением уголовного дела по причине примирения сторон;
- в связи с прекращением уголовного дела вследствие амнистии или помилования;
- в связи с прекращением уголовного дела по причине смерти подсудимого.

¹ В соответствии со ст. 242 ГК РФ в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества.

Новая редакция ст. 104.1 УК РФ разрешила эту проблему. Основанием конфискации теперь выступает обвинительный приговор, и если его нет, применить конфискацию невозможно.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ также внес изменения в перечень преступлений, при совершении которых возможна конфискация имущества (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Так, ст. 104.1 УК РФ в первоначальной редакции содержала 45 так называемых конфискационных преступлений. В этот перечень были включены: ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 126, ст. 127.1, 127.2, 146, 147, 164, ч. 3 и 4 ст. 184, ст. 186, 187, 188, 189, ч. 3 и 4 ст. 204, ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 209, 210, 212, 222, 227, 228.1, 229, 231, 232, 234, 240, 241, 242, 242.1, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282.1, 282.2, 285, 290, 355, ч. 3 ст. 359 УК РФ.

Сегодня из данного перечня исключена ст. 164 УК РФ, наличие которой вызывало немалые споры, так как в перечень конфискационных преступлений не вошли хищения (ст. 158–162 УК РФ), за исключением хищений предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ).

Так, М. П. Журавлев полагает, что «в перечне отсутствуют такие экономические преступления, как кража (ст. 158), мошенничество (ст. 159), присвоение или растрата (ст. 160), грабеж (ст. 161), разбой (ст. 162), вымогательство (ст. 163)». Аналогичную позицию занимает Б. В. Волженкин (Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Уголовное право: Стратегия развития в 21 веке : материалы 4-ой междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 300) и ряд других ученых. Напротив, П. С. Яни поддержал исключение из перечня преступлений против собственности, обосновывая свою позицию тем, что похищенное имущество должно быть возвращено потерпевшему, а не конфисковано (Яни П. С. Применение норм о конфискации // Уголов. право. 2006. № 12. С. 32). Тем более, что в соответствии со ст. 104.3 УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении ущерба, причиненного законному владельцу.

Традиционно конфискация имущества как вид наказания за хищения и вымога-

тельство была предусмотрена и в УК РСФСР, и в УК РФ. Однако это была так называемая общая конфискация, когда в собственность государства обращалось все имущество, принадлежащее виновному, а не то, что было похищено у потерпевшего. Отменив общую конфискацию как противоречащую конституционному праву на собственность, законодатель «вынужден» был исключить из перечня преступлений, по которым возможна конфискация имущества, все хищения и вымогательство. Включение в перечень ст. 164 УК РФ представляется явно непоследовательным.

В настоящее время все хищения, предусмотренные гл. 21 УК РФ, исключены из перечня конфискационных преступлений.

Вместе с тем Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ в перечень включены ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, внесены новые статьи: ч. 2 ст. 141, ст. 141.1, ч. 2 ст. 142, 183, 295, 307–309 УК РФ. Кроме того, изменено месторасположение и редакция ст. 188 УК РФ «Контрабанда». Установлено, что конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, «являющееся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответственность за которое установлена ст. 188 УК РФ».

Теперь вместо 45 преступлений конфискация имущества возможна по 52.

Перечень преступлений, за которые предусмотрена конфискация имущества, подвергся справедливой критике большинства специалистов уголовного права (Волженкин Б. В. Указ. соч. ; Яни П. С. Указ. соч.) не только по преступлениям против собственности. По мнению Б. В. Волженкина, оказались «забытыми» такие преступления, как незаконное предпринимательство, легализация имущества, приобретенного преступным путем, незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, незаконная добыча водных животных и растений, незаконная охота и ряд других преступлений. Однако на законодательном уровне данные преступления не учтены.

Нововведения также коснулись ст. 111 УК РФ. В первоначальной редакции конфискация имущества за причинение тяжкого вреда здоровью применялась только за

квалифицированный состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 111 УК РФ. При этом оставались неясными способы применения конфискации имущества в случае, если в действиях виновного помимо признаков ч. 2 ст. 111 УК РФ были и особо отягчающие признаки состава преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ. По правилам квалификации и назначения наказания в подобных случаях мы должны руководствоваться санкцией той части статьи, которая предусматривает более строгое наказание. Поэтому, когда лицо умышленно причинило тяжкий вред здоровью с особой жестокостью (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ), двум и более лицам (п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ) применить конфискацию имущества было невозможно.

В этой связи изменение ст. 111 УК РФ представляется вполне оправданным. Аналогичная ситуация возникает и при применении конфискации за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 126 УК РФ. Однако она так и осталась неразрешенной.

Законодатель внес в перечень конфискационных преступлений новые статьи: ч. 2 ст. 141, ст. 141.1, ч. 2 ст. 142 УК РФ. В них фигурирует имущество, используемое для подкупа или незаконно передаваемое субъектам избирательной кампании. Вполне логично, что указанные ценности не следует возвращать виновным, после того как они были использованы ими для совершения преступления.

Появление в перечне ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» вызывает недоумение. Что подлежит конфискации, если лицо собирало сведения (ч. 1 данной статьи) или разгласило сведения, составляющие коммерческую тайну (ч. 2 указанной статьи)? И только ч. 3 ст. 183 УК РФ предусматривает совершение преступления из корыстной заинтересованности и дает возможность конфисковывать имущество.

В перечень внесена ст. 295 УК РФ «Посагательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование». Отсутствие в перечне конфискационных преступлений данной статьи и наличие в нем ч. 2 ст. 105 УК РФ нарушало

принцип справедливости. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Таким образом, в отличие от посягательства на жизнь лица в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), применить конфискацию имущества за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, было невозможно. В настоящее время данная проблема решена. Однако решение оказалось половинчатым, так как в УК РФ присутствует еще целый ряд аналогичных специальных норм: ст. 277 «Посагательство на жизнь государственного или общественного деятеля», ст. 317 «Посагательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», ст. 357 «Геноцид», – предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь, но по ним конфисковывать имущество по-прежнему нельзя.

В перечень конфискационных преступлений, содержащихся в УК РФ, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 280 внес также ст. 307 «Заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», 308 «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо неправильному переводу». По нашему мнению, данное решение законодателя является не совсем правильным, поскольку неясно, какое имущество, деньги и т. п. можно конфисковывать при совершении этих преступлений. Законодатель отметил, что эти статьи вносятся в УК РФ в связи с ратификацией Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (Рос. газ. 2008. 30 дек.). Однако данный Закон определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом сво-

его должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Исходя из указанного определения в перечень конфискационных преступлений должны были бы войти, например, ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями», специальная норма ст. 202 УК РФ «Злоупотребление правомочиями частными нотариусами и аудиторами», ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», ст. 291 УК РФ «Дача взятки», ст. 292 УК РФ «Служебный подлог», ст. 304 УК РФ «Провокация взятки либо коммерческого подкупа», ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», а не ст. 307–309 УК РФ.

Кроме того, изменения коснулись редакции ст. 188 УК РФ «Контрабанда» в перечне ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Теперь конфискации подлежат деньги, ценности и иное имущество, являющееся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответственность за которое установлена ст. 188 УК РФ.

Против включения в число конфискационных деяний контрабанды выступает П. С. Яни. Он не разделяет точку зрения, согласно которой при незаконном ввозе контрабандных товаров на территорию России такие товары следует признать преступно приобретенными: «Это соображение, конечно, неправильно. Если товар куплен за границей, то он получен покупателем правомерно, и последующее перемещение товара через таможенную границу не превратит товар в преступно приобретенный, какие бы нарушения при перемещении не допускались» (Яни П. С. Указ. соч. С. 32). Вместе с тем автор допускает, что при контрабанде лицо, перемещающее товар, вполне может действовать за вознаграждение, а таковое будет подлежать конфискации.

Новая редакция ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, закрепившая возможность конфисковывать имущество, «являющееся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответст-

венность за которое установлена статьей 188 УК РФ», позволяет теперь конфисковывать предметы, принадлежащие лицу на законных основаниях (например, купленные за границей товары), но ввезенные в Россию помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием.

Изменения, внесенные в перечень конфискационных преступлений, так и не позволяют ответить на следующие вопросы: что объединяет преступления, за которые возможна конфискация имущества; каковы критерии отбора этих статей; почему при совершении именно этих преступлений возможна конфискация имущества, а при совершении других преступлений – нет?

Конфискация имущества как вид наказания в УК РФ (ст. 52) была предусмотрена только за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений. Действующий перечень преступлений, по которым возможна конфискация имущества, включает в себя преступления всех четырех категорий. Например, ч. 2 ст. 105 УК РФ относится к особо тяжким преступлениям, ч. 2 ст. 111 УК РФ – к тяжким, ч. 1 ст. 127.1 УК РФ – к преступлениям средней тяжести, ч. 1 и 2 ст. 146 УК РФ – к преступлениям небольшой тяжести.

Преступления, содержащиеся в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, расположены в разных главах УК РФ, имеют разные родовые и видовые объекты. Они посягают: на жизнь и здоровье, свободу, конституционные права личности, собственность, экономическую деятельность, интересы службы в коммерческих и иных организациях, общественную безопасность, здоровье населения и общественную нравственность, основы конституционного строя и безопасность государства, интересы государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, мир и безопасность человечества.

Указанные преступления имеют разные мотивы и цели совершения преступления. В семи статьях, перечисленных в ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, корыстный мотив является конструктивным признаком состава, в

пяти – квалифицирующим признаком состава. Наибольшее число статей, по которым возможна конфискация имущества, либо предусматривают корыстный мотив только как факультативный признак состава, либо вообще эти преступления трудно отнести к корыстным.

Не объединяет их и процессуальный критерий: расследование по преступлениям, входящим в перечень ст. 104.1 УК РФ, проводится также в форме предварительного следствия (например в форме дознания).

В соответствии со ст. 150, 151 УПК РФ предварительное расследование по делам, по которым возможно применение конфискации, производится как в форме предварительного следствия (например, ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 126, ст. 127.1 УК РФ), так и в форме дознания (например, ч. 1 ст. 188, ч. 1 и 4 ст. 222, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 232 УК РФ).

По нашему мнению, данные преступления объединяет только одно – они все умышленные.

Очевидно, что при включении в перечень таких преступлений, как террористический акт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, законодатель руководствовался требованиями ратифицированных Россией международных соглашений.

Так, Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права, состоящему в добросовестном выполнении международных обязательств.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расши-

рению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне.

Россия ратифицировала ряд международных конвенций, содержащих положения о конфискации. Так, в ст. 8 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 10 января 2000 г. закреплено положение о том, что «каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права надлежащие меры для конфискации средств, которые использовались или были выделены для целей совершения преступлений, указанных в статье 2, и поступлений, полученных в результате таких преступлений» (Бюл. междунар. договоров. 2003. № 5).

В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» передача компетентным органам иностранного государства информации, связанной с выявлением, изъятием и конфискацией доходов, полученных преступным путем, осуществляется в том случае, если она не наносит ущерба интересам национальной безопасности Российской Федерации и может позволить компетентным органам этого государства начать расследование или сформулировать запрос.

Статья 11 данного Закона устанавливает положение, согласно которому в Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации признаются и исполняются вынесенные судами иностранных государств и вступившие в законную силу приговоры (решения) о конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем, или эквивалентного им имущества.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ в ст. 24 «Ответственность организаций за причастность к терроризму» устанавливает, что оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество организации, ликвидируемой по основаниям, предусмотренным данной статьей, подлежит конфискации и обращению в доход государства в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Решение о конфискации указанного имущества и его обращении в доход государства выносится судом одновременно с решением о ликвидации организации.

Согласно ст. 2 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. конфискация представляет собой окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа. В соответствии со ст. 31 указанного документа каждое государство-участник принимает в максимально возможной в рамках его внутренней правовой системы степени такие меры, какие могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации: «а) доходов от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; б) имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией».

Однако законодатель «забыл» включить в этот перечень преступления, сопряженные с терроризмом (преступления террористической направленности), такие как: ст. 211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава», ст. 221 УК РФ «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ», ст. 226 «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или

иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» (по некоторым из этих преступлений имеются ратифицированные международные правовые акты, по ним Россия обязана применять конфискацию имущества к виновным лицам).

С нашей точки зрения, необходимо исключить из УК РФ перечень статей, по которым возможна конфискация имущества, и предусмотреть конфискацию имущества только за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных из корыстных побуждений (возвратившись к редакции ст. 52 УК РФ).

Конфискация имущества является достаточно суровой мерой и ее применение за преступления небольшой и средней тяжести нарушает принцип справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. При применении конфискации за преступления небольшой тяжести иная мера будет гораздо тяжелее, чем основное наказание. Например, ч. 1 ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» предусматривает наказание в виде штрафа. Общеизвестно, что штраф – это самый мягкий вид наказания, существующий в уголовном законодательстве. Так, к самой мягкой мере наказания прибавляется более жесткая иная мера – конфискация имущества. Кроме того, включение в уголовное законодательство новых статей каждый раз будет требовать проработки вопроса о том, нужна ли при их совершении конфискация имущества. Если ответ на него будет положительным, то одновременно необходимо будет вносить изменения и в перечень статей, предусмотренный в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Многие уголовные кодексы зарубежных стран (Австрия, ФРГ, Испания, Швейцария, Швеция, Польша, Болгария) не дают закрытого перечня статей, по которым возможна конфискация.

В свою очередь, конфискацию орудий, оборудования или иных средств соверше-

ния преступления (вне зависимости от того, принадлежат ли они обвиняемому или нет) нужно предусмотреть при совершении любого преступления.

Следующее нововведение коснулось п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В первоначальной редакции этот пункт предусматривал возможность конфискации «денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы». Неопределенность формулировки данного пункта породила споры о том, распространяется ли это положения на все статьи Особенной части, либо только на перечень преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 299 ; Назаренко Г. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III рос. конгресса уголов. права. М., 2008. С. 83–85). В настоящее время данный спор получил свое разрешение. Так, конфискация выше-названных предметов возможна только при совершении преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Последнее изменение относится к редакции ст. 104.3 УК РФ «Возмещение причиненного ущерба». В части первой и второй слово «ущерб» заменено словом «вред».

В уголовном законодательстве при конструировании статей употребляются оба понятия. Термин «вред» в большинстве статей связывается со здоровьем человека. Исключение составляют, например, ст. 163, 179, 201, 202, 274, 330, в которых ответственность предусмотрена за причинение существенного вреда правам или законным интересам потерпевшего или его близких; ст. 234, предусматривающая иной существенный вред; ст. 340 и 341, в которых ответственность наступает в случае причинения вреда. Во всех указанных преступлениях понятие вреда оценочно и в законе не формализовано. В каждом конкретном случае существенный вред или нет определяется с учетом всех обстоятельств дела.

Понятие «ущерб» в одних статьях имеет четко закрепленную денежную сумму, в других тоже носит оценочный характер.

Вред и ущерб чаще всего рассматриваются в качестве синонимов. Вред подразделяется на имущественный и неимущественный, ущерб – причиненный имуществу (имущественный) и личности (повреждение здоровья, моральный вред).

Статья 42 УПК РФ признает потерпевшим физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Представляется, что раз УПК РФ закрепил положение о том, что потерпевшему причиняется вред, а не ущерб, следовательно, вред и должен возмещаться при решении вопроса о конфискации.

Проведенный анализ изменений и дополнений, внесенных в положения уголовного закона о конфискации, показывает, что предложенная в уголовном законе нормативно-правовая модель конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера продолжает оставаться недостаточно теоретически разработанной и по целому ряду позиций не полностью соответствует запросам практики.

Библиографический список

1. Волженкин, Б. В. Загадки конфискации / Б. В. Волженкин // Уголовное право: Стратегия развития в 21 веке : материалы 4-й международ. науч.-практ. конф. – М., 2007.
2. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М., 2009.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» : федер. закон : [от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ] // Рос. газ. – 2008. – 30 дек.
4. Пунигов, А. С. Иные меры уголовно-правового характера (понятие, виды, общая характеристика) / А. С. Пунигов. – Владимир, 2007.

В. Н. Рабчук,
*аспирант кафедры теории
государства и права Московского
гуманитарно-экономического института*

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Ключевые слова:
терроризм, насилие, жертва, сопротивление

В настоящее время для всего мирового сообщества терроризм является жестокой реальностью, поэтому представляется необходимым рассмотреть его современные тенденции.

Становится все более очевидным, что основная из них состоит в повышении опасности терроризма и выражается в темпах роста, уровне организованности, материально-техническом и финансовом обеспечении, транснациональном масштабе террористической деятельности, степени тяжести последствий, расширении его социальной базы, характере и объеме целей.

По уровню организованности терроризм в истекшее столетие развивался от террористов-одиночек до создания террористических групп, крупных организаций, политических террористических формирований левого, ультраправого, националистического и религиозного толка, транснациональных террористических объединений типа «Аль-Кайда».

По материально-техническому и финансовому обеспечению развитие терроризма идет от применения холодного и огнестрельного оружия до колоссальных взрывов и средств массового поражения (химических, биологических, ядерных) при помощи мировых центров финансирования террористических акций.

По национальным и транснациональным масштабам своей деятельности терроризм «движется» от единичного места преступления – места совершения террористического акта – до охвата целых городов, стран, регионов организованной и систематической террористической деятельностью.

По степени тяжести наступивших последствий, числу человеческих жертв тенденция устрашающая: от убийств отдельных ненавистных террористам политических или государственных деятелей до уничтожения тысяч и десятков тысяч ни в чем неповинных людей с преследованием политических це-

лей. Темпы увеличения человеческих жертв в среднем на порядок опережают темпы прироста самих террористических актов.

По характеру и объему целей терроризм изменялся от убийства отдельных лиц до свержения легитимных властей, разрушения государств и фактического уничтожения целых народов.

Социальная база террористов, как показывает практика, постоянно расширяется. К ним присоединяются не только отдельные организации, политические, националистические и религиозные объединения, а целые народы (нередко обманутые) или их значительные слои.

Все эти тенденции свидетельствуют о превращении терроризма в фактор глобального значения, с которым приходится считаться как любому национальному правительству в своей внутренней и внешней политике, так и мировому сообществу в целом.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (Рос. газ. 2006. 6 марта) терроризм представляет собой идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Однако в указанной норме отсутствуют признаки, позволяющие в полном объеме характеризовать терроризм и террористическую деятельность как социальное явление и состав преступления для определения организационных и правовых мер противодействия терроризму и борьбы с террористами. К их числу можно отнести следующие:

- 1) *организация лиц,*
- 2) *объединенных определенной идеологией,*
- 3) *преследующая политические цели по захвату или удержанию государственной власти для выполнения конкретных политических требований,*
- 4) *предполагающая для их достижения применение насилия или угрозы насилия.*

На основе научных разработок и международного опыта противодействия терроризму представляется возможным предложить следующее обобщающее определение собственно терроризма как явления, выраженного в деянии.

Терроризм – это социальное явление, характеризующееся наличием организации с определенной идеологией, в соответствии с которой формируются политические цели по захвату или удержанию государственной власти от выполнения конкретных политических требований, достижение которых предполагает насилие.

Предложенное определение включает все рассмотренные выше признаки терроризма в их органическом единстве, и, по нашему мнению, отсутствие хотя бы одного из них в характеристике того или иного террористического действия будет свидетельствовать об отсутствии терроризма как такового в собственном смысле этого понятия, хотя бы это деяние по многим показателям и было сходно с терроризмом.

Генетически близок к терроризму, но все же не совпадает с ним террористический акт. Во многих случаях их соотношение нередко представляется как часть и целое, в особенности когда дело касается реально совершенных насильственных актов, поскольку для признания деяния террористическим актом не обязательно, чтобы оно было совершено общественно опасным способом, угрожавшим причинением вреда неограниченному кругу лиц или наступлением иных тяжких последствий. Получается, что для террористического акта обязательными являются все признаки терроризма, за исключением первого – создания общей опасности, хотя и его присутствие не исключается. Однако террористический акт не преследует политические цели по захвату или удержанию государственной власти от выполнения конкретных политических требований.

На основе анализа правоприменительной практики, а также международного опыта можно утверждать, что терроризм как социально опасное явление во всех формах его проявления имеет свои особенности и целый ряд источников:

1) социальное расслоение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, а также неравномерность социально-экономического развития страны;

2) обусловленное этим расслоением экономическое неравенство;

3) отвлечение от политической деятельности (в силу социально-экономического неравенства) большинства населения страны при всех демократических лозунгах;

4) национально-психологические особенности, влияющие на проявление террористической деятельности;

5) религиозные особенности, проявляющиеся в идеологическом обосновании терроризма (религиозные войны в Европе, ваххабизм, исламизм и т. д.).

Особенностью терроризма в современной России является его основательная вооруженность вплоть до оснащения новейшими видами оружия. Ослабление вооруженных сил, системы правоохранительных органов и спецслужб, сложные социальные процессы в армии по существу открыли военные арсеналы как для уголовных элементов, так и особенно для представителей политического экстремизма. Более того, крупные финансовые средства, которыми располагают политические радикалы, сторонники крайних форм и методов политической борьбы, позволяют оснащать террористов-боевиков передовым техническим оборудованием, экипировкой, не только не уступающей, но и нередко более совершенной, чем у противников терроризма.

Наличие территорий, находящихся под контролем сил политического экстремизма, неспособность органов правопорядка и спецслужб повсеместно контролировать ситуацию привели к тому, что подготовка боевиков, используемых в террористических акциях, проводится на специальных базах с участием опытных инструкторов, в том числе иностранных.

Необходимо отметить, что российский политический терроризм все в большей мере принимает интернациональный характер, выражающийся не только в координации действий с зарубежными террористическими группами или организациями политического экстремизма, но и в непосредственном участии иностранных граждан в террористической деятельности на территории России. Об этом однозначно свидетельствуют события на Северном Кавказе, в частности, в Чечне.

В деятельности наиболее жестоких, особенно этнических, организаций политического экстремизма прослеживается стремление вынести террор за пределы своей местности, сделать его нормой, по крайней мере в регионе, с тем чтобы создать единый фронт в борьбе с государственной властью. Именно такие действия были харак-

терны для группы Радугева в Кизляре. Явно просматривалась задача сделать Дагестан и другие республики в этом регионе еще одним очагом терроризма, развязать террористическую деятельность на Северном Кавказе в целом (Гончаров С. А. Особенности терроризма в России // Актуальные проблемы Европы. М., 1997. Вып. 4. Проблемы терроризма. С. 181–189).

Только всесторонний учет данных факторов позволяет сформулировать меры противодействия терроризму как социальному явлению, снижая уровень социальной напряженности населения в сфере социально-экономических и национально-религиозных отношений.

Однако терроризм как социальное явление реализуется в деятельности определенных организаций и лиц, в отношении которых необходимо создание специальных органов и конкретных мер борьбы с ними. И это должно быть отражено в первую очередь в национальном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также в международном праве, поскольку современный терроризм приобрел международный характер. Для осуществления эффективной борьбы с террористами необходимо конкретизировать состав преступления «Терроризм» по уголовному законодательству Российской Федерации, так как противодействие терроризму как социальному явлению должно носить системный и комплексный характер. В то же время противодействие данному явлению предполагает и борьбу с террористами уголовно-правовыми мерами.

О. Р. Рузевич,

ассистент кафедры уголовного права и процесса факультета права и психологии Владимирского государственного университета

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПУТЕМ УГРОЗЫ (СУДЕБНАЯ ПЕНАЛИЗАЦИЯ)

Ключевые слова:

пенализация, назначение наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, дифференциация ответственности.

В юридической литературе обоснованно подчеркивается, что «практический эффект

С терроризмом как социально опасным явлением невозможно и главное бесполезно бороться карательными средствами, а необходимы организационно-правовые меры предупреждения и профилактики. Для их выработки следует выявить причины терроризма как социального явления, которые коренятся в экономических и социальных условиях и проявляются в борьбе за идеи справедливости, равноправия с учетом религиозных, этнических и национальных особенностей. В этом заключается необходимость комплексного подхода к выявлению причин терроризма и разработки мер противодействия этому социальному явлению. И в этом нет и не может быть общих рекомендаций, они должны быть конкретными. Терроризм как социальное явление имеет определенную структуру (организацию), и его следует рассматривать как систему, а противодействие ему должно носить комплексный характер.

Библиографический список

1. Алимов, К. Н. Современные проблемы терроризма / К. Н. Алимов. – М., 1999.
2. Воронцов, С. А. Правоохранительные органы. Спецслужбы: история и современность / С. А. Воронцов. – Ростов н/Д, 2001.
3. Ляхов, Е. Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии / Е. Г. Ляхов. – М., 1987.
4. Моджорян, Л. А. Терроризм: правда и вымысел / Л. А. Моджорян. – М., 1986.
5. Устинов, В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика / В. В. Устинов. – М., 2002.

уголовного законодательства проявляется прежде всего в назначенном наказании лицу, виновному в совершении преступления» (Хамитов Р. Н. Специальные правила назначения наказания. Казань, 2001. С. 9). Кроме того, судебную пенализацию необходимо учитывать при легальной пенализации преступлений против собственности, совершаемых путем угрозы. Невозможно конструировать хоть сколько-нибудь обоснованные санкции, игнорируя фактическую их наказуемость, отражающую на практике общественную опасность преступления и личности виновного. В противном случае может образоваться расхождение между ее законодательной и судебной оценкой. Су-

дебная практика будет вынуждена прибегать к исключительным механизмам уголовного права, корректировать законодательные установления, приспособливая их к складывающимся реалиям. Она будет подавать «сигналы, которые указывают на несогласованность, формальное противоречие между отдельными правовыми предписаниями» (Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975. С. 115).

Назначение наказания регулируется нормами гл. 10 УК РФ, среди которых особое место занимают общие начала назначения наказания, предусмотренные ст. 60 УК РФ. Понятие последних, их количество и содержание в теории уголовного права относятся к числу спорных, причем дискуссия ведется учеными и в настоящее время (Напр.: Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980 ; Гаверов Г. С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976 ; Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007 ; Ткаченко В. И. Общие начала назначения наказания. М., 1984 и др.).

Практическое значение имеет круг общих начал назначения наказания, который учеными формируется по-разному, в литературе выделяются от двух до шести таких начал (Кругликов Л. Л. О круге общих начал назначения наказания // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2008. Вып. 3. С. 3). На наш взгляд, исходя из содержания ст. 60 УК РФ можно говорить о следующих требованиях, на основе которых необходимо определять наказание по каждому уголовному делу: а) соблюдение законодательных границ санкции уголовно-правовой нормы; б) учет положений Общей части УК РФ, относящихся к видам наказаний и правилам назначения наказания (например, назначение наказания при наличии смягчающих или отягчающих обстоятельств, вердикте присяжных заседателей, неоконченном преступлении и т. д.); в) учет характера и степени опасности преступления, личности виновного, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчаю-

щих наказание. Последние требования выступают критериями назначения наказания (Кругликов Л. Л. О круге общих начал назначения наказания. С. 13).

В правовой литературе обоснованно отмечается, что «учет характера общественной опасности преступления не имеет самостоятельного значения при назначении наказания, что, разумеется, исключает его из числа общих начал» (Благов Е. В. Назначение наказания. Ярославль, 2002. С. 12).

Пленум Верховного Суда РФ принимал попытки выделить признаки характера общественной опасности, которые необходимо учитывать при назначении наказания. Так, согласно п. 1 его постановления от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» «характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ)...» (Судебная практика по уголовным делам / сост. Г. А. Есаков. М., 2005. С. 140).

На наш взгляд, подобное разъяснение не выдерживает критики. Во-первых, как уже указывалось, характер опасности отражает типовую опасность определенного вида преступлений, следовательно, в рамках одного вида преступлений он не отличает одно преступление от другого, его учет не может повлиять на снижение или увеличение размера (срока) наказания за конкретно совершенное деяние. Во-вторых, произошла подмена определяемого и определяющего обстоятельств. Категории преступлений, на которые дается ссылка в указанном постановлении, сами приведены исходя из характера и степени общественной опасности деяния (ч. 1 ст. 15 УК РФ). В-третьих, характер общественной опасности учитывается на более ранней стадии – легальной пенализации. В-четвертых, коль скоро речь идет об установлении данного критерия судом, то, следовательно, он относится к обстоятельствам конкретного преступления, что противоречит самой сути характера опасности.

В связи с этим ошибочным представляется утверждение о том, что характер общественной опасности преступления в ка-

ждом случае обусловлен конкретными обстоятельствами дела (Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова. М., 1998. С. 375).

Заслуживает внимания в этой части формулировка общих начал назначения наказания, содержащаяся в ст. 65 УК Украины, в которой говорится об учете степени тяжести совершенного преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» уже отсутствует разъяснение данного признака, а лишь указывается (п. 1), что «справедливость назначенного подсудимому наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления...» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 4).

Необходимой предпосылкой правильного применения общих начал назначения наказания выступает юридическая оценка деяния. Ошибка в квалификации влечет наказание, не отражающее в первую очередь характер и степень общественной опасности (Об учете общественной опасности при применении общих начал назначения наказания: Николаева Т. В. Уголовно-правовое значение признака общественной опасности преступного деяния при назначении наказания // Наказание: вопросы теории и практики : материалы межрегион. науч. конф. / под ред. М. Ф. Костюка. Уфа, 2006. С. 106). Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечено: «Неприменение уголовного закона, подлежащего применению, повлекло за собой вынесение несправедливого приговора...» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2006. № 9. С. 7).

В качестве примера можно привести следующий. Приговором суда Ч. признан виновным в разбойном нападении и грабеже. Преступления совершены при следующих обстоятельствах.

Девятого ноября 2004 г. Ч. и Б., следуя на автомобиле ВАЗ-21099 по ул. Нахимова г. Химки Московской обл., не выходя из машины, вырвали из рук Б-ой сумку с находившимся в ней имуществом на сумму 32200 руб.

Двадцать второго ноября 2004 г. Ч., Ч-ов, Б. подъехали к В. Ч. остался за рулем

в машине, а Б. и Ч-ов подбежали к потерпевшей, нанесли ей множественные удары руками и ногами по голове и другим частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести. После этого, похитив принадлежащее В. имущество на сумму 31550 руб., с места совершения преступления скрылись на автомашине Ч.

В надзорной жалобе Ч. ставится вопрос о необоснованности его осуждения по ч. 2 ст. 162 УК РФ и необходимости переквалификации его действий по эпизоду от 9 ноября 2004 г. с ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ в связи с внесенными в приговор изменениями в отношении осужденного Б.

Постановлением президиума Московского областного суда приговор и кассационное определение в отношении Ч. были отменены, дело прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ за его непричастностью к совершению данного преступления. Поэтому квалифицирующий признак группы лиц по предварительному сговору подлежит исключению, а действия Ч. по этому эпизоду – переквалификации с п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества.

В отношении потерпевшей В. по эпизоду от 22 ноября 2004 г. действия Ч. квалифицированы как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору.

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что насилия к потерпевшей осужденный не применял, данных о том, что был осведомлен о намерении Б. и Ч-ова применить к потерпевшей опасное для жизни и здоровья насилие, в приговоре не приведено.

При таких обстоятельствах действия Ч. подлежат переквалификации с ч. 2 ст. 162 УК РФ на п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору. В связи с этим наказание указанному лицу снижено (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 окт. 2008 г. № 4-Д08-18. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Другой пример. П. признан виновным и осужден за совершение разбойных нападений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что

постановление Соликамского городского суда и постановление президиума Пермского краевого суда подлежат изменению.

В соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ квалифицирующий признак разбойного нападения «неоднократность» из УК РФ был исключен. Переквалифицировав действия П., президиум Пермского краевого суда данный признак из приговора не исключил, не указал этого в своем постановлении и Соликамский городской суд.

В связи с тем, что квалифицирующий признак разбойного наказания «неоднократность» подлежит исключению из судебных решений, имеются основания и для снижения П. меры наказания (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 окт. 2008 г. № 44-Д08-19. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

По мнению М. Н. Становского, «...ошибки, связанные с неправильной квалификацией преступлений, могут относиться к различным элементам состава преступления и к тем или другим формам преступной деятельности, например соучастию, стадиям преступления. Эти ошибки в большей степени являются следствием недостаточного уяснения... сущности конкретного состава преступления, роли виновного в совершении преступного деяния...» (Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 145).

Согласно данным кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ в 2007 г. от общего числа отмененных и измененных приговоров в связи с неправильным применением уголовного закона отменены 25,6 % приговоров, из-за несоответствия назначенного по приговору наказания тяжести совершенного преступления, личности осужденного – 31,9 % (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 9).

Суды не всегда правильно применяют правила об обратной силе уголовного закона. Исходя из ст. 10 УК РФ, при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом суд должен в полном объеме применить положения, смягчающие ответст-

венность осужденного, а наказание ему назначить с учетом требований ст. 60 УК РФ.

Так, Шекснинский районный суд в числе других изменений переквалифицировал действия осужденного П. с п. «б» ч. 2 ст. 162 УК РФ, предусматривающего преступление, относящееся к категории особо тяжких, на ч. 1 ст. 162 УК РФ, предусматривающую ответственность за тяжкое преступление. Однако при назначении наказания данное обстоятельство практически оставил без изменения, несмотря на существенную разницу в характере и степени общественной опасности содеянного между этими нормами уголовного закона и существенное различие между верхним и нижним пределами санкций указанных норм уголовного закона, что свидетельствует о нарушении судом принципа справедливости.

Президиум Вологодского областного суда не только не вмешался в постановление районного суда, но, исключив осуждение П. по одному из преступлений, лишь формально снизил ему наказание на 2 месяца. В связи с этим Судебная коллегия Верховного Суда РФ смягчила ему наказание как по ч. 1 ст. 162 УК РФ, так и наказание, назначенное по совокупности преступлений (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 18 сент. 2008 г. № 2-Д08-12. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

По другому делу, признав действия Д. разбоем, суд назначил ему наказание в виде 7 лет лишения свободы со штрафом в размере 5000 руб. Между тем на момент совершения преступления ст. 162 УК РФ действовала в редакции от 13 июня 1996 г., ее санкция не предусматривала такой вид дополнительного наказания, как штраф. В связи с этим приговор Ленинского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда и постановление президиума Краснодарского краевого суда изменены, назначение дополнительного наказания в виде штрафа признано незаконным (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 6 нояб. 2008 г. № 18-Д08-115. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 8 декабря 2003 г.

№ 169-ФЗ в ст. 18 УК РФ, при признании рецидива преступлений судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, не учитываются. Однако суды не всегда принимают во внимание данные изменения.

В соответствии с ч. 5 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений влечет более строгое наказание в пределах, предусмотренных УК РФ.

Пример. В действиях М. в связи с изменениями, внесенными в уголовный закон, отсутствует рецидив преступлений, поэтому нет и оснований для назначения ему наказания по правилам ст. 68 УК РФ.

Данное обстоятельство не получило надлежащей оценки при рассмотрении дела в суде, при приведении приговора в соответствие с изменениями, внесенными в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ. В связи с этим Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и постановление Октябрьского районного суда г. Владимира изменила, исключив указание о признании рецидива преступлений отягчающим наказание обстоятельством; наказание М. было смягчено (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 нояб. 2008 г. № 86-Д08-23. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 окт. 2008 г. № 50-Д08-15. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Выше указывалось, что в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за деяния, осуждение за которые было условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Пример. Как видно из материалов уголовного дела, условное осуждение В. по первому приговору не отменялось, в места лишения свободы для отбывания наказания он не направлялся, поэтому в его действиях нет рецидива преступлений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, исключив из приговора указание о наличии в действиях осужденного рецидива преступлений и об определении наказа-

ния по правилам ч. 2 ст. 68 УК РФ, назначенное наказание соответствующим образом снизило (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 сент. 2008 г. № 44-Д08-14. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Аналогичная, по сути, ошибка была допущена судом по делу Ш. Первый раз он осужден условно с испытательным сроком 1 год. Условное осуждение по этому приговору не отменялось, поэтому указанная судимость не может учитываться при признании рецидива преступлений.

Второй раз Ш. осужден за совершение преступлений, отнесенных законом к категории средней тяжести и тяжких, третий раз – за совершение тяжкого преступления. При таких обстоятельствах в соответствии с п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ в действиях виновного имеется не особо опасный, а опасный рецидив преступлений.

Таким образом, наказание назначено Ш., во-первых, при ошибочном признании в его действиях особо опасного рецидива, во-вторых, по правилам ч. 2 ст. 68 УК РФ в старой редакции, хотя ее новая редакция улучшает положение осужденного (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 сент. 2008 г. № 50-Д08-12. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 сент. 2008 г. № 86-Д08-9. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Другой пример. Приговором Калининского районного суда Тверской области от 7 августа 2002 г. К. осужден за грабеж по пп. «а», «б», «в», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 4 годам 8 месяцам лишения свободы, а на основании ст. 70 УК РФ – к 5 годам лишения свободы.

Постановлением судьи Ковровского городского суда Владимирской области приговор изменен, действия виновного переквалифицированы на соответствующие пункты ч. 2 ст. 161 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ), наказание же при этом оставлено прежним.

В надзорной жалобе осужденный просил снизить срок наказания в связи с перекалфикацией его действий на закон, предусматривающий более мягкое наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что факта совершения грабежа в крупном размере приговором в отношении К. не установлено. Сумма хищения (3000 руб.) также не подпадает под признаки хищения в крупном размере, предусмотренные примеч. 4 к ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ).

Таким образом, квалификация действий К. по п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ) является неправильной, в связи с чем подлежит исключению из постановления судьи. Учитывая уменьшение степени общественной опасности совершенного преступления, назначенное за это преступление наказание, а также наказание, определенное по совокупности преступлений, подлежат смягчению (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 нояб. 2008 г. № 86-Д08-32. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В некоторых случаях кассационные и надзорные инстанции ухудшают положение осужденного. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила постановление президиума Красноярского краевого суда. Последний, приводя приговоры в отношении Р. в соответствии с действующим законодательством, переквалифицировав действия осужденного и смягчив назначенное наказание до 22 лет 10 месяцев лишения свободы, не учел, что постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 17 января 2007 г. были внесены изменения в приговор Красноярского краевого суда и назначенное наказание было смягчено до 20 лет лишения свободы (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 сент. 2008 г. № 53-Д08-26. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Другой пример. Постановлением президиума Мурманского областного суда приговор и кассационное определение в отношении Т. изменены: назначенное по ч. 2 ст. 161 УК РФ наказание смягчено до 3 лет 6 месяцев лишения свободы. На основании ч. 5 ст. 69 УК РФ с учетом наказания, назначенного по другому приговору, постановлено считать Т. осужденным к 7 годам 6 месяцам лишения свободы.

Постановление президиума Мурманского областного суда Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ изменено по следующим основаниям.

Смягчив Т. наказание за одно из входящих в совокупность преступлений, суд надзорной инстанции оставил без изменения назначенное осужденному окончательное наказание, что является нарушением положений ст. 6 УК РФ. Обосновывая принятое решение, президиум Мурманского областного суда указал, что он отвечает требованиям справедливости, учитывает характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, личность виновного, влияние назначенного наказания на исправление осужденного. Судебная коллегия, не согласившись с приведенными мотивами, обратила внимание на их неконкретность. Таким образом, допущено неправильное применение уголовного закона, повлекшее вынесение несправедливого наказания (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 июля 2008 г. № 34-Д08-7. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Аналогичная ошибка была допущена по делу Р., признанного виновным в совершении разбойных нападений и грабежа.

Изменяя судебные решения в отношении осужденного, президиум Оренбургского областного суда квалифицировал все совершенные им разбойные нападения по ч. 2 ст. 162 УК РФ и назначил по ней одно наказание в виде 5 лет лишения свободы; окончательное же наказание по совокупности преступлений оставил без изменения, хотя оно было назначено по совокупности трех преступлений.

Кроме того, президиум Оренбургского областного суда при назначении Р. окончательного наказания по совокупности преступлений указал на назначение его путем частичного сложения наказаний, а фактически применил принцип полного сложения наказаний, чем ухудшил положение осужденного.

При таких обстоятельствах судебные решения подлежали изменению, а назначенное осужденному наказание – снижению (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 окт. 2008 г. № 34-Д08-11. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Одним из критериев назначения наказания за преступления против собственности, совершаемые путем угрозы, выступает учет данных о личности. Вопрос о понятии личности преступника в литературе относится к числу дискуссионных. Одни авторы вообще отрицают ее научную обоснованность и практическое значение (напр.: Карпец И. И. Проблемы преступности. М., 1969); другие допускают «лишь применительно к тем случаям, в отношении которых исследование установит решающую либо весьма внушительную роль личностных особенностей» (Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 101) или к «весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступлений стало основной... деятельностью» (Резник Г. М. Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопр. борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 31. С. 29) и др. Большинство же ученых признают необходимость выделения общего понятия личности преступника, но проявляют при этом различные подходы при выработке определения (Чучаев А. И. Личность преступника и вопросы наказания. М., 1990). В настоящее время данное понятие употребляется и в уголовном законодательстве.

Общественная опасность личности виновного¹, о которой говорится в ст. 60 УК РФ, – это особое, интегрирующее свойство личности, отличающее преступника как социального типа². С этим утверждением в последнее время согласны практически аб-

¹ Некоторые ученые полагали, что свойством общественной опасности обладают далеко не все преступники. Например, В. Г. Смирнов наделял этим свойством лишь лиц, совершающих наиболее тяжкие преступления, и лиц, действия которых образуют особо опасный рецидив преступлений (Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 124–126).

² Наряду с общественной опасностью в числе признаков личности преступника выделяются: а) совесть (Стручков Н. А. Проблема личности преступника. М., 1983; Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985 и др.); б) анти-социальные и асоциальные установки (напр.: Антонян Ю. М. Об «асоциальном» типе преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С. 81); в) дефекты правового сознания (Карпец И. И., Ратинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Сов. государство и право. 1968. № 12. С. 75).

солютное большинство ученых. Вместе с тем относительно критериев ее определения, имеющих значение в том числе для назначения наказания, разброс мнений достаточно велик.

Например, А. Б. Сахаров полагал, что об общественной опасности могут свидетельствовать наличие нравственных дефектов личности (нечестность, жадность, жестокость и др.) вкупе с дефектами правосознания (Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 148). Н. С. Лейкина видела ее в определенном соотношении отрицательных качеств виновного, которые обусловили выбор и осуществление преступного действия, с его положительными свойствами, при этом личность преступника не исчерпывается преступлением (Лейкина Н. С. Влияние личностных особенностей на преступность // Сов. государство и право. 1964. № 1. С. 103). По мнению Ю. Манаева, общественная опасность личности преступника полностью определяется совершаемым им преступлением (Манаев Ю. Уголовно-правовое содержание обстоятельств, характеризующих личность виновного // Сов. юстиция. 1966. № 4. С. 12). Нетрудно заметить, что в данном случае общественная опасность личности преступника полностью растворяется в общественной опасности преступления. Между тем законодатель в ст. 60 УК РФ указал их самостоятельно и сделал это вполне обоснованно.

В современной учебной и научной литературе подчеркивается, что «личность прежде всего характеризуется объективизированным появлением – противоправным деянием. Однако характеристика личности не будет исчерпывающей, если она дается лишь на основе анализа противоправного поведения... Необходимо учитывать широкий круг данных о личности преступника, чтобы обеспечить выполнение требований, вытекающих из ст. 60 УК РФ...» (Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Курс российского уголовного права. М., 2001. Т. 1. Общая часть. С. 386). Вместе с тем главного – что входит в этот круг – авторы, к сожалению, не говорят.

Ряд ученых систематизируют признаки, характеризующие личность виновного. На-

пример, М. Г. Становский выделяет четыре группы: а) физическое состояние лица; б) психическое состояние лица; в) социальный статус лица; г) правовой статус лица (Становский М. Г. Указ. соч. С. 157).

Г. П. Новоселов также говорит о 4 группах признаков, но определяет их иначе:

1) обстоятельства, характеризующие личность виновного в момент совершения преступления и раскрывающие ее внутреннее, психическое отношение к деянию и его последствиям; среди них наиболее значимы вина и прежде всего ее форма и вид, так как по характеру отношения индивида к совершенному деянию и его последствиям можно судить о специфике антисоциальных свойств лица;

2) обстоятельства, имевшие место до совершения преступления; они охватывают данные о личности виновного, которые касаются причин и условий совершенного преступления либо в целом поведения лица в прошлом;

3) обстоятельства, характеризующие поведение лица после совершения преступления;

4) обстоятельства, существующие на момент принятия решения о выборе вида и размера (срока) наказания, учитываемые исходя из принципа гуманности (Уголовное право. Общая часть. С. 380).

По нашему мнению, автор не избежал той же ошибки, за которую он критикует других специалистов: отождествление общественной опасности преступления с общественной опасностью личности. Особенно наглядно это проявляется при характеристике первой группы выделяемых Г. П. Новоселовым обстоятельств. Общественная опасность посягательства, вопреки его утверждениям, характеризует свойство преступления в целом, обуславливается как его объективными, так и субъективными признаками. Вина характеризует преступление, исходя из форм вины осуществляется пенализация деяний. Простое сопоставление санкций ряда норм, предусматривающих ответственность за деяния, отличающиеся между собой формой вины, показывает, что умышленные преступления признаются более опасными. Форма вины положена в основу категоризации преступлений (ст. 15 УК РФ), определения

вида режима лишения свободы (ст. 58 УК РФ) и т. д.

А. Э. Жалинский ограничивает характеристику личности, учитываемую судом при назначении наказания, условием «связи признаков личности с преступлением, их реализации в преступлении» (Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2006. С. 184).

Следует отметить, что такой подход в целом согласуется с определением личности преступника. Например, А. И. Чучаев в дефиниции подчеркивает именно связь свойств личности с совершенным преступлением: «...личность преступника, это личность человека, характеризующаяся относительно устойчивым искажением ценностно-нормативной системы и наличием индивидуальных психологических особенностей, выраженных в сознании и деятельности» (Чучаев А. И. Личность преступника и вопросы наказания. С. 14). Однако неясно, о каких признаках идет речь.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» не определены обстоятельства, подлежащие учету как характеризующие личность виновного; в нем лишь говорится, что в приговоре следует указывать сведения, характеризующие личность подсудимого.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» к сведениям о личности подсудимого, имеющим значение для дела, относятся такие сведения, которые наряду с другими данными могут быть учтены судом при назначении наказания, вида исправительной колонии, признании рецидива преступлений и разрешении других вопросов, связанных с постановлением приговора. Это, в частности, данные об имеющейся у подсудимого инвалидности, наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий, о прежних судимостях. При этом в отношении лиц, ранее судимых, во вводной части приговора должны находиться сведения о времени осуждения, уголовном законе, мере наказания, содержании в местах лишения свободы, основании и време-

ни освобождения, неотбытой части наказания по предыдущему приговору. Если судимости сняты или погашены, суд не вправе указывать их во вводной части приговора (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1996. № 7).

Таким образом, в данном случае в большей степени говорится о функциональном назначении информации, а не о ее круге.

Суды, как правило, ограничиваются общей фразой о том, что при назначении наказания учтены данные о личности виновного. Верховный Суд РФ на данное обстоятельство неоднократно обращал внимание, так как в этом случае непонятно, что конкретно принято судом во внимание (Напр.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1996 год // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1997. № 7).

Возможно, такое отношение суда в какой-то степени объяснимо. Характеристика личности виновного, особенно до совершения им преступления и после него, в приговоре отражается в смягчающих или отягчающих обстоятельствах, которые в ст. 60 УК РФ законодателем выделены в самостоятельный критерий назначения наказания.

Следует заметить, что в правовой литературе личность подсудимого также предлагается оценивать с учетом смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств (Напр.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рапога. М., 2009. С. 350).

О небольшом объеме информации о личности виновного говорят многие специалисты. Например, В. Н. Бурлаков указывал, что в приговоре содержалось не более трех обстоятельств, характеризующих личность, в том числе смягчающие и отягчающие наказание, относящиеся к личности (Бурлаков В. Н. Личность преступника и назначение наказания. Л., 1986. С. 54).

Проведенные нами исследования показали, что в 250 приговорах судов различных субъектов Российской Федерации приводится лишь одна группа обстоятельств, собственно характеризующих личность осужденного, если не принимать во внимание обстоятельства, отнесенные законодателем к числу смягчающих или отягчаю-

щих наказание. Так, по преступлению, предусмотренному п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ они упомянуты в отношении 17 лиц; а ч. 1 ст. 162 УК РФ – 11 осужденных. По делам о других преступлениях рассматриваемой категории в приговорах вообще не содержится характеристика личности виновного.

Данные обстоятельства относятся к социальному статусу виновного и отражают профессию, отношение к труду, занимаемую должность, отношение к учебе, государственному и общественному долгу, поведение на производстве, в быту, семье, соблюдение установленных в обществе правил и дисциплины, моральных принципов и т. д.

Обстоятельства, относящиеся как к личности, так и к совершению деяния, были учтены за преступления, предусмотренные: а) п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ – 105; б) ч. 1 ст. 162 УК РФ – 169; в) ч. 1 ст. 163 – 48; г) п. «в» ч. 2 и ч. 4 ст. 166 УК РФ – по 26 соответственно.

Как отмечалось, наказание назначается с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств (О понятии, содержании и их влиянии на выбор вида и размера (срока) наказания: Арапиди С. Г. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств. Законодательная регламентация и проблема индивидуализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Буранов Г. К. Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России. Ульяновск, 2002 ; Мясников О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002 и др.). При преобладании значения первых из них наказание должно стремиться от медианы к нижнему пределу, а при преобладании значения вторых – к максимуму. Вместе с тем следует заметить, что указанная зависимость не является прямой, подвержена влиянию ряда факторов, в том числе опасности преступления, характеристики личности виновного и др.

Изучение судебной практики показало, что суды, даже установив смягчающие обстоятельства, не всегда учитывают их при определении вида и размера (срока) наказания. Так, явку с повинной Л. и активное содействие раскрытию преступлений суд признал смягчающим обстоятельством

и назначил ему наказание с применением ст. 62 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, переквалифицировала действия виновного на п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ, при этом указанные обстоятельства оставила без внимания и назначила Л. максимальное наказание без учета положений ст. 62 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ исправил допущенную ошибку (Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 нояб. 2008 г. № 325-П08. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»).

Ошибки аналогичного характера имеют место и при оценке отягчающих обстоятельств. В соответствии со ст. 63 УК РФ перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, а их установление имеет существенное значение для правильного решения вопроса об индивидуализации наказания. Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. Совершение лицом преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, законом не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание.

Так, суд учел в качестве обстоятельства, отягчающего наказание М., рецидив преступлений и назначил наказание в соответствии с правилами ст. 68 УК РФ. Однако согласно п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

По первому приговору М. осужден к лишению свободы с применением ст. 73

УК РФ условно, условное осуждение не отменялось.

Таким образом, действия М. не образуют рецидива преступлений, поэтому нет оснований для назначения ему наказания по правилам ч. 2 ст. 68 УК РФ. Данное обстоятельство не получило надлежащей оценки при рассмотрении дела как в суде первой, так и кассационной инстанции, поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила из приговора указание о признании отягчающим наказание М. обстоятельством рецидива преступлений, срок наказания за каждое преступление и по их совокупности смягчила (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 сент. 2008 г. № 86-Д08-13. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»).

Другой пример. При назначении И. наказания Тюменский областной суд в качестве отягчающего обстоятельства учел, что виновный в содеянном не раскаялся. Однако данное обстоятельство не предусмотрено ст. 60 УК РФ, определяющей общие начала назначения наказания, в связи с этим Президиумом Верховного Суда РФ данное обстоятельство было исключено из приговора (Постановление Президиума Верхов. Суда Рос. Федерации от 5 нояб. 2008 г. № 251-П08. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

По изученным делам наказание в виде лишения свободы характеризуется ярко выраженной тенденцией – преобладанием наказания в пределах от медианы санкции до ее нижней границы. Причем в большей степени это присуще наказанию, назначаемому по ч. 1 ст. 162 УК РФ, в меньшей – наказанию по ст. 166 УК РФ.

Суд, назначая наказание, должен учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства в их взаимосвязи.

Вместе с тем в судебной практике это требование выполняется не всегда. В 24 % приговоров по изученным делам содержались сведения либо о смягчающих, либо об отягчающих обстоятельствах.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного

наказания» при назначении наказания суд вправе признать смягчающими наказание любые установленные в судебном заседании обстоятельства, в том числе не предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ (по изученным делам данное правило не применялось).

Явка с повинной в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учитывается в тех случаях, когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщило органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенном им или с его участием преступлении (ст. 142 УПК РФ). Сообщение о преступлении, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении преступления, не исключает признания этого сообщения в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Если же органы следствия располагали сведениями о преступлении (показаниями потерпевших, свидетелей, процессуальными документами и т. п.) и задержанному лицу было известно об этом, то подтверждение им факта участия в совершении преступления не может расцениваться как явка с повинной, а признается в качестве иного смягчающего наказание обстоятельства (например, изболечение других участников преступления).

Если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания. Сообщение же лица, задержанного по подозрению в совершении конкретного преступления, об иных совершенных им преступлениях, не известных органам уголовного преследования, следует признавать как явку с повинной и учитывать при назначении наказания при осуждении за эти преступления.

При совокупности совершенных преступлений явка с повинной как обстоятельство, смягчающее наказание, учитывается при назначении наказания за преступление, в связи с которым лицо явилось с повинной.

Подобных обстоятельств не встречалось ни по одному из изученных дел.

По смыслу закона правила, изложенные в ст. 62 УК РФ, могут применяться судами при наличии хотя бы одного из перечисленных в п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающих обстоятельств, если при этом отсутствуют либо не признаны судом отягчающие наказание обстоятельства. При установлении этих обстоятельств и при наличии оснований, указанных в ст. 64 УК РФ, суд вправе с учетом конкретных обстоятельств по делу и данных о личности виновного назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за конкретное преступление. Этим правом суд не воспользовался ни по одному делу, изученному нами.

Таким образом, в судебной практике имеется устойчивая тенденция к назначению наказания за все преступления против собственности, совершаемые путем угрозы, в границах от медианы санкции до нижнего ее предела, что может свидетельствовать о двух обстоятельствах, требующих самостоятельного исследования: а) завышении максимального предела наказания за данные деяния; б) недооценке их общественной опасности. Ошибки, допускаемые судами при определении наказания, в первую очередь обусловлены неправильным применением уголовного закона, в частности, правил об обратной силе уголовного закона и квалификации деяния. Кроме того, вопреки законодательному запрету имеет место необоснованная оценка обстоятельств содеянного как отягчающих наказание.

Библиографический список

1. *Буранов, Г. К.* Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России / Г. К. Буранов. – Ульяновск, 2002.
2. *Кругликов, Л. Л.* О круге общих начал назначения наказания / Л. Л. Кругликов // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. – Ярославль, 2008. – Вып. 3.
3. *Мясников, О. А.* Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике / О. А. Мясников. – М., 2002.
4. *Становский, М. Н.* Назначение наказания / М. Н. Становский. – СПб., 1999.

Е. А. Свиная,
*аспирант кафедры уголовно-правовых
дисциплин Тюменской государственной
академии международной экономики,
управления и права*

ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Ключевые слова:

прикосновенность к преступлению, уголовный закон,
укрывательство преступлений, преступления против
правосудия, попустительство, квалификация
преступлений, соучастие

В настоящее время особого внимания заслуживает такая теоретико-правовая проблема, как прикосновенность к преступлению, поскольку борьба с преступностью требует постоянной целенаправленной деятельности органов государственной власти и всего общества с опорой исключительно на УК РФ. Законодательство, судебно-следственная практика и теория уголовного права не отличались стабильностью и единообразным пониманием данного института. Деяния прикосновенных лиц причиняют существенный вред общественным отношениям в сфере отправления правосудия, препятствуя предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных и возмещению ущерба.

В связи с этим необходимо рассмотреть данную проблему с точки зрения ее соотношения с соучастием в контексте оптимизации мер противодействия организованной преступности и коррупции (Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 6. Соучастие в преступлении. С. 526).

Исторически в уголовном праве России не было деления соучастников на главных и второстепенных, не указывались также признаки самого института. Лишь через пять веков после появления «Русской правды» встречается упоминание о различных ролях при совместной преступной деятельности. Губная Белозерская грамота 1539 г. наряду с непосредственными исполнителями установила также укрывателей. Вместе с тем в данном нормативном акте не сказано, заранее ли обещанное укрывательство имеется в виду или нет. Тем не менее речь идет об укрывательстве, на которое правонарушители могли заранее обоснованно рассчитывать. Это могло быть как предварительно обусловленное соучастие, так и ограниченный

прежним систематическим укрывательством расчет на содействие. Впервые в истории развития законодательства Советского государства в Декрете СНК «О набатном звоне» от 30 июля 1918 г. выделялись соучастники, выполняющие разные роли: пособники, подстрекатели, лица, прикосновенные к преступлению (Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 7–8, 11–12).

Традиционно в теории и практике российского уголовного права существует способ прикосновенности – заранее не обещанное укрывательство. Речь идет, видимо, о систематическом заранее не обещанном укрывательстве как пособничестве. Несмотря на господство именно данного подхода, законодатель никогда не регламентировал в уголовных кодексах соответствующий способ пособничества. Если соучастие и неприкосновенность – самостоятельные институты, то, естественно, прикосновенность не может быть пособничеством, и наоборот. Кроме того, ч. 2 ст. 3 УК РФ запрещает применение закона по аналогии, и уже в силу этого прикосновенность должна оставаться самостоятельным институтом российского уголовного права. Тем не менее авторы выделяют обоснованное исключение из этого правила (Козлов А. П. Соучастие: Традиции и реальность : учеб. пособие. Красноярск, 2000. С. 118–119). Так, в некоторых случаях фактически ничем не отличается поведение пособника, заранее обещавшего укрыть и выполнившего свое обещание, от поведения лица, заранее не обещавшего укрыть, но систематически реально укрывающего. В обоих случаях преступник действует с реальной надеждой на последующее укрывательство. Поэтому, чтобы не входить в противоречие с ч. 2 ст. 3 УК РФ, следовало закрепить в ч. 5 ст. 33 УК РФ данный способ пособничества. Однако при этом под систематическим следует понимать заранее не обещанное укрывательство, осуществленное после второго раза, поскольку после первого укрывательства надежда на последующее укрывательство достаточно эфемерна и по общему правилу не должна возникнуть в полном объеме, и только после второго укрывательства такую надежду можно считать закрепленной. Кроме того,

необходимо иметь в виду, что систематичность распространяется и на заранее не обещанное укрывательство одного и того же лица и его деятельности. Невозможно считать систематическим заранее не обещанное укрывательство, совершенное в отношении нескольких лиц.

Существует ряд точек зрения на объект преступных деяний прикосновенных лиц. Так, по мнению некоторых авторов (И. Г. Гонтарь, Н. П. Берестовой, В. Г. Трифонов), к таковому относятся интересы правосудия в широком смысле слова. Другие полагают, что родовым объектом прикосновенности являются общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности и общественную безопасность (Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 29–30), третьи увязывают объект с тем, на что было направлено основное преступление (Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности к преступлению по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 26–27). Существует также мнение о многообъектности прикосновенности. Это и интересы правосудия, и жизнь, и здоровье людей, и отношения в сфере экономики, и общественная безопасность (Косякова Н. С. Неотвратимость ответственности. Смоленск, 1999. С. 29).

В уголовном законодательстве РСФСР различались две формы прикосновенности к преступлению: укрывательство (ст. 18, 18-2, 189 УК РСФСР 1960 г.) и недонесение (ст. 19, 88-1, 190 УК РСФСР 1960 г.). Действующий в настоящее время УК РФ выделяет только одну форму прикосновенности к преступлению – укрывательство преступлений (ст. 316), суть которого состоит в умышленной деятельности, направленной на сокрытие совершенного другими лицами особо тяжкого преступления.

Это деяние отнесено к преступлениям против правосудия. Однако отдельные виды укрывательства, основным объектом которых являются не интересы правосудия, а иные социальные ценности, сформулированы в виде самостоятельных составов преступлений в различных главах Особенной части УК РФ (ст. 174, 175). При совершении виновным действий, направленных на укрывательство преступлений и выражающихся в заведомо ложных показаниях, заключении

эксперта или переводе, имеет место идеальная совокупность преступлений (ст. 307, 316 УК РФ), так как указанные действия криминализированы в виде самостоятельных составов преступлений, независимо от того, являются они способом укрывательства других преступлений или нет.

Общественная опасность укрывательства состоит в том, что затрудняется раскрытие преступления, привлечение виновного к уголовной ответственности. Укрывательство способствует продолжению преступной деятельности и консультации преступной среды. Именно этим обусловлено установление уголовной ответственности за укрывательство преступлений.

Заранее обещанное укрывательство является формой интеллектуального пособничества, так как оно укрепляет решимость исполнителя совершить преступление и тем самым находится в причинной и виновной связи с этим преступлением. Напротив, если укрывательство заранее не обещано, оно не находится в указанной связи с совершенным преступлением. Такое укрывательство имеет место после совершения преступления, поэтому оно объективно не может укрепить решимость исполнителя, а субъективно умысел укрывателя также не может быть направлен на оказание помощи исполнителю.

Законодатель ограничивает круг лиц, которые могут нести уголовную ответственность за укрывательство преступлений. В соответствии со ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Им же могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

Согласно данному конституционному положению в примечании к ст. 316 УК РФ установлен круг лиц, не подлежащих уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство, а именно: супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. В ст. 19 УК РСФСР 1960 г. к близким родственникам относились родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка и внуки. Очевидно, этим перечнем следует руководствоваться и сейчас. Законодатель, исключив указанных лиц из числа субъек-

тов, подлежащих уголовной ответственности за укрывательство преступлений, поступил не только гуманно, но и мудро. Очевидно, что лицо, укрывающее своего супруга, близких родственников или не доносящее на них, решает коллизию между уголовно-правовым запретом и нравственными нормами, порицающими предательство ближних, в пользу последних. В такой ситуации, когда семейные и родственные узы сильнее действуют на поведение лица, чем страх перед уголовным наказанием, бессмысленно устанавливать уголовную ответственность за укрывательство преступления (Шеслер А. В. Соучастие в преступлении : учеб. пособие. Тюмень, 2007. С. 62–65). Морально-этический аспект, неотъемлемо связанный с общественной оценкой возможности ответственности за отдельные виды прикосновенности в целесообразности правового принуждения частных лиц к сотрудничеству с правоохранительными органами, имеет важное значение (Уголовное право России. Общая часть : курс лекций для вузов / под ред. А. В. Шеслера. Тюмень, 2006. С. 210–211).

Дискуссионность вопроса об объекте прикосновенности предполагает, что под таковым следует понимать общественные отношения в сфере деятельности соответствующих государственных органов по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений, что является важнейшей частью отправления правосудия. Данный вывод основан на том, что соответствующие нормы УК РФ располагаются в главе «Преступления против правосудия». Прикосновенность в любом виде и помимо возможного причинения ущерба другим отношениям в первую очередь посягает на интересы правосудия, поскольку одна из задач правоохранительных органов – предупреждение и пресечение преступлений.

Многочисленные попытки сформулировать понятие прикосновенности к преступлению привели к возможности выявления ряда сущностных признаков данного понятия. Так, В. С. Прохоров писал: «Прикосновенность к преступлению – это общественно опасная деятельность лица, не принимавшего участия в совершении преступления, которая препятствует изобличению преступника» (Прохоров В. С. Курс советского уголов-

ного права. Часть Общая. М., 1968. Т. I. С. 634). Н. П. Берестовой определяет прикосновенность как «деятельность лица, связанную с совершенным другим лицом преступлением, но не содействовавшую его совершению и не состоящую с ним в причинной связи» (Берестовой Н. П. Соучастие в преступлении и особенности установления его признаков в условиях деятельности органов внутренних дел. М., 1990. С. 41). Существуют также иные точки зрения (Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 2. С. 486), позволяющие установить следующее:

- прикосновенное к преступлению лицо само не участвует в его совершении;
- деяние прикосновенных лиц не находится в причинной связи с совершенным другим лицом преступлением, не содействует его совершению;
- деяние прикосновенных лиц носит умышленный, заранее не обещанный характер;
- степень общественной опасности прикосновенного деяния во многом зависит от степени общественной опасности главного преступления;
- прикосновенность сохраняет свое уголовно-правовое значение не только к преступлениям, но и к общественно-опасным деяниям, совершенным невменяемым или лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности;
- неизменным объектом прикосновенности являются интересы правосудия независимо от разнообразных общественных отношений, на которые посягает основное деяние (Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 15).

Однако, несмотря на разногласия по поводу норм, реализующих ответственность за попустительство, очевидно, что основными объектами этих преступлений являются либо личность (ст. 125 УК РФ), либо интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 293 УК РФ), что противоречит целостности и логической обоснованности института прикосновенности.

Современные криминологические реалии свидетельствуют о распространенности

различного рода покровительских и попустительских действий применительно к функционированию организованных преступных структур. В случае наличия соглашения на такую деятельность это можно расценивать как участие в преступной организации либо пособничество (Галактионов Е. А. Организованная преступность: Уголовно-правовой и криминологический аспекты. Пушкин, 1998. С. 138–144).

Таким образом, попустительство не относится к прикосновенности. По мнению ряда ученых (А. А. Пионтковский, В. С. Прохоров, А. Н. Трайнин), для попустительства как для самостоятельного института в уголовном праве не остается места.

Анализ законодательства и теории уголовного права позволяет сформулировать следующие выводы:

- попустительство есть невоспрепятствование лицом совершению преступления другим лицом (лицами);
- данное готовящееся или совершаемое преступление достоверно известно попустителю;
- попустительство носит заранее не обещанный характер;
- на попустителе лежит специальная обязанность противодействия преступлению;
- попуститель должен иметь возможность противодействовать преступлению;
- специальная норма, предусматривающая ответственность за попустительство, отсутствует;
- ответственность за попустительство реализуется через отдельные нормы Особенной части УК РФ;
- в остальных случаях попустительство не влечет уголовной ответственности;
- если попустительство заранее обещано, то оно является пособничеством.

С учетом указанных обстоятельств необходимо отметить, что само понятие по отношению к данным составам носит родовой характер, т. е. является абстракцией, поскольку ответственность за попустительство реализуется через отдельные нормы Особенной части УК РФ. Однако в случае признания попустительства разновидностью прикосновенности последняя также является родовым понятием применительно к укрывательству, недонесению и попустительству. То есть в отношении означенных норм, реа-

лизующих ответственность за попустительство, прикосновенность выступает уже как абстракция второго порядка.

Вместе с тем существуют деяния, в отношении которых высказывалось мнение о признании их либо разновидностью укрывательства, либо самостоятельными видами неприкосновенности. Эту точку зрения поддерживал Г. И. Баймурзин (Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 146–151).

Неоднозначность в суждениях об объекте прикосновенных преступлений вызвана тем, что в широком смысле все авторы, предлагающие свои варианты (интересы правосудия, общественная безопасность, многообъектность), правы. Ведь даже сторонники узкого подхода не утверждают, что интересы правосудия – единственный объект. Представляется, что при совершении прикосновенных преступлений вышеуказанные интересы страдают в первую очередь. Однако при этом нарушаются иные многочисленные охраняемые законом общественные отношения (жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство, собственность и т. д.). Проблема видится в том, что невозможно предусмотреть все эти преступления в главе «Преступления против правосудия» по следующим причинам:

- многообразие преступлений, которые могут относиться к прикосновенным;
- для их перемещения необходима реконструкция составов в соответствующей главе с выделением интересов правосудия в качестве основного объекта, а других охраняемых отношений – в качестве дополнительного, что неизбежно повлечет ломку сложившейся системы уголовного закона;
- возможность совершения фактически прикосновенных преступлений с различными целями (месть, зависть, корысть – ст. 174 УК РФ) при безразличном отношении к нарушению интересов правосудия.

Опасность лиц, прикосновенных к преступлению, состоит в том, что попустительствуя его совершению либо помогая преступнику в сокрытии следов преступления, эти лица создают условия для совершения преступлений, нейтрализуют деятельность правоохранительных органов в изобличении преступника и раскрытии преступления. В отличие от соучастников лица, прикосновен-

ные к преступлению, никогда своей деятельностью причинно не обуславливают деятельность исполнителя и конечный общественно опасный результат. Прикосновенность имеет связь с преступлением, но не причинную, она возникает в связи с совершением преступления другими лицами. Опасность прикосновения во многом зависит от опасности совершенного преступления. Однако ответственность лиц, прикосновенных к преступлению, самостоятельная, независимая от ответственности лиц, совершивших преступление. Учитывая меньшую опасность прикосновенных лиц по сравнению с соучастниками в преступлении, законодатель ограничил уголовную ответственность лишь определенными формами, которые описаны в Особенной части УК РФ. К таким формам прикосновенности относится заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ).

Необходимо правильно квалифицировать действия соучастников, так как ошибки влекут неоправданно суровую ответственность лиц, прикосновенных к преступлению. Примером отмены приговора в части осуждения из-за необоснованной квалификации заранее не обещанного укрывательства как соучастия в убийстве в отношении Усманова является постановление Президиума Верховного Суда РФ №9П06 по делу Усманова.

Так, Усманов, Горюнов, Парфенов и Шачнев в составе банды совершили ряд преступлений. Они встретили ранее не знакомую П. и привезли ее в дом, где во время распития спиртного между П. и Горюновым возникла ссора. Горюнов нанес ей удар по голове, отчего она упала на диван, а сам сел ей на спину. Парфенов и Шачнев стали удерживать потерпевшую, а Горюнов в это время душил П., пока не наступила ее смерть. После этого Горюнов и Шачнев совместно с Усмановым вывезли труп потерпевшей в лесопосадку.

Действия Усманова квалифицированы судом по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное организованной группой и сопряженное с бандитизмом. В надзорной жалобе осужденный Усманов просил переквалифицировать его действия на ст. 316 УК РФ, мотивируя это тем, что непосредственного участия в лишении П. жизни он не принимал, о ее убийстве либо

о сокрытии преступления с другими осужденными заранее не договаривался. Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал действия Усманова на ст. 316 УК РФ, указав следующее.

По смыслу уголовного закона действия виновного могут быть квалифицированы как убийство, совершенное организованной группой, если по делу будет установлено, что группа из двух или более лиц объединена умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Такая группа, как правило, тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет между участниками группы роли, которые каждый из них будет исполнять в процессе совершения убийства. Поэтому действия всех участников организованной группы квалифицируются как соисполнительство.

Однако по данному уголовному делу эти признаки отсутствуют. Судом установлено, что Усманов лишь принял меры к сокрытию трупа потерпевшей. Никаких действий, направленных на лишение жизни П. либо на оказание в какой-либо форме содействия другим осужденным, он не совершал.

Вывод суда о том, что Горюнов «рассчитывал на помощь Усманова», является предположением, поскольку не подтверждается доказательствами, изложенными в приговоре (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 6. С. 19).

С объективной стороны укрывательство характеризуется активными действиями, связанными с сокрытием преступника, орудий и средств совершения преступления, следов особо тяжкого преступления. Укрывательство может быть выражено в предоставлении преступнику убежища, транспортных средств, одежды, а также подложных документов и т. п. Укрывательство орудий и средств совершения преступления может быть выражено в сокрытии огнестрельного или холодного оружия и других средств совершения преступления. Сокрытие следов преступления сопряжено с их уничтожением, маскировкой и т. п. Укрывательство всегда сопряжено с какими-либо физическими усилиями, случаи интеллектуального содействия преступнику нельзя рассматривать в качестве укрывательства. Такие содействия наказуемы, если содержат признаки других преступле-

ний (заведомо ложный донос, заведомо ложное показание).

Укрывательство может быть совершено лишь с прямым умыслом. Виновный осознает, что он способствует сокрытию преступника, орудий и средств совершения преступления, его следов и желает этого. При этом виновный должен осознавать характер совершенного преступления, которое он укрывает, так как уголовная ответственность за это деяние возможна при сокрытии не любых преступлений, а лишь особо тяжких, перечень которых установлен в ч. 5 ст. 15 УК РФ.

Как видно, исследование явления прикосновенности свидетельствует о его дискуссионном характере, наличии многочисленных проблем и противоречий.

Таким образом, прикосновенность к преступлению должна рассматриваться в широком и узком смыслах. Прикосновенность в широком смысле – это криминологическое явление, а прикосновенность в узком смысле – заранее не обещанное укрывательство.

В обоих случаях прикосновенность и соучастие (групповая преступная деятельность) – различные явления. Прикосновен-

ность в любом смысле характеризуется отсутствием соглашения, сговора, т. е. заранее не обещанным характером. При этом отдельные случаи заранее не обещанных прикосновенных деяний являются соучастием, если соглашение достигнуто хотя бы и после юридического окончания преступления, но до момента фактического его окончания (например, в длящихся и продолжаемых преступлениях). Прикосновенность посягает на интересы правосудия в широком смысле, однако не во всех прикосновенных преступлениях это является основным объектом и может выступать в качестве дополнительного или факультативного.

Библиографический список

1. *Иванов, Н. Г.* Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве / Н. Г. Иванов. – Саратов, 1991.
2. *Разгильдиев, Б. Т.* Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению / Б. Т. Разгильдиев. – Саратов, 1981.
3. *Шеслер, А. В.* Соучастие в преступлении : учеб. пособие / А. В. Шеслер. – Тюмень, 2007.

В. Н. Софронов,

докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Омской академии МВД России кандидат юридических наук

Н. В. Павличенко,

заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Ключевые слова:

выявление, оперативно-розыскная деятельность, собственность, подразделения, пределы, лица, факты

Рассматривая деятельность по выявлению лиц, совершающих преступления против собственности, необходимо выяснить пределы, или границы, ее осуществления, так как это имеет существенное правовое значение. Следует отметить, что по данному вопросу в науке оперативно-розыскной

деятельности существует большое многообразие мнений. Основные споры ведутся вокруг двух проблем. Первая связана с установлением правомерности оперативно-поисковой деятельности (выявления) в целом, вторая – обоснованностью включения в этап выявления процесса проверки полученной первичной информации.

Суть первой проблемы сводится к вопросу о том, имеют ли право оперативные подразделения органов внутренних дел инициативно без наличия сообщений о правонарушении и отдельного поручения следователя по возбужденному уголовному делу осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по выявлению лиц, совершающих преступления против собственности. Мнения ученых по данному вопросу разделились. Некоторые авторы, демонстрируя непонимание сути оперативно-розыскной деятельности, утверждают, что до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела «проводить оперативно-розыскные мероприятия запрещается» (Басков В. И. Оперативно-розыскная деятельность : учеб.-метод. пособие. М., 1997. С. 52). Такая

позиция противоречит нормативным правовым актам и не выдерживает никакой критики.

Большого внимания заслуживают взгляды тех ученых, которые указывают на недостатки в нормативно-правовой базе оперативно-поисковой деятельности и предлагают варианты их устранения. Так, В. М. Атамжитов и В. Г. Бобров, анализируя нормативно установленные основания проведения оперативно-розыскных мероприятий, отмечают, что, согласно ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий являются «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения...». При этом возникают справедливые вопросы: как эти сведения станут известными правоохранительным органам без проведения оперативно-розыскных мероприятий; какая норма и какого закона может служить правовым основанием для их осуществления? (Атамжитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. М., 2003. С. 15).

В рамках указанной проблемы возникает другой вопрос, связанный с определением правомерности проведения оперативно-розыскных мероприятий в случае возбуждения уголовного дела в отношении лица (группы лиц) или по факту совершения преступления против собственности. Действительно, на практике широко распространены случаи, когда лица, задержанные за какое-либо преступление, отрабатываются на причастность к другим преступлениям. Особенно актуально это в отношении воров, грабителей, разбойников, мошенников, так как именно для данных категорий характерна «серийность» криминальной деятельности.

Анализируя существующие в теории подходы к определению легитимности осуществляемых в таких случаях оперативно-розыскных мер, следует привести точку зрения С. И. Захарцева, который полагает, что без отдельного поручения оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться лишь в случае нахождения уголовного дела в производстве органа дознания. Если же дело находится в производстве следователя, то, по мнению ученого, обязательным основанием

оперативно-розыскных мероприятий будет наличие отдельного поручения следователя (Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика : монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2004. С. 106). Такой подход достаточно типичен (особенно среди должностных лиц прокуратуры) и в практической деятельности мы неоднократно сталкивались с протестами и представлениями прокуроров по поводу незаконного, по их мнению, проведения оперативно-розыскных мероприятий без отдельного поручения следователя. Сторонники такой позиции, обосновывая свои суждения, ссылаются на ч. 4 ст. 157 УПК РФ, согласно которой после направления уголовного дела прокурору орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления прокурору уголовного дела, по которому не обнаружено лица, совершившего преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Довольно убедительную критику такого подхода можно найти в работах А. Е. Чечетина (Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности : монография. Барнаул, 2006. С. 10–12). Вместе с тем представляется возможным дополнить перечень его аргументов в пользу возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам без отдельного поручения следователя. Так, ч. 4 ст. 157 УПК РФ, на которую ссылается большинство авторов – сторонников обозначенной позиции, следует воспринимать в контексте с ч. 1, 2 и 3 данной статьи, которые говорят о возможности возбуждения уголовного дела органом дознания по преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно, и то, что после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело прокурору. Именно на эти дела распространяется действие положения, сформулированного в ч. 4 ст. 157 УПК РФ, в части проведения оперативно-розыскных мероприятий только по поручению следователя. Здесь возникает вопрос о распространенности практики возбуждения уголовных дел органом

дознания по преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно. В ходе сбора материала в ГУВД Иркутской и УВД Омской областей нами не выявлено ни одного подобного дела. Таким образом, можно констатировать, что ч. 4 ст. 157 УПК России не может быть препятствием для инициативного осуществления оперативно-розыскных мероприятий по выявлению лиц, совершающих преступления против собственности.

Вторая проблема состоит в обоснованности включения в этап выявления процесса проверки полученной первичной информации. Мы разделяем мнение тех авторов, которые включают в структуру выявления деятельность по обнаружению первичных оперативно-розыскных данных и их проверку (предварительную проверку). В обоснование данной позиции можно привести следующие аргументы.

Во-первых, как таковое обнаружение информации, представляющей оперативный интерес, еще не является полной гарантией ее соответствия действительности. Более 83 % опрошенных оперативных работников указали, что они не склонны связывать обнаружение первичной информации, содержащей поисковые признаки, с окончанием поисковой работы.

Во-вторых, следует согласиться с А. А. Фальченко в том, что в большинстве случаев в ходе перепроверки не только подтверждается (опровергается) достоверность первичной информации, но и осуществляется процесс познания, т. е. получение новых знаний, в данном случае о фактах, представляющих оперативный интерес (Фальченко А. А. К вопросу о поисковой деятельности аппаратов БЭП // Некоторые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сб. науч. тр. Н. Новгород, 1995. С. 100). Абсолютное большинство респондентов отметили, что в процессе проведения поисковых мероприятий фактически осуществляется поиск новых сведений, представляющих оперативный интерес, в целях подтверждения первичной информации.

Таким образом, в деятельности по борьбе с преступлениями против собственности целесообразно рассматривать процесс выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, в виде таких последовательных этапов деятельности, как получение первичных сведений, их проверка, принятие решения по

результатам проверки (Бордиловский Э. И., Галахов С. С., Смирнов С. А. Выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, и их оперативно-розыскная профилактика : учеб. пособие. М., 1992. С. 7). В связи с этим, на наш взгляд, условным моментом окончания поисковой деятельности необходимо считать время принятия оперативным работником решения о реализации собранных материалов, которое может выражаться в начале оперативно-розыскного производства, принятии процессуального решения (возбуждение или отказ в возбуждении уголовного дела).

Вместе с тем следует признать, что в настоящее время затруднительно обеспечить процесс выявления лиц, склонных к совершению преступлений против собственности, силами подразделений криминальной милиции. На данном этапе возникает необходимость взаимодействия с иными подразделениями органов внутренних дел, в частности со службой участковых уполномоченных милиции. В целом мы разделяем точку зрения ученых, которые подчеркивают, что вопросы борьбы с преступлениями против собственности уже переросли рамки любой отдельно взятой службы, они являются общей проблемой для всей системы органов внутренних дел и требуют своего адекватного оформления (Гурьев В. В., Спирин Г. М. Борьба с мошенничеством – один из приоритетов // Вестн. МВД России. 1998. № 4. С. 66).

Некоторые авторы предлагают создать межведомственный орган с возложением на него обязанности координации мероприятий по предупреждению отдельных преступлений против собственности, проводимых правоохранительными органами и различными экономическими структурами. Одной из первых задач этого органа может стать организация возможности получения всеми заинтересованными сторонами (включая физических и юридических лиц) информации о недобросовестных должниках и мошенниках (Плехов В. И., Церик В. А. Использование аппаратами БЭП данных криминологических исследований в раскрытии мошенничества на потребительском рынке // Некоторые правовые и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сб. науч. тр. Н. Новгород, 1997. С. 100). Видимо, следует согласиться с мнением ученых, полагающих, что образование такой ин-

формационной базы данных позволит значительно сократить число криминальных проявлений и создаст определенный вакуум вокруг лиц, склонных к совершению преступлений против собственности, в частности мошенничеств. Однако организация межведомственного органа, координирующего борьбу с преступлениями против собственности, вряд ли оправданна. Основной государственной структурой, осуществляющей борьбу с данным видом преступлений, являются органы внутренних дел, в частности подразделения криминальной милиции. Формирование предложенной открытой базы данных можно осуществить силами аналитических подразделений органов внутренних дел, принимая во внимание также то обстоятельство, что все основные информационные ресурсы находятся именно здесь. Кроме того, подразделения криминальной милиции в состоянии обеспечить внутриведомственное взаимодействие и координацию при соответствующем нормативном закреплении указанных полномочий.

В то же время следует признать, что существующая правовая ситуация объективно детерминирует необходимость создания в системе органов внутренних дел межотраслевого подразделения по борьбе с отдельными видами преступлений против собственности, в частности с мошенничеством. Формулируя этот вывод, мы исходим из того, что в соответствии со ст. 150 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ, расследование производится в форме дознания, а их раскрытие отнесено к компетенции милиции общественной безопасности. Однако

согласно ст. 151 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2–4 ст. 159 УК РФ, расследование производится в форме следствия органами внутренних дел либо органом, выявившим данное преступление.

В структуре органов внутренних дел, наряду с милицией общественной безопасности, выявлением мошенничеств занимаются подразделения уголовного розыска и по борьбе с экономическими преступлениями. Контент-анализ ведомственных нормативных актов свидетельствует об отсутствии между ними четкого разграничения компетенции. Более того, осуществляя оперативно-розыскные мероприятия в одной и той же криминогенной среде мошенников, названные оперативные подразделения неизбежно дублируют действия друг друга, что ведет к ненужной конкуренции и нерациональному использованию сил и средств. В этой связи межотраслевое подразделение по борьбе с отдельными видами преступлений против собственности могло бы оптимизировать деятельность органов внутренних дел.

Библиографический список

1. Басков, В. И. Оперативно-розыскная деятельность : учеб.-метод. пособие / В. И. Басков. – М., 1997.
2. Гурьев, В. В. Борьба с мошенничеством – один из приоритетов / В. В. Гурьев, Г. М. Спирин // Вест. МВД России. – 1998. – № 4.
3. Чечетин, А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности : монография / А. Е. Чечетин. – Барнаул, 2006.

Т. С. Стахова,
*адъюнкт кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России*

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ СОТРУДНИКА ОВД: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова:

персональные данные, субъекты персональных данных, права субъектов персональных данных, государственные гражданские и муниципальные служащие, работники

В последние годы особую актуальность приобрели вопросы защиты персональных данных рабочих и служащих (Напр.: Хачату-

рян Ю. А. Персональные данные работника: правовая коллизия // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2005. № 2. С. 12 ; Фатьянов А. А. Правовое обеспечение безопасности информации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 259 и др.). В связи с тем, что правовой пробел в указанной сфере создавал широкое поле для различных злоупотреблений, в настоящее время приняты нормы о порядке обработки, хранения, передачи и защиты персональных сведений о лицах, работающих по трудовому договору (далее: работники), государственных гражданских и муниципальных служащих и др.

Однако следует отметить, что указанные вопросы не получили равноценного правового развития в отношении всех категорий трудящихся и служащих. Например, дефиниция «персональные данные» не воспринята законодательством, регулирующим прохождение службы в ОВД. Кроме того, не нашло отражения в ведомственных нормах права принятие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (Рос. газ. 2006. 29 июля).

В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть способы обеспечения законом прав работников (служащих) – субъектов персональных данных, а также выяснить, требуется ли их распространение на сотрудников ОВД.

Работникам, государственным гражданским и муниципальным служащим предоставлен ряд прав и гарантий при обработке документов, содержащих их персональные данные (Гл. 14 «Защита персональных данных работников» ТК РФ ; Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего РФ и порядка ведения его личного дела : указ Президента РФ от 30 мая 2005 г. № 609 // Рос. газ. 2005. 7 июня ; О муниципальной службе в Российской Федерации : федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ. Ст. 29 // Рос. газ. 2007. 7 марта). Прежде всего они имеют право на полную информацию о своих персональных данных и их обработке, на свободный бесплатный доступ к указанной информации.

Кроме того, за ними закреплено право требовать исключения или исправления неверных или неполных персональных данных; заявлять представителю нанимателя (работодателя) о своем обоснованном несогласии при отказе последнего исключить или исправить такие данные. Согласно ст. 89 ТК РФ и п. 6 Положения о персональных данных государственного гражданского служащего РФ и порядка ведения его личного дела указанным лицам также предоставлено право требовать от представителя нанимателя (работодателя) уведомления всех лиц, которым ранее были сообщены неверные или неполные персональные данные, обо всех произведенных в них изменениях.

В соответствии с п. 17 данного Положения в личные дела гражданских служащих вносятся их письменные объяснения, если они даны ими после ознакомления с документами личного дела. Работники же имеют право дополнить персональные данные оценочного характера заявлением, выражающим их собственную точку зрения (ст. 89 ТК РФ).

Аналогичные права закреплены и в отношении иных категорий служащих. Так, ст. 41.2 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 25 дек. 2002 г. № 280-ФЗ) «О прокуратуре» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472 ; Рос. газ. 2008. 30 дек.) гласит, что прокурорский работник имеет право на ознакомление со всеми материалами, находящимися в его личном деле, приобщение к личному делу своих объяснений в письменной форме. Пункт 5 ст. 59 Положения о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (утв. указом Президента РФ от 5 июня 2003 г. № 613 // Рос. газ. 2003. 11 июня) закрепляет право сотрудника, проходящего службу в органах госнаркоконтроля, на ознакомление со всеми материалами своего личного дела, с отзывами о его деятельности и другими документами до внесения их в личное дело, а также на приобщение к личному делу собственных объяснений.

Согласно п. 8 ст. 86 ТК РФ работники и их представители должны быть ознакомлены под роспись с документами работодателя, устанавливающими порядок обработки персональных данных работников, а также об их правах и обязанностях в этой области.

Анализ нормативных документов МВД России показал, что в Инструкции по учету кадров органов внутренних дел, Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утв. постановлением Верхов. Совета Рос. Федерации от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 // Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 2, ст. 70), Инструкции о порядке применения положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утв. приказом МВД РФ от 14 дек.

1999 г. № 1038 // Бюл. норматив. актов федер. органов испол. власти. 2000. № 17), Законе РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1991. № 16, ст. 503) аналогичные права сотрудников ОВД – субъектов персональных данных не закреплены.

Также затруднительно применить в отношении них Федеральный закон «О персональных данных», так как он не регулирует отношения, связанные с обработкой информации, отнесенной к сведениям, составляющим государственную тайну. Основным источником персональных данных сотрудников ОВД является личное дело, которое образуют секретные сведения. Таким образом, в данной сфере образовался правовой пробел.

Похожая ситуация сложилась и в сфере прохождения службы сотрудниками УИС. Инструкция по учету кадров уголовно-исполнительной системы была принята в развитие положений Федерального закона «О персональных данных» (Об утверждении Инструкции по учету кадров уголовно-исполнительной системы и табеля отчетности по кадрам уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста РФ от 19 мая 2008 г. № 109 // Бюл. норматив. актов федер. органов испол. власти. 2008. № 29), по той же причине она не обеспечила равенство прав сотрудников УИС правам работников, государственных гражданских и муниципальных служащих как субъектов персональных данных.

В соответствии с прил. 2 «Правила оформления и ведения личных дел сотрудников (сокращенных личных дел служащих) уголовно-исполнительной системы» к Инструкции по учету кадров уголовно-исполнительной системы личное дело сотрудника УИС является секретным документом, содержащим сведения оперативного учета и персональные данные.

Однако необходимо отметить и позитивные новации в названной Инструкции. Например, в ней закреплена обязанность руководителей кадровых аппаратов учреждений и органов УИС по обеспечению сохранности документов кадрового учета и конфиденциальности содержащихся в

них сведений, а также защиты прав и свобод сотрудников и служащих УИС при обработке их персональных данных. Вместе с тем эти права и свободы не нашли отражения ни в данной Инструкции, ни в Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316).

Важнейшим правом служащих и работников, как было указано выше, является право на полную информацию о своих персональных данных, что соответствует положениям Конституции РФ. Статья 24 Конституции РФ запрещает сбор информации о частной жизни граждан без их согласия и обязывает органы государственной власти знакомить их с указанной информацией, если иное не предусмотрено законом.

Однако в подзаконных нормативных актах (инструкциях по учету кадров МВД и УИС) указано, что сотрудник знакомится с записями в послужном списке при оформлении личного дела, далее – не реже одного раза в пять лет, а также перед убытием к новому месту службы и перед представлением к увольнению со службы.

Необходимо заметить, что согласно подп. «ж» п. 19 Положения о персональных данных государственного гражданского служащего РФ в обязанности кадровой службы государственного органа, осуществляющей ведение личных дел гражданских служащих, входит ознакомление гражданского служащего с документами своего личного дела не реже одного раза в год, а также по просьбе гражданского служащего и во всех иных случаях, предусмотренных законодательством.

Представляется, что в целях обеспечения единства и системности института государственной службы, соблюдения прав служащих при работе с документами, содержащими их персональные данные, требуется распространение норм гл. 14 ТК РФ и Положения о персональных данных государственного гражданского служащего РФ на всех государственных служащих, включая сотрудников ОВД и УИС. Автор разделяет точку зрения А. С. Маркевич в

том, что требуется распространение указанных норм «на отношения, возникающие в связи с прохождением гражданами военной и правоохранительной службы, с учетом особенностей этих видов служб» (Маркевич А. С. Организационно-правовая защита персональных данных в служебных и трудовых отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006).

В ходе работы над настоящей публикацией автором был проведен опрос экспертов – заместителей начальников по работе с личным составом МВД, ГУВД, УВД по субъектам России, руководителей и специалистов кадровых подразделений ОВД. Выборка составила 182 человека.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что 91,21 % сотрудников кадровых аппаратов ОВД соблюдают в работе требования гл. 14 ТК РФ «Защита персональных данных работника».

По мнению 29,12 % респондентов, принятие ведомственного аналога указанной главы ТК РФ необходимо; 43,14 % – желательно; 20,33 % – необязательно (иные варианты ответов назвали 1,65 % опрошенных, например: «не нужно разрабатывать лишних документов, пусть это будет один документ», «требуется подзаконный акт», «у сотрудников это есть законодательно», «желательно, с обязательным ознакомлением каждого сотрудника», – 6,04 % затруднились ответить).

Перед экспертами также ставился вопрос о том, имеется ли в их должностных инструкциях пункт, обязывающий их разъяснять сотрудникам курируемых ими отделов необходимость тщательного знакомства с собственными персональными документами, личного участия в их проверке (особенно при передаче документов к новому месту службы, выдаче на руки при увольнении), а также знакомить их с нормативными актами о порядке ведения их личных документов.

На данный вопрос были получены следующие ответы: «да» – 54,4 % респондентов, «нет» – 39,01 %, «иное» – 1,65 % (даны следующие комментарии: «на практике должностное лицо кадрового аппарата знакомит сотрудников с их личными делами в любое время, нормативно закреплено оз-

накомление с материалами дела 1 раз в пять лет и при перемещении», «не видел», «кажется, нет» и др.), затруднились ответить – 4,95 %. При этом названный пункт присутствует в должностных инструкциях менее чем половины опрошенных (47,62 % от числа руководителей) и немногим более половины специалистов (56,43 % специалистов).

С точки зрения ряда руководителей и специалистов кадровых подразделений ОВД, данное положение не обязательно закреплять в должностных инструкциях, так как оно оговорено в Инструкции по учету кадров МВД России в несколько ином виде. В частности, в ней указано, что сотрудник должен быть ознакомлен с послужным списком своего личного дела (даже не со всем делом!) 1 раз в 5 лет, при убытии к новому месту службы и перед представлением к увольнению. Однако эта норма явно устарела. Сотрудник должен иметь свободный доступ к своим персональным данным, что будет способствовать систематическому уточнению материалов учета и соответствовать сложившимся подходам в трудовом и служебном праве.

Наличие такого пункта в должностных инструкциях дисциплинирует сотрудников кадрового аппарата, переориентирует их на помощь и служение людям (прежде всего своим коллегам), будет способствовать уменьшению бюрократизма и проволочек в оформлении кадровых документов. Это особенно важно сейчас, когда ОВД позиционируются как органы служения народу. По нашему мнению, важное значение имеет вежливое и внимательное отношение к коллегам.

Библиографический список

1. *Маркевич, А. С.* Организационно-правовая защита персональных данных в служебных и трудовых отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006.
2. *Фатьянов, А. А.* Правовое обеспечение безопасности информации : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
3. *Хачатурян, Ю. А.* Персональные данные работника: правовая коллизия / Ю. А. Хачатурян // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2005. – № 2.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Ключевые слова:
криминалистическое обеспечение, розыск,
розыскная деятельность следователя

Традиционно «раскрытие преступлений по горячим следам» отражает объективную необходимость быстрого и полного раскрытия преступления, рационального расходования времени и сил. Понятие «раскрытие преступления по горячим следам» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д. М. Ушакова. М., 1934. Т. 1) вполне можно отнести к профессиональным: оно тесно связано с общепринятыми представлениями о раскрытии преступления и, как правило, обозначает комплекс необходимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, осуществление которых началось немедленно после обнаружения преступления или получения сообщения о нем, велось непрерывно и обеспечило установление лиц, его совершивших, в срок, не превышающий трех суток (Голубев В. В. Использование оперативно-розыскных данных при расследовании преступлений, связанных с коррупцией должностных лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 16).

Однако такой подход к данному понятию представляется узким, упрощающим содержание деятельности органов дознания и следственных аппаратов в указанном направлении. Так как цель раскрытия преступлений по горячим следам состоит не только в быстром установлении и задержании подозреваемых лиц, но и в установлении иных участников события, а также сборе максимальной оперативной и доказательственной информации об обстоятельствах, месте, времени и мотивах совершения преступления. Немедленное выявление, собирание, закрепление следов преступления являются надежной гарантией обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. На данном этапе особенно важно разумное сочетание процессуаль-

ного и непроцессуального видов деятельности для обеспечения раскрытия и расследования преступления в минимальные сроки с учетом оперативной обстановки.

Понятие оперативной обстановки также можно отнести к профессиональным, оно достаточно абстрактно и применяется к различным ситуациям, возникающим в ходе выполнения служебной деятельности сотрудниками правоохранительных органов. В более узком смысле, относительно темы нашего исследования, названное понятие служит для обозначения совокупности условий и обстоятельств, подлежащих изучению и учету для грамотной организации раскрытия преступления по горячим следам.

Изучение оперативной обстановки не отличается по своей гносеологической сущности от других форм научного познания и выступает как исследовательский процесс, включающий в себя решение различных по характеру и сложности задач с помощью эмпирических, теоретических и специальных методов, благодаря чему некоторые ученые не без оснований именуют указанный процесс оперативным исследованием (Лукашов В. А. Проблемы оперативно-розыскной деятельности. М., 2005. С. 51), что действительно более полно раскрывает ее научно-познавательный характер. Особое значение для оценки оперативной обстановки, по нашему мнению, следует придать силам и средствам, имеющимся в распоряжении правоохранительных органов для эффективного достижения поставленной цели – раскрытия преступления по горячим следам. Кроме того, оперативная обстановка обязательно включает в себя социально-экономические, демографические и иные факторы, оказывающие непосредственное влияние на оптимальную организацию раскрытия и расследования преступления.

Следует отметить, что изучение (исследование) оперативной обстановки, как правило, осуществляется в процессе субъективной познавательной деятельности руководителя органа, уполномоченного к расследованию преступления, самого следователя (представителя органа дознания), которые должны обладать способностью не только простого логического мышления, но и выявления закономерностей связи факторов, характеризующих состояние преступ-

ности, обеспечения безопасности государства и отдельных граждан, а также уметь выделять и рассматривать конкретные условия в единстве анализа и синтеза.

Предпосылкой подобного исследования оперативной обстановки, в которой осуществляется раскрытие преступления по горячим следам, является информативность составляющих ее условий, обеспечивающих необходимую полноту отражения природы познаваемых явлений расследуемого события. Именно посредством информации как специфической формы отражения участники расследуемого события создают в своем сознании идеальную модель отражаемых явлений и процессов (Ткачук Т. А. Моделирование признаков и свойств неизвестного лица в целях его установления // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 6. С. 157–160), познание которых в кратчайшие сроки обеспечивает потенциальную возможность раскрытия преступления по горячим следам. Безусловно, для того, чтобы при осуществлении деятельности по раскрытию преступления иметь адекватные отражения, достоверные модели участников и события преступления, необходимо постоянно обновлять сведения об оперативной обстановке, что практически невозможно без совершенствования информационного обеспечения соответствующих структурных подразделений правоохранительных органов, позволяющего непрерывно, а следовательно, своевременно извещать последних об изменениях в оперативной обстановке.

С определенной долей уверенности можно сказать, что в оценке оперативной обстановки немаловажную роль играет степень эффективности использования в раскрытии преступления по горячим следам имеющихся сил и средств, главным критерием которой является достижение максимального результата (раскрытие преступления) при минимальных затратах времени. Быстрота и активность действий следствия, аппаратов уголовного розыска, дежурных частей, других служб и подразделений в рассматриваемом аспекте – один из важнейших показателей оперативной готовности к раскрытию преступления по горячим следам. Каждый из субъектов указанной деятельности наделен уголовно-

процессуальным законом соответствующими полномочиями, которые при их грамотной реализации, несмотря на разнообразие и изменчивость оперативной обстановки (как общей, так и специализированной), потенциально создают условия для успешного раскрытия каждого совершенного преступления по горячим следам.

Следует отметить, что по-прежнему дискуссионным остается вопрос о том, когда же преступление следует считать раскрытым. По нашему мнению, критерий, согласно которому преступление считается раскрытым, если с обвинительным заключением дело направлено в суд, нельзя признать научно обоснованным, поскольку он полностью зависит от усмотрения правоохранительных инстанций.

Точка зрения процессуалистов, которые предлагают в рассматриваемом аспекте признать раскрытым преступление лишь тогда, когда по нему вынесен приговор суда, вступивший в законную силу (Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений // Соц. законность. 1976. № 9. С. 51), также не всегда выглядит убедительной с учетом возможности пересмотра дела, судебной ошибки, принятия решения о невиновности (недоказанности вины) обвиняемого.

По мнению В. Е. Сидорова, раскрытие преступления представляет собой организационную систему, позволяющую интегрировать усилия органов предварительного следствия, милиции и иных взаимодействующих с ними сил (Сидоров В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 21–22). Однако если раскрытие преступлений по горячим следам отнести к организационной системе, то можно заметить, что слово «организовать» в толковом словаре раскрывается как «подготовка к чему-либо» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1992. С. 472). Значит, следственные и розыскные действия направлены на получение информации, а организационные, в свою очередь, – на подготовку к этому, т. е. носят обеспечивающий характер. Безусловно, раскрытие преступлений – это не только деятельность по установлению всех участников и обстоятельств события, но и создание условий для этого. Вместе с тем

не должно отождествлять организационные мероприятия со следственными действиями и розыскными мероприятиями.

С точки зрения содержания оперативно-розыскной деятельности раскрытие преступления означает обнаружение преступника (Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969. С. 152), и такой взгляд на проблему близок криминалистическому аспекту, где раскрытие преступления рассматривается как деятельность, направленная на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом после того, как взаимоисключающие ее версии будут проверены и отвергнуты (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1986. С. 231). Иными словами, раскрытие преступления прямо связывается с установлением по делу заподозренного лица.

Однако возникновение подозрения в отношении возможного субъекта преступления не следует приравнивать к появлению в деле фигуры подозреваемого как участника уголовного процесса, так как возникшее у следователя подозрение «должно рассматриваться применительно к его деятельности по крайней мере в трех значениях: как психологическая характеристика состояния сознания следователя, определяющая его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и выдвижения версий и, наконец, как процессуальная категория, когда с возникшим подозрением закон связывает наступление определенных процессуальных последствий» (Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 61). То есть термин «заподозренный» необходимо воспринимать как субъективное отношение следователя (дознателя) к лицу, а не процессуальное положение такого лица. И лишь при наличии оснований, указанных в ст. 46 УПК РФ, заподозренный становится подозреваемым в процессуальном значении этого термина. При этом следует отметить, что появление (наличие) заподозренного лица не обязательно влечет за собой прекращение поисково-розыскных мероприятий в отношении иных участни-

ков события, даже если условно можно сказать о завершении работы по раскрытию преступления по горячим следам на первоначальном этапе расследования.

Представляется, что содержание рассматриваемой деятельности составляют меры по установлению неизвестных участников уголовного процесса, в отношении которых не собрано достаточных данных для установления мест их нахождения, идентификации, привлечения в качестве подозреваемых (обвиняемых) и др.; в тактическом же аспекте раскрытие преступлений по горячим следам носит ярко выраженный поисковый характер. Если же к моменту объявления розыска указанные выше цели достигнуты, то розыск различных участников уголовного процесса становится самостоятельной, главной задачей, определяющей характер и направление деятельности следователя. Без ее решения практически невозможно раскрыть преступление по горячим следам и обеспечить его успешное расследование.

Весомый вклад в стабилизацию оперативной обстановки и повышение эффективности государственного и межгосударственного розыска лиц вносит проведение совместно с министерствами внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ широкомасштабной операции «Розыск». Только в 2008 г. по итогам ее проведения органами внутренних дел Российской Федерации было задержано 14758 лиц, находившихся в розыске за совершение преступлений (5905 – в федеральном, 8512 – местном), обнаружено 6634 лица, пропавших без вести, идентифицировано 2144 неопознанных трупа (Обзор розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2008 году от 2 марта 2009 г.).

Действительно, отсутствие (неустановление) любого участника уголовного процесса, невозможность производства следственных действий с его участием являются серьезным препятствием на пути установления истины по делу и решения задач уголовного судопроизводства. Принимая меры к обнаружению указанных лиц, следователь использует предоставленные ему законом полномочия, оценивая сложившуюся к моменту начала расследования оперативную обстановку, объявляет розыск

и привлекает к поисковой деятельности орган дознания. Деятельность следователя в рассматриваемом аспекте определяется следующими функциями:

- принятие процессуальных решений, влияющих на содержание поисково-розыскной деятельности на первоначальном этапе (раскрытие преступлений по горячим следам);

- активное использование всех допустимых форм взаимодействия (процессуальных и непроцессуальных) следователя с органами дознания¹;

- острая необходимость оперативного решения задач тактического характера на основании анализа оперативной обстановки.

Любая из перечисленных функций, в свою очередь, предопределяется в условиях раскрытия преступлений по горячим следам фактором времени:

- чем раньше поступит информация о преступлении, совершенном неизвестными лицами, тем больше возможностей к их быстрому обнаружению и изобличению;

- незамедлительное реагирование органов дознания и предварительного следствия на поступившее заявление (сообщение) о совершенном преступлении (немедленном возбуждении уголовного дела при обнаружении признаков преступного деяния, проведении неотложных следственных действий в сочетании с оперативно-розыскными мероприятиями);

- установление события преступления и всех его участников и др.

Таким образом, раскрытие преступлений по горячим следам представляет собой розыскную тактическую операцию, которая является своеобразным алгоритмом деятельности следователя и взаимодействующих с ним служб, обеспечивающая эффективное собирание доказательственной, розыскной и ориентирующей информации с учетом оперативной обстановки. При этом максимальная интеграция возможностей каждой из взаимодействующих служб правоохранительных органов и их рациональ-

ное использование в интересах раскрытия преступлений по горячим следам обеспечивается тщательно продуманной организацией указанного процесса.

Так, на основе оценки оперативной обстановки и поступившей первичной информации о преступлении, при наличии признаков, характерных для ситуации, в условиях которой возможно раскрытие данного преступления по горячим следам, следователем принимается решение о преследовании, расширении состава оперативно-следственной группы, поиске по горячим следам скрывшегося преступника, других участников события, об ориентировании на поиск (розыск) соответствующей ситуации структуры правоохранительных органов и др.

Наиболее важным направлением деятельности оперативной группы, прибывшей на место происшествия, в рассматриваемом аспекте является осуществление оперативно-розыскных мер, направленных на выявление обстоятельств конкретного преступления, данных о личности его участников. Особое значение имеют сведения, способствующие активному поиску и установлению неизвестных лиц. О них должны быть обязательно проинформированы не только следователь и члены оперативной группы, но и сотрудники всех подразделений, принимающие участие в заградительных и иных розыскных мероприятиях. В силу особой важности этим сведениям должно быть обеспечено ускоренное, срочное прохождение в общем информационном потоке системы органов внутренних дел и других структур, так как они непосредственно оказывают влияние на оперативную обстановку в регионе.

В качестве примера можно привести следующий. Двадцатого марта 2008 г. на 159-м км ФАД М7 Волга в результате ДТП скончалась женщина, личность которой в момент ее обнаружения и осмотра не была установлена. На фоне благоприятной оперативной обстановки в течение первых двух суток после происшествия активно проводились следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по установлению личности погибшей и задержанию транспортного средства, совершившего наезд. Проведенная судебно-медицинская экспертиза способствовала выявлению ком-

¹ Наиболее оптимальная форма взаимодействия – следственно-оперативная группа (СОГ), состав которой может регулироваться в зависимости от оперативной обстановки, специфики расследуемого события, профессионализма его предполагаемых участников и наступивших последствий.

плекса идентификационных признаков и свойств погибшей; на труп была составлена опознавательная карта, которая вместе с другими запросами была направлена в ИЦ УВД по Владимирской области. По следам, обнаруженным на месте происшествия, было произведено моделирование предполагаемого транспортного средства с указанием возможных повреждений, расположения соответствующих столкновению следов. Грамотно организованное взаимодействие различных подразделений, умелое распределение сил и средств позволили установить личность погибшей и транспортное средство, скрывшееся с места ДТП, что способствовало раскрытию преступления по горячим следам и успешному завершению расследования.

Таким образом, информация о поисковых признаках неизвестных лиц – участников уголовного процесса служит целеполагающей ориентацией при выборе тактических приемов раскрытия преступлений по горячим следам, является основой взаимодействия следователя и оперативных работников, принимающих участие в этой деятельности. Содержание этой информации включает в себя сведения о времени, месте, способе, мотивах совершения преступления, приметах скрывшегося неизвестного преступника, возможных следах на нем, направлениях его отхода с места происшествия, признаках похищенного имущества и иных следах преступления.

Обязанности по организации эффективного взаимодействия следственного аппарата с оперативно-розыскными службами возложены на руководителей органов внутренних дел. В то же время при производстве осмотра места происшествия и других неотложных следственных действий в силу процессуальных полномочий, безусловно, организующая роль принадлежит следователю. Участие следователя в работе по горячим следам создает предпосылки для наиболее полного выполнения требования уголовно-процессуального закона о выявлении и закреплении следов преступления, сборе максимальной доказательственной информации, позволяющей быстро установить и изобличить лиц, виновных в его совершении. Все, что не обнаружено или утрачено в этот ответственный

период, может оказаться невосполнимым в последующем.

Эффективность деятельности следователя по раскрытию преступления по горячим следам во многом зависит от того, насколько полно, оперативно и тактически обоснованно будут в ней использоваться все виды розыскных мероприятий. Выбор вида розыскных мероприятий для заполнения «информационного вакуума» с целью раскрытия конкретного преступления зависит от следующих факторов:

- возможность получения нужных сведений процессуальными либо негласными методами с учетом оперативной обстановки;
- местонахождение требуемых данных;
- общественный резонанс преступного результата расследуемого события, возможность его влияния на смену оперативной обстановки;
- особенности носителя информации (возможность доступа в кратчайшие сроки) и других условий.

Анализ средств, используемых в деятельности по раскрытию преступлений по горячим следам, убеждает в том, что следователь имеет все возможности для результативного решения данной задачи. Вместе с тем роль следователя в раскрытии преступления не ограничивается выполнением мероприятий непосредственно поискового назначения и привлечением к участию в этой деятельности органов дознания. Значение указанной деятельности следователя определяется также тем, что он располагает наибольшим объемом информации о совершенном преступлении и личности его участников, состоянии оперативной обстановки в данном регионе. Информационную базу розыска в сложившейся оперативной обстановке при раскрытии преступления по горячим следам составляют собранные следователем сведения о чертах характера участников события, их привычках, наклонностях, профессиональных навыках, связях, знакомствах и других данных, наличие которых обеспечивает эффективность поисковых, розыскных и иных мероприятий. Часть важных для этого процесса сведений в силу специфики может не быть документально зафиксирована и храниться лишь в памяти следователя. Как показывает прак-

тика, раскрытие преступления по горячим следам успешнее осуществляется там, где функции организатора выполняет именно следователь.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике / Р. С. Белкин. — М., 1986.

В. А. Шеметилло,

*начальник Управления Судебного
департамента во Владимирской области*

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТКРЫТОСТИ И ДОСТУПНОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПУТЕМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СУДОВ, ВНЕДРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ «ПРАВОСУДИЕ»

Ключевые слова:

судебная система, информатизация, автоматизированная система, информационное пространство, электронное судебное производство

Развитие гражданского общества, его дальнейшая демократизация, обеспечение прав и свобод человека не возможны без развития судебной системы, внедрения информационных технологий в деятельность судов. Необходимость последнего из указанных направлений становится очевидной, если учесть, что 23 тыс. судей рассматривают в год около 13 млн дел. В таких условиях особенно остро стоят вопросы контроля за соблюдением процессуальных сроков рассмотрения дел в судах, повышения качества судебного разбирательства и его информационной открытости, которая неразрывно связана с соблюдением законности работы судов, невозможностью использования судебных механизмов в чьих-либо посторонних интересах, имиджем суда и убедительностью всех его решений для общества.

С целью решения названных и других проблем развития судебной системы в 2001 г. Правительством РФ была утверждена федеральная целевая программа (далее: ФЦП) «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы, в рамках которой ставилась задача формирования единого информаци-

2. Лавров, В. П. Расследование преступлений по горячим следам : учеб. пособие / В. П. Лавров, В. Е. Сидоров. — М., 1989.

3. Лукашов, В. А. Проблемы оперативно-розыскной деятельности / В. А. Лукашов. — М., 2005.

4. Сидоров, В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика / В. Е. Сидоров. — М., 1992.

онного пространства, реализации конституционных принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей, обеспечения единства судебной системы Российской Федерации, повышения эффективности деятельности судов, а также реализации прав граждан и юридических лиц на судебную правовую информацию (О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы : постановление Правительства РФ от 20 нояб. 2001 г. № 905 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49, ст. 4623).

Попытки внедрения информационных технологий в деятельность судов предпринимались еще в начале 1990-х гг. Министерством юстиции Российской Федерации, в чьем ведении находилась в то время судебная система. В этот период проводились работы по созданию программных продуктов для автоматизации работы канцелярий судов, внедрению информационно-справочной системы по законодательству Российской Федерации, была сформирована сеть передачи информации на основе коммутируемых каналов «Искра-2». Данная система охватывала областные и республиканские суды, Московский и Санкт-Петербургский городские суды. Параллельно в ряде областных судов силами специалистов информационных отделов создавались собственные автоматизированные системы, которые успешно эксплуатировались в этих судах достаточно длительное время. Однако единой системы в рассматриваемый период не существовало.

С конца 1990-х гг. в России начали широко распространяться системы электронного судебного делопроизводства, разработанные крупными коммерческими компаниями, в частности, программные продукты закрытых акционерных обществ «Крок» и «Агора». В ходе их эксплуатации стала

очевидной необходимость создания и внедрения единой автоматизированной системы в судах всех уровней.

В связи с этим в апреле 2002 г. Совет судей принял решение о разработке государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее: ГАС «Правосудие») в рамках реализации ФЦП «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг.

С этой целью было проведено широко-масштабное обследование судов общей юрисдикции на предмет готовности к внедрению информационных технологий в их деятельность, состояния материально-технической базы, наличия необходимых кадров и начата разработка программных продуктов, которые должны были комплексно автоматизировать все стороны деятельности суда.

Таким образом, уже начиная с 2007 г. в рамках ФЦП «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг. (О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы : постановление Правительства РФ от 21 сент. 2006 г. № 583 // Рос. газ. 2006. 1 нояб.) осуществляется внедрение информационных, программных и технических решений ГАС «Правосудие» в судах общей юрисдикции и региональных органах Судебного департамента.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16 февраля 2007 г. № 20 «Об эксплуатации государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Правосудие”» утвержден поэтапный ввод данной системы в действие в судах общей юрисдикции и органах Судебного департамента.

Конечной целью этих работ должно стать:

- сокращение сроков рассмотрения дел и жалоб на основе использования новых информационных технологий, включая средства видеоконференцсвязи;

- повышение эффективности процессов судебного делопроизводства и подготовки данных судебной статистики в судах путем сокращения времени на обработку и передачу информации;

- повышение достоверности и полноты первичной информации, получаемой в ходе судебных заседаний;

- повышение оперативности сбора и оформления судебных материалов при подготовке и слушании дел;

- обеспечение оперативного доступа судей и работников аппаратов судов к актуальной и точной информации по действующему законодательству и правоприменительной практике;

- повышение оперативности информационного взаимодействия судов с Верховным Судом РФ, Судебным департаментом, следственными органами, прокуратурой, Минюстом России и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

- повышение оперативности реагирования на обращения судей, граждан и организаций в Судебный департамент;

- повышение информированности общества о деятельности судов, обеспечение прозрачности и открытости состояния системы правосудия в России.

Подробнее остановимся на вопросах повышения информированности общества о деятельности судов, обеспечения прозрачности и открытости состояния системы правосудия в России.

В соответствии с ГАС «Правосудие» объектами автоматизации являются: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, управления (отделы) Судебного департамента в 89 субъектах РФ, 21 верховный суд республик, 6 краевых судов, 49 областных судов, 2 суда городов федерального значения, 1 суд автономной области и автономных округов, 2481 районный суд, 13 окружных (флотских) военных судов, 133 гарнизонных военных судов. Всего в ГАС «Правосудие» предполагалось создание 2796 объектов автоматизации, из которых только 89 объектов не принимают непосредственного участия в рассмотрении дел.

Среди функциональных подсистем, которые устанавливаются на комплексах средств автоматизации судов всех уровней, в ГАС «Правосудие» предусмотрены две подсистемы, призванные максимально упростить гражданам, органам власти, средствам массовой информации доступ к большому кругу информации о деятельности судов. К данным подсистемам относятся подсистема «Интернет-портал ГАС “Правосудие”» и подсистема «Отображения информации коллективного пользования».

Подсистема «Интернет-портал ГАС “Правосудие”» предназначена для обеспечения из сети Интернет свободного оперативного автоматизированного доступа граждан, юриди-

ческих лиц и органов государственной власти к информации о деятельности судебной системы, Судебного департамента и органов судебного сообщества Российской Федерации.

С целью упрощения эксплуатации, повышения надежности и обеспечения защиты размещаемой в сети Интернет информации данная подсистема развернута на площадке Судебного департамента при Верховном Суде РФ. С 2007 г. все районные суды Владимирской области ведут сайты в рамках этой подсистемы. Идет апробирование регламента ввода информации, отрабатываются положения новой инструкции по судебному делопроизводству, которая напрямую предусматривает использование в судах электронного документооборота (Проект инструкции по судебному делопроизводству. URL: http://www.sudrf.ru/files/tech_docs_2008/instr_sud_delo.pdf).

В 2008 г. в рамках внедрения технических решений ГАС «Правосудие» создана единая коммуникационная сеть на базе цифровых каналов, объединившая районные, городские и гарнизонные военные суды, Владимирский областной суд, Управление Судебного департамента во Владимирской области в единое информационное пространство.

Подсистема «Отображения информации коллективного пользования» предназначена для наглядного отображения информационных материалов в ходе судебных заседаний и справочной информации судов РФ.

Основные функции подсистемы: подготовка информации, разрешенной для публикации, размещение даты назначенных судебных заседаний, а также информации о результатах рассмотренных дел.

В холлах и приемных судов устанавливаются информационные киоски для вывода справочной информации общего пользования. Данные устройства при наличии локальной вычислительной сети в здании суда позволяют получать информацию о движении дел в суде напрямую из базы данных подсистемы «Судебное делопроизводство и статистика», что существенно сокращает сроки подготовки и отображения справочной информации.

В настоящее время во Владимирской области информационными киосками оснащены один городской суд общей юрисдикции и Владимирский областной суд.

Основной проблемой использования данных подсистем является сохранение баланса

между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации, ее защите. Для этого в системе предусмотрено разделение контуров документооборота (защищенный, ведомственный и публичный), а также специализированная подсистема информационной безопасности (Технические требования к региональному фрагменту ПСПД ГАС «Правосудие». URL: http://www.sudrf.ru/files/tech_docs_2008/techReqRegSeg.pdf).

В публичном контуре будет храниться и циркулировать та информация, которая является общедоступной, т. е. открытой для любого пользователя, в том числе из других стран, в рамках функционирования подсистемы «Международное сотрудничество», в ведомственном контуре – информация, которая должна циркулировать только внутри судов, Судебного департамента, Верховного Суда и т. д., и, наконец, в защищенном контуре – информация, наделенная соответствующим грифом и оформленная в соответствии с определенной процедурой.

Процессы создания и использования ГАС «Правосудие», как и любые другие процессы, происходящие в государстве и обществе, регулируются нормативными актами. Нормативно-правовое обеспечение ГАС «Правосудие», определяющее и регулирующее процессы ее создания, использования и развития на федеральном уровне, представляет собой совокупность правовых норм, содержащихся в федеральном конституционном законе, федеральных законах, нормативных актах Верховного Суда РФ. В качестве первого шага нормативно-правового обеспечения ГАС «Правосудие» можно считать внесение Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ законопроекта о внедрении этой единой судебной информационной сети.

Открытость и гласность судебной процедуры, которые закреплены в различных нормативных актах, как российских, так и международных, казалось бы, неоспоримы, но общедоступность (как общий принцип) всех судебных решений не выглядит столь очевидной, поскольку есть серьезные аргументы против этого. В частности, публикация имен участников судебных дел, сведений о них, об их личной жизни и имуществе, к которым может иметь свободный доступ любой пользователь Интернета, нару-

шает конституционные права граждан о защите сведений о личной жизни. Это очень сложный и принципиально новый вопрос не только для российского, но и для международного юридического сообщества. Вместе с тем законодатель должен будет ответить на этот вопрос, иначе ГАС «Правосудие» не сможет работать.

В марте 2007 г. Пленум Верховного Суда РФ внес в Государственную Думу РФ проект закона «Об обеспечении прав граждан и организаций на информацию о судебной деятельности судов общей юрисдикции в РФ».

Следует отметить, что данный законопроект не вводит принципиально новых положений: теоретически гражданам и до сих пор гарантировалось гласное правосудие. Однако в законопроекте четко определено, какие именно сведения должны быть доступными, в том числе в Интернете: это информация о делопроизводстве, судебные акты, сведения о составе суда и даже биографические данные судей.

До принятия законодательных актов порядок публикации в Интернете материалов о деятельности судов и результатах рассмотрения дел регулируется постановлением Президиума Совета судей РФ от 13 августа 2008 г. № 162 (г. Мурманск) «Об утверждении Методических рекомендаций по формированию и размещению информации о деятельности судов общей юрисдикции в глобальной информационной системе общего пользования Интернет на официальном интернет-сайте суда» (URL: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=711). В данных Методиче-

ских рекомендациях детально регламентируются порядок публикации, сроки и объем публикуемой судом в Интернете информации, и определяется круг ответственных за подготовку и публикацию лиц.

Таким образом, технические и организационные аспекты создания баланса между потребностью общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации в ГАС «Правосудие» являются вполне решаемыми. Гораздо более сложная задача – определить меру этого баланса, которая требует серьезных дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Об утверждении Методических рекомендаций по формированию и размещению информации о деятельности судов общей юрисдикции в глобальной информационной системе общего пользования Интернет на официальном интернет-сайте суда : постановление Президиума Совета судей РФ от 13 августа 2008 г. № 162 (г. Мурманск). – Режим доступа: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=711.

2. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы : постановление Правительства РФ от 20 нояб. 2001 г. № 905 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49, ст. 4623.

3. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы : постановление Правительства РФ от 21 сент. 2006 г. № 583 // Рос. газ. 2006. 1 нояб.

А. В. Шеслер,
*начальник кафедры уголовного права
Тюменского юридического института
МВД России
доктор юридических наук, профессор*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ОРГАНИЗОВАННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Ключевые слова:

организованная преступность, криминогенные проблемы глобализации, транснациональная организованная преступность, легализация криминального капитала

В современных условиях помимо внутренних детерминант, обуславливающих развитие организованной преступности, су-

ществуют и внешние, связанные с заинтересованностью западных государств в решении своих экономических проблем за счет прямого или косвенного поощрения криминальной экономической деятельности в России: извлечения высоких прибылей из экономики страны, получения по низким ценам сырья, размещения экологически вредных производств, вывоза капитала из страны на льготных условиях и т. д.

Агрессивная экспансия западного капитала, находящегося в значительной степени под влиянием устойчивых преступных синдикатов, началась сразу после распада СССР и явилась для российских предпринимателей неожиданностью. Существовавшая в быв-

шем СССР монополия государства на внешнеэкономические связи не только «замораживала» активность экономических субъектов, но и имела некоторые положительные моменты, так как спецслужбы проверяли эти связи с точки зрения внешней безопасности страны. Либерализация внешнеэкономических связей, распад СССР сопровождались одновременным сужением функций спецслужб. Это привело к тому, что отечественные производители вышли на внешний рынок без оперативного обеспечения экономических контактов, информации о надежности иностранных партнеров. Этим воспользовались криминальные структуры, которые применили к России отработанные значительно раньше на других странах методы обмана товаропроизводителей.

Одним из первых случаев, наиболее показательных в этом отношении, является ситуация, сложившаяся в Томской области с бартерным обменом экспортной квоты нефти второго квартала 1992 г. на зерно. Распоряжением главы областной администрации эта квота была передана ПО «Томскхлебопродукт». Данное предприятие, не имея необходимой службы для проверки надежности будущего партнера, используя рекомендации правительства России, через посредничество государственного российского предприятия «Меркурий-брок» заключило договор на поставку зерна с фирмой «Профинансе» (Швейцария), которая разработала текст договора. В договоре были пункты, не вызывающие на первый взгляд опасений: опережающая поставка зерна в Россию, рассмотрение споров в Швейцарии, указание в качестве форс-мажорных обстоятельств на решения правительств государств, через которые будет осуществляться поставка. После поступления в область первой партии зерна нефть в объеме указанной квоты была перекачена вся, поскольку технология перекачки нефти не позволяла сделать это частями. Дальнейших поставок фирмы «Профинансе» не последовало. К осени 1992 г. ПО «Томскхлебопродукт» предъявило претензии к указанной фирме и предприятию «Меркурий-брок», юридические службы которых обосновали факт невыполнения обязательств по поставке зерна решением правительства Украины, через территорию которой шла поставка. Этим решением все имеющиеся гру-

зовые вагоны (как это и было запланировано до заключения договора) были направлены на уборку урожая. Возможности обратиться в Арбитражный суд РФ у ПО «Томскхлебопродукт» не было, так как по условиям договора споры должны были рассматриваться в Швейцарии. В течение полутора лет юридические службы предприятий посредника и поставщика делали вид, что готовы найти компромисс с покупателем зерна. По истечении этого срока выяснилось, что фирма «Профинансе» входит в состав бельгийского концерна РДИ, который был образован 17 января 1992 г. тремя бывшими российскими гражданами, вошедшими в одну из транснациональных преступных группировок, с небольшим уставным капиталом для заключения фиктивных контрактов по бартерному обмену зерна на российскую нефть. После заключения нескольких таких контрактов концерн РДИ прекратил свое существование. Директор государственного предприятия «Меркурий-брок» Б. Шведин переехал в Лондон, а затем в Израиль. Таким образом, Томской области был причинен ущерб в 3,3 млн долл.¹

Усилившаяся экспансия западного капитала стала частным проявлением общемирового процесса глобализации, которая характеризуется прежде всего как экономическое явление, состоящее в максимальной интеграции мирового рынка капитала (Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. С. 208 ; Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб., 2005. С. 108). Глобализация представляет собой перераспределение экологических ресурсов планеты через экономические, политические, идеологические и информационные механизмы в пользу стран с населением так называемого «золотого миллиарда» – США, Англии, Канады и др. (Валянский С. И. За какие идеи мы умираем. М., 2005. С. 230, 232, 237–243 ; Глазьев С. Ю. Выбор будущего. М., 2005. С. 15–17 ; Попов В. Д. «Углеводородный» Третий Рим?.. Взгляд великоросса. М., 2005. С. 292–294 ; Русская

¹ Случай взят из личной практики автора по оказанию им помощи ПО «Томскхлебопродукт» в создании правовых основ криминологической безопасности.

доктрина. М., 2005. С. 8–9). Остальным странам отводится роль сырьевого придатка и «помойной ямы» отходов мирового хозяйства. Социальной основой этих процессов являются олигархи, собственники-космополиты¹, которые не ориентированы на сущностные интересы населения определенных стран. В научной литературе, посвященной проблемам борьбы с преступностью, глобализация считается в целом положительным явлением, хотя и отмечается, что некоторые ее аспекты обладают криминогенностью и затрудняют борьбу с преступностью (Напр.: Лунев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 20–47). Вместе с тем указанная сущность глобализации позволяет утверждать, что в целом этот процесс негативный, есть лишь незначительные положительные моменты, в частности некоторые евро-стандарты в обслуживании населения. Несколько иначе оценивает глобализацию Русская православная церковь, говоря о противоречивости данного процесса: с одной стороны, она не считает глобализацию приходом антихриста, с другой – обращает внимание на опасности, связанные с глобализацией (Сиб. православ. газ. 2008. № 8(127). С. 5). Безусловно, глобализация сопровождается серьезными криминогенными последствиями, связанными в том числе с усилением влияния организованной преступности на общемировые процессы и ослаблением возможностей национальных государств в борьбе с ней.

В. С. Овчинский показал влияние глобализации на развитие негативных тенденций в преступности, проанализировав шесть основных тенденций глобализации, выделенных ООН: распространение либеральной демократии; преобладание рыночных сил в экономике; интеграцию мировой экономики; трансформацию системы производства и рынка рабочей силы; быстроту технологического обновления; революцию средств массовой информации и диктат идеологии потребительства (Овчинский В. С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001).

¹ Термин введен в научный и публицистический оборот С. Г. Кара-Мурзой (Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М., 2005. С. 410).

По мнению ученого, результатом либеральной демократии стали вспышки экстремизма, насилия и актов вандализма, вооруженные столкновения, акты террора (Там же. С. 8–9). Следует отметить, что реальное воплощение ценностей либеральной демократии (прав человека, гражданского общества, правового государства) возобновило социальные противоречия, лежащие в основе преступности (экономические, национальные, политические и др.). Следствием этого стало создание политических, религиозных, экстремистских и других структур негосударственного контроля и насилия, тесно связанных с организованной преступностью. Следует обратить особое внимание на права человека, воплощение которых в реальности показало, что это права агрессивного маргинального меньшинства (гомосексуалистов, наркоманов, алкоголиков, феминисток, сторонников эвтаназии и т. п.) на утверждение своего образа жизни как социальной нормы. Эта маргинальная часть населения составила одновременно социальную базу организованной преступности и потребителей социально-порочных услуг, оказываемых организованной преступностью.

Преобладание рыночных сил в экономике привело к резкому и значительному расслоению населения по имущественному признаку (Овчинский В. С. Указ. соч. С. 13). Иными словами, рыночная модель жизнедеятельности создала сильную социальную напряженность в обществе, поляризовала население по уровню доходов, а затем и по отношению к социальной политике государства. Представители олигархического капитала, транснациональные компании заинтересованы в экономической политике, свободной от социальных обязательств (медицинского обслуживания населения, оплаты полноценных отпусков, поддержания социально незащищенных слоев населения и т. д.), остальная часть населения – в экономической политике, дающей помимо средств для воспроизводства к труду определенные социальные гарантии. Стремление к сверхприбыли и нежелание нести груз социальных обязательств за последствия своей деятельности создают мировоззренческую основу для сотрудничества организованной преступности и транснационального

капитала. Неслучайно во второй половине 1900-х гг. в России появилась угроза возникновения криминального государства, при котором организованная преступность становилась реальным механизмом социальной организации жизни общества.

Интеграция мировой экономики повлекла прозрачность государственных границ, «бегство» капиталов, «утечку умов», «перетекание» квалифицированной рабочей силы за границу, масштабный уход от налогов через офшорные зоны, более благоприятные условия для легализации криминального капитала, гипертрофированный рост виртуальной экономики, в которой финансовые потоки оказались оторванными от реальной экономики (Там же. С. 17–20). Организованная преступность сумела поставить под свой контроль эти процессы. «Прозрачность» границ при сохранении препятствий для деятельности полиции и спецслужб одного государства на территории другого государства облегчило перемещение участников преступных сообществ, усиление миграции населения привело к перераспределению квалифицированных специалистов в криминальные структуры, в частности к образованию во многих государствах многочисленных преступных формирований на национальной или этнической основе, обладающих большой сплоченностью и закрытостью от контроля со стороны правоохранительных органов. Разработка и реализация различных схем по уклонению от уплаты налогов и легализации криминального капитала стала особым видом профессиональной преступной деятельности, на основе которого формировались и развивались преступные сообщества. Оторванность финансовых потоков от реального рынка товаров и услуг, а также рынка труда повлекла возможность извлекать сверхприбыли, которые составляют основной мотив деятельности организованной преступности, там, где нет производства. Такая ситуация неоднократно влекла за собой «экономическую пустыню» для тех стран, которые несли на себе производственные и экологические издержки современной глобальной экономики (Россия, безусловно, до сих пор входит в их число), так как перемещение производства и рынка труда не поспевало за перемещением фи-

нансовых потоков (Кагарлицкий Б. Ю. Указ. соч. С. 207–208). Несомненно, что оторванность транснациональных компаний от национальной почвы не вызывало у них заинтересованности в тратах на социальную политику. Это, как уже отмечалось, создало мировоззренческую основу для сотрудничества организованной преступности и транснационального капитала. Безусловно, что неблагоприятные экономические последствия усложняют социальную ситуацию, создавая непростые условия жизни населения и общий фон для роста преступности. Любопытным является тот факт, что таким экономическим разрушениям подвергся их центр экономического «вампиризма» – США. В результате разразившегося финансового кризиса и деиндустриализации страны виртуальная экономика и в этой стране привела к существенному падению жизненного уровня населения (Шестаков Е. Нашли «стрелочника». Ответственным за финансовый кризис конгресс назвал родственника президента США // Рос. газ. 2008. № 212. С. 12 ; Сайкин Ю. «Мандраж» по-американски // Рос. газ. 2008. № 217. С. 13). Очевидно, интересы американских транснациональных компаний и правительства США совпадали до тех пор, пока была высокой норма прибыли при экономическом ограблении других государств. С падением нормы прибыли этим компаниям стало не нужно население и собственных государств. Пророческим оказалось следующее высказывание: «Крах англосаксонского либерального глобального проекта, который проводит в жизнь мировая финансовая олигархия, неминуем и очень близок» (Русская доктрина. М., 2005. С. 9). Справедливости ради отметим, что здравомыслящие мыслители США давали аналогичные негативные прогнозы развития своей страны, идущей по пути глобализации (Напр.: Бьюкенен П. Дж. Правые и не-правые. М., 2006. С. 221–238).

Трансформация систем производства и рынка рабочей силы привела к сужению контроля со стороны государства за деятельностью транснациональных компаний в социальной сфере (нормированием труда, сбором налогов, финансированием социальных программ и т. д.) (Овчинский В. С. Указ. соч. С. 20–21). Специфика названных

процессов применительно к организованной преступности состоит, во-первых, в том, что они порождают социальную базу этой преступности, т. е. группы людей, которые вынуждены были приобщаться к усложнившимся социальным условиям через девиантное, в том числе преступное поведение, из-за невостребованности в прежних сферах своей позитивной жизнедеятельности (военнослужащие, педагоги, программисты и т. д.). Данную категорию лиц, оказавшихся в сложных социальных условиях и вынужденных к ним приспособляться, именуют маргиналами (Садков Е. В. Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 10–13 ; Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 183). Во-вторых, социальные процессы порождают многочисленные пространственно-временные образования – «серые зоны»¹ – с деформированными организацией социальной власти и нормативной системой, в которых находится социум (точнее, теневой социум – асоциум), живущий вне сферы современного государства и права, либо под слабым их влиянием. Девиантное и преступное поведение лиц, включенных в «серые зоны», становится социальной нормой. «Серыми зонами», в которых концентрируются лица с преступным и социально отклоняющимся поведением, могут быть отдельные территории (парки, кладбища, стадионы и т. д.), целые территориальные образования (например окраины крупных городов) или даже страны (например, Колумбия, где значительная часть населения занимается выращиванием и производством наркотических средств). Современный социум рассматривает «серые зоны» как «обочину» человеческой цивилизации, на которую сваливаются все болезни и издержки ее развития (социальные, экономические, политические и т. д.), где они локализуются территориально. В этих зонах эксплуатируется дешевая рабочая сила, через неэквивалентный обмен изымаются экологические ресурсы, создается широкомасштабный

рынок сбыта некачественных товаров, оружия, наркотических средств и психотропных веществ, легализируются преступные доходы, образуются места захоронения промышленных отходов, испытываются новые виды вооружения и социальные доктрины переустройства общества, создаются анклавы террористов и других опасных преступников, разрешаются военные и другие крупные социальные конфликты, переносимые туда с территорий индустриально развитых государств. «Серые зоны» – это способ организации асоциала, который стремится выжить как биологический и социальный вид. Причем выжить не пассивно, адаптируясь к ухудшающимся условиям жизнедеятельности, а активно, за счет экспансии территорий, свободных от «серых зон». Таким образом, эти образования – уже не пассивный объект воздействия социума, а активный субъект в отношениях с ним, причем агрессивный и достаточно сильный. В «серых зонах» возникают необходимые условия для воспроизводства и формирования социально-негативных связей между людьми, которые организационно выражаются в создающихся устойчивых преступных группах, составляющих основу организованной преступности (Шеслер А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С. 44–47).

Быстрота технологического обновления, как отмечает В. С. Овчинский, позволяет использовать компьютерную технику в преступных целях (Овчинский В. С. Указ. соч. С. 22–23). Организованной преступности это помогает улучшать механизм совершения экономических преступлений и в виртуальной реальности меньше подвергаться контролю и воздействию со стороны правоохранительных органов.

Характеризуя революцию средств массовой информации, ученый обращает внимание на следующие деструктивные аспекты их влияния на общество, определенным образом детерминирующие преступность: диктат идеологии потребительства, осуществляемый нередко через криминогенное воздействие; рекламирование как естественности тех форм социально отклоняющегося поведения, которые считались неприемлемыми с позиций традиционной нравственности; способствование легализации

¹ Термин введен в научный оборот А. Фурсовым (Колокола истории // Рубежи. 1995. № 5. С. 3–15).

преступности через описание нетрадиционных разновидностей преступной деятельности, которые являются высоко доходными и якобы не наказуемыми с позиций уголовного закона (Овчинский В. С. Указ. соч. С. 23–24). Следует отметить, что диктат идеологии потребительства сам по себе создает духовную предпосылку для организованной преступности, поскольку деформирует систему ценностей в структуре личности, выдвигая на первый план потребности материального характера и установку на возможность их удовлетворения преступным способом. Культивирование маргинального поведения (наркомании, азартных игр, сексуального распутства и т. д.), как уже отмечалось, увеличивает круг людей, пользующихся услугами порочного свойства, на которых экономически паразитирует организованная и профессиональная преступность. Вклад средств массовой информации в легализацию криминальной деятельности осуществляется через криминализацию творческой деятельности, размывающей в сознании населения устойчивые стереотипы правомерного поведения и создающей социальный образ преуспевающей личности, принадлежащей к криминальной среде.

Идеологически благоприятным фоном для глобализации организованной преступности является либерализм, который в конце 80-х гг. XX в. обрел популярность среди номенклатурной элиты бывшего СССР, а с начала 1990-х гг. стал официальной государственной идеологией. Воплощение в социальную практику идей либерализма привело к трагическому распаду СССР, утрате Россией статуса мировой державы, превращению ее в сырьевой придаток транснациональных компаний.

Основу системы ценностей современного либерализма составляют теории демократии, гражданского общества, прав человека (Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006. С. 214). Демократия в ее реальном воплощении – это система, в которой на место общества как самостоятельной целостной ценности, имеющей коллективный интерес, стоящий выше интересов отдельных лиц, ставится совокупность индивидов, обладающих интересом, отличным от коллективного. При этом предполагается,

что частный интерес выше общественного. Вместо иерархии интересов (интересы общества и общественных групп, частные интересы) выстраивается иерархия интересов в обратном порядке (Там же. С. 215). Кроме того, демократия в либеральном понимании означает технологический процесс в политике, прежде всего в избирательной системе, в которой результаты выборов не должны отражать интересы большинства населения. Такое возможно, если избирательными технологиями сделать из народа электорат, состоящий из индивидов, голосующих не в соответствии с интересами своих социальных групп и нации в целом, а исходя из личных сиюминутных интересов, личной симпатии (Панарин А. С. Указ. соч. С. 215–219). В правовой сфере создаются необходимые условия для усложнения процедуры выборов, увеличения числа политических партий, участвующих в них, для раздробления социальных групп на электорат и манипулирование их голосами (Шеслер А. В. Идеологическая основа Уголовного кодекса России // Уголовное право на рубеже тысячелетий. Тюмень, 2006. С. 5–6 ; Проект Россия. М., 2007. 125–129). Это создает благоприятные предпосылки для вхождения криминалитета во власть.

Гражданским является общество, в котором социальные связи, основанные на глубинном исторически традиционном коллективном интересе народа, предполагающего иррационально-жертвенное начало индивида во имя народа, заменяются на социальные связи, основанные на конвенции интересов индивидов и отдельных групп, в основе которых лежит конъюнктурное, часто сиюминутное эгоистическое начало (Панарин А. С. Указ. соч. С. 218, 224, 227). Религиозной основой такого общества является протестантизм, представляющий собой еретическое направление в христианстве. Протестантизм проповедует веру в спасительную силу денег, превращает их в смысл человеческой деятельности. В этом состоит сам дух общества, основанного на рыночной экономике (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 70–73).

Права человека в реальности – это права агрессивного маргинального меньшинства на утверждение своего образа жизни как

социальной нормы. «Слабость института прав человека, – отмечается в определении Освященного Архиерейского Собора Русской православной церкви «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», – в том, что он, защищая свободу выбора, все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха... Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира» (Сиб. православ. газ. 2008. № 8(127). С. 3). Лишение советского человека реальных социально-экономических прав (на труд, образование и т. д., в целом на достойную жизнь) произошло в обмен на чувственность и право иметь собственную индивидуалистическую мораль взамен традиционной (Там же. С. 236–238). В частности, нельзя считать положительной либерализацию общественной морали по отношению к гомосексуализму, так как в основе крайне отрицательного отношения общества к этому явлению первоначально лежало не табу (запрет как самоцель, нарушение которого влечет кару сверхъестественных сил), а стремление к такому укладу отношений между полами, которое будет способствовать нормальному биологическому и социальному воспроизводству человека. Гомосексуализм – это смертный грех, так как общество, подверженное этому греху, не имеет будущего, обречено на вымирание (Майоров Д. Н. Смертный грех гомосексуализма // Сиб. православ. газ. 2006. Янв.–февр.). В Ветхом Завете прямо сказано: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Левит, 18:21). Далее уточняется: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» (Левит, 20:13). Еще раз подчеркнем, что маргиналы составляют одновременно социальную базу организованной преступности и потребителей социально-порочных услуг, оказываемых организованной преступностью.

В воспитательном аспекте продуктом либерализма является внушаемая личность, готовая к подчинению. Как отмечает американский философ Э. Фромм, критикуя либеральные системы воспитания: «Явный авторитет был заменен анонимным, явное приказание – “научно” обоснованными форму-

лами; вместо “не делай этого” теперь говорят “тебе не понравится делать это”. Фактически анонимный авторитет во многих отношениях может быть даже более подавляющим, чем авторитет явный» (Фромм Э. Человек для себя. Революция надежды. Иметь или быть. М., 2007. С. 137). Таким образом, либерализм, заменив систему традиционных запретов скрытым, но всеподавляющим насилием, создал благоприятные психологические предпосылки для подчинения насилию, оказываемому на общество со стороны организованной преступности.

Более негативную оценку либерализма в целом дал лидер американских консерваторов П. Дж. Бьюкенен, сравнив либерализм с вирусом ВИЧ, разрушающим иммунную систему организма и оставляющим человека беззащитным перед инфекциями, самая пустяковая из которых способна его убить (Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. М., 2008. С. 114).

В заключение следует отметить, что наши выводы носят предварительный характер, нуждаются в более развернутой аргументации. В целом предстоящая жесткая полемика со сторонниками либерализма во всех общественных науках будет носить не только характер сугубо научного спора, а, несомненно, перейдет в плоскость идеологической борьбы за будущий выбор России. От исхода этого спора во многом будет зависеть успех противодействия общества организованной преступности.

Библиографический список

1. Голик, Ю. В. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю. В. Голик, В. И. Карасев. – СПб., 2005.
2. Лунев, В. В. Эпоха глобализации и преступность / В. В. Лунев. – М., 2007.
3. Овчинский, В. С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности / В. С. Овчинский. – М., 2001.
4. Садков, Е. В. Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994.
5. Шеслер, А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А. В. Шеслер. – Саратов, 2006.

З. Г. Юсупова,
*соискатель кафедры
гражданского права и процесса
Института экономики,
управления и права (г. Казань)*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ УНИТАРНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ, ОСНОВАННЫХ
НА ПРАВЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ**

Ключевые слова:

правосубъектность унитарных предприятий, орган
юридического лица, орган унитарного предприятия,
реализация правосубъектности

Реализация правосубъектности юридических лиц имеет определенную специфику, обусловленную своеобразием правовой конструкции юридического лица.

По закону юридическое лицо представляет собой самостоятельный субъект права, создаваемый для участия в гражданском обороте. Однако по сути «юридическое лицо является искусственной правовой конструкцией, существующей лишь постольку, поскольку иные участники оборота и законодатель связывают с ней наличие комплекса имущественных и неимущественных прав» (Бушева С. Г. Орган юридического лица: правовой статус и соотношение со смежными институтами // Законодательство. 2005. № 2. С. 56). С самого начала своего существования юридическое лицо имеет перед собой определенные цели и задачи, для выполнения которых необходимо обладать возможностью участия в гражданском обороте. Такая возможность состоит в наделении юридического лица гражданской правоспособностью и дееспособностью, однако оно само не может их реализовать.

В связи с невозможностью юридического лица самостоятельно приобретать и осуществлять гражданские и иные субъективные права, создавать для себя и исполнять гражданские и иные юридические обязанности, существенное значение приобретает вопрос о действиях и волеизъявлении самого юридического лица.

В соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Иными словами, за «юридическим лицом признается

способность к действиям в лице его органов» (Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 121–122). Согласно ст. 53 ГК РФ органы юридического лица не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты гражданских правоотношений. Правосубъектностью закон наделяет не орган, а само юридическое лицо, соответственно органы следует признать неправосубъектными. Однако именно органы юридического лица участвуют в гражданских правоотношениях, приобретают и создают для юридического лица права и обязанности и способствуют их осуществлению. Органы юридического лица и оно само не могут быть субъектами права одновременно, поскольку имеют однородный интерес, единую волю. Именно поэтому правоотношения между органом и самим юридическим лицом невозможны. Кроме того, по указанной причине в правоотношениях с другими субъектами права органы действуют в качестве самого юридического лица, а не от его имени и в его интересах. В связи с этим представляется неверным разделять, противопоставлять друг другу органы и юридическое лицо, а также отождествлять орган юридического лица и представительство, основным признаком которого является действие одного лица от имени и в интересах другого. С нашей точки зрения, необходимо различать направленность действий органа и представителя юридического лица: действие от имени и в интересах юридического лица (для представительства), действие в качестве юридического лица (для органа юридического лица).

Для последующего определения органа юридического лица также важно учитывать, что подлинными субъектами правоотношений всегда являются люди. Даже если в качестве органа юридического лица выступает другое юридическое лицо, то органом этого (второго) юридического лица будет лицо физическое.

Таким образом, конструкцию *органа юридического лица* следует признать своеобразным приемом юридической техники, смоделированным с целью искусственной подмены фиктивного (вымышленного) субъекта права (юридического лица) в гражданском обороте. Посредством применения такого приема правосубъектность юридического лица реализуется в действиях его органа. Действия такого органа признаются действиями самого юридического

лица. При этом функции органа юридического лица выполняют физические лица, уполномоченные на то законом, учредительными документами юридического лица, соответствующими договорами.

Особая сущность унитарных предприятий предопределила специфику его органов. Орган унитарного предприятия представлен единоличным руководителем, назначаемым собственником имущества, закрепляемого в хозяйственное ведение. Взаимоотношения руководителя с работодателем (собственником имущества предприятия) регулируются преимущественно законодательством о труде. Одной из процедур, предшествующих заключению трудового договора с руководителем предприятия, является назначение его на должность. При этом «назначение руководителя унитарного предприятия собственником на должность – только основание для заключения трудового договора и возникновения соответствующих трудовых правоотношений» (Сумской Д. А. Образование органов юридического лица // Рос. юстиция. 2007. № 1. С. 4). Указанное положение вытекает из ст. 19 ТК РФ, согласно которой заключению трудового договора может предшествовать назначение на должность или утверждение в должности, если это предусмотрено законом, иным нормативным правовым актом или уставом организации. Порядок назначения на должность руководителя предприятия определяется собственником его имущества. Например, соответствующие отношения с участием руководителей республиканских унитарных предприятий регулируются постановлением КМ РТ от 10 октября 2000 г. № 708 «О порядке назначения, заключения трудовых договоров, аттестации руководителей республиканских унитарных предприятий и исполнительных органов открытых акционерных обществ с долей государства в уставных капиталах».

Впоследствии с руководителем унитарного предприятия заключается трудовой договор согласно требованиям трудового законодательства. Нормы трудового права допускают совмещение деятельности в качестве руководителя организации с деятельностью у другого работодателя с разрешения уполномоченного органа юридического лица либо собственника имущества организации, либо уполномоченного собственником лица (органа).

Согласно Федеральному закону от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (Рос. газ. 2002. 3 дек.) (далее: Закон) руководитель не вправе занимать должности и заниматься другой оплачиваемой деятельностью в государственных органах, органах местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организациях. Вместе с тем указанный Закон предоставляет руководителям предприятий право заниматься педагогической, научной и иной творческой деятельностью. Нарушение установленного и закрепленного в уставе организации запрета осуществлять какую-либо иную деятельность, кроме руководства деятельностью организации, может быть расценено как грубое нарушение трудовых обязанностей и повлечь увольнение такого руководителя. Названные ограничения, накладываемые Законом на руководителей унитарных предприятий, практически сравнивали их с государственными служащими или частными лицами, отправляющими некоторые публичные функции. Однако «это вполне соответствует публичным целям, ради достижения которых могут создаваться унитарные предприятия» (Степанов В. Г. Унитарное предприятие – пережиток прошлого или жертва несовершенной законодательной базы? // Юрист. 2003. № 5. С. 35).

Также законодатель счел необходимым отдельно в отношении руководителя предприятия установить запрет на его участие в забастовках. Однако, учитывая сферу деятельности государственных предприятий, основываясь на ст. 55 Конституции РФ и ст. 413 ТК РФ, следует отметить, что запрет на участие в забастовках действует не только в отношении руководителя, но и всех работников предприятия.

Полагаем, что подобные ограничения вводятся для того, чтобы исключить возможность злоупотреблений руководителями своими должностными полномочиями вопреки имущественным интересам собственника предприятия.

Компетенция органа унитарного предприятия устанавливается уставом, решениями собственника имущества предприятия, трудовым договором. Перечень полномочий, входящих в состав компетенции руководителя, содержится в абз. 2 п. 1 ст. 21 Закона. Одной из основных функций руководителя является организация выполнения решений собственника

имущества предприятия. Учитывая принцип подотчетности (п. 1 ст. 21 Закона) органа перед собственником имущества предприятия и возможность собственника обращаться в суд с исками о признании оспоримой сделки с имуществом унитарного предприятия недействительной, а также с требованием о применении последствий недействительности ничтожной сделки (п. 3 ст. 20 Закона), можно заключить, что руководитель унитарного предприятия, назначаемый уполномоченным на то государственным или муниципальным органом, в полной мере ответствен за выполнение решений собственника и за результаты хозяйственной деятельности унитарного предприятия. В свою очередь, собственник имущества практически лишает унитарное предприятие хозяйственной самостоятельности.

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 21 Закона целью объективной оценки деятельности руководителей предприятий и определения их соответствия занимаемой должности проводится аттестация руководителей унитарных предприятий. Порядок ее проведения устанавливает Положение о проведении аттестации руководителей федеральных государственных унитарных предприятий, утв. постановлением Правительства РФ от 16 марта 2000 г. № 234 «О порядке заключения трудовых договоров и аттестации руководителей федеральных государственных унитарных предприятий»; с изм. 11 марта 2008 г. (Рос. газ. 2000. 29 марта ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 11 (ч. 1), ст. 1030). В соответствии с п. 3 ст. 21 Закона руководитель унитарного предприятия отчитывается о деятельности предприятия в порядке и в сроки, которые определяются собственником имущества унитарного предприятия.

При определении сущности органа государственного (муниципального) предприятия важно учитывать, что унитарные предприятия создаются для реализации конкретных публично-правовых целей, определенных собственником их имущества. Е. А. Суханов отмечает первостепенность публичного интереса в России, определяющего создание унитарных предприятий (Суханов Е. А. Перспективы корпоративного законодательства и другие проблемы отечественного права // Закон. 2006. Сент. С. 6–7). Будучи предприятиями-несобственниками, свои действия, связанные с участием в гражданских правоотношениях, предприятия в лице своего руководителя

должны согласовать с собственником имущества. В этом смысле орган унитарного предприятия руководствуется не только интересами юридического лица, но и собственника имущества унитарного предприятия. При этом во внешних отношениях орган предприятия часто выражает не волю юридического лица, а волю учредителя-собственника. Тем самым руководитель предприятия совершает *действия в чужом интересе*, что является отличительным признаком института представительства. При таком подходе действия органа унитарного предприятия надлежит признавать представительством.

Таким образом, Закон определяет полную подотчетность и подконтрольность действий руководителя предприятия. Это позволило сделать вывод о том, что во-первых, орган унитарного предприятия представлен единоличным руководителем, назначаемым собственником имущества предприятия; во-вторых, орган унитарного предприятия полностью подотчетен собственнику имущества предприятия; в-третьих, полномочия органа унитарного предприятия основаны на законе, уставе, решениях собственника имущества предприятия, трудовом договоре с руководителем предприятия; в-четвертых, выступая в правоотношениях с другими субъектами права в качестве своеобразного представителя, орган унитарного предприятия действует, прежде всего, в интересах собственника его имущества.

Таким образом, исходя из вышеизложенной правовой характеристики органа унитарного предприятия можно сформулировать обобщенное определение понятия исследуемой категории.

Орган унитарного предприятия – это зависимое от воли собственника имущества унитарного предприятия, ограниченное в правах лицо, выступающее в правоотношениях с другими субъектами права от имени унитарного предприятия, осуществляющее внутреннее управление организацией, организующее выполнение решений собственника имущества предприятия.

Следует обратить внимание на то, что в ст. 21 «Руководитель унитарного предприятия» Закона содержится положение (ч. 4), согласно которому в случаях, предусмотренных федеральными законами и изданными в соответствии с ними правовыми актами, в унитарном предприятии могут быть образо-

ваны совещательные органы (ученые, педагогические, научные, научно-технические советы и др.). Соответственно если в унитарном предприятии создается такой коллегиальный орган, то единоличный возглавляющий орган предприятия будет принимать решения единолично, но с учетом суждения совещательного органа. Однако неясно, в какой степени мнение указанного совещательного органа обязательно для исполнения руководителем предприятия. По нашему мнению, на практике может возникнуть такая ситуация, когда точка зрения единоличного исполнительного органа относительно принятия какого-либо значимого решения будет расходиться с соображениями совещательного органа. Другое дело, если руководитель предприятия возглавит в качестве председателя вышеуказанный орган и его голос будет решающим. При этом руководителю предприятия никто и ничто не препятствует получить аналогичную консультацию по наиболее значимым вопросам от иных сотрудников (например, заместителей или помощников директора, главного инженера, начальников цехов и других звеньев администрации предприятия). За расширение структуры органов управления государственного (муниципального) предприятия еще до принятия Закона выступала Н. Косякова. По ее мнению, структура органов управления государственного (муниципального) предприятия должна выглядеть следующим образом: общее собрание работников; единоличный исполнительный орган – генеральный директор, директор, руководитель; совет (коллегия) предприятия; органы управления структурными подразделениями госпредприятия – руководители филиалов, представительств, начальники цехов, отделов и т. д. (Косякова Н. Управление государственным унитарным предприятием: реальность и перспективы // Законодательство и экономика. 2000. № 11. С. 10–18).

Особый интерес вызывает тот факт, что Закон об унитарных предприятиях не предусматривает какие-либо требования, предъявляемые к членам таких совещательных органов. Однако, на наш взгляд, на практике подобного рода советы будут составлять исключительно из государственных служащих.

Полагаем, что указанное расширение внутренней структуры данной организационно-правовой формы юридического лица является дополнительной гарантией эффективного управления государственным (му-

ниципальным) имуществом и усиления контроля за деятельностью руководителей государственных (муниципальных) предприятий со стороны публично-правовых образований.

В связи с этим принятые совещательными органами акты должны утверждаться собственником имущества предприятия. Следовательно, решения совещательного органа должны приобретать обязательный характер и играть весомую роль в принятии тех или иных решений руководителем предприятия, так как будут иметь силу «заданий собственника».

Однако существует другая проблема – противоречие норм. В ч. 4 ст. 113 ГК РФ органом управления прямо назван только руководитель, тем самым не допускается создание совещательных органов, предусмотренных Законом. С нашей точки зрения, для исправления указанного противоречия целесообразно внести изменения в текст ст. 113 ГК РФ, указав, что в случаях, предусмотренных федеральными законами и изданными в соответствии с ними правовыми актами, в унитарном предприятии могут быть образованы совещательные органы. До их образования следует руководствоваться действующей редакцией ГК РФ.

Таким образом, *правосубъектность унитарного предприятия реализуется* посредством особого вида представительства, осуществляемого единоличным, зависимым от воли собственника имущества унитарного предприятия, ограниченным в правах лицом, который в соответствии с законом, уставом предприятия, решениями собственника, трудовым договором осуществляет внутреннее управление организацией, выступает в правоотношениях с другими субъектами права от имени унитарного предприятия и организует выполнение решений собственника имущества предприятия.

Библиографический список

1. Бушева, С. Г. Орган юридического лица: правовой статус и соотношение со смежными институтами / С. Г. Бушева // Законодательство. – 2005. – № 2, 3.
2. Степанов, В. Г. Унитарное предприятие – пережиток прошлого или жертва несовершенной законодательной базы? / В. Г. Степанов // Юрист. – 2003. – № 5.
3. Косякова, Н. И. Управление государственным унитарным предприятием: реальность и перспективы / Н. И. Косякова // Законодательство и экономика. – 2000. – № 11.

М. А. Богданов,
*аспирант кафедры теории и истории
государства и права Московского
гуманитарно-экономического института*

**ИНСТИТУТ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

Ключевые слова:
криминалистика, уголовное право, уголовный процесс

Идея условно-досрочного освобождения появилась в Англии при австралийской ссылке, а затем в 60–80-х гг. XIX в. получила законодательное закрепление в пенитенциарных системах Европы и США. Как элемент прогрессивной системы исполнения наказания этот институт соответствовал общим целям уголовной политики конца XIX – начала XX в., его становление способствовало ресоциализации арестантов и открывало возможность индивидуализации уголовной ответственности в условиях чрезмерного переполнения тюрем.

Российская «система» условно-досрочного освобождения возникла под влиянием германской и французской систем, приобретая вместе с тем «ряд очень интересных, оригинальных черт, являющихся результатом той разработки, которую этот вопрос получил в нашей литературе и на съездах» (Люблинский П. И. Основные черты условного досрочного освобождения по закону 22 июня 1909 г. Спб., 1910. С. 5).

По мнению А. А. Пионтковского, попытки реализации в России идеи условно-досрочного освобождения осуществлялись «при организации нашей каторги», где «разрешение жить вне острога» представляло форму условного освобождения, аналогичную «французской транспортиции и японской депортации» (Пионтковский А. А. Условное освобождение. Казань, 1900. С. 84–85).

Так, согласно Уставу о ссыльных 1822 г. (далее: Устав) все каторжные делились на испытываемых и исправляющихся. В начале осужденные поступали в отряд испытываемых

(ст. 285 Устава), а по истечении определенного времени, если они подавали «надежду на исправление доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия», переходили в отряд исправляющихся (ст. 300 Устава). В соответствии со ст. 305 Устава по отбытии в этом отряде определенного времени (от года до трех лет) администрация разрешала осужденным каторги «жить не в остроге, а в комнатах заводских мастерских или же построить для себя дом на земле, принадлежащей заводу, и вступать в брак». Такие каторжные подчинялись «особому надзору» и согласно ст. 437–440 Устава в случае совершения нового преступления им назначались телесные наказания, продлевался срок каторжных работ и ухудшалось их положение во время заключения. В соответствии со ст. 443 Устава совершение каторжными проступков (кратковременные отлучки, просрочки отпусков, лень к работе, нерадение к домообслуживанию и пр.) влекло «перевод их в острог, в отряд каторжных исправляющихся на время до одного года» (Свод законов Российской империи. Спб., 1857. Т. 14. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражей и о ссыльных).

Из колонизационных соображений данная форма условно-досрочного освобождения получила значительное распространение на о. Сахалин. По свидетельству А. П. Чехова, «вне тюрьмы в собственных домах и на вольных квартирах жили все без исключения ссыльнокаторжные женщины, многие испытываемые и даже бессрочные, если у них есть семьи или если они хорошие мастера, землемеры и т. п.» (Чехов А. П. Моя жизнь. Остров Сахалин. М., 2008. С. 283).

В отношении несовершеннолетних, отбывавших наказание в исправительно-воспитательных заведениях, условно-досрочное освобождение применялось с 1866 г. Установленные в указанном году правила полностью воспроизводились в ст. 162 Устава о содержащихся под стражей 1890 г., предусматривающей, что по отбытии двух третей срока назначенного наказания (но не менее

одного года) несовершеннолетние осужденные могли досрочно освобождаться администрацией заведения при условии возвращения в приют «на случай их дурного поведения» (Свод законов Российской империи. Т. 14). С принятием законов от 20 мая 1892 г. и 2 июня 1897 г. срок содержания несовершеннолетних в приюте судом не устанавливался (Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2000. С. 85–86). По данным отчета Главного тюремного управления, около 30 % несовершеннолетних, освобожденных в 1897 г. из исправительно-воспитательных заведений, освобождались условно-досрочно (Отчет по Главному тюремному управлению за 1897 г. Спб., 1899. С. 134–135). Решение о предоставлении условного освобождения и возвращении в приют принималось советом, состоящим из лиц учебно-воспитательного персонала, врачей и учредителей заведения.

По мнению П. И. Люблинского, в этой форме условно-досрочное освобождение представляло собой разновидность неопределенного приговора. Впоследствии данные меры получили существенное развитие по закону от 19 апреля 1909 г. «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (Люблинский П. И. Указ. соч. С. 26).

Создание в 1819 г. в России первой благотворительной тюремной организации – Общества попечительного о тюрьмах – явилось результатом гуманизации уголовной политики, проявившейся в изменении целей наказания и улучшении условий содержания арестантов (Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII–70-е годы XIX века) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14). Члены общества в лице директоров региональных комитетов могли не только надзирать за религиозным и нравственным воспитанием заключенных, но и освобождать досрочно при достижении осужденными морального исправления (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1946. Т. 2. С. 28, 47). Однако такое освобождение носило безусловный характер.

Вопрос о введении в пенитенциарную систему России условного освобождения

как общей меры возник в 1881 г. при составлении Редакционной комиссией первого проекта Уголовного уложения. Статья 22 Проекта предусматривала, что «приговоренные к исправительному дому на срок свыше трех лет по отбытии ими двух третей наказания за хорошее поведение могут быть освобождаемы из заключения по представлению управления исправительным домом, утвержденному Главным тюремным управлением, с тем, что если они до истечения определенного приговором срока наказания будут замечены в нарушении установленных для таких освобожденных правил, возвращаются в места заключения и время пребывания на свободе не зачитывается им в срок наказания» (Фон-Резон А. К. Уголовное уложение: Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом. Спб., 1903. С. 53–54).

Редакционная комиссия признала условно-досрочное освобождение «необходимым дополнением всякой рационально устроенной тюремной системы», «надежным подспорьем для организации тюремной дисциплины», позволяющим определить, «насколько результаты тюремного воздействия на преступника оказываются действительно прочными» (Там же. С. 54).

При обсуждении Проекта, представленного Редакционной комиссией в 1882 г., некоторые отечественные криминалисты (С. П. Мокринский, К. Яневич-Яневский, А. Н. Орлов, В. К. Случевский, Поллан) высказали сомнение в целесообразности введения данного института (Миролюбов Н. И. Институт неопределенных приговоров. Казань, 1902. С. 9–24). Эти возражения имели практический характер и указывали на отсутствие эффективной системы патронажа и полицейского надзора, неустройство и переполненность мест заключения. М. В. Духовский и С. К. Гогель считали возможным введение данного института только при условии повсеместного создания обществ патронажа (Гогель С. К. О замене ссылки в Сибирь другим наказанием // Журн. Министерства юстиции. 1899. № 9. С. 123–124).

Приняв во внимание приведенные замечания, Редакционная комиссия отказалась от включения данного института, «недостаточно еще исследованного в отношении необходимых условий его практического применения»,

в проект Уголовного уложения. Вместе с тем Высочайше учрежденное Особое совещание при Государственном Совете, учитывая мнение Редакционной комиссии о нецелесообразности применения условно-досрочного освобождения, поручило дальнейшее рассмотрение этого вопроса Министерству юстиции (Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан / под ред. Д. А. Коптева. Спб., 1909. С. 12).

Отрицательное решение Редакционной комиссии не встретило понимания и вызвало критику ученых, отстаивавших необходимость введения данного института.

В частности, В. В. Пржевальский писал в 1897 г.: «Печальное состояние наших тюрем, на которое ссылается комиссия, не может продолжаться вечно и должно улучшиться с введением в действие уложения, в котором будут заложены правильные начала тюремной системы, и с уже состоявшимся переходом мест заключения в ведение Министерства юстиции» (Пржевальский В. В. Проект Уголовного уложения и современная наука уголовного права (из Журнала Юридического общества). Спб., 1897. С. 70). Сторонники применения названного института указывали на положительный опыт зарубежных стран и статистические данные, свидетельствующие о низком проценте рецидива среди условно освобожденных.

Второй Съезд русской группы Международного союза криминалистов, проходивший в Санкт-Петербурге в 1900 г., принял резолюцию, в которой признал условно-досрочное освобождение для России «в высшей степени желательной и необходимой мерой». Проект М. В. Духовского, выступавшего с докладом на Съезде, предусматривал применение условного освобождения в отношении лиц, приговоренных к каторге и исправительному дому, по отбытии ими половины срока назначенного наказания (но не менее года) при условии их хорошего поведения. Ходатайство о применении этой меры могло исходить от тюремной администрации. Условно освобожденные поступали под надзор тюремного патроната, полиции или администрации пенитенциарных учреждений и не могли свободно избирать место жительства (Приводится по: Пионтковский А. А. Указ. соч. С. 96).

Проходивший в 1901 г. в Москве третий Съезд русской группы Международного

союза криминалистов полностью поддержал резолюцию предыдущего. Концепция, предложенная А. А. Пионтковским, предусматривала применение условно-досрочного освобождения в отношении приговоренных к исправительному дому или тюрьме на срок свыше одного года по истечении 1/3 назначенного срока наказания, а в отношении «многократных рецидивистов по имущественным преступлениям» – по истечении 2/3 срока заключения. Освобождение могло применяться после отбытия одного года заключения, при этом освобожденные «водворялись на жительство в специально указанных для них местах».

На Съезде с докладами выступали такие видные ученые-правоведы, как А. А. Пионтковский, А. А. Жижиленко, А. В. Витте, а затем под председательством Н. С. Таганцева состоялись прения, окончившиеся принятием подробной резолюции. Съезд постановил, что условно-досрочное освобождение «должно быть допущено по отношению ко всем лицам, приговоренным к лишению свободы на срок не менее шести месяцев». Для применения этой меры необходимо, чтобы «приговоренный отбыл не менее 2/3 назначенного ему наказания и, во всяком случае, не менее шести месяцев», «заслуживал таковое своим хорошим поведением» и «выразил свое согласие на применение указанной меры». Ходатайство о применении условно-досрочного освобождения могло исходить от комиссии при администрации места заключения, лиц прокурорского надзора или местного общества патроната (Международный Союз криминалистов. Труды Русской Группы (1899–1902 гг.). Спб., 1902. С. 567–568).

Министерство юстиции с пониманием отнеслось к идее развития общественного патроната. По предложению Московского Съезда русской группы Международного союза криминалистов в апреле 1901 г. под председательством И. Я. Фойницкого был разработан проект Нормального устава общества патроната, который 10 сентября 1908 г. был утвержден Министром юстиции.

По постановлению Государственной Думы от 27 ноября 1907 г. Проект закона «Об условном досрочном освобождении», разработанный Министром юстиции И. Г. Щегловитовым, был передан на рассмотрение

Комиссии по судебным реформам. В октябре 1908 г. одобренный Государственной Думой законопроект был направлен Государственным Советом в Комиссию законодательных предложений и с учетом внесенных поправок 22 июня 1909 г. получил Высочайшее утверждение.

Согласно ст. 1 данного закона условное досрочное освобождение могло применяться к лицу, приговоренному к заключению в тюрьме, исправительном арестантском отделении или исправительном доме (на срок не менее восьми месяцев), по отбытии им 3/4 назначенного судом срока наказания, но не менее шести месяцев, без зачета в этот срок времени содержания под стражей (Баранцевич Е. М. Патронат в жизни России. Томск, 1914. С. 390).

В соответствии со ст. 3 указанного закона условное досрочное освобождение не могло применяться к лицам, осужденным за кража, подлежащим ссылке на поселение и водворению в Якутскую область.

Основанием применения условного досрочного освобождения являлось «одобрительное поведение» заключенного во время отбытия наказания, которое давало достаточные основания полагать, что при освобождении он будет вести «добропорядочный образ жизни» (ст. 2 названного закона).

Пункт 4 Инструкции по применению закона от 22 июня 1909 г. «Об условном досрочном освобождении», утвержденной Министром юстиции 29 сентября 1912 г., предусматривал, что «одобрительное поведение» состоит не только в «подчинении арестанта правилам тюремной дисциплины, но и в активном проявлении исправления, выраженном в трудолюбии, успехе в работах и уважении к законам и властям» (Баранцевич Е. М. Значение обществ патроната во время войны и народных бедствий. Томск, 1915. С. 66–67). При этом применение условно-досрочного освобождения в отношении рецидивистов допускалось при соблюдении «особой осторожности» (Там же. С. 68).

Согласно ст. 5 данного закона право ходатайствовать об условном освобождении принадлежало лицам прокурорского надзора, начальнику места заключения, представителям благотворительно-тюремных комитетов, членам местных обществ патро-

ната, а также состоящим при месте заключения врачам и духовным лицам.

Вопрос о применении условно-досрочного освобождения разрешался Особым совещанием, в состав которого входили местный мировой судья (местный уездный член окружного суда) в качестве председателя и 12 членов: лица прокурорского надзора, губернский тюремный инспектор, полицмейстер или уездный исправник, начальник места заключения (его помощник), представители благотворительно-тюремных комитетов, два члена общества патроната, состоящие при месте заключения духовное лицо и врач, а также лица, заведовавшие образованием заключенных (ст. 7 названного закона). Пункт 3 циркуляра Министерства юстиции по Главному тюремному управлению от 4 июля 1909 г. № 34 возлагал на начальника места заключения обязанность представлять Особому совещанию «необходимые данные для его суждений» (Баранцевич Е. М. Патронат в жизни России. С. 381).

В соответствии со ст. 7 данного закона легитимность Особого совещания признавалась в случае обязательного присутствия судьи, начальника места заключения (его помощника), а также представителя тюремно-попечительного комитета или общества патроната.

При рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении начальник места заключения был обязан представить в письменном виде имеющиеся «данные о характере и поведении арестанта в месте заключения, прилежании его к работе, о болезнях и болезненных привычках, склонности к употреблению спиртных напитков, отношении к тюремной администрации и другим заключенным, о выдающихся случаях, происшедших с ним во время содержания под стражей, о семейном и имущественном его положении и роде занятий на свободе, о преступлении, за которое он отбывает наказание, размере принадлежащих ему собственных и заработанных денег, а также выписку из штрафного журнала о всех налагавшихся на арестанта дисциплинарных взысканиях с указанием оснований, по коим они были наложены» (п. 4 названной Инструкции).

О применении условно-досрочного освобождения Особое совещание принимало постановление, в котором разрешались следующие вопросы: «а) о том, кем возбу-

жден вопрос о досрочном освобождении; б) о наличии формальных условий, с указанием, каким приговором, за что и к чему присужден заключенный, какими обстоятельствами сопровождалось совершение преступления и чем осужденный занимался ко времени его учинения, когда начал отбывать наказание, и каков отзыв тюремного начальства о его поведении; в) об условиях предстоящей заключенному, по освобождении, жизни, составе его семьи и сумме заработка в тюрьме; г) о возмещении потерпевшему причиненных преступлением убытков» (п. 16 указанной Инструкции).

Согласно ст. 11, 12 закона «Об условном досрочном освобождении» постановление Особого совещания, которым заключенный признавался заслуживающим условного досрочного освобождения, с приложением личного дела и письменного обязательства осужденного (о соблюдении условий досрочного освобождения) представлялось начальником места заключения на рассмотрение окружного суда.

Утверждая постановление Особого совещания, суд выносил определение об условно-досрочном освобождении, в котором назначал освобожденному место жительства. В соответствии со ст. 13 данного закона определение не подлежало обжалованию и немедленно обращалось к исполнению. Согласно циркуляру Министерства юстиции от 20 ноября 1909 г. № 59519, в силу ст. 58² Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, условно освобожденным не разрешалось пребывать и селиться «в столицах и во всех местностях столичных губерний; в губернских городах, и их уездах и во всех местностях, отстоящих от губернских городов ближе 25 верст» (Баранцевич Е. М. Патронат в жизни России. С. 49–50).

В период испытательного срока, равного неотбытой части наказания, условно освобожденному запрещались самовольные отлучки и перемена места жительства. Статья 19 названного закона предусматривала отмену условно-досрочного освобождения за нарушение этих требований.

Надзор за поведением условно освобожденных осуществляли общества патроната или благотворительно-тюремные комитеты, а в случае их отсутствия – местные мировые, городские или гминные судьи либо

земские участковые начальники (ст. 15 указанного закона).

Согласно ст. 20 закона «Об условном досрочном освобождении» условное досрочное освобождение подлежало отмене в случаях: 1) совершения условно освобожденным нового преступления; 2) установления его «порочного поведения», угрожающего «личной или общественной безопасности или порядку» (пьянство, распутство, тунеядство, праздношатание, общение с порочными людьми и т. п.); 3) нарушения других условий досрочного освобождения. Обязательным основанием отмены условного досрочного освобождения являлось осуждение лица за вновь совершенное преступление «к наказанию свыше ареста».

Если в течение испытательного срока суд не отменял условное освобождение, определенное приговором наказание считалось отбытым и освобожденному возвращались личные и заработанные в тюрьме деньги (ст. 24 данного закона).

В соответствии с п. 2 решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената от 25 октября 1912 г. «О практике применения закона от 22 июня 1909 г.» (Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1912 год. Спб., 1912. С. 31) условное досрочное освобождение не применялось к лицам, отбывающим наказание по приговорам судов Кавказа, Туркестанского края, Степного Генерал-губернаторства и «прочих инородческих судов», а также к иностранцам, подлежащим по отбытии наказания выдворению за границу (п. 8).

Закон «Об условном досрочном освобождении» 1909 г. отменил ст. 317 Устава о содержащихся под стражею и ч. 3 ст. 23 Уголовного уложения от 22 марта 1903 г., т. е. существовавшее в России безусловное сокращение срока наказания для исправительно-арестантских отделений, сохранив его только для каторжных работ.

Порядок учета и представления статистических данных о применении названного закона регламентировался Правилами о порядке составления и доставления статистических листов о применении и отмене условно-досрочного освобождения, утвержденными циркуляром Министерства юстиции от 18 июня 1910 г. № 33246.

По данным Министерства юстиции за 1910–1914 гг., по решениям окружных судов условно-досрочно было освобождено 50 969 осужденных, из них в 1910 г. – 12 356 человек; 1911 г. – 14 044; 1912 г. – 11 089; 1913 г. – 6 323; 1914 г. – 7 161. Примерно 77,9 % условно-досрочно освобожденных являлись лицами крестьянского сословия (Баранцевич Е. М. Патронат в жизни России. С. 79, 103).

Количество осужденных, в отношении которых было отменено условно-досрочное освобождение, составило в 1910 г. – 94 человека; 1911 г. – 213; 1912 г. – 321 (Певцов В. Статистический очерк применения закона об условном освобождении за последнее трехлетие (1910–1912 гг.) // Тюрем. вестн. 1913. № 12). Значительная часть случаев отмены условного освобождения ввиду отсутствия надлежащего контроля и перемещения осужденных из одной местности в другую оставалась латентной и проявлялась лишь при

осуждении досрочно освобожденных за вновь совершенное преступление.

Таким образом, указанный закон детально регламентировал институт условно-досрочного освобождения в дореволюционной России, который в неизменном виде просуществовал до Октябрьской революции 1917 г.

Библиографический список

1. Баранцевич, Е. М. Патронат в жизни России / Е. М. Баранцевич. – Томск, 1914.
2. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2 / М. Н. Гернет. – М., 1946.
3. Люблинский, П. И. Основные черты условного досрочного освобождения по закону 22 июня 1909 г. / П. И. Люблинский. – Спб., 1910.
4. Миролубов, Н. И. Институт неопределенных приговоров / Н. И. Миролубов. – Казань, 1902.
5. Пионтковский, А. А. Условное освобождение / А. А. Пионтковский. – Казань, 1900.

О. В. Маркина,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Ключевые слова:
система подготовки юридических кадров,
общие теоретические начала, институциональная модель
образования, утилитарная модель образования,
фундаментальная модель образования

В сложившейся сегодня политико-правовой и экономической ситуации остро стоит вопрос о создании в России эффективной системы подготовки юридических кадров. Следствием концептуальной неопределенности профессионального юридического образования является тот факт, что модернизация высшего юридического образования осуществляется путем пересмотра набора учебных дисциплин, а содержание юридического образования уточняется нередко посредством механического заимствования зарубежного опыта. В связи с этим в рамках настоящей публикации будет проведен ретроспективный анализ исторического опыта дореволюцион-

ной российской высшей юридической школы. В основу данного анализа положены два ключевых момента: эффективность использования зарубежного опыта и соотношение теоретических и практических дисциплин, преподаваемых на юридических факультетах российских университетов.

Первое упоминание о русской юридической школе относится к XVIII в., когда Россия, благодаря деятельности Петра Великого, вступила в новую эпоху своего развития и заняла достойное место на международной политической сцене. Русские правоведы первой половины XVIII в. не имели своих обобщений и обращались к заимствованиям. Будущие специалисты либо выезжали за рубеж, либо для них выписывались иностранные преподаватели.

В первую очередь Петр I интересовался подготовкой собственных военных юристов, предназначенных для наблюдения за тем, чтобы «процессы порядком и надлежащим образом отправлялись», так как военные «время свое обучением военного искусства, а не юридического провождают» (Цит. по: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 49). Гражданская служба также нуждалась в притоке специалистов, поэтому

при коллегиях были учреждены специальные школы. Дворяне неохотно шли учиться в данные заведения, так как преподавание носило формальный характер, делопроизводство осваивалось посредством переписывания огромного количества бумаг, а юридическая наука – путем прослушивания указов по два дня в неделю.

Русский правовед Г. С. Фельдштейн, отдавая дань практической направленности юридического образования того времени, подчеркивает, что оно не могло конкурировать в области науки с теоретическим в разрешении научных проблем (Там же. С. 48). По мнению ряда исследователей (Напр.: Фельдштейн Г. С. Указ. соч. ; Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988), первые попытки организовать собственно высшее юридическое образование (образование, сочетающее в себе практические и теоретические начала), следует относить к деятельности Петра Великого, т. е. задолго до основания первого университета в Москве.

Общеизвестно, что Академия наук, созданная указом Петра I в 1724 г., состояла из трех звеньев – академии, т. е. научного центра, академического университета и академической гимназии. Среди преподаваемых наук были история и право. Несмотря на то, что изучение юриспруденции сосредоточивалось на общих теоретических началах, преподаваемых иностранцами, это была основа российской правовой науки.

Новым подходом к решению стоящей задачи стало открытие в 1755 г. Московского университета, в котором был создан юридический факультет. На факультете существовало три кафедры, которые охватывали основной комплекс юридических наук: 1) «всей юриспруденции», или всеобщего и римского права; 2) «юриспруденции российской», или истории и теории русского права; 3) «политики», или международных отношений и международного права. Студенты сначала должны были прослушать «право общее, естественное и народное», затем – историю римского права и новейших европейских законодательств и, уже получив основательную общую подготовку, приступить к изучению отечественного права и практического законоведения (Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 240). Российскому законодательству отводился ми-

нимум времени, поскольку преподаватели его просто не знали. Кроме того, существенным препятствием являлись разрозненное состояние законодательства и невысокий уровень отечественной юриспруденции.

В сложившейся ситуации результатом обучения на юридическом факультете должно было стать овладение большим объемом, прежде всего, общих знаний, не всегда предназначенных для практического применения. В данном случае трудно определить модель юридического образования, поскольку профессора читали не столько то, что требовалось изучать, сколько то, что они могли предложить. Сам процесс обучения в университете, когда студентам вне зависимости от специализации приходилось слушать лекции всех профессоров, способствовал формированию образования, не связанного с практической юриспруденцией. Теоретический уклон поощрялся и первыми русскими профессорами.

В начале XIX в. усилия государства, заинтересованного в совершенствовании своего бюрократического аппарата, были направлены на увеличение числа юридически образованных людей среди чиновников. Двадцать четвертого января 1803 г. были утверждены Предварительные правила народного просвещения, которые предусматривали введение через пять лет образовательного ценза для поступающих на государственную службу. Для того чтобы обеспечить возможность получения образования, правительство провело реформу образования, коснувшуюся прежде всего развития системы высшего образования.

В этой связи заметные изменения, носившие в основном институциональный характер, коснулись высшего юридического образования. Начало царствования Александра I отмечено ростом количества высших юридических школ. Ими являлись университеты, число которых выросло до пяти, и специальные училища. В университетах – Московском, Казанском и Харьковском – существовали кафедры «прав гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи», «прав знатнейших, как древних, так и нынешних народов» и «права естественного (политического и народного)».

В 1804 г. был утвержден университетский устав. Он исходил из опыта ряда западно-европейских университетов и учитывал осо-

бенности университетского образования в России. По уставу университеты при решении своих внутренних вопросов получали большую автономию и невиданную тогда демократию. Однако не удалось ввести свободу преподавания, как в немецких университетах, так как не хватало профессоров. Юридический факультет назывался отделением нравственных и политических наук. Связано это было с господствовавшей концепцией правопонимания, утверждавшей, что право произрастает из этических, моральных и нравственных норм. Студентам преподавались следующие «главные курсы»: логика и метафизика, нравоучительная философия, право естественное, политическое и народное, государственное хозяйство, гражданское право знатнейших древних и нынешних народов, уголовное право знатнейших древних и нынешних народов, гражданское право Российской империи, уголовное право Российской империи, всеобщая история, священное писание, догматическое богословие, нравоучительное богословие.

Очевидно, что юриспруденция по-прежнему носила всеобщий, философский характер. Право растворилось среди общих и отвлеченных дисциплин. В учебных программах доминировали естественно-правовые учения, заимствованные из Западной Европы. Студенты обучались универсальным истинам, содержащимся в доктринах естественного права, которые придавали и правоведению, и юридическому образованию теоретический характер, поскольку были ориентированы на выяснение права идеального, но не действующего. Поэтому слушателям почти всегда приходилось иметь дело с известными идеальными построениями, которые противопоставлялись реальной действительности. Обучение юриспруденции в процессе практической деятельности сводилось к развитию навыков копирования бумаг и знанию канцелярских формальностей.

Вторая треть XIX в. ознаменовалась выходом в свет 45-томного Полного собрания законов Российской империи и 15-томного Свода законов Российской империи. Юридическое образование получило возможность вырабатывать необходимые практические навыки на отечественном материале. Кроме того, попытка государственного переворота, совершенная декабристами во время восшествия на престол Николая I, и

сама личность императора предопределили поворот в высшем юридическом образовании в сторону утилитарной модели.

Теперь в России функционировали шесть университетов, каждый из которых набирал студентов на юридический факультет (Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 38). Суть изменений состояла в том, что юридическое образование приобрело практический уклон. В первую очередь от юристов требовалась профессиональная компетенция. Это выражалось в преобладании позитивного права в программах преподавания и минимизации философской и исторической частей правоведения. При этом при подготовке юристов основное внимание уделялось формированию знаний о действующем законодательстве. Согласно новому университетскому уставу 1835 г. содержание профессиональной подготовки юристов существенно перестраивалось. Студентам юридических факультетов полагалось изучать следующие науки: энциклопедия, или общее обозрение системы законоведения, российские государственные законы (законы основные, законы о состояниях, государственные учреждения), история и догма римского права, гражданские законы (общие, особенные, местные), законы благоустройства и благочиния, законы о государственных повинностях и финансах, законы полицейские и государственные, начала общенародного правоведения (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Спб., 1835. Т. 10, № 8337).

Введение утилитарной модели, безусловно, имело положительный эффект, выразившийся в том, что высшее юридическое образование встало на национальную основу и позволило студентам получать знания, необходимые на протяжении всей профессиональной жизни, так как правовая система носила стабильный характер. Однако эпоха либеральных реформ, наступившая во второй половине XIX в., изменила стабильное российское общество, внося в жизнь постоянные изменения и обновления. В ходе судебной реформы 1864 г. завершилось отделение судебной власти от административной. Право окончательно определилось как самостоятельная и достаточно специфическая сфера социальной практики.

Проведение реформ поставило задачу еще более усилить подготовку юридиче-

ских кадров. Усложнение социальных отношений и правовые реформы второй половины XIX в. способствовали осознанию русским обществом необходимости профессионализма в правотолковании и правоприменении. Это вызвано временем, которое требовало адекватных изменений и стимулировало поиски в конструировании содержания юридического образования. На смену утилитарному пришло фундаментальное юридическое образование, концепция которого определялась императивом знания как такового, его ценностью безотносительно к практической пользе и прикладному применению.

Основные параметры учебного плана были заложены в уставе 1863 г., который увеличил число кафедр до 13 (добавились кафедры гуманитарного и историко-правового профиля). Первые курсы были посвящены общей подготовке. На последующих курсах студенты осваивали дисциплины, формирующие профессиональные знания, умения и навыки. Но главное, что на протяжении почти всего периода обучения студенты уделяли большое внимание историко-правовым курсам. Они присутствовали в том или ином виде практически в каждом семестре. Изучение историко-правового материала не только способствовало общему развитию, расширению юридического кругозора студентов, но и приобщало их к научным исследованиям. История права развивала юридическое мышление студентов. Кроме того, доминирующим был тезис о том, что положительное право не могло быть понято и объяснено без его истории. Именно поэтому догматическое изложение права постоянно соединялось с историческим.

Таким образом, главным принципом фундаментального юридического образования стала опора на научное знание. Университет рассматривался не просто как инструмент аккумуляции знания, но и как средство интеллектуального развития студентов, которое предполагалось достичь универсальным обучением, свободной циркуляцией мысли и личным общением. Отрицательными моментами фундаментальной модели стали, во-первых, многочисленность и разнообразие учебных предметов, которые следовало изучить студентам, во-вторых, слабо выраженная специальная подготовка. Профессиональную ориента-

цию университетскому юридическому образованию попытались придать посредством введения на юридическом факультете специализации через создаваемые отделения. Эта идея была также воспринята из практики западно-европейских университетов. Специализация признавалась полезной всеми университетскими советами, но при этом они не рассматривали эту меру как обязательную для всех.

Царствование Александра III известно как эпоха контрреформ. В 1884 г. был принят новый университетский устав, существенно ограничивший автономию вузов и отражавший в полной мере консервативную политическую линию. Это сразу сказалось на содержании университетского юридического образования. Правительство немедленно стало ограничивать преподавание по общим гуманитарным дисциплинам, что автоматически влекло за собой усиление практически ориентированной подготовки.

В соответствии с уставом 1884 г. на юридическом факультете сократилось число кафедр. Теперь вместо ранее существовавших 13 кафедр полагалось 12: римского права, гражданского права и гражданского судопроизводства, торгового права и торгового судопроизводства, уголовного права и уголовного судопроизводства, истории русского права, государственного права, международного права, полицейского права, финансового права, церковного права, политической экономии и статистики, энциклопедии права и истории философии права. Согласно новому уставу были ликвидированы две историко-правовые кафедры и введена новая – торгового права и торгового судопроизводства.

Следовательно, сократилась доля теоретической подготовки. Как справедливо заметила И. А. Емельянова, исследовавшая материалы, связанные с деятельностью Казанского университета, устав 1884 г. представлял собой «наступление на теоретическую и историко-правовую части научного правоведения» (Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 гг. : очерки. Казань, 1998. С. 84). Следует отметить, что в ряде западно-европейских стран проходили аналогичные изменения. В Пруссии обязательным условием допуска студента юридического факультета к государственному экзамену яв-

лялось наличие свидетельства об участии в практических занятиях по гражданскому праву. Во Франции в конце XIX в. весьма активно создавались высшие учебные заведения юридического профиля, в которых особое внимание уделялось практическому образованию юристов. В Сорбонне на юридическом факультете были введены практические занятия.

Однако вопреки опасениям не произошло вытеснения фундаментальной основы университетского образования. Против этого выступили даже практикующие юристы, считая вредным отказ от фундаментального образования. Новая модель удачно сочетала фундаментальное и утилитарное начала в юридическом образовании. Умеренный утилитаризм в сочетании с регулируемой (ограниченной) свободой преподавания и обучения стал наиболее устойчивой и эффективной моделью высшего юридического образования в дореволюционной России. В таком формате университетский устав действовал до 1905 г. В период революции правительство пошло на уступки, касавшиеся выборности ректора, деканов и профессоров. Однако с 1910 г. вновь был восстановлен устав 1884 г., действовавший до конца существования Российской империи.

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ высшего юридического об-

разования в Российской империи позволяет сделать вывод об исторически сложившейся традиции заимствования западных образцов для создания отечественной системы высшего юридического образования. Само по себе заимствование не представляет угрозы, но только в том случае, когда оно происходит не механическим перенесением готовых моделей, а только лишь путем взвешивающего отбора лучших образцов с учетом их приспособления к национальным особенностям и реалиям российской общественной и политической жизни, чему способствует сбалансированное сочетание теоретических и практических дисциплин.

Библиографический список

1. Емельянова, И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 гг. : очерки / И. А. Емельянова. – Казань, 1998.
2. Марголис, Ю. Д. Отечеству на пользу, а россиянам во славу / Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин. – Л., 1988.
3. Фельдштейн, Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн. – М., 2003.
4. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох / Р. Г. Эймонтова. – М., 1985.

Л. Ф. Пертли,

заместитель начальника отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы НИИ ФСИН России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕДИКО-САНИТАРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1831–1917 гг.)

Ключевые слова:

медико-санитарное обеспечение заключенных, пенитенциарная медицина, врач тюремного замка, лечение арестантов

В современных условиях развития пенитенциарной системы большое значение придается реализации прав и законных интересов осужденных в части охраны их здоровья в период отбывания уголовного наказания. Лечебно-профилактическая по-

мощь осужденным оказывается в 72 соматических, 59 туберкулезных и 5 психиатрических больницах, 882 здравпунктах и медицинских частях, функционирующих в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), где имеются 52 550 стационарных коек. Санитарно-эпидемиологический надзор на объектах УИС осуществляют 7 федеральных государственных учреждений здравоохранения – центров гигиены и эпидемиологии ФСИН России по федеральным округам с 68 филиалами в каждом территориальном органе, в штаты которых введена должность главного государственного санитарного врача (VII Всероссийское совещание начальников медицинских служб ФСИН России // Ведомости УИС. 2008. № 1. С. 2–16).

Вместе с тем в медико-санитарном обеспечении осужденных в учреждениях УИС имеется ряд проблем: кадровая неукомплектованность медицинских подразделе-

ний (58 % от типовых штатных нормативов и реальной потребности); недостаточная материально-техническая база лечебно-профилактических учреждений; отстающее от потребностей бюджетное финансирование пенитенциарной медицины; увеличение концентрации в исправительных учреждениях социально-дезадаптированной прослойки населения, в основном с заболеваниями социально значимого характера (туберкулез, ВИЧ-инфекция, вирусные гепатиты, венерические и кожные инфекционные заболевания); отсутствие у большинства спецконтингента элементарных навыков личной гигиены (Там же. С. 3, 6–7, 14–15).

С нашей точки зрения, экономическая ситуация в России, изменившаяся в связи с мировым финансовым кризисом, будет способствовать обострению проблем медико-санитарного обеспечения осужденных в учреждениях УИС. В связи с этим интерес вызывает исследование правового регулирования и практического опыта организации медицинского и санитарно-профилактического обеспечения заключенных в разные годы функционирования дореволюционной тюремной системы.

Одним из важнейших ведомственных правовых актов, относящихся к исследуемому периоду, является Инструкция смотрителю губернского тюремного замка от 9 апреля 1831 г. (далее: Инструкция), в которой гл. IX, содержащая 55 статей, посвящена вопросам медицинского обеспечения исполнения уголовных наказаний. Согласно ст. 206 Инструкции ответственность за санитарно-гигиеническое состояние мест заключения была возложена на смотрителя, как «полного хозяина тюремного замка и блюстителя в оном внутреннего порядка» (Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. В. Н. Коковцов и С. В. Рухлов. Спб., 1894. С. 82). Непосредственная организация лечебной и санитарно-профилактической работы в местах лишения свободы в соответствии со ст. 165 Инструкции была возложена на врача, которому по медико-санитарной части подчинялись все служащие тюрьмы, а также медицинский персонал больницы и аптека.

В нормах ст. 180–195 Инструкции получили юридическое закрепление основные обязанности врача тюремного замка: врачебный осмотр вновь поступающих в тюремный замок арестантов; ежедневный обход тюрем-

ного замка для проверки санитарного состояния всех помещений и распоряжений по устранению выявленных недостатков; заведование тюремной больницей и аптекой; направление в больницу заболевших заключенных; лечение арестантов в тюремной больнице, их осмотр не менее двух раз в день, ведение медицинской документации; ежедневное предоставление смотрителю сведений о больных арестантах; подача заявок на медикаменты, их учет и т. д.

В ст. 161–178 Инструкции содержались требования по организации лечения арестантов: работа тюремной больницы, состоящей из мужского и женского отделений; размещение больных по роду болезни; снабжение больницы особым для больных платьем, бельем и медицинскими принадлежностями; обеспечение больных особой пищей по предписанию врача и т. д.

Для карательной системы Российской империи характерным является значительное перемещение каторжных заключенных и ссыльных в отдаленные и малообжитые районы страны для решения хозяйственных задач, что требовало притока полноценной рабочей силы. Анализ архивных документов и литературных источников показал, что Главное тюремное управление (далее: ГТУ) не могло не беспокоить состояние здоровья и высокая смертность заключенных. М. Г. Детков приводит следующие данные: в пересылочной тюрьме в Москве в 1880 г. число заболевших арестантов составляло 4 969 человек, из них умерло 650, в 1881 г. это число возросло до 5 471 и 804 человек соответственно. Во время этапирования по главному ссыльному тракту больных было в 1880 г. 11 621 человек, в 1881 г. – 11 405, из них умерло 1 200 и 1 385 человек соответственно (Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 42).

Главное тюремное управление для улучшения сложившейся ситуации принимало меры в виде издания циркуляров. Так, в соответствии с циркулярами от 11 июня 1885 г. «Об устройстве гражданских лазаретов на этапах главного ссыльного тракта Восточной Сибири» и от 28 апреля 1887 г. «Об устройстве лазаретов и о лечении арестантов на баржах» при этапных зданиях и на баржах, перевозящих партии ссыльных по Волге, Каме и рекам Западной Сибири,

были устроены лазареты (XV лет деятельности Главного тюремного управления // Тюрем. вестн. 1894. № 6. С. 309).

Особое беспокойство ГТУ вызывала высокая смертность каторжан, направляемых на о. Сахалин из Одессы морским путем. В связи с этим ГТУ 6 ноября 1891 г. издало Правила о порядке распределения и отправления в места назначения из губерний Европейской России и Кавказского края осужденных в каторжные работы и добровольно следующих в ссылку семейств их (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2122. Л. 20–21об.), обязывающие губернские правления обследовать состояние здоровья лиц, осужденных к каторжным работам, для определения их переносимости морского плавания и выявления заразных болезней. Однако продолжительное пребывание в центральных тюрьмах и пароходных трюмах располагало к заболеванию цингой и часто арестанты заболевали целыми партиями вскоре по прибытии на остров (Чехов А. П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Собр. соч. / под общ. ред. А. В. Луначарского. М. ; Ленинград, 1929. Т. XI. С. 249).

Таким образом, в решении проблемы сохранения здоровья каторжных и ссыльных в пути помимо человеческой заботы и сострадания ГТУ двигал и экономический интерес: пересылка обходилась казне дорого, а умершие и больные арестанты уменьшали количество рабочей силы, доходящей до каторги. Однако издаваемые циркуляры не решали указанной проблемы.

Важным направлением деятельности ГТУ также была борьба с эпидемическими заболеваниями в местах лишения свободы. В связи с возникающими инфекционными заболеваниями Министерство внутренних дел 5 февраля 1879 г. издало циркуляр № 20 «О санитарных мерах в отношении казенных зданий и тюрем» с Правилами для производства дезинфекции отхожих мест, помойных и мусорных ям, дворов, равно одежды и белья больных заразительными и прилипчивыми болезнями (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 182. Л. 3–11). Данный циркуляр требовал: содержания в надлежащей чистоте зданий, дворов и других тюремных помещений; тщательной очистки нечистот; содержания в исправности дворов, отхожих мест и мусорных ям, их дезинфекции; ежедневного проветривания по-

мещений; тщательного осмотра провизии, доставляемой арестантам, а также мест для ее приготовления и обеспечения заключенных чистой водой.

В связи с появившейся в государствах Европы холерной эпидемии и возможности проникновения ее в Россию ГТУ были выработаны Указания и правила санитарных мероприятий и способов предупреждения эпидемий, разосланные при циркуляре от 22 августа 1884 г. № 18 вместе с Инструкцией для дезинфекции тюремных помещений, мягких постельных принадлежностей, белья, платья и извержений больных (Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 79–82). Указания и правила требовали при первом же появлении эпидемии в местах заключения или городах, где они находятся, немедленно уведомить телеграммой ГТУ для прекращения передвижения арестантов в пораженные местности и из них; прекращения свиданий и вывода арестантов на внешние работы; строгой изоляции заболевших арестантов в отдельном помещении, приспособленном в освобождаемых для этой цели мастерских, цейхгаузах, столовых, школах либо устроенном временно среди тюремного огорода или двора барачного или палаточного помещения. Указания подробно излагали правила дезинфекции извержений больного, его постельных принадлежностей, белья, одежды; правила захоронения умерших от холерной болезни; дезинфекции всех зданий тюремного учреждения по окончании холеры. В целях предупреждения появления холеры указания требуют улучшить воздух тюремных камер, чистоту в содержании кухонь, прачечных, бань, отхожих мест и других помещений, тщательно проветривать и очищать одежду прибывших арестантов и соблюдать чистоту между сидельцами.

Циркуляром от 14 апреля 1905 г. № 7 ГТУ распространило Наставление о способах предупреждения и ограничения развития холерной эпидемии в местах заключения с подробными Правилами производства дезинфекции жилых помещений, белья, одежды, мягких постельных принадлежностей и извержений холерных больных (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 295. Л. 47–51об.). В Наставлении обращалось внимание на необходимость улучшения санитарного со-

стояния и дезинфекции всех помещений в местах заключения, в особенности кухонь, прачечных, бань, отхожих мест; улучшения воздуха тюремных камер и мастерских через проветривание; запрещения держать в камерах промокшее платье и обувь; недопущения загрязнения тюремных дворов отбросами. Кроме того, данное Наставление обращало особое внимание на доброкачественность пищевых продуктов и воды; надлежащее приготовление пищи и использование для хранения воды закрытых сосудов с кранами; строгий врачебный осмотр арестантов в неблагополучных по холере местностях; для ознакомления со способами предохранения от заболеваний было рекомендовано вывешивать в камерах соответствующие наставления.

Наставление требовало от заключенных соблюдать чистоту тела и чаще мыться в бане. Однако это противоречило требованию о прекращении вывода заключенных за стены тюрьмы в связи с отсутствием бань при острогах, о чем свидетельствуют донесения тюремных ревизоров (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951–1952. Т. 2. С. 498).

Следует отметить, что санитарные правила, указания и инструкции 1879, 1884 и 1905 гг. достаточно подробны, написаны простым, доступным языком и могут даже сегодня служить примером ведомственного нормотворчества. Однако они не решили проблему улучшения санитарной части мест лишения свободы, находившуюся за все время существования царизма в неудовлетворительном состоянии, которое было связано с переполнением тюрем, плохим их устройством, ненормальным и недостаточным питанием, отсутствием правильной организации медицинской помощи (Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 32).

В исследуемый период в оценке санитарного состояния мест заключения и практики применения санитарно-гигиенических нормативных актов существует явное противоречие: если в отчетах санитарное состояние мест заключения ГТУ признавало удовлетворительным (Лучинский Н. Ф. Тюрьма в России по последним официальным данным // Тюрем. вестн. 1906. № 4. С. 278), то многочисленные публикации свидетельствуют об ужасающей санитарно-гигиенической обстановке в ряде мест за-

ключения (Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 497, 500–501; Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. М., 1935. С. 144).

Одним из ключевых вопросов в правовом регулировании медико-санитарного обслуживания заключенных является вопрос об источниках покрытия расходов на лечение лиц, содержащихся под стражей. В соответствии со ст. 245 Устава о содержащихся под стражею (Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 362) и циркуляром от 18 мая 1882 г. № 17 (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 54. Л. 6) больные арестанты всех категорий, за исключением арестантских отделений, лечатся за счет казны. При этом к деньгам, положенным по табели на продовольствие здоровых арестантов, для больных добавляется по 3 коп. на человека в сутки на медикаменты. Больные арестанты исправительных арестантских отделений на основании ст. 1079 Устава о содержащихся под стражею лечились за счет средств исправительных отделений. При этом большинство арестантских исправительных отделений были не в состоянии удовлетворить потребности, и долги за лечение арестантов достигали значительных сумм (Там же. Оп. 6. Д. 406. Л. 366–370об.).

Не менее актуальным был вопрос о минимизации расходов государства на лечение лиц, содержащихся под стражей. Статья расходов на содержание и лечение больных и погребение умерших арестантов по ГТУ постоянно сокращалась (ГАРФ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 215. Л. 96) и циркуляром от 27 января 1888 г. № 3 (Там же. Л. 128) было установлено покрывать эти расходы за счет экономических средств тюремных комитетов.

Таким образом, в Российской империи не было единого подхода к источникам покрытия расходов на лечение и содержание заключенных различных категорий. В условиях ограниченности казенных средств государство последовательно проводило политику сокращения расходов на содержание больных арестантов за счет уменьшения ассигнований и стремилось переложить бремя финансирования медицинского обеспечения заключенных на тюремные комитеты.

Реальное состояние мест заключения в санитарно-гигиеническом отношении и медицинское обслуживание арестантов харак-

теризуют два объективных показателя: заболеваемость и смертность заключенных. Средняя смертность заключенных в 1904 г. стояла на довольно низком уровне, едва достигая 2,1 % (Лучинский Н. Ф. Тюрма в России по последним официальным данным // Тюрм. вестн. 1906. № 4. С. 281), что значительно уступало доли смертности в общественных больницах. За 1904 г. всего умерли 1 705 арестантов. Наибольшая смертность отмечалась в областях: Закаспийской (10,8 %) и Семипалатинской (20,0 %); наименьшая – в Саратовской губернии (0,4 %) и Якутской области (0,5 %). Заболеваемость была в 1904 г. более высокой в губерниях: Енисейской (24,5 %), Тобольской (20,9 %), Смоленской (16,4 %) и Самарской (15,0 %). Наименьшая заболеваемость наблюдалась в Иркутской губернии (1,7 %) и Забайкальской области (1,8 %).

Болезни, наиболее характерные для арестантов, можно рассмотреть на примере мест заключения г. Санкт-Петербурга. При среднесуточном количестве арестантов 2 880 человек в 1904 г. больные составляли 288 человек (10 %). Среди болезней заключенных первое место занимал грипп (489 случаев), затем цинга (404), венерические болезни (361), воспаления желудочно-кишечного тракта (303), анемия и бледная немочь (273), бугорчатка (220), тиф сыпной, брюшной, возвратный (183), чесотка и другие паразитические болезни (115), истерия и неврастения (54), душевные болезни (40) и острое или хроническое отравление алкоголем (33), роды (19). Произведено 20 хирургических операций. Умерло 96 взрослых и 7 детей (3,6 %), в том числе 48 человек – от бугорчатки (т. е. туберкулеза) (Лучинский Н. Ф. Указ. соч. С. 292).

Основными причинами болезней арестантов были переполнение тюремных камер, несоблюдение санитарно-гигиенического режима, плохое питание. При этом ГТУ отмечало необходимость помещения в больницы заключенных, не страдающих никакими острыми болезнями, а лишь нуждающихся во временном отдыхе и улучшении пищи, быстро восстанавливающих их силы, тем самым признавая неудовлетворительными условия содержания и недостаточность питания арестантов, ухудшающих состояние их здоровья. Для восстановления здоровья больные арестанты обеспечивались улучшенным питанием, в

которое входили: мука (2-го сорта), яйца, мясо, брюква, морковь, картофель, снятки, крупа (гречневая, пшенная, перловая, овсяная), чай, сахар, в особую порцию – даже телячьи котлеты, телятина, клюквенный кисель, селедка и компот из сухофруктов (Лучинский Н. Ф. Указ. соч. С. 292). К сожалению, неизвестно, какой категории больных предназначалась подобная пища и выдавалась ли она фактически.

Заболеваемость в местах лишения свободы в 1909 г. составляла 8,38 %; 1910 г. – 7,8 %; 1911 г. – 7,7 % (Лучинский Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюрм. вестн. 1914. № 2. С. 366). Главное тюремное управление связывало тенденцию снижения уровня заболеваемости тюремного населения с мерами, принимаемыми в целях предотвращения развития туберкулезных заболеваний. Циркулярами ГТУ от 8 июля 1910 г. № 28, от 28 февраля 1911 г. № 5 были предписаны различные меры против этого заболевания: перевод в места заключения с подходящим климатом, выделение predisposed к заболеваниям в отдельные камеры с легким режимом (открытые койки, в течение целого дня и более продолжительные прогулки), усиленное проветривание камер, протирание полов скипидаром, дезинфицирование формалином, плевательницы с обеззараживающим раствором и т. п. В некоторых местностях (при Миргородской и Николаевской тюрьмах) были даже устроены особые тюрьмы-санатории для больных туберкулезом. С 1911 г. введен периодический (три раза в год) профилактический поголовный осмотр арестантов (Там же). К сожалению, возбудитель туберкулеза не погибнет от прогулок и проветривания, несмотря на то, что эта мера значительно дешевле, чем снижение наполняемости тюремных помещений, улучшение питания и повышение его калорийности.

По оценкам исследователей, государство сводило свои заботы о поддержании здоровья заключенных к распоряжениям ГТУ, в значение и возможность осуществления которых само мало верило (Гернет М. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 32). Фактическое положение дел с постановкой медицинского обслуживания заключенных по воспоминани-

ям очевидцев было неудовлетворительным (Чехов А. П. Указ. соч. С. 254).

Исследовав правовые основы медико-санитарного обеспечения заключенных в дореволюционной России, можно сделать вывод, что ведомственная нормотворческая деятельность находилась на достаточно высоком уровне, но декларативность издаваемых нормативных правовых актов создавала трудности в применении. Медико-санитарная часть в местах лишения свободы находилась в неудовлетворительном состоянии. Это было связано с переполнением тюрем, плохим их устройством, скудным питанием арестантов, что являлось результатом недостаточного финансирования. При таких общих условиях издаваемые циркуляры ГТУ не могли повлиять на улучшение санитарно-гигиенического состояния отечественных тюрем. Несмотря на их значительное количество, они носили диспозитивный характер и далеко не всегда выполнялись на местах.

И. В. Скаридова,

*аспирант кафедры теории и истории
государства и права
юридического факультета
Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПО СТАРОСТИ ДО ПЕРЕХОДА К МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Ключевые слова:
пенсионное обеспечение по старости,
советское законодательство

Вопрос обеспечения граждан в случае наступления нетрудоспособности занимает важное место во внутренней политике любого государства с переходом к капиталистической форме хозяйственных отношений, при которой наемный труд становится единственным источником существования для большинства населения. При этом введение пенсионного обеспечения по старости вызывает ряд трудностей ввиду его наибольшей социальной значимости, поскольку нетрудоспособность вследствие наступления преклонного возраста носит закономерный характер для любого работника, в отличие от инвалидности в результате трудо-

Библиографический список

1. Детков, М. Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность (к 200-летию МВД России) : монография / М. Г. Детков. – М., 1998.
2. Рассказов, Л. П. Тюремные инструкции в Российской империи : учеб. пособие / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – Краснодар, 1999.
3. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. : В. Н. Коковцев и С. В. Рухлов. – Спб., 1894.
4. Тимофеев, В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события : учеб. пособие / В. Г. Тимофеев. – Чебоксары, 1999.
5. Фумм, А. М. Проблема переполнения мест заключения в дореволюционной, советской и современной России / А. М. Фумм // Преступление и наказание. – 2005. – № 2.

вого увечья или профессионального заболевания, которая является скорее случайностью и не обязательно наступает у всех работающих.

Первые теоретические разработки идей социального обеспечения в случае неспособности работника содержать себя своим трудом принадлежат зарубежным сторонникам марксизма. Так, А. Бебель отмечал: «Подобно тому, как общество возьмет на себя заботу о молодежи, оно будет простирает ее и на стариков, больных и инвалидов» (Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 535). Впоследствии эти взгляды были поддержаны отечественными социал-демократами. Так, в своих работах В. И. Ленин указывал, что «престарелые рабочие должны получать пенсию от государства» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 7. С. 175).

В проекте Программы российской социал-демократической рабочей партии 1902 г. выдвигался лозунг – «добиться выдачи государственных пенсий престарелым рабочим, лишившимся способности к труду» (Там же. Т. 6. С. 207). В январе 1912 г. на VI (Пражской) конференции партии большевиков была сформулирована специальная рабочая страховая программа, которая в числе прочего предусматривала введение обеспечения нетрудоспособных рабочих в случае наступления старости.

После прихода к власти партия большевиков приступила к нормативному закреплению принципов социального обеспечения на общегосударственном уровне. Тридцатого октября 1917 г. было опубликовано «Правительственное сообщение о социальном страховании», в котором говорилось о начале работы по изданию декретов о полном социальном страховании на основе рабочих страховых лозунгов (Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. Отдел I. 1917. № 1, ст. 17).

Решение одного из важнейших политических вопросов с приходом к власти партии большевиков – о форме собственности на землю – в пользу национализации естественным образом повлекло необходимость пенсионного обеспечения нетрудоспособных лиц из числа трудящихся крестьян, которые социально были близки пролетариату и в случае утраты возможности трудиться на участке, не имея права собственности на эту землю, обрекались на голод. В Крестьянском наказе, входившем в состав Декрета о земле, принятом на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г., впервые провозглашалось право на пенсионное обеспечение трудящихся крестьян: «земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право пользования ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение» (Там же. Ст. 3). Однако данные нормы оставались нереализованными, поскольку тяжелая внутриполитическая обстановка не позволяла ввести всеобщее пенсионное обеспечение по старости не только в отношении крестьянства, но и рабочего класса, чьи интересы для партии большевиков были приоритетными.

Упоминание о старости в качестве основания возникновения права на государственное обеспечение содержалось в Положении о социальном обеспечении трудящихся, принятом Советом Народных Комиссаров РСФСР 31 октября 1918 г. (Там же. 1918. № 89, ст. 906). Старость указывалась только в качестве одного из оснований наступления инвалидности, в результате которой могла быть назначена пенсия. Однако если рассматривать инвалидность в широком смысле (как

снижение трудоспособности вследствие воздействия неблагоприятных факторов: 1) случайных (необязательно наступающих для всех людей), т. е. внешних (несчастный случай на производстве, вредные условия труда) или внутренних (заболевание); 2) естественных (наступление неизбежно для каждого вследствие природных закономерностей), т. е. старение и изнашивание организма с возрастом), то обеспечение по старости входит в состав обеспечения по инвалидности. Таким образом, обеспечение по старости выделяется впоследствии из института пенсионного обеспечения по инвалидности.

Первым законодательным актом, установившим дифференцированный возраст для мужчин и женщин, с наступлением которого при наличии прочих условий признавалась нетрудоспособность, является Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 декабря 1918 г. «Об обеспечении красноармейцев и их семейств». Данным документом регулировались нормы денежного пособия для семей красноармейцев. В числе нетрудоспособных членов семьи красноармейца, имевших право на получение пособия, указанный Декрет называл отца, достигшего 55-летнего возраста, и мать, достигшую 50-летнего возраста, признанных при медицинском освидетельствовании нетрудоспособными.

Впоследствии советское законодательство пошло по пути повышения указанного пенсионного возраста. Постановлением Народного Комиссариата Труда РСФСР от 15 мая 1919 г. «Об учете и освидетельствовании рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие преклонного возраста» (Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1919. № 25, ст. 281) устанавливался единый пенсионный возраст – 60 лет (как для мужчин, так и для женщин). Данным постановлением всем предприятиям и учреждениям предлагалось «произвести учет всех рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие преклонного возраста (60 лет от роду) и непригодных для дальнейшего пребывания их на службе или на работе». В постановлении Коллегии отдела социального обеспечения Народного Комиссариата Труда РСФСР от 20 июня 1919 г. местным подотделам также предлагалось назначать пенсию трудящимся в возрасте от 60 лет и без произ-

водства экспертизы (Астрахан Е. И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. М., 1971. С. 25).

Об актуальности вопроса введения пенсионного обеспечения по старости и снижения пенсионного возраста в указанный период времени свидетельствует следующая публикация: «Наш закон не устанавливает предельного возраста, дающего рабочему право на получение пенсии... Центральный Комитет Всероссийского Союза текстильщиков признал необходимым настаивать на срочном проведении в жизнь закона об обеспечении стариков и инвалидов труда. Относительно предельного возраста стариков он высказался в принципе за установление такового для мужчин в 55 лет и женщин в 50 лет, признав все же возможным для скорейшего проведения страхования временно установить предельный возраст для мужчин в 60 лет и для женщин в 55 лет с обязательным постепенным понижением его до указанного выше возраста» (Пора обеспечить стариков-рабочих // Правда. 1919. 27 июля).

В постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР от 15 ноября 1921 г. «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» (Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1921. № 76, ст. 617) и позднее в Кодексе законов о труде РСФСР 1922 г. (Там же. 1922. № 70, ст. 903) старость, не являясь причиной наступления инвалидности, не признавалась самостоятельным страховым случаем. При этом в ст. 187 Кодекса законов о труде РСФСР указывалось: «Совету Народных Комиссаров предоставляется установить срок продолжительности работы, дающей право на получение пособия по старости».

Относительно целесообразности введения самостоятельного института пенсионного обеспечения по старости в названный период времени развернулась серьезная дискуссия между известными работниками социального страхования. Так, Н. Быховский встал на позицию крайне негативного отношения к введению самостоятельного пенсионного обеспечения старости: «Если ты старик и способен еще к труду – работай. А лишишься трудоспособности – получай пенсию. Но за седины твои мы тебе ни одной копейки не дадим...» (Быховский Н. О страховании инвалидности. Страхование старости или инвалид-

ности // Вопр. страхования. 1924. № 12(145). С. 4). С критикой такой точки зрения выступил В. Кузятин: «Советское государство не может встать на точку зрения эксплуатации рабочего до бесконечности... Вместе с тов. Вишневецким мы считаем, что вопрос о страховании на случай старости вполне назрел, и Цустраху следовало бы подумать о проведении его в жизнь» (Кузятин В. О страховании на случай старости // Там же. 1924. № 16 (149). С. 14).

Выделение социального страхования по случаю старости в самостоятельный институт было обусловлено следующими причинами: 1) практическая целесообразность замены медицинского подтверждения инвалидности вследствие старости (со всеми сопутствующими бюрократическими проволочками) на единообразно определенный для всех юридический способ установления права на такое обеспечение; 2) повышение производительности труда в результате пополнения предприятий молодыми кадрами за счет освобожденных пенсионерами рабочих мест; 3) требования о выполнении Рабочей Страховой программы, утвержденной при приходе партии большевиков к власти.

Официально советское правительство не отрицало необходимость введения пенсионного обеспечения старости. В Тезисах о социальном страховании от 4 октября 1922 г. объяснялась причина нерешенности данного вопроса: «Тяжелое экономическое положение страны диктует в настоящий момент рабоче-крестьянскому правительству некоторые ограничения в проведении социального страхования... Советское правительство принуждено, однако, временно отказаться от страхования старости и обеспечения инвалидности с низкой потерей трудоспособности» (Тезисы о социальном страховании // Там же. 1922. № 1. С. 6).

Впервые самостоятельное пенсионное обеспечение по старости в форме страхования было введено 5 января 1928 г. постановлением Союзного Совета социального страхования при Народном Комиссариате Труда СССР в отношении рабочих одной отрасли промышленности – текстильной. Введение страхования на случай старости только в этой производственной сфере объяснялось, во-первых, приоритетом текстильной промышленности среди других отраслей (Правда. 1926. 1 апр. С. 3); во-вторых, необходи-

мостью обеспечить стариков-рабочих, которые не утратили еще свою трудоспособность, но не могут приспособиться к новым условиям труда, возникающим на текстильных предприятиях в связи с процессом рационализации и переоборудования текстильных предприятий (Догадов В. М. Социальное страхование. Основы советского законодательства о социальном страховании. М., 1928. С. 64). Необходимость рационализации и омоложения кадрового состава текстильной промышленности аргументирована следующим образом: «Обследование ряда текстильных предприятий выявило значительные организационные и производственные недочеты, которые могут быть устранены как путем улучшения отдельных процессов производства, так и путем переподготовки и подготовки новой квалифицированной рабочей силы» (Правда. 1926. 26 мая. С. 5). При этом следует учитывать деятельность Всероссийского Союза текстильщиков, которая, в частности, выражалась в активной агитации за введение страхования по случаю старости в текстильной отрасли промышленности еще с 1919 г. (Пора обеспечить стариков-рабочих // Правда. 1919. 27 июля).

Вскоре после введения пенсионного страхования рабочих текстильной промышленности стал разрабатываться вопрос об обеспечении престарелых рабочих и в других отраслях производства (Догадов В. М. Указ. соч. С. 65).

На законодательном уровне (постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 мая 1929 г. «Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости» (Известия Народного Комиссариата Труда СССР. 1929. № 25–26. С. 403–409) пенсионное обеспечение в порядке социального страхования по случаю старости было введено в отношении рабочих горной, металлической (в том числе электрической) и текстильной промышленности, а также железнодорожного и водного транспорта, оставивших работу по найму после 1 января 1929 г., и для рабочих текстильной промышленности, оставивших работу по найму после 1 декабря 1927 г. Такое ограничение круга обеспечиваемых объяснялось исключительно материальными трудностями государства: «если бы финансовое положение СССР не было тяжелым, то правительство обеспечило бы пенсиями всех presta-

релых рабочих, где и когда бы они ни работали» (Быховский Н. И. Новый закон о пенсиях по старости. М., 1929. С. 7).

К концу 1929 г. Союзный Совет социального страхования дополнил список отраслей промышленности, работа в которых дает право на обеспечение по старости, следующими: полиграфическая, стекольная, табачная (в том числе махорочная), фарфоровая и химическая (Об обеспечении по старости рабочих полиграфической, стекольной, табачной, фарфоровой и химической промышленности : постановление Союзного Совета социального страхования при НКТ СССР от 12 дек. 1929 г. № 384 // Известия НКТ СССР. 1930. № 1–2)¹.

В конце 20-х гг. XX в. все чаще возникал вопрос о расширении круга обеспечиваемых нетрудоспособных лиц за счет сельского контингента, в том числе о введении пенсионного обеспечения по старости беднейшего крестьянства.

Со стороны крестьянства в это время возрос интерес к вопросам пенсионного обеспечения. В качестве примера можно привести отрывок из письма крестьянина: «Старики и старухи не обеспечены ничем, земля делится на едаков, на жилое тоже, последний из пяти сыновей делится и единственный сын... Старики и старухи остаются на произвол. Многие честно проработали всю жизнь свою нажили и не имеют право своим трудом распорядиться, остаются холодными и голодными, хоть живыми в яму полезай, волокита и тяжба судов, да не лета, не позволяет здоровье такое дело вести, печальная картина земля народная и деньги народные, пенсию надо назначать, но государство не может всех обеспечить...» (Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. М., 2001. С. 93).

Учитывая напряженную политическую обстановку, складывающуюся вокруг проблемы налаживания социального обеспечения в деревне, народный комиссар социального обеспечения И. А. Наговицын, выступая с докладом на Всероссийском совещании заведующих отделами социального обеспечения, высказал позицию НКСО в целом о не-

¹ Неординарная ситуация с юридической точки зрения – в нормативный правовой акт, принятый высшим законодательным органом, вносятся изменения нижестоящим, в данном случае – Союзным Советом социального страхования при НКТ СССР.

обходимости частичного введения государственного обеспечения крестьянства: «Ввиду явной непосильности для КОВ справиться с задачей обеспечения военного контингента (средняя годовая норма помощи в 1924–1925 гг. составляла 6 р. 35 к. на одно обращение) и ввиду того, что заинтересованные элементы крестьянства остро и болезненно реагируют на факт почти полного отсутствия прямых форм государственного обеспечения, НКСО считает необходимым постепенный и плановый (примерно в течение 3-х лет) охват сельского контингента системой соцобеспечения, хотя и по пониженным (на одну треть) против городских нормам» (Наговицын И. А. Общие итоги и перспективы социального обеспечения // *Вопр. соц. обеспечения*. 1926. № 15. С. 12).

Значимость вопроса введения обеспечения престарелого крестьянства признавалась и на самом высоком уровне советской власти. Так, в п. 6 Манифеста юбилейной сессии ЦИК СССР от 15 октября 1927 г. (Собр. законодательства СССР. 1927. № 61, ст. 613) Президиуму ЦИК поручалось разработать закон об обеспечении маломощных крестьян-стариков для внесения его на обсуждение ближайшего Съезда Советов.

В 1927 г. НКСО РСФСР был разработан проект постановления «О государственном обеспечении маломощных крестьян престарелого возраста», однако оно так и не было принято ввиду перехода к сплошной коллективизации деревни и передачи функций обеспечения крестьянства колхозным кассам общественной взаимопомощи.

И. Н. Федотова,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент

СУЗДАЛЬСКИЙ СПАСО-ЕВФИМИЕВ МОНАСТЫРЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЗОЛЯТОР (20–30-е гг. XX в.)

Ключевые слова:
политзаключенные, политический изолятор,
условия содержания осужденных, органы
государственной безопасности, массовые репрессии

В истории нашей страны Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь оставил весьма свое-

образный след. Эта древняя обитель, основанная еще в середине XIV в., получила известность главным образом благодаря тому, что на протяжении длительного времени власти использовали ее в качестве места заключения. Тюрьма в монастыре была учреждена в 1766 г. согласно указу императрицы Екатерины II и просуществовала вплоть до начала XX в. Здесь содержали в основном тех, кому инкриминировались преступления против церкви и государства, и лиц духовного звания, наказанных за нарушения по службе. Лишение свободы в монастырской тюрьме назначалось внесудебным порядком, как правило, по решению императора или Святейшего синода, и преследо-

Библиографический список

1. Астрахан, Е. И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим / Е. И. Астрахан. – М., 1971.
2. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель. – М., 1959.
3. Быховский, Н. И. Новый закон о пенсиях по старости / Н. И. Быховский. – М., 1929.
4. Догадов, В. М. Социальное страхование. Основы советского законодательства о социальном страховании / В. М. Догадов. – М., 1928.
5. Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. – М., 2001.

образный след. Эта древняя обитель, основанная еще в середине XIV в., получила известность главным образом благодаря тому, что на протяжении длительного времени власти использовали ее в качестве места заключения. Тюрьма в монастыре была учреждена в 1766 г. согласно указу императрицы Екатерины II и просуществовала вплоть до начала XX в. Здесь содержали в основном тех, кому инкриминировались преступления против церкви и государства, и лиц духовного звания, наказанных за нарушения по службе. Лишение свободы в монастырской тюрьме назначалось внесудебным порядком, как правило, по решению императора или Святейшего синода, и преследо-

вало цель искоренить религиозное и политическое вольнодумство (Федотова И. Н. Тюрма в монашеской обители: страницы истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Неклассическое общество: векторы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир, 2008. С. 317–323).

Арестантскому корпусу монастыря, закрытому в годы Первой русской революции, пришлось пустовать сравнительно недолго. Вскоре после установления советской власти Спасо-Евфимиев монастырь вновь стал выполнять функции тюрьмы, предназначенной для политических заключенных. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы охарактеризовать деятельность изолятора, существовавшего на территории монастыря в 1920–1930-е гг. Для этого необходимо раскрыть понятие тюремного политического режима и определить его особенности, обрисовать контингент узников Суздальского изолятора, а также показать условия их содержания.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что политизоляторы, функционировавшие в России в 20–30-е гг. XX в., до сих пор не получили должного освещения в научной литературе. Между тем изучение данного аспекта истории советской УИС позволяет судить о роли лишения свободы в борьбе правящей верхушки с политической оппозицией в рассматриваемый период.

С приходом к власти партии большевиков участь монашеских обителей была предрешена. Их закрытие становилось вопросом времени. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь прекратил свое существование в феврале 1923 г., когда уездная комиссия по учету церковного имущества и ликвидации монастырей вынесла предписание в адрес местной милиции о выселении монахов. Сразу после этого монастырский комплекс был закреплен за ГПУ РСФСР в качестве политизолятора. Аналогичные учреждения появились в Ярославле, Тобольске, Верхнеуральске и Челябинске (Маркова О. И. Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Материалы исслед. Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника. Владимир, 1999. Сб. 5. С. 92–93).

Для уяснения специфики политизоляторов следует в первую очередь определить состав содержавшихся там заключенных. Понятие «политзаключенный» ни в каких

официальных документах советской власти не отражено. Это вполне естественно, так как руководство СССР отрицало сам факт того, что граждане страны подвергаются преследованиям по мотивам политического инакомыслия. Поэтому судить о контингенте политизоляторов можно лишь по делопроизводственной документации этих учреждений и сохранившимся свидетельствам современников.

Анализ данных материалов показывает, что статус политзаключенных имели далеко не все противники большевистского режима, а главным образом те, кто до 1917 г. вместе с большевиками составлял радикальную оппозицию царскому правительству. Речь идет о меньшевиках, социалистах-революционерах и различных группировках анархистов. С установлением советской власти все они оказались неуютны правящей партии, которая взяла курс на создание в стране однопартийной диктатуры. Борьба с бывшими соратниками по революционному движению осуществлялась в основном внесудебными методами через коллегию Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) СССР и Особое совещание при ОГПУ. Эти органы, как известно, были уполномочены рассматривать дела о государственных преступлениях и назначать наказания за таковые (Олейник И. И., Олейник О. Ю. История правоохранительных органов России X–XX вв. : учеб. пособие. Иваново, 2004. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1991 г. С. 136–137).

К середине 1920-х гг. тысячи меньшевиков, эсеров и анархистов внесудебным порядком были признаны виновными в контрреволюционной деятельности и отправлены в ссылку или места лишения свободы. За первой волной политзаключенных уже вскоре последовала вторая. По мере усиления внутрипартийных противоречий в ВКП(б) политизоляторы начали принимать заключенных-большевиков из числа тех, кто не был согласен с утверждением режима личной власти И. В. Сталина (Звенья : истор. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 239–240).

Отличительная особенность вышеназванных категорий заключенных состояла в том, что эти люди, как правило, имели опыт отбывания наказания в царских тюрьмах, где им уже приходилось отстаивать свои аре-

стантские права. Вот почему заключенные-социалисты, в отличие, например, от представителей монархического или либерального движений, быстро сумели сплотиться и вступить в борьбу с тюремной администрацией за признание этих прав. Инструментами такого рода борьбы были голодовки, обструкции, организация различных акций протеста. Следует также учесть, что заключенные-социалисты пользовались поддержкой на свободе, причем не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Так, вплоть до 1937 г. в стране существовало созданное левыми эсерами благотворительное объединение под названием «Политический Красный Крест». Оно снабжало политзаключенных продуктами питания, одеждой и другими предметами первой необходимости на средства, пожертвованные советскими гражданами и собранные социалистическими партиями зарубежных стран. Необходимо заметить, что общественность на Западе была подробно проинформирована о проблемах политзаключенных в СССР благодаря русской эмигрантской печати, на страницах которой широко освещалась политика советского руководства, направленная на преследование инакомыслящих (Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 2. С. 296 ; Звенья. С. 240–241).

Все вышеприведенные обстоятельства вынуждали правящую верхушку Советского Союза к тому, чтобы пойти на определенные уступки заключенным-социалистам. В итоге де-факто был проведен водораздел между этой категорией заключенных, с одной стороны, и остальными заключенными, отбывавшими наказание по политическим статьям, с другой. За первыми закрепилось условное наименование «политзаключенные», или «политики», а за вторыми – «контрреволюционеры», или сокращенно «казры» (Звенья. С. 240). Таким образом, говоря о политическом режиме, следует иметь в виду, что он распространялся исключительно на «политиков» и в каждом конкретном случае представлял собой результат их борьбы с тюремной администрацией. Никаких общих законодательно регламентированных параметров политического режима не существовало, поскольку принятие соответствующих нормативных актов неизбежно означало бы признание того, что в СССР, претендовавшем на

«лавры» самой свободной и демократической страны в мире, есть узники совести.

Условия содержания политзаключенных детально охарактеризованы в работах только двух исследователей истории советской карательной системы – Ж. Росси и А. И. Солженицына. Ж. Росси к числу признаков политического режима относит следующее:

1) политических заключенных строго отделяли от уголовных преступников;

2) «политики» не были обязаны работать;

3) в отношениях с администрацией «политики» выступали как единый самоуправляющийся коллектив, руководимый выборным старостой;

4) выдавался улучшенный продовольственный паек. Так, по воспоминаниям заключенных, отбывавших наказание в Челябинском политизоляторе в 1920-е гг., их паек включал в себя 450 г хлеба, 170 г мяса, 225 г каши, 20 г жиров, 20 г сахара и 13 сигарет в сутки. Кроме того, староста контролировал качество и количество продуктов, выдаваемых на кухню;

5) заключенные имели право получать посылки, в том числе от «Политического Красного Креста»;

6) объем переписки, которую вели заключенные, не ограничивался;

7) на свои средства заключенные могли выписывать не только любые советские печатные издания, но и зарубежные (последние не должны были носить политического характера);

8) заключенным разрешалось посвящать неограниченное время прогулкам и занятиям спортом (Росси Ж. Указ. соч. С. 296–297).

А. И. Солженицын в своей работе «Архипелаг ГУЛАГ» указывает на такие особенности политического режима, как:

1) совместное проживание супругов в том случае, если они отбывали наказание в одном учреждении;

2) право заключенных на свидания не реже одного раза в месяц;

3) право за свой счет приобретать продукты питания на рынке;

4) беспрепятственное общение заключенных между собой благодаря тому, что в дневное время двери камер не запирались (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Владивосток, 1990. Т. 1. С. 383).

Анализируя представленные характеристики политического режима, следует учесть,

что они включают его типичные признаки, которые в конкретных исправительных учреждениях могли проявляться с различной степенью полноты. Тем более что, как уже было отмечено, де-юре за политзаключенными никакие привилегии не закреплялись. Все вышеперечисленные права приходилось отстаивать в упорной борьбе, исход которой не всегда был в пользу заключенных. Вот почему по целому ряду названных признаков необходимы оговорки. Так, не во всех случаях существовал институт выборных старост; объем переписки и длительность прогулок часто ограничивались; сокращалось, по сравнению с данными А. И. Солженицына, количество свиданий; не везде имелись возможности для свободного общения между заключенными (Звенья. С. 242–243).

Уяснив общие вопросы, касающиеся политического режима, можно обратиться к рассмотрению деятельности Суздальского изолятора. Передача Спасо-Евфимиева монастыря в ведение органов госбезопасности была вполне закономерной, поскольку его архитектурный ансамбль как нельзя лучше соответствовал требованиям, предъявляемым к тюремным учреждениям. Во-первых, монастырь располагал специально предназначенным для этих целей арестантским корпусом, выстроенным в первой половине XIX в. Во-вторых, пространство обители окружала мощная крепостная стена общей протяженностью почти 1,2 км; по периметру стены были возведены 12 башен, которые в готовом виде могли использоваться как смотровые вышки (Аксенова А. И. Вехи истории Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России : материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2003. С. 8–9 ; Федотова И. Н. Указ. соч. С. 320). По словам одного из посетителей монастыря, «даже при самом поверхностном взгляде на монастырские стены создается впечатление не символического ограждения, отделяющего от мира иноческую обитель, а крепостного сооружения для защиты от внешних врагов» (Цит. по: Аксенова А. И. Суздаль. XX век. Страницы истории. Владимир, 2002. С. 84). Горькая ирония истории такова, что начиная с Екатерининских времен эта крепость служила интересам борьбы не с внешними, а с внутренними врагами государственной власти.

В 1923 г. ГПУ РСФСР были переданы все находившиеся на территории монастыря здания, кроме нескольких памятников архитектуры, признанных особо ценными объектами культурного наследия. Вновь образованный политизолятор разместили в двух корпусах: арестантском и архимандритском. Первый из них предназначался для содержания заключенных, а во втором располагались канцелярия и карцер. В канцелярии производились допросы тех заключенных, которые находились в изоляторе в качестве подследственных (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы // Материалы исслед. Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника. Владимир, 2002. Сб. 8. С. 67 ; Маркова О. И. Указ. соч. С. 94).

Первая партия узников в количестве 11 чел. поступила в изолятор осенью 1923 г. В течение следующего года численность контингента увеличилась до 78 чел. Анализ сохранившихся документов показал, что из них 41 чел. – меньшевики, эсеры и левые эсеры – по 14 чел.; у остальных партийная принадлежность не указана. Персоналии заключенных свидетельствуют о том, что среди них было немало видных деятелей оппозиционных социалистических партий. Это меньшевики Левицкий, Рубин, Либер, эсеры Высоцкий, Рихтер и некоторые другие (Горбунова Н. И. Указ. соч. С. 63 ; Маркова О. И. Указ. соч. С. 93).

Таким образом, состав контингента вполне соответствовал раскрытому выше понятию «политзаключенные». Вместе с тем неверно утверждать, что все узники Суздальского изолятора относились к числу «политиков». Из общего правила иногда делались исключения. Так, летом 1926 г. в качестве подследственного здесь содержался местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий (в миру Петр Федорович Полянский). Он занял этот пост в апреле 1925 г., согласно завещанию патриарха Тихона, а спустя всего несколько месяцев был арестован ОГПУ по обвинению в организации помощи осужденным за контрреволюционную деятельность православным священникам и их семьям. В ноябре 1926 г. Особое совещание при ОГПУ признало митрополита Петра виновным, после чего в течение одиннадцати лет он отбывал наказание

поочередно в Тобольском, Верхнеуральском и Челябинском политизоляторах. Иными словами, митрополиту Петру пришлось побывать в застенках четырех из пяти существовавших в СССР политизоляторов. Возникает вопрос: почему его направляли именно в эти учреждения, а, например, не в Соловецкий или другие лагеря, через которые прошли тысячи священнослужителей? Причина, вероятно, состоит в особом статусе этого духовного лица. Органам госбезопасности было необходимо изолировать его не только от общества, но в первую очередь от всего остального духовенства, чтобы не дать митрополиту Петру никакой возможности руководить деятельностью Русской православной церкви. Реализовать этот замысел ОГПУ удалось в полной мере. О судьбе Петра Церковь не имела достоверных сведений вплоть до 1990-х гг., когда рассекреченные архивные материалы позволили установить, в каких местах лишения свободы он содержался, а также выяснить, что в 1937 г. его расстреляли по решению Челябинской областной «тройки» НКВД (Горбунова Н. И. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий – узник Суздальской политической тюрьмы // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России : материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2003. С. 151–159).

Перейдем к анализу условий содержания в Суздальском политизоляторе в 1920-е гг. Первоначально их трудно было назвать удовлетворительными. Арестантский корпус, где находились камеры, представлял собой сырое и холодное здание, больше напоминавшее подземелье. Естественно, что подобная обстановка провоцировала развитие разного рода заболеваний, между тем врачебной помощи арестантам не оказывали. Пребывание на свежем воздухе администрация ограничивала двумя часами в сутки (прогулки продолжительностью по одному часу в первой и второй половине дня). Поскольку на прогулку выводили маленькими группами, то у заключенных не было возможности полноценно использовать это время для общения между собой. Учитывая то обстоятельство, что все камеры в корпусе были одиночными, становится понятно, что дефицит общения ощущался заключенными очень остро. Более того, администрация пы-

талась свести к минимуму даже их письменные контакты с родными и близкими: в течение месяца можно было отправлять и получать не более чем по одному письму (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 66). Уже вскоре после прибытия первой партии заключенных информация о тяжелых условиях содержания в Суздальском политизоляторе стала достоянием гласности. В конце 1923 г. издававшийся в Берлине под руководством Л. Мартова центральный печатный орган меньшевиков «Социалистический вестник» опубликовал посвященную этой теме статью. Автор статьи характеризовал Суздальский изолятор следующим образом: «Новый социалистический Эдем таков, что, по мнению самих заключенных, внутренняя тюрьма на Лубянской площади кажется раем» (Цит. по: Аксенова А. И. Суздаль. XX век. Страницы истории. С. 85).

Узникам изолятора пришлось применять навыки борьбы с тюремной администрацией, приобретенные в царских застенках. В течение 1924 г. заключенные организовали несколько акций протеста, привлечших внимание ОГПУ, к ведению которого относились политизоляторы. Для изучения обстоятельств дела в Суздаль приезжала специальная комиссия из числа чиновников этого ведомства. В конечном итоге администрация была вынуждена выполнить целый ряд предъявленных заключенными требований. Во-первых, из арестантского корпуса многих перевели в братский – более сухое и теплое здание, где раньше размещались монашеские кельи. Во-вторых, получил разрешение вопрос о медицинском обслуживании. В-третьих, общая продолжительность ежедневных прогулок возросла с двух до трех часов; расширился также состав групп. В-четвертых, объем корреспонденции, которую мог отправлять заключенный, увеличился до четырех писем в месяц. И, наконец, в-пятых, администрация разрешила передавать из одной камеры в другую продукты питания, вещи и книги. Последнее было особенно важно для заключенных в том смысле, чтобы почувствовать себя единым целым, создать в своих рядах коллектив, основанный на принципах товарищества и взаимовыручки (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 66).

Однако вышесказанное не означает, что улучшение условий коснулось всего контингента. Несмотря на то, что для размещения камер был задействован братский корпус, часть заключенных по-прежнему содержалась в сырых камерах арестантского корпуса. В знак протеста четверо сидельцев этого корпуса устроили голодовку: двое мужчин – 22-дневную и две женщины – 15-дневную. Усилия оказались напрасными: арестантский корпус продолжал функционировать в качестве жилого, а участников голодовки было решено переправить в Челябинский политизолятор с тем, чтобы их примеру не последовали другие (Там же). Упорство, проявленное администрацией, на первый взгляд можно объяснить стремлением не допустить переполнения помещений. Однако сохранившиеся делопроизводственные документы наглядно показывают, что подобной опасности не было. Лимит численности контингента составлял в Суздальском политизоляторе 331 чел., на практике же количество заключенных не превышало полутора сотен, т. е. было в два с лишним раза меньше (Там же. С. 68). Так что ситуация, сложившаяся вокруг арестантского корпуса, свидетельствует скорее о намерении администрации использовать все имевшиеся в ее распоряжении рычаги давления на заключенных. Выражаясь словами А. И. Солженицына, это был один из эпизодов «глухой борьбы» между «политиками» и тюремной властью (Солженицын А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 383).

С течением времени состав контингента, содержавшегося в изоляторе, претерпевал определенные изменения, которые отражали направленность репрессий, развернутых правящей верхушкой страны. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. наряду с меньшевиками и эсерами в изоляторе появились заключенные-большевики, причем обращает на себя внимание тот факт, что относились они не к числу рядовых коммунистов, а к партийной элите. Одна из наиболее примечательных фигур – член Московского горкома ВКП(б) Мартемьян Никитич Рютин, видный деятель антисталинской оппозиции, организатор подпольного «Союза марксистов-ленинцев». Цель создания Союза состояла в том, чтобы не просто отстранить Сталина от руководства партией и государством, но и карди-

нальным образом изменить внутривластический курс, прежде всего отказаться от грабительской по отношению к крестьянству коллективизации сельского хозяйства (Рютин М. Ко всем членам ВКП(б) // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 618–623). В 1932 г. коллегия ОГПУ предъявила М. Н. Рютину обвинение в контрреволюционной деятельности и приговорила его к десяти годам тюремного заключения. Местом отбывания наказания был назначен Суздальский политизолятор. Пять последних лет жизни М. Н. Рютин провел в одиночной камере арестантского корпуса; в 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР он был расстрелян (Ефимкин А. П. Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991. С. 193–194, 198). Почти одновременно аналогичный приговор состоялся по делу Владимира Ивановича Невского, содержавшегося в одной из соседних с М. Н. Рютиным камер с 1935 г. В. И. Невский – представитель старшего поколения большевиков, член РСДРП с 1890-х гг. После установления советской власти он занимал высокие государственные посты, в том числе должность заместителя председателя ВЦИК, в дальнейшем работал директором Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Поводом к расправе с В. И. Невским, вероятно, послужила его принадлежность к «старой гвардии» коммунистов, подавление которой было необходимо И. В. Сталину для утверждения режима личной власти (Аксенова А. И. Суздаль. XX век. Страницы истории. С. 86 ; Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 63).

Заключенные-большевики, как уже отмечалось выше, по опыту отбывания наказания в царских тюрьмах не уступали меньшевикам и эсерам, так что мотивы их отправки в Суздальский политизолятор вполне понятны. Однако вместе с ними в 1930-е гг. в изоляторе появились и беспартийные из числа так называемых «буржуазных специалистов». Среди них были трое ученых с мировым именем, являющихся гордостью отечественной науки: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский и А. Г. Дояренко. Все они попали сюда, будучи осужденными по сфабрикованному делу «Трудовой крестьянской партии». Подоплеку предъявленных ученым обвинений следует искать в их профессиональной дея-

тельности. Н. Д. Кондратьев – талантливейший экономист, основоположник теории больших циклов конъюнктуры, директор Конъюнктурного научно-исследовательского института. Труды его посвящены изучению взаимодействия рыночных факторов спроса и предложения. В своих исследованиях ученый убедительно показал неэффективность командно-административного управления экономическими процессами и обосновал мысль о пагубности форсированной индустриализации и насильственной коллективизации сельского хозяйства. Научные взгляды Н. Д. Кондратьева в полной мере разделял Л. Н. Юровский, вошедший в историю экономической науки как один из ведущих организаторов кредитно-финансовой и денежной систем СССР. Главные заслуги Л. Н. Юровского состоят в разработке плана денежной реформы 1922–1924 гг., проведение которой позволило создать конвертируемую национальную валюту и тем самым обеспечить условия для преодоления экономических последствий Гражданской войны (Горбунова Н. И. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы // Материалы исследований Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника. Владимир, 2001. Сб. 7. С. 58–59 ; Ефимкин А. П. Указ. соч. С. 90–108 ; Маркова О. И. Указ. соч. С. 95–96).

Поскольку высокий авторитет «рыночников» Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского мешал реализации сталинских проектов построения плановой экономики, то участь этих специалистов была предreshена. В 1932 г. коллегия ОГПУ предъявила им заведомо ложное обвинение в организации подпольной «Трудовой крестьянской партии» с целью свержения советской власти. Вместе с Н. Д. Кондратьевым и Л. Н. Юровским в роли обвиняемых оказались еще десять известных ученых, в том числе профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии Алексей Григорьевич Дояренко, выдающийся почвовед, основатель советской школы агрофизиков и агрохимиков. Ученый был репрессирован, несмотря на то, что работал в весьма далекой от политики сфере научного знания. Объяснить этот факт не составит труда, если учесть особенности внутривластной обстановки, в которой проходил данный уголовный процесс. Работу по делу

«Трудовой крестьянской партии» органы госбезопасности вели в конце 1920-х – начале 1930-х гг., т. е. в годы сплошной коллективизации. Вот почему в число обвиняемых попали не только экономисты, но и специалисты из других областей науки, так или иначе связанных с сельским хозяйством (Горбунова Н. И. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы. С. 58–59).

Чтобы ответить на вопрос о том, почему в Суздальский политизолятор для отбывания наказания стали направлять научных сотрудников, необходимо выяснить условия содержания в изоляторе в 1930-е гг. Сведений на этот счет по сравнению с предшествующим периодом сохранилось больше, так как до нас дошли и письма некоторых заключенных, и воспоминания одного из охранников, работавших в учреждении. Имеющийся источниковый материал позволяет охарактеризовать ситуацию следующим образом. К труду заключенные не привлекались, но при желании можно было заниматься обработкой огорода, расположенного в тюремном дворе. Свидания допускались в том случае, если родные и близкие предварительно получали соответствующее разрешение в Секретно-политическом отделе ОГПУ в Москве. Продолжительность свиданий зависела от их частоты: раз в неделю – 1 ч, раз в две недели – 2 ч, раз в месяц – 3 ч. Свидания проходили в специально отведенной для этого комнате в присутствии надзирателя. Максимальный объем ежемесячной переписки составлял 12 писем: 6 писем можно было отправить и столько же получить. Кроме того, за свой счет разрешалось посылать неограниченное количество телеграмм.

В течение месяца допускалось получение 6 посылок, причем следует оговориться, что принимались посылки не только от родственников, но и от «Политического Красного Креста». Посылать можно было продукты питания, одежду и другие предметы первой необходимости, книги, а также наличные деньги. Содержание писем заключенных показывает, что основная их потребность состояла в книгах. Литература, которой пользовались заключенные, была самой разнообразной. Это научные издания по специальности, художественные произведения, публицистика, словари иностранных языков и т. д. Разрешалось заказывать литературу и в Суз-

дальской городской библиотеке. За свой счет заключенные могли выписывать не только любые советские газеты и журналы, но и периодику неполитического характера, издаваемую за рубежом. Сохранились, в частности, данные о том, что в Суздальский изолятор поступали по подписке английские, немецкие, французские периодические издания (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 64–65 ; Ее же. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы. С. 59–60).

Доступ к литературе имел особенно важное значение для научных сотрудников, каждый из которых стремился, невзирая на пребывание в тюрьме, поддерживать связь с ученым миром и продолжать свою профессиональную деятельность. Так, А. Г. Дояренко сразу по прибытии в изолятор писал дочери: «Главное, о чем я буду просить, – это книги. В первую очередь мне хотелось бы получить английских и французских романов (побольше), потом новые выпуски толстых журналов и, конечно, по возможности полно научно-агрономическую литературу и русскую, и иностранную (хотя бы в рефератах). Это мне нужно дозареза, а то у меня развивается боязнь отстать и оказаться за бортом. Я решил начать писать “Агрофизику”» (Цит. по: Горбунова Н. И. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы. С. 60). Л. Н. Юровский работал в Суздальском изоляторе над фундаментальной монографией по теории хозяйственного развития. Преодолевая физическое нездоровье, усиленно занимался научной работой Н. Д. Кондратьев. Его перу принадлежали два написанных в изоляторе труда. Один из них – «Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз». Эта рукопись, сохраненная его женой и дочерью, была опубликована комиссией по научному наследию Н. Д. Кондратьева в 1991 г., т. е. спустя более чем полвека с момента смерти ученого. Текст другого исследования, посвященного вопросам макроэкономического моделирования, до нас не дошел (Горбунова Н. И. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы. С. 60, 65 ; Ефимкин А. П. Указ. соч. С. 193, 195–196 ; Маркова О. И. Указ. соч. С. 96).

Эти люди, для которых наука составляла смысл жизни, не прекращали работать даже во время предварительного следствия, находясь в Бутырской тюрьме. Естественно, что по сравнению с этой тюрьмой условия, созданные в Суздале, были гораздо более благоприятными. Если учесть такого рода обстоятельства, то становится понятно, почему, например, всех осужденных по делу «Трудовой крестьянской партии» отправили для отбывания наказания именно в политизолятор: троих вышеупомянутых – в Суздальский, а остальных – в Ярославский (Горбунова Н. И. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы. С. 59–60). Судя по всему, расчет был сделан на то, чтобы, с одной стороны, изолировать ученых от общества и воспрепятствовать им в выражении своей научной и гражданской позиции, а с другой – обеспечить им необходимый минимум возможностей для продолжения научно-исследовательской работы.

Вернемся к вопросу об условиях содержания в Суздальском изоляторе. К числу обязанностей заключенных относилась ежедневная уборка камеры. Мытье в бане и смена белья производились раз в неделю. Что касается стирки, то заключенные могли делать это самостоятельно или пользоваться услугами прачек за соответствующую плату. По воспоминаниям охранника, работавшего в изоляторе, заключенным выдавались белье типа армейского, белые рубашки, брюки из толстого серого сукна и серые бушлаты.

Распорядок дня был следующим. Подъем – в семь часов утра, отбой – без четверти двенадцать ночи. Еду заключенным приносили в камеры. В течение дня дважды (утром и вечером) заключенных выводили на прогулку, продолжительность которой составляла один час. В прогулке участвовали от 8 до 12 человек из разных камер. Во время прогулки разрешалось общаться между собой, играть в спортивные игры, обмениваться продуктами и книгами из полученных посылок (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 65–66).

Раз в неделю разрешалось заказывать за свой счет продукты на городском рынке. Однако особой нужды в дополнительном питании заключенные не испытывали, так как продовольственное снабжение в изоля-

торе было вполне удовлетворительным. О нем, как и об условиях содержания вообще, можно судить, в частности, по сохранившемуся письму Н. Д. Кондратьева жене, датированному февралем 1932 г.: «Камера – довольно просторная. Есть приличный стол, табуретки, так что можно читать и писать. Тепло. Прогулка – два раза в день, поэтому воздуху вполне достаточно. Вопреки ожиданиям и в отличие от Бутырской тюрьмы питание здесь превосходное. Можно без преувеличения сказать, что по качеству оно мало отличается от домашнего. Во всяком случае мне оно очень нравится, особенно после внутренней Бутырской тюрьмы. В связи с этим ты не беспокойся относительно моего питания, особенно относительно молока. Все, в чем я буду испытывать некоторую потребность, – это немного масла, сладкого и немного табаку, немного, так как табак и сахар в известном количестве здесь тоже дают. Кроме того, потребуется известное количество денег на молоко, газеты, стирку и т. п.

Администрация изолятора очень корректна и внимательна. Вообще нужно сказать, что Суздальский изолятор производит на меня впечатление очень благоустроенного и культурного места заключения...» (Цит. по: Горбунов С. В., Шутов Г. К. Узник «святого монастыря»: Краеведческие очерки. Иваново, 1994. С. 104).

Суммируя информацию об условиях содержания в Суздальском политизоляторе, можно констатировать, что они в целом соответствовали той общей характеристике политического режима, которая была приведена выше, за исключением некоторых деталей. Среди таковых следует отметить, во-первых, отсутствие института выборных старост. Это означало, что заключенные не являлись самоуправляющимся коллективом. Во-вторых, свободное общение между ними допускалось не в течение всего дня, а только во время прогулок. Наконец, в-третьих, администрация ограничивала и продолжительность прогулок, и объем переписки. Таким образом, на примере Суздальского изолятора подтверждается тезис о том, что в каждом конкретном случае политический режим имел определенную специфику, которая отражала степень активности заключенных в отстаивании своих прав перед администрацией учреждения.

В ноябре 1935 г. согласно приказу наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоды все пять действовавших в стране политизоляторов, в том числе Суздальский, были переименованы в тюрьмы особого назначения НКВД (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 67). Вскоре после изменения названия стали меняться и условия содержания контингента. Это вполне закономерно, если учесть тот факт, что в середине 1930-х гг. правящая верхушка во главе с И. В. Сталиным приступила к проведению политики массовых репрессий, направленных на полное искоренение оппозиции существующему строю. Интересы тоталитаризма требовали беспощадного подавления любых проявлений инакомыслия, так что теперь политзаключенные рассматривались государственной властью как наиболее опасные противники, и ни о каких завоеванных ими привилегиях уже не могло быть и речи.

Первые признаки ужесточения режима в Суздальской тюрьме особого назначения (СТОН) обнаружились уже в 1935–1936 гг., когда у заключенных возникли сложности с получением книг и периодических изданий. Поступавшая в адрес заключенных литература предварительно просматривалась сотрудниками НКВД в Москве или в Суздале, и если раньше проблем, как правило, не возникало, то отныне уполномоченные должностные лица все чаще давали отказы по этому поводу (Ефимкин А. П. Указ. соч. С. 198).

Кардинальное ухудшение условий содержания в тюрьме наступило с 1 января 1937 г. В соответствии с вновь введенными правилами внутреннего распорядка свидания с родственниками запрещались. Было отменено право пользования литературой, иными словами, заключенные оказались полностью лишены книг. Вместе с книгами отобрали и другие личные вещи, которые до сих пор можно было беспрепятственно держать в камерах: письменные принадлежности, ножницы, бритвы и т. д. Сотрудники медсанчасти перестали выдавать на руки заключенным лекарства, которые раньше разрешалось принимать в камере. Прекратились прогулки в группах, был также запрещен обмен продуктами и предметами первой необходимости. Таким образом, администрация полностью изолировала заключенных друг от друга, от родных и близких, а посредством введенного запрета на

чение литературы – и от всего общества. Режимные новшества увенчались тем, что окна в камерах загородили массивными решетками, почти не пропускавшими солнечный свет. Фактически это означало, что узников Суздальской тюрьмы, выражаясь словами одного из них, «погребли заживо» (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 62 ; Горбунов С. В., Шутов Г. К. Указ. соч. С. 117). Рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны «Политического Красного Креста» теперь не приходилось, поскольку в 1937 г. по решению властей он был закрыт (Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 296). Оборвалась последняя нить, связывавшая политзаключенных с жизнью на свободе.

Помимо всего прочего значительно ухудшился рацион питания. В целом можно сказать, что новые условия содержания были рассчитаны на то, чтобы подорвать и физическое, и психическое здоровье заключенных. Живыми и тем более здоровыми «враги народа» были не нужны государству. Выше приводились сроки из писем Н. Д. Кондратьева жене, относящиеся к 1932 г. Сравним их по содержанию и тональности с письмами, отправленными в 1937 г.: «В течение четырех первых месяцев из шести, которые я пролежал в больнице, мне было плохо, даже очень плохо. За последние два месяца стало несколько лучше. Я начал ходить... Чтобы закрепить результаты лечения, мне нужно было бы больше света, солнца, чистого воздуха, хорошее питание, сухое помещение... К сожалению, сейчас для меня нет ни одного из этих условий... Ты, конечно, шутишь, советуя больше есть ягод и фруктов, пока что я уже давно забыл об их существовании...» (Цит. по: Письма из политизолятора // Вечерний звон. 1992. № 15. С. 6).

Роковыми для узников Суздальской тюрьмы стали 1937–1938 гг., когда массовые репрессии достигли своего апогея. Органы НКВД вновь открывали сданные в архив дела, чтобы найти основания для ужесточения назначенных политзаключенным наказаний. Остановимся на судьбе некоторых из них, чьи имена упоминались. В 1937 г., как уже говорилось, были расстреляны М. Н. Рютин и В. И. Невский. Годом позже Военная коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело «Трудовой крестьянской партии» и приговорила к смертной казни Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского (Ефимкин А. П. Указ. соч. С. 203–204).

В ряде случаев для расправы с заключенными даже не требовалось обращаться к их уголовным делам. Достаточно было такого повода, как подача жалобы в вышестоящие инстанции. Так, вскоре после введения новых правил внутреннего распорядка заключенный А. Г. Таратута обратился в Наркомат внутренних дел СССР с заявлением по поводу того, что администрация допускает ущемление прав заключенных. Спустя некоторое время А. Г. Таратуте предъявили обвинение в нарушении режима на том лишь основании, что он просил выключать свет в камере в ночное время. Соответствующие материалы были переданы на рассмотрение Ивановской областной «тройки» НКВД¹, которая немедленно приговорила обвиняемого к расстрелу (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 62, 69). Приведенный пример как нельзя лучше свидетельствует о том, что в новых условиях у заключенных не оказалось никаких возможностей для борьбы с тюремной властью за свои права, а это означало, что политический режим, возникший в результате такой борьбы, неотвратимо уходил в прошлое.

Следует заметить, что запущенный руководством страны механизм массовых репрессий уничтожал не только узников Суздальской тюрьмы, но и служивших там сотрудников НКВД. Среди репрессированных можно назвать, в частности, заместителя начальника Ивановского областного управления НКВД В. Д. Цибисова, курировавшего работу СТОН, и начальника тюрьмы Я. Г. Дуппора. О судьбе последнего следует сказать особо. Я. Г. Дуппор в разное время был начальником четырех из пяти существовавших в СССР политизоляторов: Ярославского, Верхнеуральского, Челябинского и Суздальского (в дальнейшем – Суздальской тюрьмы); сумел зарекомендовать себя безупречным исполнителем, что, однако, в конечном итоге не спасло его от осуждения по ложному доносу. Пожалуй, самая примечательная деталь в биографии Я. Г. Дуппора состоит в том, что для отбывания наказания он был отправлен в Челябинскую тюрьму особого назначе-

¹ В рассматриваемый период город Суздаль входил в состав Ивановской области.

ния, т. е. в одно из тех учреждений, которые ему ранее доводилось возглавлять (Аксенова А. И. Суздаль. XX век. Страницы истории. С. 86 ; Маркова О. И. Указ. соч. С. 95). Тот факт, что преследованиям подвергались представители карательных органов, «верой и правдой» служившие тоталитарному режиму, наглядно демонстрирует стремление правящих кругов к тому, чтобы создать в стране атмосферу страха и за счет этого подчинить общество всеобъемлющему контролю со стороны государства.

В июне 1939 г. согласно приказу наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии СТОН была закрыта. Заключенных, находившихся там, распределили по исправительно-трудовым лагерям. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других «особых» тюрьмах, откуда политзаключенных вывозили для дальнейшего отбывания наказания в лагеря и «растворяли» в общей массе «врагов народа» (Горбунова Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы. С. 69 ; Звенья. С. 240 ; Маркова О. И. Указ. соч. С. 97). На территории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря вскоре тоже появился лагерь, но содержались там не заключенные, а военнослужащие чехословацкой армии, интернированные в СССР после начала Второй мировой войны (Маркова О. И. Указ. соч. С. 97).

Подведем итоги. Суздальский политизолятор (впоследствии тюрьма особого назначения НКВД) действовал в период с 1923 по 1939 г. и представлял собой одно из пяти функционировавших в стране мест лишения свободы, предназначенных для политзаключенных. Их контингент складывался из двух основных категорий. В одну входили члены оппозиционных социалистических партий, а в другую – коммунисты, выступавшие против монополии И. В. Сталина и его окружения на власть. В большинстве своем это были люди, прошедшие через царские застенки и располагавшие навыками организованной арестантской борьбы с тюремной администрацией. Вот почему, вторично став политзаключенными, они сумели использовать имевшийся у них опыт для того, чтобы отстоять определенный комплекс прав, которых не было у остальных заключенных, отбывавших наказания по статьям за государственные преступления. К такого рода преимуществам относились, в частности, освобождение от обязатель-

ного труда, выборное самоуправление, неограниченный доступ к литературе, включая периодические издания, право на беспрепятственное общение между собой, улучшенное питание. Льготный режим содержания в политизоляторах послужил в дальнейшем поводом к тому, чтобы направлять в эти учреждения осужденных из числа научных сотрудников, которым требовалось создать условия для продолжения профессиональной деятельности.

Состав заключенных Суздальского политизолятора и условия их содержания в целом соответствовали представленной выше общей характеристике. Вместе с тем следует оговориться, что поскольку нормативной регламентации политического режима не существовало, то в каждом изоляторе объем закрепленных за заключенными прав имел те или иные особенности. Так, в Суздале отсутствовал институт выборных старост, ограничивались возможности для общения между заключенными.

Ликвидация политического режима произошла во второй половине 1930-х гг. и обуславливалась формированием тоталитарной политической системы, в рамках которой уже не могло быть места никаким проявлениям инакомыслия. Значительная часть политзаключенных оказалась уничтожена физически, а остальных переправили в лагеря, где их ждала общая для всех участь рабов. Как образно выразился заключенный Суздальского политизолятора Н. Д. Кондратьев, «тяжелая колесница истории проехала по нашему поколению» (Цит. по: Письма из политизолятора // Вечерний звон. 1992. № 14. С. 6).

Библиографический список

1. Горбунова, Н. И. Политические заключенные Суздальской тюрьмы / Н. И. Горбунова // Материалы исслед. Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника. – Владимир, 2002. – Сб. 8. – С. 62–70.
2. Горбунова, Н. И. Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии – узники Суздальской тюрьмы / Н. И. Горбунова // Материалы исслед. Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника. – Владимир, 2001. – Сб. 7. – С. 58–67.
3. Маркова, О. И. Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря / О. И. Маркова // Материалы исслед. Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архитектур. и худож. музея-заповедника. – Владимир, 1999. – Сб. 5. – С. 91–97.

А. Е. Шарапов,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

**СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ
И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XX в.**

Ключевые слова:

несовершеннолетний, правонарушители,
производственное обучение, социальная адаптация,
социалистическое строительство

В 1928 г. в Надеждинской исправительно-трудовой колонии, занимавшейся лесозаготовками, был проведен эксперимент, в результате которого колония стала приносить значительную прибыль, поступившую в Главное управление мест заключения НКВД РСФСР.

Кроме того, заложенные в эксперименте новые условия содержания заключенных позволили решить проблему отделения несовершеннолетних правонарушителей от взрослых преступников.

Вместе с тем существовавшая в тот период система мест лишения свободы для несовершеннолетних преступников не решала главного – их адаптации в обществе после освобождения. Имевшееся в трудовых колониях кустарное производство хотя и позволяло несовершеннолетним приобрести определенную квалификацию, но в условиях индустриализации страны она не была востребована, так как не отвечала складывающейся экономической ситуации.

Ликвидация безработицы в стране и растущий спрос на квалифицированную рабочую силу, с одной стороны, и перевод исправительно-трудовых учреждений на самокупаемость, с другой, позволили по-новому поставить вопрос о перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей. Предполагалось решить проблему за счет реорганизации бывших труддомов в особого типа школы фабрично-заводского ученичества (далее: ФЗУ), которые должны были осуществлять подготовку квалифицированных сознательных рабочих, активно участвующих в социалистическом строительстве (Исправительно-трудовые орга-

ны на новом этапе // Сов. юстиция. 1932. № 3. С. 16).

Предыдущий опыт работы с несовершеннолетними показал, что им наиболее интересна деятельность, требующая высокой квалификации. В связи с этим было принято решение начать подготовку квалифицированной рабочей силы для металлургической промышленности. Первый договор был заключен в 1931 г. с Инструментальстроем, а впоследствии – с заводами «Калибр» и «Фрезер». По договору исправительные учреждения для несовершеннолетних взяли на себя обязательство через два года подготовить 1500 инструментальщиков. Данный договор и ряд последующих с «Кузбасстроем», «Челябинскстроем», «Приборстроем» и другими заводами, а также прикрепление школ ФЗУ к заводам-гигантам («Сельмашу» и «Ижорскому») на условиях шефства позволили перейти на совершенно новые формы трудового воспитания несовершеннолетних и охватить производственным обучением и воспитательной работой более пяти тысяч воспитанников (Тезисы к докладу тов. Апетера на 5-м совещании руководящих работников органов юстиции краев и областей РСФСР // Сов. юстиция. 1931. № 18. С. 23–26). Уже в начале 1932 г. из этих школ было выпущено 500 молодых рабочих для промышленных предприятий, сельского хозяйства, транспорта, строительных организаций и т. д. Бывшие правонарушители сразу попадали в здоровую среду заводских рабочих (Работа школ ФЗУ для несовершеннолетних правонарушителей // Там же. 1931. № 22. С. 23).

В этот же период была открыта Введено-Островская школа ФЗУ по металлообработке для девушек в возрасте до 18 лет, а в Средне-Волжском крае – сельскохозяйственная школа для подростков из крестьянской среды, имеющих навыки работы в сельском хозяйстве, и подростков с ослабленным здоровьем, которые не могли использоваться для работы на промышленных предприятиях (Приказ НКЮ РСФСР от 5 ноября 1933 г. № 493 // Там же. 1933. № 21. С. 9).

Следует отметить, что помещение в школу ФЗУ подростка-правонарушителя не преследовало цели наказания или изоляции

от общества. Для него это давало возможность быстрее найти свое место в жизни путем приобщения к производительному труду на социалистическом предприятии.

Принятая в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ система управления массами заключенных была воспринята в школах ФЗУ, где воспитанники также распределялись на батальоны, роты и взводы и управление осуществлялось командирами из числа самих несовершеннолетних. Воспитание и трудовое обучение в таких школах основывались на самоуправлении и активном участии подростков в этих процессах. В результате в школах ФЗУ в короткий срок удалось создать такую дисциплину, при которой надзор становился излишним, а внутренняя и наружная охрана были заменены самоохраной из числа воспитанников. Все это во многом повлияло на снижение числа побегов из воспитательных учреждений.

Распорядок дня школы строился с таким расчетом, чтобы ни одной минуты подросток не бездельничал и не был предоставлен самому себе, кроме времени, отведенного для отдыха, сна и приема пищи. Это помогало несовершеннолетним правонарушителям быстрее изживать вредные привычки. В течение дня воспитанники были 4 часа заняты учебой на производстве, 4 часа – в школе и 3 часа могли уделять общественной работе по интересам: в клубе, кружках, библиотеке и т. д.

Учебный процесс основывался на принципах соцсоревнования и ударничества. За успехи в труде, учебе и при хорошем поведении воспитанникам предоставляли отпуски к родителям, свободный выход в город, участие в коллективных экскурсиях в музеи, театры и т. д.

В начале 1933 г. ЦИК и СНК СССР рассмотрели вопрос о школах ФЗУ и приняли постановление, в соответствии с которым данные учебные заведения преобразовывались в профессиональные школы квалифицированных рабочих массовых специальностей с коротким сроком обучения. В связи с этим отменялась практика перехода окончивших школы ФЗУ в техникумы и вузы, теперь они обязывались проработать на производстве не менее трех лет по своей специальности (Сов. юстиция. 1931. № 3. С. 17).

На заводах для таких подростков создавалась благоприятная обстановка, в частности, им предоставлялась жилая площадь, оказывалась помощь со стороны комсомольских организаций в решении других вопросов. При таком подходе подростки, как правило, оставались на заводе и принимали активное участие в общественной работе. Они быстро повышали свою квалификацию и при этом часто проявляли незаурядные способности.

В 1933 г. ряд школ (Саратовская, Серпуховская, Московская, Ленинградская и др.) за умелую и действительно ударную работу по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей были премированы на втором Всесоюзном соцсоревновании школ ФЗУ. Это вызвало большой подъем среди воспитанников и в последующем явилось для них важным стимулом к овладению передовыми методами работы, что в целом способствовало улучшению показателей как в производственном обучении, так и перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей (Исправительно-трудовые органы на новом этапе. С. 10–18).

Вместе с тем необходимо отметить, что в работе школ ФЗУ были и весьма существенные недостатки, затруднявшие производственное обучение и перевоспитание подростков. Так, нередко в них не хватало необходимого оборудования, инструментов. Школьные помещения были мало пригодны для проведения занятий и прохождения производственной практики. Материально-бытовые условия для воспитанников также требовали существенного улучшения. Серьезным упущением являлось и то, что за дальнейшей судьбой воспитанников после выпуска из школ не устанавливался контроль, вследствие чего некоторые из них вновь становились на преступный путь.

Несмотря на это, предпринятые меры по развитию системы школ ФЗУ объективно способствовали выполнению поставленной задачи по ликвидации беспризорности и безнадзорности, подростковой преступности. В ее решении активное участие принимали общественные организации под руководством советских и партийных органов.

Однако в связи с передачей в 1934 г. мест заключения в ведение НКВД союзных республик возникла необходимость пере-

смотреть не только работу исправительных учреждений для несовершеннолетних, но и правовую основу исполнения уголовных наказаний (Собр. законодательства СССР. 1934. № 56, ст. 421).

Важнейшую роль в этом сыграли постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» (Там же. 1935. № 19, ст. 155) и «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», которые представляли собой значимые акты по борьбе с преступностью детей и молодежи в Советском государстве (Там же. № 32, ст. 252). При их подготовке, несомненно, учитывался нако-

пленный в первой половине 1930-х гг. опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних, организации их перевоспитания в процессе учебного и производственного труда в учреждениях нового типа – ФЗУ.

Библиографический список

1. Исправительно-трудовые органы на новом этапе // Сов. юстиция. – 1931. – № 3.
2. Работа школ ФЗУ для несовершеннолетних правонарушителей // Сов. юстиция. – 1931. – № 22.
3. Народное образование в СССР. 1917–1967 // под ред. М. А. Прокофьева [и др.]. – М., 1967.

В. В. Богатырев,
*заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук, доцент
Е. А. Волкова,
курсант 4-го курса ВЮИ ФСИН России

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ

Ключевые слова:
интеграция, регионализация, глобализация,
международные региональные организации

В XXI в. человечество вступило в новую фазу развития международных отношений, которая характеризуется расширением и углублением международного экономического, политического и культурного сотрудничества, интенсификацией процессов интернационализации и глобализации. Мировое сообщество стремится к более тесной интеграции, большей предсказуемости, укреплению механизмов организации и управления развитием.

Главным уровнем современной интеграции является уровень регионов. Внимание ученых в основном приковано к европейской, североамериканской и азиатской интеграции, в то время как по африканскому континенту и африканской интеграции исследования практически отсутствуют. Вместе с тем, на наш взгляд, процессы, происходящие в Африке, требуют пристального внимания и научного осмысления.

Прежде чем перейти к рассмотрению интеграции в Африке, необходимо дать определение понятию «интеграция» и выяснить необходимые условия, при которых она возможна.

Итак, термин «интеграция» происходит от латинских слов *integration*, что переводится как восстановление, восполнение, или *integer* – целый. В Большом энциклопедическом словаре данный термин трактуется как состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию (Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 452).

Исходя из вышеназванных смысловых значений термина «интеграция», мы можем определить интеграцию в Африке как процесс движения отдельных частей, составляющих социальную систему континента, к связанности, единому целому.

Процесс интеграции, как утверждает профессор социологии и экономики Бамбергского университета Рихард Мюнх, возможен при наличии трех взаимосвязанных условий:

- континентальной солидарности, предполагающей чувство общности, которое возникает при отграничении от внешнего мира и внутренней гомогенизации: за счет политической централизации; административной централизации; правового единообразия; территориального организованного разделения труда; массового образования и массовой коммуникации;

- экономического роста, позволяющего постоянно увеличивающейся части населения во все большей мере пользоваться экономическим благосостоянием;

- дееспособности государств, которым удастся гарантировать широким слоям населения достаточно высокий жизненный уровень независимо от индивидуального успеха на рынке (Мюнх Р. Социальная интеграция в открытых пространствах // Философия науки. 2004. № 2. С. 30).

Следует отметить, что условия интеграции в рамках Европейского континента в целом соответствуют вышеперечисленным требованиям. В то время как для интеграции на Африканском континенте, на наш взгляд, данные условия еще не сформировались.

Как мы выяснили, одной из важных составляющих интеграции является экономический рост. Что касается Африканского континента, то его экономическая составляющая находится в очень отсталом по сравнению с Европейским континентом состоянии. Это объясняется колонизацией Африки с 1880 г. по 1960 г. (Амин С. Африка: жизнь на грани. URL: http://scepsis.ru/library/id_486.html) и ее разграблением европейскими народами, которые таким образом накапливали свои пер-

воначальные капиталы. Колонизация в Африке осуществлялась в трех моделях: (1) через торговую экономику, включившую мелкое крестьянство в мировой рынок тропических продуктов и подчинившую его власти рынка, контролируемого олигополией, позволяющей свести плату за крестьянский труд к минимуму и приводящей к расходованию земли; (2) через дешевый труд путем насильственной миграции из других резерваций, ведущих традиционный сельскохозяйственный образ жизни; (3) через экономику прямого грабежа, осуществляемого компаниями-концессионерами, взимающими налоги с товаров, завозимых извне, там, где местные социальные условия не позволяли организовать «торговлю» полезными ископаемыми или их эксплуатацию и создать резервации, из которых поставлялись избыточные рабочие руки, необходимые для их осуществления (Там же).

Каждая из указанных форм применялась в тех районах Африканского континента, где их использование давало оптимальную прибыль, и способствовала не только подрыву экономической составляющей региона, но и отбрасывала ее далеко назад в развитии, а также обеспечивала формирование разнородности экономического развития будущих государств, образовавшихся затем на этих территориях.

Колониализм оказал серьезное влияние и на политико-территориальное разграничение африканских стран, формирование следующего условия интеграции – образование дееспособных государств. На территории Африки расположены 53 государства, 4 непризнанных государства и 5 зависимых территорий (островных). Современные государственные границы были созданы по сферам влияния колониальных стран, таких как Франция, Англия, Германия, Голландия и т. д. При этом делении не учитывались ни этнические, ни экономические, ни политические, ни религиозные особенности.

В результате политическая и экономическая элита африканских стран оказалась довольно значительно оторванной от своих народов. Вместе с тем следует учитывать, что одной из особенностей осуществления политической власти в Африке является своеобразный культ государства, почетность всякой близости к нему и причастность, что состав-

ляет одну из самых старинных восточных традиций. При этом в политической жизни Африки преобладает авторитарно-бюрократический тип государственной власти, основанный на доминирующем положении в системе государства институтов исполнительной власти и отождествлении ее с личной властью правителей. Африканская разновидность бюрократического государства покоится на административном централизме и патримониализме, который означает субъективно-личностные отношения (Севортьян Р. Э. Государство и власть в современном мире. Теория. Политика. Реальность. М., 1977. С. 173).

Как пишет российский африканист Н. Д. Косухин, политическая власть в африканских странах представляет собой сложную систему общественных отношений. Механизмы власти, методы ее осуществления характеризуются сочетанием строгого и нового, привнесением в новую систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридность, этничность, что приводит к ее неустойчивости и противоречивости. С одной стороны, это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия демократических традиций, экономической слабости и зависимости. С другой стороны, это результат незавершенного постколониального политического развития, модернизации экономических и социальных структур (Косухин Н. Д. Политическая власть и политический процесс в Африке // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2001. № 3. С. 84).

Однако первые шаги к созданию дееспособных национальных государств уже сделаны. В частности, после достижения независимости в большинстве африканских стран к 1960 г. начинается процесс формирования новых политических систем, соответствующих международным стандартам и способствующих унификации государственных структур в Африке. Данный процесс осуществлялся в основном в двух направлениях. Первое заключалось в формально-правовом аспекте – принятии конституции, формировании административных и правовых институтов местных органов власти. Второе направление выразилось в создании конституционно-правовой

модели, воспроизводящей ряд существенных элементов механизма власти в бывших монополиях, а также США и СССР. Это была попытка перенести на африканскую почву западные политические институты и партии, которые не соответствовали ни социально-экономическим и политическим условиям, ни особенностям африканской политической культуры.

Проведенные реформы не дали ожидаемых результатов, при этом политическая динамика в условиях бюрократизации и обогащения политических элит, с одной стороны, и поголовной безграмотности и крайней бедности основной массы населения в ряде случаев обнаруживает движение не от авторитарной системы к демократической, а прямо противоположную тенденцию. В настоящее время утверждение идеологии демократии в Африке явно преждевременно и, наверно, даже вредно, но сам факт осознания и стремления африканских лидеров к интеграции на базе общемировых ценностей отражает здоровую внутривнутриполитическую тенденцию к сближению различных социально-политических групп континента и сотрудничеству между собой.

Следующей составляющей интеграции является создание континентальной солидарности на всем Африканском континенте. Однако существует ряд проблем, не позволяющих реализовать идею панафриканизма. Прежде всего, это связано с довольно большой территорией континента, составляющей 30 065 000 км², или 20,3 % площади суши, а с островами – около 30,2 млн км², покрывая, таким образом, 6 % общей площади поверхности Земли и 20,4 % поверхности суши, и значительным количеством населения, которое к началу 2007 г. составляло 924 млн человек, или 14,2 % населения планеты (URL: <http://zarnews.ru/4823.html>). Сами эти факты напрямую не оказывают сильного негативного влияния на процесс интеграции, но если на континенте сосуществуют более 3000 народностей, говорящих на примерно 1500 языках (Большой атлас мира. Глобус. Африка и Австралия : [пер. с нем.]. М, 2006. С. 35), то становится понятной сложность их объединения в одно целое.

Следующим фактором, влияющим на создание континентальной солидарности,

является количество религий, исповедуемых на Африканском континенте. Если в Европе главенствовала одна религия, хоть и имевшая деление на подвиды, – христианство, которая способствовала консолидации населения континента, то сегодня в Африке культивируются как мировые религии: христианство, ислам, иудаизм, – так и традиционные политеистические религии. При этом количество последних довольно велико и разнообразно и их можно разделить на три группы: анимистические, полидемонические, политеистические (URL: http://www.apxu.ru/article/kako/africa/mifologia_vera_i_ih_vlianie_na_ickucstvo.htm). Понятно, что такая ситуация никак не способствует процессу интеграции. Однако все названные религии, существующие в Африке, синкретичны. Синтез культур и религиозный синкретизм в Африке происходит в беспрецедентно широких масштабах и самых разнообразных формах, бурно и стремительно. Многочисленные формы и типы религиозного синкретизма образуют несколько духовных комплексов: синкретизм ислама с традиционными религиями банту Восточной Африки; синкретизм западного христианства с традиционными религиями Восточной, Центральной и Западной Африки: заимствованные у арабов и синкретизированные на африканской почве комплексы астрологии и геомантики (у йоруба Нигерии, малагасийцев Мадагаскара) и т. д. Таким образом, с одной стороны, количество религий сдерживает интеграцию, а с другой, их синкретизация создает для этого предпосылки.

Перечислив только некоторые существующие проблемы, препятствующие созданию континентальной солидарности, мы можем сделать вывод о необычайной сложности интеграционных процессов в Африке. Вместе с тем общемировые тенденции вынуждают африканскую элиту начать процесс интернационализации политической и экономической жизни континента. Следует отметить, что представители элиты африканских стран активно использовали опыт других регионов, интеграция в которых, как правило, осуществлялась через создание региональных организаций, как универсальных, так и специальных. В частности, в 1963 г. на Африкан-

ском континенте была создана первая универсальная региональная организация – Организация африканского единства (ОАЕ). Поскольку интеграцию лидеры государств континента начали в основном с политической сферы, в качестве главной цели в Уставе ОАЕ была определена борьба за ликвидацию режима апартеида в Южной Африке и всех форм расовой дискриминации на всем Африканском континенте. При этом очень важный факт, что с момента создания ОАЕ основным принципом данной организации был заявлен принцип африканской солидарности.

Антиколониальная борьба велась ОАЕ по трем основным направлениям: оказание моральной и материальной помощи национально-освободительным движениям в колониях; осуществление своими силами и через ООН политического и экономического давления на колониальные и расистские режимы; оказание давления на политику их союзников – США, Великобританию, Францию, ФРГ.

Несомненно, что объединение усилий всех африканских стран в рамках ОАЕ как в военной, так и в дипломатической сферах послужило причиной полного краха колониализма и апартеида на континенте в начале 90-х гг. XX столетия.

Лидером интеграционного процесса на Африканском континенте была и остается Федеративная Республика Нигерия. Руководство этой страны принимало активное участие в создании ОАЕ и продолжает участвовать в ее работе. Политическая элита Нигерии осуществляла различного рода посреднические миссии на Африканском континенте (например, в Судане, Либерии, Сьерра-Леоне, Сомали, Эфиопии, Мозамбике и др.), основывая свою деятельность на принципах равенства и коллективизма, постоянно предлагала столицу страны Абуджу в качестве места переговоров между противоборствующими сторонами во внутриафриканских конфликтах. Значительную роль Нигерия сыграла в разработке механизма предотвращения и разрешения вооруженных конфликтов в рамках ОАЕ – она не только обеспечивала их финансово, но и предоставляла для миротворческих операций свои вооруженные силы. В этом отношении показательна роль Ни-

герии в событиях, произошедших в Либерии в 1989–1997 гг. И сегодня Нигерия традиционно продолжает играть важнейшую политическую, экономическую и военную роль в Африке.

XXI век поставил как перед всем мировым сообществом, так и перед Африканским регионом ряд новых целей и задач. Процесс глобализации экономики стал требовать более тесной интеграции в этой сфере, а значит, возникла необходимость поиска новых институциональных решений. При этом ОАЕ, выполнив поставленную перед ней задачу, уже не могла отвечать мировым запросам. В связи с чем лидерами государств Африки было принято решение создать новую региональную организацию на Африканском континенте – Африканский Союз (African Union, AU) (далее: АС).

Формирование данной организации прошло несколько этапов. Первым этапом стало принятие на чрезвычайной встрече на высшем уровне ОАЕ в сентябре 1999 г. в г. Сирте (Ливия) решения о создании этой организации. Следующим этапом – одобрение Учредительного акта АС главами государств континента на саммите ОАЕ в июле 2000 г. в г. Ломе (Того), тогда же было официально объявлено о создании АС. Третий этап прошел на 37-й сессии Ассамблеи ОАЕ в столице Замбии г. Лусаке (июль 2001 г.), где был утвержден пакет документов, определяющих структуру и правовую базу новой организации. К этому моменту Учредительный акт был ратифицирован уже 51 африканской страной. Он заменил Устав ОАЕ, который, тем не менее, продолжал действовать еще год в течение переходного периода от ОАЕ к АС.

Первый саммит АС состоялся 9–10 июля 2002 г. в г. Дурбане (ЮАР). Председателем АС был избран президент ЮАР Табо Мбеки. Оперативной экономической программой вновь созданной всеафриканской организации была названа программа НЕПАД («Новое партнерство для развития Африки» – New Partnership for Africa's Development), которая представляла собой масштабную программу стратегии развития Африки. В этой программе, во-первых, определялось место Африканского континента в современном мире, во-вторых, содержался конкретный комплекс мер в сфере

экономики африканских государств, и, в-третьих, выражалась надежда на партнерство глобального уровня в процессе реализации поставленных целей и задач. В 2003 г. членами АС были все государства континента, кроме Королевства Марокко, которое прекратило свое участие в работе ОАЕ после принятия в ее члены Сахарской Арабской Демократической Республики. Штаб-квартира АС расположена в г. Аддис-Абебе (Эфиопия) (URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/109/1010966/1010966a1.htm>).

Преимуществом новой организации, подчеркнутая в Учредительном акте АС, выражается в готовности глав государств и правительств стран-членов содействовать единству, солидарности, сплоченности и сотрудничеству между народами и государствами Африки. Основными задачами АС провозглашены ведение диалога с мировым сообществом с единых позиций (в том числе принятие решений, которые будут способны отвечать на вызовы экономической глобализации), защита суверенитета, территориальной целостности государств-членов, содействие поддержанию мира, безопасности и стабильности на континенте, эффективное разрешение региональных конфликтов.

Основное отличие АС от ОАЕ состоит в том, что главным приоритетом деятельности новой организации провозглашается экономическая интеграция, а не политическая антиколониальная борьба. Формирование глобальной экономической системы поставило вопрос о месте Африки в ней. Очевидно, что интегрироваться с этой системой она сможет только тогда, когда будет создана региональная экономическая система, необходимыми составляющими которой являются региональный общий рынок, единая валюта, а также ликвидация барьеров движения капиталов и рабочей силы. Принятое АС решение оказывать содействие развитию интеграционных процессов, опираясь на уже действующие политико-административные объединения юга и севера континента, Западной и Восточной Африки, свидетельствует о понимании главами государств проблем, с которыми придется столкнуться на длинном и нелегком пути, и готовности к их преодолению.

Одним из основополагающих принципов деятельности АС провозглашено уважение

государственных границ государств – членов организации, существовавших на момент получения ими независимости. Это представляет особую актуальность для стран Африканского континента, так как опасность возможного разжигания местными элитами и ТНК территориальных споров, межэтнических конфликтов, сепаратистских настроений и организации государственных переворотов с целью контроля над залежами полезных ископаемых (особенно в приграничных районах) остается вполне реальной. Военные перевороты в Гамбии, Заире, Кот-д'Ивуаре, Нигере, Руанде, Сьерра-Леоне и других странах, оказавшие влияние на соседние государства, – яркое тому подтверждение.

Кроме того, в Учредительном акте АС акцентируется внимание на взаимозависимости государств-членов. Предусматривается также право АС на основании решения Ассамблеи глав государств и правительств (принятом 2/3 голосов) на прямые (в том числе вооруженное) вмешательство во внутренние дела государства-члена в случае возникновения на его территории геноцида, военных преступлений и преступлений против человечества. Принципиально новым является положение, согласно которому к участию в работе АС не допускаются представители правительств, пришедших к власти неконституционным путем. В Учредительном акте определен также комплекс мер по обеспечению выполнения решений Ассамблеи АС, в том числе введение политико-экономических санкций (лишение права голоса на Ассамблее, прекращение транспортных и телекоммуникационных связей с государством-«слушником» и др.), применение которых будет содействовать воплощению в жизнь коллективных решений. Выполнение новых положений, безусловно, должно способствовать повышению политической ответственности африканских лидеров.

АС призван заменить не только ОАЕ, но и Африканское экономическое сообщество (далее: АЭС), которое должно было противостоять негативным аспектам глобализации путем содействия социально-экономическому развитию Африки. Определение принципов, целей и стратегии развития АЭС длилось с 1976 по 1989 г. Процесс

достижения экономической интеграции в рамках АЭС был рассчитан на 34 года и предусматривал шесть этапов. Сама организация была создана в 1991 г., но ее деятельность не принесла существенных практических результатов, что и вынудило лидеров африканских стран ее заменить.

За время существования АС было проведено 12 саммитов. Последний проходил с 1 по 4 февраля 2009 г. и вновь показал, что противоречия между государствами – участниками АС до настоящего времени так и не были преодолены. Главными темами 12-го саммита АС стали модернизация инфраструктуры в африканских странах и последствия мирового экономического кризиса. Также была затронута тема решения вооруженных конфликтов, препятствующих развитию континента и уносящих жизни людей, в частности, ситуация в Сомали, суданской провинции Дарфур, разногласия в Конго и политическая ситуация в Мавритании.

Кроме того, лидеры африканских государств рассмотрели предложения ливийского лидера Муамара Каддафи о создании Соединенных Штатов Африки вместо АС и формировании континентального правительства с широкими полномочиями. Данное предложение не нашло поддержки у тройки наиболее влиятельных государств континента – ЮАР, Нигерии и Кении, которые не захотели расставаться с частью своего суверенитета в пользу единого правительства континента. В результате на саммите было решено лишь немного расширить полномочия Комиссии АС, превратив ее в некую «администрацию», но только после очередного саммита в июле.

Анализируя итоги прошедшего саммита, председатель Комитета по международным

делам Совета Федерации Михаил Маргелов отмечает: «Африканская интеграция сегодня – это борьба между различными группами стран за влияние на континенте, за которыми стоят интересы не только африканских государств, но и США, Евросоюза, Китая и ряда других серьезных международных игроков, поэтому политическое и экономическое объединение континента, являющееся оптимальным выходом из множества кризисных ситуаций в Африке, пока представляется делом далекого будущего... и до решения всех стоящих перед Африканским союзом проблем еще очень далеко» (URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/02/06/616247.html>).

Таким образом, несмотря на определенные трудности, процесс интеграции на Африканском континенте уже идет. Руководители стран Африки, понимая важность и неизбежность интеграции, активно ее осуществляют на региональном уровне как в политической, так и экономической сферах через объединение усилий в рамках региональной универсальной организации – АС.

Библиографический список

1. *Амин, С.* Африка: жизнь на грани / С. Амин. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_486.html.
2. *Косухин, Н. Д.* Политическая власть и политический процесс в Африке / Н. Д. Косухин // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. – 2001. – № 3.
3. *Мюнх, Р.* Социальная интеграция в открытых пространствах / Р. Мюнх // Философия науки. – 2004. – № 2.
4. *Севортьян, Р. Э.* Государство и власть в современном мире. Теория. Политика. Реальность / Р. Э. Севортьян. – М., 1977.